

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ
И ФИГУРЫ ИНТЕРТЕКСТА
В ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ**

Коллективная монография

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2015

УДК 81'42
ББК 81-5
И73

Научные редакторы:
д-р филол. наук, проф. *Т.Н. Колокольцева*;
д-р филол. наук, проф. *В.П. Москвин*

Рецензенты:
д-р филол. наук, проф., директор Института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Н.В. Изотова;
д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка
и речевой коммуникации Национального исследовательского
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
М.А. Кормилицына

Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных
И73 типов [Электронный ресурс] : колл. монография / науч. ред. Т.Н. Коло-
кольцева, В.П. Москвин. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2015. —
352 с.

ISBN 978-5-9765-2050-9

Коллективная монография содержит результаты многоаспектного исследования категории интертекстуальности и фигур интертекста, участвующих в ее реализации. Большое внимание уделяется общетеоретической характеристике данной категории и анализу особенностей ее функционирования в различных типах дискурса: художественном, публицистическом, научном, эпистолярном и др., а также в интернет-коммуникации. Рассматриваются взаимоотношения категории интертекстуальности со смежными категориями: гипертекстуальностью и прецедентностью.

Для специалистов в области стилистики, речеведения и теории дискурса, для всех, кто интересуется современными теориями интертекстуальности.

УДК 81'42
ББК 81-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин</i>)	5
Раздел 1. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ. ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ. ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ	
Глава 1. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат (<i>В.П. Москвин</i>)	16
Глава 2. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт (<i>С.Г. Воркачев</i>)	52
Глава 3. Интертекстуальность и гипертекстуальность в интернет-коммуникации (<i>Т.Н. Колокольцева</i>)	71
Глава 4. Интертекстуальность и речевые жанры: вторичный текст как метафора реплики в диалоге и вторичный речевой жанр как метафора (<i>В.В. Дементьев</i>)	96
Глава 5. Интертекстуальность и когнитивная теория текста (<i>Л.А. Шестак</i>)	125
Раздел 2. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И СМЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ: СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ	
Глава 1. Интертекстуальность в научном дискурсе (<i>С.В. Ракитина</i>)	148
Глава 2. Интертекстуальность в гастрономическом дискурсе (<i>А.В. Олянич</i>)	175
Глава 3. Интертекстуальность и фигуры интертекста в публицистическом дискурсе (<i>Г.В. Бобровская</i>)	203
Глава 4. Интертекстуальность в рекламном дискурсе (<i>З.К. Беданоква</i>)	221
Глава 5. Интертекстуальность как инструмент лингвистического маркетинга (на материале переводов названий текстов массовой культуры) (<i>Г.Г. Слышкин и Н.В. Бочарникова</i>)	238
Глава 6. Прецедентность религиозного дискурса (<i>Е.В. Бобырева, В.И. Карасик</i>)	255

Глава 7. Интертекстуальность в художественном дискурсе (<i>Е.В. Каунова, М.В. Шишкина</i>)	280
Глава 8. Интертекстуальность в эпистолярном дискурсе (<i>Т.П. Акимова</i>)	305
Глава 9. Интертекстуально отмеченные апеллятивизированные единицы (<i>А.А. Кудрявцева</i>)	328
Сведения об авторах	346

Предисловие¹

Интертекстуальность относится к числу наиболее востребованных категорий в целом ряде парадигм современного гуманитарного знания; литература по данному вопросу уже давно приобрела практически необозримый характер. Тем не менее, споры относительно сущности данной категории, ее границ, а также специфики соотношения со смежными феноменами (такими, как гипертекстуальность, прецедентность, диалогичность) до сих пор не прекращаются. До настоящего времени остаются недостаточно изученными способы и приемы реализации категории интертекстуальности и взаимодействующих с ней категорий в различных сферах функционирования языка.

Авторы настоящей коллективной монографии исходили из того, что:

1) любое средство реализации той или иной категории, любой прием, а значит, любой класс гомогенных приемов имеет ряд функций и обладает определенной сферой действия в национальном языке, при этом каждый прием в рамках данного класса функционально уникален;

2) класс фигур нельзя считать удовлетворительно изученным до тех пор, пока не определены функциональные особенности и дискурсивная сфера действия данного класса; соответственно, любой стиль, любой дискурс нельзя считать удовлетворительно описанным до тех пор, пока не выявлен класс системообразующих выразительных средств и приемов, обслуживающих данный стиль или данный дискурс.

Монография состоит из двух разделов. Первый из них содержит ряд исследований, направленных на уточнение содержания

---

¹ Предисловие подготовлено в рамках проекта 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (грант РГНФ).

категорий интертекстуальности, гипертекстуальности и прецедентности.

В главе «Теория интертекстуальности: категориальный аппарат» (В.П. Москвин) обоснована необходимость рассмотрения понятия интертекстуальности как сложного целого, получающего реализацию в ряде субкатегориальных типов и подтипов. Как показало исследование, данная категория представляет собой типологическую модель, составляющие которой противопоставлены по ряду параметров таксономического подразделения. По цели адресанта указанная категория подразделяется на три интенциональных типа: 1) риторическая (функционально релевантная) интертекстуальность, преследующая эстетические, эристические или иные цели; 2) спонтанная (функционально иррелевантная) интертекстуальность, не поддерживаемая специальными приемами и средствами и возникающая между оригиналом и: а) переводом; б) версифицированным либо прозаизированным вариантом; в) новой редакцией текста; г) адаптацией; д) аннотацией; е) сокращенным вариантом; 3) криптофорная интертекстуальность, имеющая место в случае плагиата. Риторическая интертекстуальность возникает в результате использования фигур интертекста, к числу которых относятся цитирование, текстовая аппликация, текстовая аллюзия, парафраз (в частности, травестирирование), а также имитация (*imitatio*, *μίμησις*), в частности пародия и подражание. Фигуры данного класса являются мощным источником пополнения номинативно-выразительных средств языка. По структуре межтекстовых ассоциаций, т.е. отношений между исходным и интертекстуально обогащенным текстом, следует противопоставить два вида интертекстуальности: а) парциальный тип, построенный по формуле «донор → реципиент»; б) миметический тип, подчиненный формуле «производящий текст → производный текст». Тип (а) возникает при использовании цитирования, текстовой аппликации и текстовой аллюзии, тип (б) — на основе травестирирования и имитации.

Автор главы «Интертекст, прецедентность и лингвокультурный концепт» (С.Г. Воркачев) приходит к выводу о том, что интертекстуальность представляет собой один из способов трансляции кода культуры, что делает неизбежным взаимодействие исследований

интертекстуальности и прецедентности с лингвокультурологией. Отличительной чертой лингвокультурного концепта является обладание «именем», совпадающим с доминантой соответствующего синонимического ряда. Это имя может быть прецедентным: индивидуальным именем, связанным с широко известным текстом или широко известной ситуацией. Прецедентные имена используются в речи в качестве культурных знаков — символов, отправляющих к «жизни и судьбе» вообще через истории и судьбы реальных или вымышленных личностей. Появление лингвокультурной концептологии как раздела лингвокультурологии связано с антропоцентрической переориентацией парадигмы гуманитарного знания, поэтому вполне закономерно, что изучение языка не могло обойтись без исследования языковой личности как предмета лингвоперсоналогии, а уже в русле последней сформировалось учение о лингвокультурном типаже, представляющем собой абстракцию среднего уровня, стоящую между гипостазированными качествами и отношениями и прототипами отдельных предметов. Как и любая абстракция, стоящая за языковым знаком, для лингвокультурного сообщества такие типажы существуют в виде недискретных образов, в которых «воплощаются» эти абстракции. Как и любой концепт, лингвокультурный типаж обладает не только основным, «первым», дискурсивным и нарицательным именем, совпадающим с доминантой соответствующего синонимического ряда, но еще и «вторым» именем, собственным и прецедентным, через которое конкретизируется эта абстракция. «Вторые имена», как правило, образуют синонимический ряд, имеющий свою доминанту, представленную именем собственным, обычно ассоциирующимся с соответствующим концептом. Другими признаками доминантности прецедентного имени выступают: 1) тенденция к включению в юмористический дискурс (как правило, в бытовых анекдотах); 2) тенденция к переходу в разряд имен нарицательных.

В главе «Интертекстуальность и гипертекстуальность в интернет-коммуникации» (Т.Н. Колокольцева) доказывается, что интернет-общение является наиболее специфичной сферой воплощения категории интертекстуальности. Благодаря уникальным возможностям современных компьютерных технологий в Интернете формируется глобальный интертекстуальный континуум

виртуального характера, резко увеличивается степень открытости текстов и обеспечивается их перманентное диалогическое взаимодействие, заметно видоизменяется роль фигур интертекста. Насущная необходимость передачи диалогических реакций на сообщения, размещенные в Глобальной сети, обуславливает невероятную популярность жанра *интернет-комментария*. Данный жанр, не имеющий жестко заданных текстовых параметров, целиком ориентирован на категории интертекстуальности и диалогичности, на выражение обратной связи между автором и читателем, на отражение точки зрения адресата речи. Важнейшей категорией интернет-коммуникации является *гипертекстуальность*. Автор отмечает принципиальные различия между спецификой гипертекста, рассматриваемого в рамках традиционной коммуникации и по отношению к массивам обычных текстов (на неэлектронных носителях) и гипертекста в сети Интернет (электронного гипертекста). В первом случае гипертекст выступает как некий конструкт с достаточно неопределенной и размытой семантикой, сущность которого может трактоваться исследователями в очень широких пределах. Во втором случае гипертекст представляет нелинейный ветвящийся текст, который благодаря системе гиперссылок позволяет выстраивать индивидуальную траекторию движения в Сети в зависимости от запросов интернет-пользователя. По мнению автора, глобализация интертекстуальных связей в Интернете, всеобъемлющая гипертекстуальность открывают новую эпоху в развитии феномена интертекстуальности.

В главе «Интертекстуальность и речевые жанры: вторичный текст как метафора реплики в диалоге и вторичный речевой жанр как метафора» (В.В. Дементьев) обоснована мысль о том, что глобальная проблема «речевой жанр и интертекстуальность» имеет ряд аспектов: 1) *семиотический* — речевой жанр и интертекстуальность как семиотические сущности, упорядочивающие передачу и интерпретацию информации; 2) *лингвистический* — речевой жанр и интертекстуальность как феномены вербальной природы, с одной стороны, основывающиеся на языковых единицах, с другой — сами транслирующие в систему языка (лексику, идиоматику, а отчасти и грамматику) новые единицы; 3) *эстетический*, поскольку все интертекстуальные феномены могут усиливать вы-

разительность речи, хотя в реальной речи это происходит не всегда; 4) *функционально-прагматический*. Основное внимание в главе уделяется последнему аспекту, т.е. осмыслению связи речевого жанра и интертекстуальности через понятие вторичного речевого жанра, который является наиболее явным выражением «метафоры связи реплик в диалоге», в аспекте взаимовлияния и заимствования текстовых структур.

Автор главы «Интертекстуальность и когнитивная теория текста» (Л.А. Шестак) доказывает, что в когнитивном отношении интертекстуальность представляет собой механизм экономии ментальных и номинативных усилий. Полисемант фиксирует в виде лексико-семантического варианта историю слов в истории общества: появление имени, его изменение, конструируемый же из названий текст сворачивается до имени. Условием свертки текста в имя является его прецедентность, текст сворачивается до имени базового концепта, до слота, до части фрейма, интертекстуальность есть механизм деривации текста. Введение в текст фрейма прецедентного текста является голограммой, позволяющей читателю видеть ситуацию глазами разных времен и народов, учитывать весь исторический опыт. Интертекстуальность — это и механизм межпоколенной трансляции знания, цивилизационные смыслы протекших веков транслируются не только в виде имен вещей и понятий, но и в виде образов великих творений прошлого.

Второй раздел монографии содержит ряд исследований, посвященных описанию поведения фигур указанного класса в дискурсах разных типов.

В главе «Интертекстуальность в научном дискурсе» (С.В. Ракитина) обращается внимание на то, что научный текст включает в себя иные тексты, которые в совокупности фиксируют складывающуюся в сознании ученого научную концепцию, позволяют проследить процесс формирования доминирующих в его научном творчестве концептов, актуализируют индивидуальные смыслы, обеспечивают компрессию основной научной информации, характеризуют преемственность процесса познания, расширяют границы смыслового пространства текста. Интертекстуальность как смыслопорождающая категория научного текста выполняет в нем следующие функции: *регулятивную*, состоящую в способности

интертекста направлять познавательную деятельность адресата на понимание авторской концепции; *оппонирующую*, когда смысл, заложенный в интертексте, вызывает возражение ученого; *аргументирующую*, подчеркивающую глубину исследования вопроса как части системы; *апеллирующую*, строящуюся на обращении к достижениям ученых-предшественников для поддержки своих размышлений, а также *экспрессивную*, характеризующую направления культурно-семиотических воззрений автора. Прямое цитирование, фигуры интертекста (реминисценции, аппликации, коммемораты, аналепсис), различные виды ссылок и сносок дополняют основную информацию, способствуют расширению содержания ключевых научных концептов, дают наиболее полное представление об идиостиле автора научного текста.

Автор главы «Интертекстуальность в гастрономическом дискурсе» (А.В. Олянич) констатирует, что гастрономические тексты сегодня проникают в социокультурные контексты самых разных направлений посредством творчества сетевых «жителей», создающих свои интернет-дневники (блоги), посты в социальных сетях (таких, как «Фейсбук», «ВКонтакте», «Твиттер», «Одноклассники» и т.п.), снимающих видеоблоги и помещающих их в You-Tub'e, фотохранилищах «Instagram», мессенджерах «What'sUP» и т.д. Вся эта разношерстная публика — гурманы, помешанные на еде и креативности в ее приготовлении — сегодня именуется общим термином «фуди» (англ. *foodie*). Это люди, которые с удовольствием создают гастрономические произведения, транслируемые по гипертекстовой цепочке в другие интернет-сферы и тем самым становящиеся интертекстами. Креатив этих героев заключается в том, что их стараниями популяризируется мировая гастрономия, распространяющаяся цитатами и текстовыми фрагментами по коммуникативному тематическому пространству; ими создается общественное мнение о местах гастрономического общения и потребления, а также о еде, подаваемой в них; именно они создают рецепты кулинарных шедевров и раздают их по Сети, способствуя их становлению в статусе интертекстов. Сегодня именно эти агенты гастрономического дискурса кардинально меняют пищевую палитру современного общества потребления, которое с удовольствием «растаскивает» их творчество на цитаты. Автор высказывает уверенность в том, что

гастрономический интертекст все более приобретает черты движителя современной цивилизации.

В главе «Категория интертекстуальности и фигуры интертекста в публицистическом дискурсе» (Г.В. Бобровская) доказывается, что функциональная реализация фигур интертекста в современной российской публицистике характеризуется сопряженным принципом действия, обусловленным многообразием дискурсивных ролей интертекстуальности. Обращение к прецедентным текстам служит риторическому усилению публицистической речи, позволяет придать дополнительную экспрессию, вовлечь в языковую игру, вести поиск новых форм обыгрывания языковых ресурсов. Используемые в публицистике прецедентные феномены, отражающие одобряемые или не одобряемые обществом стереотипные ситуации, являются маркерами оценочности. Межтекстовые связи помогают передать позитивные или негативные чувства, испытываемые автором по отношению к предмету речи, позволяют автору дать оценку сообщаемому, вовлечь читателя в свои рассуждения. Обращение к категории интертекстуальности служит генерированию эмотивно-оценочных смыслов, обусловленных референтной основой публицистического текста. Детализация интенциональных условий обращения к категории интертекстуальности в публицистике позволяет выделить следующие характерные коммуникативные тактики, реализуемые с помощью фигур интертекста: информирование, комментирование, разъяснение, иллюстрирование, аргументирование, критика. Выявленные особенности когнитивно-элокутивной организации газетных материалов демонстрируют интертекстуальную активность современной российской публицистики как в плане продуцирования различных типов смысловой связи заимствующего и опорного текстов, так и в плане контекстуального взаимодействия с другими фигурами речи.

В главе «Интертекстуальность в рекламном дискурсе» (З.К. Беданоква) показано, что рекламная коммуникация, отличающаяся от всех видов речевой деятельности прагматической направленностью, регулярно прибегает к использованию механизмов образной трансформации, служащих для привлечения и удержания внимания адресата. В рекламе активно реализуются цитация, текстовая аллюзия, текстовая аппликация, аппликативные жанры: пастиш и про-

должение, парафраз и подражание, однако своеобразие рекламного текста основано на изменении референции: интертекстуальные связи не реализуются в полном объеме. В рекламе текст-реципиент, как правило, должен быть семантически однозначен, что изначально противоречит самой сути интертекстуальности, основанной на регулярной апелляции к пре-тексту.

Авторы главы «Интертекстуальность как инструмент лингвистического маркетинга (на материале переводов названий текстов массовой культуры)» (Г.Г. Слышкин и Н.В. Бочарникова) пришли к теоретически и практически значимому выводу о том, что характерная для рыночного мышления ориентация потребителей на знакомые бренды, усиленная выполняемой массовой литературой и массовым кинематографом функцией эскапизма, превращает интертекстуальность в эффективный инструмент лингвистического маркетинга, использование которого применительно к названию произведения позволяет существенно повысить привлекательность текста-товара для покупателя. Маркетинговыми атрибутами товара, конструируемыми при помощи данного инструмента, становятся жанровая принадлежность, серийная интегрированность и экспрессивно-игровая ассоциированность с коммерчески успешным прецедентным текстом. В процессе продвижения иноязычных текстов массовой культуры на российский рынок интертекстуальность их названий усиливается путем осуществления лингвистически недетерминированных переводческих трансформаций, направленных на формирование вышеуказанных маркетинговых атрибутов. Традиционное переводческое требование эквивалентности при этом отступает на второй план, в результате переводное название может в семантическом плане существенно отдаляться от оригинального или даже полностью утрачивать с ним связь. Повышение экспрессивно-игровой насыщенности названия текста-товара способствует усилению его привлекательности для потребителя, причем наиболее популярным способом создания экспрессивно-игровой маркированности названия является обеспечение ассоциированности продвигаемого произведения с уже завоевавшим рынок прецедентным текстом.

Авторы главы «Прецедентность религиозного дискурса» (Е.В. Бобырева, В.И. Карасик) отмечают, что прецедентность явля-

ется показателем ценностной значимости того или иного текстового фрагмента и, шире, того или иного дискурса в целом. Наличие значительного количества прецедентных феноменов у религиозного дискурса еще раз наглядно демонстрирует неизменную и вневременную значимость религиозных текстов, во все эпохи остающихся эталоном, своеобразным сводом норм и правил для верующего. Традиционно выделяемые прецедентные единицы (прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации) приобретают в религиозном дискурсе специфические черты. Выделение авторами еще одного класса таких единиц — класса прецедентных феноменов — обусловлено высокой значимостью ритуала в данном типе институционального общения. Прецедентные феномены, принадлежащие религиозной сфере, активно используются в современном юмористическом дискурсе; именно в таких случаях подобные религиозные феномены подвергаются карнавальному оценочному переосмыслению.

В главе «Интертекстуальность в художественном дискурсе» (Е.В. Каунова и М.В. Шишкина) доказано, что категория интертекста в современном художественном дискурсе имеет свою собственную, ярко выраженную специфику. Обращение к интертекстуальности в данной функциональной сфере связано с активной, обогащающей текст установкой автора текста на диалогичность, которая позволяет ему, не ограничиваясь рамками своего субъективного, индивидуального сознания, вводить в текст одновременно несколько иносистемных речевых субъектов, порой открытых для читателя (например, при различных типах цитирования), однако гораздо чаще «скрытых» за хитросплетениями фигур интертекста, например при использовании текстовой аппликации, текстовой аллюзии, парафраза, травестирования. В этом случае художественное произведение нередко приобретает очертания чрезвычайно сложной по своей организации полисубъектной («πολυπρόσωπον», по Лонгину), а следовательно, трудной для читательского восприятия системы, где неразрывность и преемственность имеют немалое значение для осмысления и восприятия текста в целом.

В главе «Интертекстуальность в эпистолярном дискурсе» (Т.П. Акимова) произведен полиаспектный анализ употребления фрагментов «чужой речи» в частных письмах классиков

русской литературы XIX—XX вв., что позволило выявить общие закономерности их использования в эпистолярном тексте: 1) источники (половицы, библейские тексты, классическая литература, песенное творчество), 2) фигуры интертекста (цитирование, аппликация, аллюзия, парафраз) и их стилистические (усиление выразительности и создание комического эффекта) и коммуникативно-прагматические функции (свидетельство и включение; последние характерны только для устной речи или эпистолярного текста). Установлено, что при цитировании и аппликации в частных письмах допустимы отступления от оригинала, а также неточности в ссылке на источник сообщения; определены тенденции изменений в использовании фрагментов чужой речи в письмах на протяжении двух веков: отсутствие в письмах XX в. прецедентных текстов на европейских языках и латыни и появление высказываний на украинском языке; появление во второй половине XX в. новых групп источников цитирования (таких, в частности, как анекдоты и фильмы); с конца XIX в. цитирование отдельных слов и фразеологизмов, в том числе стилистически маркированных, а также создание «речевого портрета» лица посредством фиксации на письме отклонений от произносительных норм.

Автор главы «*Интертекстуально* отмеченные апеллятивизированные единицы» (А.А. Кудрявцева) отмечает, что среди исследуемых онимов встречаются единицы, связанные и с русскими, и с зарубежными прецедентными текстами. Источниками подобных единиц послужили тексты русского фольклора, русской литературы XVIII—XX вв., античной литературы, зарубежной литературы Нового времени (преимущественно английской и французской), а также библейские тексты. Все рассмотренные единицы образованы путем метафорического переноса. Анализируемые единицы вступают в синонимические отношения с соответствующими апеллятивами, образуя синонимические пары или пополняя уже существующие синонимические ряды; чаще всего они являются стилистическими или семантико-стилистическими синонимами. Апеллятивизированные единицы встречаются в различных речевых сферах (преимущественно в художественной, публицистической, разговорной речи); состав их постоянно пополняется, поскольку расширяется и фонд прецедентных текстов русского языка.

Таков в общем и целом круг основных теоретических проблем, затронутых в монографии. Перспективы дальнейшего исследования категории интертекстуальности видятся нам в двух взаимозависимых направлениях: 1) в поиске новых структурных, функциональных и иных разновидностей фигур интертекста, т.е. в увеличении таксономической глубины данной микросистемы; 2) в выявлении и поаспектном описании лингвопрагматического потенциала фигур указанного класса применительно к дискурсам других типов.

Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин

Раздел 1. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ. ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ. ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

ГЛАВА 1. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат¹

В.П. Москвин

Специалисты нередко указывают на то, что «интертекстуальность — понятие, сложное для использования ввиду чрезвычайной неопределенности и расплывчатости его содержания» [Culler, 2002, с. 109]. Такая неопределенность объясняется отчасти отсутствием единства в понимании базисных категорий теории интертекста, отчасти тем, что интертекстуальность воспринимается исследователями как понятие элементарное и далее неделимое; между тем при внимательном его рассмотрении оказывается, что оно представлено целым рядом субкатегориальных подтипов. С этой точки зрения очевидной кажется необходимость: 1) уточнения и систематизации ключевых понятий теории интертекста; 2) представления категории интертекстуальности в виде поликомпонентной типологической модели; 3) детального описания и упорядочения реализующих данную категорию фигур и жанров.

Если принять понимание интертекстуальности как *ассоциативного взаимодействия ряда текстов*, или «текстовой интеракции» (Ю. Кристева), то интертекстуальность, характеризуемая по принципу *ex contrario*, — это: 1) не все экстратекстуальные связи текста, а лишь его связи с другими текстами, что делает неприемлемыми трактовки интертекстуальности (или, по В. Роббинзу, «интертек-

---

¹ Глава подготовлена в рамках проекта 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (грант РГНФ).

туры») как «отнесенности текста к явлениям действительности за пределами интерпретируемого текста: историческим событиям, текстам, обычаям, ценностям, ролям, законам и системам» [Robbins, 1996, с. 40] и др. (такие определения явно сближают понятие интертекста с понятием референции); 2) не текст и не жанр, что ставит под сомнение адекватность трактовки переиздания, перевода, адаптации, etc. как «типов интертекстуальности» [Miola, 2004, с. 13—25] (их целесообразнее рассматривать как типы вторичных текстов); 3) не «совокупность текстов, отразившихся в данном произведении» [Пьеге-Гро, 2008, с. 48], а ассоциативное взаимодействие данного произведения с такими текстами; 4) взаимодействие не двух, а двух *или более* текстов (например, в жанре центона), что исключает количественное ограничение интертекстуальности «интеракцией двух текстов» [Eigeldinger, 1987, с. 10]; 5) не фигура и не троп. Известно, что многие авторы «понимают интертекстуальность как определенный литературный прием» [Ржанская, 2002, с. 539], «как троп или стилистическую фигуру» [Фатева, 1998, с. 35.], «способ построения художественного текста» [Руднев, 1997, с. 113]. Между тем интертекстуальность является не приемом, а ассоциативной базой для приемов цитирования, аппликации, аллюзии, парафраза, травестирования и других фигур интертекста, которые далеко не всегда приобретают двусмысленный характер, а потому ни с одной из трактовок тропа несовместимы.

Интертекстуальность традиционно мыслится как категория ретроспективная: «Интертекстуальность означает текстовую интеракцию, произведенную внутри данного конкретного текста. Воспринимающий его субъект понимает феномен интертекстуальности как индикатор того, как этот текст интерпретирует историю и располагает ее в себе» [Kristeva, 1969a, с. 443]. Интертекстуально обогащенная речь обращена к текстам прошлого, а значит, к истории, речевой диахронии, отсюда трактовка аллюзии и иных ретроспективных апелляций как «диахронических фигур» [Hollander, 1981, с. 113]. Следовательно, понимание такой речи, ее «ретроактивное прочтение» [Riffaterre, 1983, с. 17] невозможны без обращения к прецедентным текстам, послужившим для нее источниками или моделями, а значит, «текстуальными линзами» [Lynch, 1998, с. 114], обеспечивающими адекватное ее видение.

Понятие прецедентного текста [лат. *textus praecedens* ‘предшествующий текст’] начиная с XVI в. использовалось в христианской экзегезе, один из постулатов которой гласит: «*Scriptura Sacra sui ipsius interpres*» ‘Священное Писание интерпретируется через себя’, т.е. через собственный предтекст, контекст, ранние издания и оригинал. Термин *прецедентный текст* используется здесь в двух значениях: 1) ‘предтекст’: так, в трактате М. Лютера (1483—1546) читаем: «*Sed refragatur huic interpretationi textus praecedens*» ‘Однако противится такому истолкованию предтекст’ [Marthini Lutheri, 1841, с. 208]; 2) ‘исходный текст’: так, Ф. Меланхтон (1497—1560) именует оригинал греческого текста, переведенного на латынь, «прецедентным греческим текстом (*textus graecus praecedens*)» [Philippi Melancthonis, 1851, с. 688]. Приведем выдержку из богословского трактата XVII в.: «*Verba textus praecedenti praefixa sunt*» ‘Слова прецедентного текста приложены’ [Johannis Crociis, 1673, с. 679] (имеется в виду лексика древнееврейского текста, переведенного на латынь). Теолог XVIII в. пишет: «*Nos contextu deprehenditur, & emendatur error textus praecedentis*» ‘Данный контекст учитывая, и была исправлена ошибка прецедентного текста’ (имеется в виду ошибка переписчика) [De laudibus, 1764, с. 13]. В англоязычном богословском трактате XIX в., наследующем эту старинную терминологическую традицию, читаем: «Данный текст содержит ясную отсылку к прецедентному тексту (*preceding text*)» [Faber, 1823, с. 40].

Священная филология XX—XXI вв. использует уже два термина: 1) *прецедентный текст*; 2) сокращение *пре-текст* (*pre-text* < *textus praecedens*), ср.: «Текст, из которого извлечены аллюзии или выдержки / цитаты, обозначается как пре-текст, суб-текст, *Vorlage* [нем. ‘оригинал’. — В.М.], текст-источник или текст-прототип»; «Пре-текст — старший контекст, из которого извлечены аллюзии» [Вое, 2001, с. 27]. Термин *претекст* (без дефиса) для русского и английского (*pretext*) неудобен, поскольку отягощен значением ‘предлог’ (ср. *под благовидным претекстом*, полукалька лат. *sub praetextu alicujus rei*).

Светская филология Нового времени под *прецедентным текстом* чаще понимает предтекст, под *пре-текстом* (*претекстом*) — исходный текст, т.е. «текст, к которому восходит данный

конкретный текст» [Kinney, 1982, с. 191], «предшествующую дискурсивную деятельность» [Goodrich, 1986, с. 69], или, с привязкой к письменной речи — «текст, предшествующий актуальной письменной деятельности автора и определяющий его мотивацию или ориентацию» [Pre-text, 1980, с. X], т.е. текст, служащий ассоциативной опорой для адекватного понимания интертекстуально обогащенной речи.

Любая фигура интертекста, в частности аллюзия, может опираться:

1. На предшествующую по отношению к воспринимаемой, «левою» часть текста [лат. *sinister textus*, букв. 'левый текст'], т.е. на предтекст, или предконтекст. Так, в повести О. Генри «Короли и капуста» один приятель поведал другому, как некий мошенник заработал **288** долларов, сбыв партию фальшивых часов. И продолжает свой рассказ: *Так вот, я и говорю: у Генри было 360 долларов, а у меня 288*. Отношения, связанные с взаимодействием части текста и ее предтекста, именуют интратекстуальными.

2. На другой текст, т.е. пре-текст: *Идемте в городской сад. Я вам устрою сцену у фонтана* (слова Остапа Бендера, обращенные к самозванным сыновьям лейтенанта Шмидта Шуре Балаганову и М. Паниковскому в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»). В приведенной фразе содержится аллюзия к сцене встречи Самозванца с Мариной Мнишек в драме «Борис Годунов» А.С. Пушкина (ср.: «Ночь. Сад. Фонтан»).

Вслед за Ю. Кристевой предтекст как опору для осмысления текста именуют горизонтальным контекстом, пре-текст — вертикальным, ср.: «Тремя измерениями <текста> являются: сюжет написанного, адресат и внешние тексты... Таким образом, статус слова определяется: а) *горизонтально*: слово в тексте принадлежит его сюжету и адресату; б) *вертикально*: слово в тексте ориентировано на совокупность литературных текстов прошлого или настоящего» [Kristeva, 1969b, с. 84]. И горизонтальный, и вертикальный типы ретроактивных апелляций предполагают опору на память, поэтому интертекстуальность — величина «ассоциативная» [Hebel, 1991, с. 138].

Осмысление интертекстуально осложненного текста, прежде всего художественного, происходит *на фоне* соответствующих пре-

текстов, т.е. под их ассоциативным воздействием, поэтому Ю. Кристева справедливо говорит о «двойном течении поэтической речи» [Kristeva, 1969b, с. 146]. Ж. Деррида именует взаимодействие смысла интертекстуально обогащенной единицы и смысла ее претекста силлепсисом. Напомним, что силлепсис (греч. *σύλληψις* ‘сопряжение’) представляет собой вид зевгмы, общий компонент которой объединяет несовместимо разнородные контекстуальные смыслы. Нечто подобное наблюдается, по мысли Ж. Дерриды и его комментатора М. Риффатера, и при восприятии интертекста, т.е. столкновения «смысла контекстуального со смыслом интертекстуальным» [Riffaterre, 1980a, с. 637—638]. Признавая когнитивную силу данной аналогии, заметим, что взаимодействие интертекстуальных смыслов не следует полностью отождествлять ни с силлепсисом (ибо интертекстуальность далеко не всегда связана со столкновением несовместимых смыслов), ни с зевгмой (поскольку звенья зевгмы наблюдаемы, в то время как претекстуальное звено интертекста виртуально).

Тексты, объединенные интертекстуальными ассоциациями, образуют гипертекст. Гипертекст, или гипертекстуальная *система*, — величина абстрактная, поэтому под ним следует понимать ассоциативное объединение, *систему* текстов, а не (в случае наивного гипостазирования) некий конкретный «текст, внутри которого сосуществует несколько текстов» [Давыдова, 2006, с. 5]. Текст горизонтален и (как речь) линеен, гипертекст вертикален, т.е. представляет собой тематически упорядоченную систему. Т. Нельсон (род. 1937), создатель термина *гипертекст*, понимал под ним не текст, а «структурированный комплекс мыслей» [Kitzmann, 2006, с. 13—14]; предельной формой гипертекста следует считать то виртуальное пространство, которое Ш. Гривель назвал «всеобщим текстом (*text général*)» [Grivel, 1978, с. 30] и которое в эпоху Интернета стало известно как *Web*, всемирная паутина текстов.

Чтобы определить сферу действия интертекстуальности, необходимо отделить те феномены языка и речи, которые могут быть ею охвачены, от тех, которые ей служить не могут.

Поскольку любой текст представляет собой семиотически двуплановую структуру, принято противопоставлять два типа интертекстуальности: 1) «материальную интертекстуальность», за-

имствующую элементы плана выражения текста [Plett, 1991, с. 7]; 2) «тематическую интертекстуальность», заимствующую элементы плана содержания текста: темы, мотивы, сюжеты, образы [Lemke, 2004, с. 5—6]. Здесь, видимо, следует принять мысль Ю.С. Степанова о том, что корпус межтекстовых заимствований «многоярусен, «многоэтажен» и на уровне первого этажа уже имеет устоявшееся наименование — интертекст. Интертекст — это то, что можно читать в прямом смысле этого слова. Следующие этажи уже *вряд ли можно назвать “текстами”* (курсив наш. — В.М.), поскольку они состоят из “нечитаемого” — понятий, образов, представлений, идей» [Степанов, 2001, с. 3]. С этой точки зрения к сфере действия интертекстуальности следует отнести только единицы плана выражения речи, что исключает широкую трактовку данного понятия как «способа, посредством которого новый текст создан из метафор, образов и символической системы раннего текста или традиции» [O'Day, 1990, с. 259].

На уровне межтекстовых заимствований «первого этажа» (т.е. плана выражения речи) существует два ассоциативно противоположных типа единиц:

1. Коммеморатные (лат. *commemoratio* ‘вспоминание’), т.е. интертекстуально коннотированные единицы, опознаваемые как принадлежность строго определенного текста, в частности:

1.1. Двусторонние единицы: а) коммеморатная (аллюзийная) лексика, в частности авторские неологизмы: *паспортина* (В. Маяковский. Стихи о советском паспорте) → *Андрей проверил бумажник: синяя паспортина была на месте* (А. Константинов. Журналист); редкие орфографические, фонетические или иные варианты слов: *Революционный держите шаг!..* (А. Блок. Двенадцать) → *Звоном набат революционный: «Кто не работает — тот не ест!»* (К. Санрин. Прохожему, обдумывающему житье); имена собственные мифологических и литературных героев (*Геракл, Ромео, Плюшкин* и др.), лежащие в основе ономастической аллюзии: *Наследники Ноздрева и Остана Бендера* (Заголовок газетной статьи); б) коммеморатные словосочетания и фразы, например *былое и думы, Все смешалось в доме Облонских*, etc.

1.2. Односторонние единицы, в частности наборы стилевых маркеров успешных текстов, например маркеров знаменитого цик-

ла «Вредных советов» Г. Остера, вызвавших к жизни сотни подражаний.

2. Единицы, которые не опознаются как принадлежащие строго определенному тексту, а значит, не способные служить речевой основой интертекстуальности: а) номинативные, структурные, композиционные и др. стереотипы, т.е. «то, что говорится всегда, говорилось прежде, в другом месте и независимо друг от друга» [L'inquiétude, 1990, с. 43] (основа «интердискурса», по М. Пешо); б) заимствования из незнакомого широкой публике текста.

Единицы 2-а и 2-б могут включаться в интертекстуальные отношения только при том условии, если они приобретают статус цитаты и ее атрибуты: кавычки и / или указание на источник. Наличие атрибутов цитирования сообщает единицам типа 2-а комизм, как, например, следующий эпиграф к статье Р. Тименчика «Руки брадобрея, или Шесть подтекстов в поисках утраченного смысла» (Новое лит. обозрение, 2004, № 67): «Бритье освежает» (Из разговора). При отсутствии атрибутов цитирования заимствование единиц типа 2-б расценивается как плагиат (лат. *plagium* 'похищение') — «попытку выдать чужую мысль или язык за собственные» [Moss, 1978, с. 29].

Речевую основу интертекстуальности составляют коммеморатные единицы — приобретшие известность «идеологемы», приметы конкретной «доктрины», т.е. авторской картины мира и конкретного дискурса [Angenot, 1983, с. 106 и 107]. Давно замечено, что как только интертекстуально коннотированные единицы «освобождаются от “авторских” ассоциаций», они входят в ряды «безымянных» единиц, таких как *безгрешные доходы*, *галантерейное обхождение* [Ожегов, 1974, с. 224—225], а также выражений, «к колыбели которых пройти невозможно, чье происхождение теряется в ночи отдаленнейших времен; выражений, вышедших из темного источника, к которому уже нельзя проложить дорогу» [Tuet, 1789, с. II]. Освобождение от авторских ассоциаций происходит постепенно, поэтому между выражениями коммеморатными и стереотипными, «бесхозными» (*αδελφότης*) существует переходная зона: так, для одних носителей языка выражение *безгрешные доходы* стало безымянным, для дру-

гих ассоциируется со стихотворением Н.А. Некрасова «Маша» («И безгрешные даже доходы Называл воровством, либерал!»). М.Л. Гаспаров полагает, что «интертекстуальный анализ до сих пор остается скорее искусством, чем наукой» ввиду того, что «не решен исходный вопрос: где кончается интертекст и начинается случайное совпадение» [Гаспаров, 2002, с. 3]. Решение данного вопроса затруднено: а) наличием переходной зоны между коммеморатными выражениями (сферой речи) и *αδεσπότη* (сферой языка); б) заметными различиями в количественном соотношении этих двух типов выражений в лексиконе различных по степени образованности читателей.

Интертекстуальные отношения существенно различаются в функциональном и структурном отношениях, а также по своей силе. Назовем и рассмотрим типы интертекстуальности, связанные с указанными различиями.

По цели адресанта межтекстовые отношения целесообразно подразделить на три интенциональных типа [лат. *intentio* ‘замысел, намерение’]:

1. Риторическая (функционально релевантная) интертекстуальность, преследующая эстетические, эристические или иные цели, т.е. выступающая «как риторическая стратегия» [Redmond, 2009, с. 10].

2. Спонтанная (функционально иррелевантная) интертекстуальность, не поддерживаемая специальными приемами и средствами. Она возникает между оригиналом и: а) переводом; б) версифицированным либо прозаизированным вариантом; в) новой редакцией текста; г) адаптацией; д) аннотацией; е) сокращенным вариантом.

3. Криптофорная (греч. *κρύπτω* ‘скрываю, утаиваю’) интертекстуальность, имеющая место в случае плагиата, когда автор «стремится скрыть либо разрушить связь с пре-текстом» [Rose, 1993, с. 69].

Первый тип обладает положительной интертекстуальной интенцией, второй — нулевой, третий — отрицательной. Исходя из данной трихотомии следует присоединиться к тем специалистам, которые рассматривают плагиат как «форму интертекстуальности» [Genette, 1982, с. 2].

Риторическая интертекстуальность возникает в результате эксплуатации фигур интертекста¹, к числу которых относятся:

1. Цитирование — дословное воспроизведение фрагмента какого-либо текста, сопровождаемое ссылкой на источник (т.е. прецедентный текст): *Вы сделали хорошее сравнение души с глазами. Но Тот, «кто просвещает всякого человека, грядущего в мир» (Иоанн 1: 9), просветит и ваши умы для восприятия философии, которая никогда не оставляла своего обладателя нищим* (Алкуин. Разговор об истинной философии). Цитирование может производиться по памяти (в греческой риторике этот прием именуется анамнезисом), носить манипулятивный характер (в случаях ложного, а также внеконтекстного цитирования, или контекстности), сопровождаться комментированием (эпикризис), имитировать особенности речевого поведения и нрава цитируемого лица: «Так, ежели изображаешь кого-либо во гневе, передавай и соответственные звуки» [Αψίλου, 1853, с 406] (пласис, или, в терминах римской риторики, сермоцинация), использоваться как прием выразительной речи (литературное цитирование) и т.д. [см.: Москвин, 2013б].

2. Текстовая аппликация — прием цитирования без ссылки на источник: *У частного поверенного Зельтерского слипались глаза. Природа погрузилась в потемки. Затихли ветерки, замолкли птичек хоры и прилегли стада* (А.П. Чехов. Гость). На фоне прозы заметна иностилевая стихотворная «вставка» из хрестоматийно известной басни И.А. Крылова «Осел и соловей». Такие вставки, используемые без указания на источник, принято именовать коммеморатами (лат. *commemoratio* ‘припоминание’). Коммемораты, при условии длительной активной их эксплуатации, превращаются в крылатые слова: *а воз и ныне там, борзыми щенками брать, я умываю руки*. Отличительная особенность последних — мотивированность определенным текстом; этим они отличаются от фразеологических единиц других разрядов. Наличие такой мотивированности делает возможной классификацию крылатых слов по опорному тексту и соответственно подразделение

---

¹ Подробнее о фигурах данного класса см. гл. II в монографии: [Москвин, 2013а].

их на библеизмы, шекспиризмы и т.д. Как только крылатые слова освобождаются от интертекстуальных ассоциаций, они тут же входят в ряды «безымянных фразеологизмов» (С.И. Ожегов), или *αδελφότης*. Как видим, текстовая аппликация является мощным источником номинативно-выразительных единиц речи (коммеморат) и языка (крылатых слов и *αδελφότης*).

Текстовую аппликацию следует отличать от фразеологической, состоящий в использовании в качестве строительных блоков для текста устойчивых выражений: *А ты мели, Емеля, Про свет в конце туннеля* (К. Ваншенкин). Фразеологическая аппликация не является фигурой интертекста.

3. Текстовая аллюзия — словесный намек на определенный известный адресату текст. Средствами выражения текстовой аллюзии целесообразно считать: 1) отдельное слово (авторский неологизм, имя литературного или мифологического героя) либо вариант слова (фонетический, орфографический и др.), способные обеспечить ассоциативную «привязку» к конкретному прецедентному тексту: *апофегей* (*апофеоз* + *апогей*) ~ повесть Ю. Полякова «Апофегей» → *Апофегеем* «бунта Первой Конной» стали события в Рогачеве (А. Щербаков. Гражданская война); 2) ряд однословных единиц, не отражающих компонентной, позиционной и грамматической структуры исходного текстового фрагмента. Сравним название кинофильма «Ирония судьбы» и первую строку в эпиграмме В. Гафта: *Не будь «иронии» в судьбе, Мы б не узнали о тебе* (А. Мягкову). Такая аллюзия именуется развращенной (англ. *extended allusion*). Как видим, текстовая аллюзия как интертекстуально осложненная номинация имеет строго определенную номинативную технику. Ссылка при такой аллюзии опускается: а) по причине известности прецедентного текста адресату; б) в риторических целях, например из этикетных соображений: «Я не буду оспаривать ваше мнение» (Из научной полемики), ср. в исходном тексте: «И не оспаривай глупца» (А.С. Пушкин).

Текстовую аллюзию следует отличать от *ἐπιτροπή* (греч. *ἐπιτροπή* ‘поворот к чему-л.’, перен. ‘намек’) — фигуры, состоящей в указании таких фактов и деталей, которые склоняют адресата к определенному выводу относительно характеризуемого предмета, лица или события. Эпитроп может опираться:

А. На житейский опыт адресата речи, знание неких процедурных последовательностей, сценариев, очередности в определенных действиях:

Свидания их продолжались; но как все переменилось! Эраст не мог уже доволен быть одними невинными ласками своей Лизы — одними ее любви исполненными взорами — одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Он желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог, — а кто знает сердце свое, кто размышлял о свойстве нежнейших его удовольствий, тот, конечно, согласится со мною, что исполнение всех желаний есть самое опасное искушение любви (Н.М. Карамзин. Бедная Лиза).

Данный тип эпитропа известен как бытовая аллюзия.

Б. На некоторые исторические сведения адресата речи: *Явлинский, не вылезая, сидит в Давосе, а к двухтысячному году он хочет вернуться в Россию в запломбированном вагоне* (В.В. Жириновский — с намеком на В.И. Ленина). Этот тип эпитропа принято именовать исторической аллюзией.

4. Парафраз — прием, состоящий в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста: *В ряду бюстов великих сынов трех Америк вслед за президентом США Линкольном можно увидеть А. Сомосу, основателя клана никарагуанских диктаторов. Два года в парламенте идут дебаты о его упразднении, но бюст и ныне там* (Вокруг света). Парафраз основан здесь на переделке крылатых слов *а воз и ныне там* (И.А. Крылов. Лебедь, Щука и Рак). В исходную фразу вм. слова *воз* введено тематически ключевое слово *бюст*; в результате произошла тематическая переориентация исходной единицы на текст, в который она вводится. Замена не должна нарушать ритмико-синтаксическую структуру исходной фразы, т.е. должна быть незаметна. Наиболее удачны в этом плане замены словом: а) равносложным (*бюст* вм. *воз*); б) близкозвучным: *гениальный секретарь* (В. Войнович), ср. *генеральный*. Объектами парафразы выступают: а) «безымянная фразеология» (*адесплота*), пословицы, поговорки: *Неча на иго пенять* (Заголовок) < *Неча на зеркало пенять [коли рожка крива]*; б) фрагменты текста: цитаты, коммемораты, крылатые слова; в) тексты.

Как видим, лишь второй и третий объектные типы парафразы имеют отношение к интертекстуальности.

4.1. Травестиrowание — парафраз текста. Сила этого приема состоит «в обманутом ожидании» [Ερμούγεuovς, 1834, с. 1338]. Сравним два текста:

Исходный текст:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

М.Ю. Лермонтов

Производный текст:

Пьяные уланы
Спят перед столом;
Мягкие диваны
Залиты вином.
Лишь не спит влюбленный,
Погружен в мечты...
Подожди немного:
Захрапишь и ты!

А.Н. Апухтин

Поскольку травестиrowание регулярно используется как прием комической стилизации и бурлеска, данный прием традиционно определяется как бурлескный парафраз (имитация, «перевод») текста «с сохранением его сюжета» [Woodhouselee, 1813, с. 361 и 362].

5. Имитация авторского стиля. К числу приемов такой имитации отнесем пародию и подражание. Эти приемы противопоставлены оценочно и функционально: если пародия высмеивает неудачные моменты индивидуальной манеры, то подражание состоит в усвоении и присвоении наиболее успешных сторон идиостиля. Рассмотрим эти две тактики подробнее.

5.1. Пародия — воспроизведение особенностей чьих-либо действий, в частности речи, с целью насмешки, осмеяния. Объектом пародии может стать «решительно все: движения и действия человека, его жесты, походка, мимика, речь» [Пропп, 1997, с. 100], отдельные слова, интонации, произношение и др. По способу имитации объекта различают пародию мимическую, кинетическую (например, изображение клоуном выступления акробатов), графическую (в карикатурах), речевую, включая «бытовое передразнивание», а также звуковую пародию, связанную с использованием особого тембра голоса [ср.: Вербицкая, 1987, с. 5 и 67—68].

Поводом для речевой пародии становятся номинативные, выразительные и иные приемы и средства, используемые в сравнении с усредненной нормой излишне активно. Так, характерная для стиля Л.Н. Толстого усложненность синтаксиса послужила основанием для появления следующей пародии:

...и то, что это была конституция, т.е. то, что 9/10 людей, живущих на земле, считают единственно важным и единственно почетным, а не Царство Божие, т.е. то, что на самом деле единственно важно и единственно полезно потому, что единственно важно и единственно полезно Божеское, а не человеческое, или то, что кажется людям оно человеческим, — и сделали то люди, собравшись несколько сот тысяч человек на одном небольшом пространстве земли, стали убивать друг друга, т.е. делать то, что называется конституцией, потому что то, что называется конституцией, есть то, что люди считают конституцией... (П. Пильский. Царство Божие не в конституции, 1909)

Пародия настойчиво подчеркивает стилевые маркеры, т.е. приемы и средства, характерные для идиостиля (данная тактика именуется обнажением приема). Считается, что «особенно трудно пародировать стили, лишенные резких характерологических признаков. И наоборот: чем определеннее, заметнее выражены характерные языковые особенности пародируемого произведения, индивидуального стиля и т.п., тем легче их выделить, утрировать, представить в комическом виде в пародии» [Горшков, 2000, с. 232], тем самым высвечивая «противоречие между изображаемым стилем и эстетической нормой» [Новиков, 1978, с. 26]. Первоначально понятие *parodia* ‘переделка песни, перепев’ принадлежало сфере пения: *парадами* называли сочинителей комических стилизаций «Илиады» и «Одиссеи» Гомера (к числу таких стилизаций принадлежит знаменитая «Батрахомиомахия»), и хотя понятие пародии давно «распространилось и на др. объекты» [Ferreira, 2003, с. 279], определения ее часто ориентируются на историю понятия и этимологию термина, т.е.:

А. Ограничивают пародию стихотворной речью, трактуя ее, например, как «повествование, использующее эпический метр и сло-

варь, но рассматривающее легкий, сатирический или ироикомический предмет» [Householder, 1944, с. 3]. Приведем определение из «Поэтики» Ю.-Ц. Скалигепа: «Est igitur Parodia Rhapsodia inverse mutatis vocibus ad ridicula sensum retrahens» [Scaliger, 1561, с. 46] ‘Таким образом, пародия есть перелицовка песни (ср. *ραψωδία* < *ραψω* ‘штопаю, кладу заплаты’, *ωδή* ‘песня’. — В.М.)’ другими словами, с обращением оной к смешному смыслу’.

Б. Приравнивают пародию к бурлескному travestированию: пародия есть в известном тексте «многих эпических слов замена солдатскими выражениями (*πεζῶς ἐρμηνεύσει*)» [Ερμούγενοῦς, 1834, с. 1320]. Отсюда истолкование пародии как «комического преувеличения недостатков того произведения, которое она travестирует» [Gautier, 1859, с. 355], «сочинения, написанного по расположению другого известного сочинения, с обращением его на другой предмет, и с произведением, чрез перемену некоторых выражений, другого смысла» [Остолопов, 1821, с. 337], «забавной переделки важного сочиненья, смешного или насмешливого подражанья; перелицовки сочиненья или представленья наизнанку» (В.И. Даль).

В. Отождествляют пародию с комической стилизацией, которая в отличие от пародии искажает изображаемый объект исключительно с расчетом на комический эффект. Пример такой стилизации — рассказ «Антракт» А. Курляндского и А. Хайта, имитирующий стиль радионовостей:

Голос по радио. Товарищи! Для того чтобы вы не скучали во время антракта, предлагаем вам послушать шуточные предпоследние известия.

Первый. «Наука». Интересный случай произошел вчера на Черноморском побережье Кавказа. Известный поэт Вольдемар Шмелев заплыл далеко в море и начал тонуть. Проплывающие мимо дельфины сделали возле него круг, но спасать не стали. Этот случай еще раз доказывает, что дельфины являются мыслящими существами.

Второй. «Природа и люди». Восемнадцать дней бушевал пожар в южноамериканском городе Рио-Рита. Местные власти так и не смогли справиться с разбушевавшейся стихией. Неизвестно,

сколько бы еще дней продолжался пожар, если бы жителей города не спасло новое стихийное бедствие — наводнение.

Если комическая стилизация похожа на дружеский шарж, то пародия — на злую карикатуру. Отождествление указанных двух тактик приводит: а) к пониманию пародии как «стилизации, комически мотивированной или подчеркнутой» [Тынянов, 1977, с. 201], «комического (точнее было бы сказать: *сатирического*. — В.М.) образа художественного произведения, стиля, жанра» [Новиков, 1989, с. 5]; б) к допущению «*юмористической*, или *шуточной пародии*», которая «занимает дружескую или нейтральную позицию по отношению к своему оригиналу, не стремясь его дискредитировать» [Морозов, 1960, с. 68]. Между тем пародия есть «средство раскрытия внутренней *несостоятельности* того, что пародируется» [Пропп, 1997, с. 100—101], воспроизведение объекта «в намеренно *карикатурном* виде» [Жирмунский, 1996, с. 168], имитация «с целью *осмеяния*» [Бен, 1968, стб. 605].

5.2. Подражание. Подражание считается видом мимесиса — воспроизведения и интерпретации реальности в художественных образах. Мимесис имеет место в живописи, ваянии, архитектуре, танце, пении, музыке, поэзии. Творческий процесс, по учению античных мыслителей, представляет собой «подражание природе», имитацию воспринятого: так, подражая пению птицы, мы тем самым его изображаем; повторяя и копируя на сцене голос, поступь, поведение и цепь действий Цезаря, составивших его судьбу, мы тем самым изображаем Цезаря. Остановить прекрасное мгновение нельзя, но его можно запечатлеть в словесном, пластическом, звуковом, цветовом или ином образе, и тем самым повторить: таким образом, мимесис представляет собой «попытку воспроизвести преходящее действие» [Dupriez, 1991, с. 299]. Определим подражание (лат. *imitatio*) как творческую имитацию наиболее удачных сторон конкретного авторского стиля или произведения. При подражании имитируемый объект является источником творческого вдохновения, исключающего простое копирование. Шарль Нодье, филолог и писатель наполеоновской эпохи, поясняет: «Подражание принято понимать как любой перевод с мертвого языка, включающий работу воображения: Виргилий под-

ражал Гомеру, Расин — греческим трагедиям, Мольер — Плавту, Буало — Ювеналу и Горацию, etc. Монтень позволял себе немало заимствований (plagiats) у Сенеки и Плутарха», однако «краткий, фигурированный, сентенциозный и почти всегда антитетичный стиль Сенеки противоположен стилю Монтеня, исполненному богатых излишеств, пространному без вялости и детализированному без многословия» [Nodier, 1828, с. 1—2].

Творческая составляющая отличает подражание от двух видов мимесиса:

А. От плагиата — «использования чужих произведений без преобразующих творческих изменений» [Ильинский, 1934, стб. 683]. Ш. Нодье приводит скандально известный отрывок из пьесы П. Корнеля «Иракий» (1647), слово в слово заимствованный из пьесы его старшего современника, испанского драматурга П. Кальдерона «В этой жизни все истина и все ложь» (1622):

Как за тебя судьба, Маврикий, мне отместила!
Ты мертв, но и в гробу двух сыновей обрел;
Я жив, но некому мне передать престол.

Б. От эпигонства — подражания рабского, «механического» и «предосудительного» [Остолопов, 1821, с. 393]. Считается, что такое подражание бывает «несравненно хуже образца» и практикуются только «в период ученичества» [Розанов, 1925, с. 604].

По нашим наблюдениям, существует два предметных типа подражания: а) подражание, объектом которого является форма успешного текста; б) подражание, объектом которого являются стилевые маркеры успешного идиостиля. В случае массовой активизации первый тип подражания генерирует речевые жанры, второй — стили. Представим оба типа подробнее.

А. Назовем подражание, которое более или менее точно копирует текстуальные параметры успешного произведения, травестирующим. Рассмотрим с этой точки зрения стихотворение Е. Лесина «Полезный совет», представляющее собой шутливую имитацию речевой манеры Г. Остера; рядом поместим текст, извлеченный из книги последнего «Вредные советы» (1995):

Пре-текст

Если гонится за вами
Слишком много человек,
Расспросите их подробно
Чем они огорчены?
Постарайтесь всех утешить,
Дайте каждому совет,
Но снижать при этом ско-
рость
Совершенно ни к чему.

Г. Остер

Вторичный текст

Если вам случайно поезд
Приземил дверьми башку,
Машиниста не зовите,
Не кричите что есть сил.
А спокойно вслед бегите,
Вдоль по насыпи бегите,
Потому что очень скоро
Тоже будет остановка,
Где вы сможете сойти

Е. Лесин

Вторичный текст заимствовал у пре-текста краткий изотониче-ский метр (хорей), перекрестную ритмовку (чередование восьмис-ложного стиха с семисложным), отсутствие рифмы (т.е. форму бе-лых стихов), антифразисный стиль и объем миниатюры. Массовое подражание Г. Остеру привело к возникновению нового речевого жанра детской литературы: жанра вредных советов, в результа-те массового подражания итальянскому поэту XIII в. Джакомо да Лентини появился жанр сонета, подражание английскому поэту XIX столетия Эдварду Лиру вызвало к жизни жанр лимерика и т.д. В подобных случаях «цитируются (точнее, заимствуются. — *В.М.*) специфические структуры текстовых групп (Textgruppen)» [Pfister, 1985, с. 29].

Б. Подражание может заимствовать основные стилевые мар-керы успешного идиолекта; назовем данный тип стилисти-ческим подражанием. Так, в результате подражания сотен авторов разных стран и эпох монаху-бенедиктинцу Теофило Фо-ленго из Мантуи появился макаронический стиль [см.: Москвин 2011а]. Французский библиограф Габриэль Ноде говорит о нем как о поэте, который «первым начал писать в макароническом стиле» [Naudæana, 1701, с. 22]. Под псевдонимом *Мерлин Коккай* Фоленго написал исполненную вульгарного юмора приключенческую поэму «Baldus» ‘Храбрец’, позже названную так по имени главного героя, книга же появилась в 1517 г. под заголовком «Merlini Cosaii poetæ mantuani macaronices libri XVII» ‘17 макаронических книг манту-анского поэта Мерлина Коккая’; второе, расширенное до 25 книг (точнее, глав) издание вышло под названием «Merlini Cosaii poetæ

mantuani opus macaronicum» (1521). Поэма написана гекзаметром. Приведем фрагмент ее третьей главы в русском переводе С. Ошера:

Квази во всех городах эст один обычай антиквус:
Друг контра друга идут легионес мальчишек и бьются
Камнибус; а из-за них интер взрослых случаются свары.
Я не видéбам еще, чтобы столько сшибал желудорум
С дуба мужик, лаборандо шестом иль увесистой палкой,
Ежели даре он хочет свиньям прозорливым корму,
Сколько видере я мог кáмней, кум свисто летящих...

Части этой поэмы именовались «Macaronea prima», «Macaronea secunda», etc.; позже она переиздавались под названием «Macaronea» (итал. *maccheronea* ‘макароническая пикареска, Макарониада’). Распространение во Франции, а затем и в других странах Европы бурлескного стиля связано с шумным успехом «Переодетой Энеиды» Поля Скаррона (1610—1660), ставшей образцом для многочисленных разноязычных подражаний. Данный факт представляется серьезным основанием для того, чтобы считать эту поэму прецедентным текстом по отношению к стилистической традиции бурлеска [подробнее см.: Москвин 2011б]. Подражание есть не только и не просто «буквальное следование пропорциям (ομιλογία τῶν κειρῶν)», «овладение техникой», но и «стилистическое соревнование (τέχνης ζήλος)» [Dionysii, 1704, с. 115], что служит еще одним отличием творческого подражания от эпигонства — присвоения чужого стиля ввиду отсутствия собственного.

Ассоциативную отсылку к пре-тексту, точнее, «активацию пре-текста» [Vorster, 1999, с. 461 и 463], производимую посредством фигур интертекста, принято именовать реминисценцией [ср.: Квятковский, 1966, с. 238—240]. В современной научной литературе с понятием реминисценции сближается, обозначая практически все описанные выше способы использования чужого слова, понятие цитирования. В этом случае под цитированием (цитацией) понимается любая форма межтекстового взаимодействия, т.е. «“подключение” к другим текстам, другим кодам (сфера *интертекстуальности*), связанное тем самым с обществом, с Историей,

но связанное не отношениями детерминации, а отношениями цитации» [Барт, 1994, с. 424]. Такое (аморфное и явно нетерминологическое) понимание цитации не способствует ни размежеванию рассмотренных выше фигур интертекста в их многочисленных функциональных, структурных и иных разновидностях, ни, следовательно, адекватному пониманию и анализу стилистически усложненного текста.

В свое время мы назвали фигуративными жанры, построенные на основе определенного конструирующего приема по формуле «прием → жанр». Ж. Женетт отмечает: «Фигура речи — это эмбрион, или, если хотите, эскиз художественного произведения» [Genette, 2004, с. 17]; на тесную связь речевых жанров и «каких-то осязаемых приемов» указал еще Б.В. Томашевский [1996, с. 206]. Здесь, видимо, следует различать случаи жанрообразования и текстообразования. Если фигура имеет текстопорождающую силу, то это отнюдь не означает, что данная фигура обладает и жанропорождающим потенциалом. Приведем пример однословной аллюзии, получившей волею поэта В. Загорянского статус стихотворного текста:

Белеет

Вместе с тем жанр однословных аллюзийных текстов не сложился. Судя по «Упражнениям в стиле» Р. Кено, текстообразующим потенциалом обладают практически все фигуры, но далеко не каждой из них соответствует речевой жанр. Очевиден тот факт, что (по крайней мере, фигуративный) жанр формируется лишь при условии востребованности соответствующих текстов, т.е. в результате регулярного текстопорождения, по следующей формуле:

«фигура → текст₁ → текст₂ ... → текст_n → жанр».

Текст₁ (например, сонет итальянского поэта XIII в. Джакомо да Лентини) является прецедентным для всей цепочки, тексты_{2...n} имитируют (точнее, травестируют, т.е. лексически варьируют) текст₁, авторы_{2...n} являются подражателями, или имитаторами автора₁ [ср.: Москвин, 2013 а, с. 140 и 149].

С понятием фигуративного жанра сближается понятие фигуративного стиля. Последний строится по следующим двум формулам: 1) «отдельный прием → стиль», в частности: антифразис → антифразисный стиль; фигура нагнетания эпитетов → эпитетный стиль; повтор → итеративный стиль, е. g.:

Все непрочное в мире родит и ведет и крушит Рок,
Рок, неверный и зыбкий; но манит нас лъстивых надежд рой,
Рой, что с нами всю жизнь и с кем разлучит нас одна смерть,
Смерть ненасытная, кою адская кроет в свой мрак ночь.
Ночь в свой черед умирает. Едва воссияет златой свет,
Свет, этот дар богов, пред кем впереди предлетит Феб.

Авсоний

2) «ряд приемов одного класса → стиль»: фигуры двусмысленной речи → эзопов язык, фигуры неправдоподобия → гротескный стиль [см.: Москвин, 2011в] и др. Еще Аристид отметил «связь композиции (τάξις) и предсказуемости речи» [Αριστείδου, 1836, с. 443]; в этом свете становится понятно, почему тексты, построенные по первой (более простой) формуле, не должны быть пространны: «Такая речь будет надоедлива (προςκορή), ибо ее однообразие вызывает пресыщение (κόρον)» [Φοιβάμμωνος, 1835, с. 492].

Заметим, что системообразующим началом для любого стиля является либо отдельный прием, либо набор или система приемов и средств; чем внушительнее и разветвленное такой набор, тем сложнее стиль: таковы, например, функциональные стили, группирующие вокруг системообразующих функций и доминант наборы приемов и средств, служащих их реализации.

В чем состоит различие между стилем и жанром? Определим стиль как *технику* (т.е. прием или набор приемов) построения речи или речевого произведения (текста); жанр принято трактовать как *типовую модель* текста, т.е. как «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания» [Бахтин, 1996, с. 164]. Под композицией (лат. *compositio verborum et orationis* ‘составление слов и речи’, калька греч. σύνθεσις) обычно понимают членение (рубрикацию) речи и порядок следования выделенных частей. Квинтилиан относит к

сфере композиции сочетаемость и порядок следования: а) звуков как источник благозвучия и неблагозвучия; б) ударных и безударных слогов как источник изотонического ритма; в) колонов в составе периода как источник синтаксического ритма, ибо «аритмия — знак невежества или варварства, ритмичность же поэтична и служит композиции» [M. Fabii Quintiliani, 1854, с. 134]. По Цицерону, «слова должны так сочетаться (*collocabuntur*), чтобы концовки предыдущих лучшим образом подходили к началам следующих и наиболее сладостные (*suavissimis*) созвучия создавали; чтобы форма и аранжировка (*concinntas*) слов оптимально соответствовали их течению (*orbem*, букв. круговращению. — *В.М.*); и чтобы весь период (“оборот”) был ритмичен» [M. Tullii Ciceronis, 1780, с. 459]. Порядок следования звуков, слогов, слов и колонов в составе периода образует микрокомпозицию речи (*collocatio, iunctura verborum, compositio verborum*), порядок следования более крупных, тематически релевантных текстовых блоков — ее макрокомпозицию (*compositio orationis*).

Рассмотрим некоторые жанры, основанные на фигурах интертекста.

1. Образованные люди эпохи Средневековья тематически систематизировали и записывали цитаты, крылатые слова, афоризмы и иные сведения в особые записные книжки — книги общих мест (англ. *commonplace book*), или флорилегии (лат. *florilegia* ‘антология’ < *florilegus* ‘собирающий цветочный нектар’). Многие из них затем публиковались: известны книги общих мест, составленные теологом Иоанном Дамаскином, философами Сенекой Младшим и Джоном Локком, ритором и богословом Филиппом Меланхтоном, поэтом Джоном Мильтоном, физиком и математиком Фрэнсисом Бэконом и др. Книги общих мест издавались «тысячами и тысячами», они «наводнили книжный рынок» [Ong, 1967, с. 86]. Период расцвета данного жанра приходится на эпоху Возрождения, однако сформировался он еще в Античности. Пьер Порто отмечает, что в средневековой Франции «книга общих мест (*le cahier de lieux communs*) стала, в некотором роде, индивидуальной энциклопедией» [Porteau, 1935, с. 188]. Заметим, что впоследствии книга общих мест действительно послужила прототипом этого жанра. Редактор старинной английской энциклопедии («*Ephraim*

Chambers's Cyclopaedia», 1728) пишет в предисловии: «Те, кто занимается наукой, найдут во многих случаях полезным обратиться к этому словарю *как к книге общих мест* (курсив наш. — В.М.) с тем, чтобы помочь своей памяти, без труда и потери времени, которых обычно требует поиск нужной информации в огромном количестве различных источников» [Уео, 2003, с. 61].

2. На литературном цитировании или текстовой аппликации основан **центон** — стихотворный коллаж, составленный из фрагментов одного или ряда текстов [подробнее см.: Москвин 2013в]. По правилам античной поэтики в роли таких фрагментов могут выступить: а) полустихие, б) стих, в) полусторостишие. Децим Магн Авсоний (IV в. н.э.), сформулировавший это композиционное предписание, полагал, что поскольку сочинение центона представляет собой игру («*ludus*»), соревнование («*aemulatio*», «*contentio*»), то использование фрагментов, превышающих размеры полусторостишия, делает задачу автора слишком простой для выполнения, и составление центона теряет смысл: «взять два стиха сряду будет неловкостью, три — непозволительным промахом (*megae puae*)» [D. Magni Ausonii, 1823, с. 569—570]. Древнейший из дошедших до нас центонов анализируется александрийским грамматиком Дионисием Фракийским (ок. 170—90 до н.э.). Данный центон представляет собой шестистишие о нимфе Эхо и Пане, строки которого «извлечены из разных мест песен Гомера» [Excerpta, 1837, с. 316] (имеются в виду песнь 8 поэмы «Одиссея», а также песни 6, 4, 5 и 15 поэмы «Илиада»):

Од. 8:306 Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги,

Од. 8:307 Вот посмотрите на это смешное и гнусное дело:

Ил. 6:165 Он насладиться любовью со мной захотел, с нехотящей,

Ил. 4:109 Роги его от главы на шестнадцать ладоней вздымались;

Ил. 5:429 Он, занимаясь делами приятными сладостных браков,

Ил 15:271 Гонит упорно меня,* словно рогатую лань или дикую козу. Ил 15:270

3. **Венок сонетов** ([итал. *corona di sonetti*) представляет собой небольшую поэму, состоящую из пятнадцати сонетов. Все пятнадцать частей венка связаны фигурой цепного подхвата, или

конкатенации (ср. итал. *catena* ‘цепь’); это означает, что заключительный стих каждого предыдущего сонета становится первым стихом каждого последующего:

.....
Платана лист на них еще зубчатой
И тоньше прядь изогнутой лозы...
Лампада снов, владычица зачатий!
2
Лампада снов! Владычица зачатий!
Светильник душ! Таинница мечты!
Узывная, изменчивая — ты...
М.А. Волошин

Отсюда — еще одно название венка сонетов в итальянской поэтике: «sonetti a catena», букв. ‘сонеты в виде цепочки’. Первый стих первого сонета в венке становится последним стихом четырнадцатого; это означает, что первый и предпоследний тексты венка объединены фигурой кольца, ср.:

1
Жемчужина небесной тишины
На звездном дне овьюженной лагуны!
.....
14
.....
И пред тобой, — пред Тайной глубины,
Склоняюсь я в молчании великом,
Жемчужина небесной тишины!

Последний, пятнадцатый текст, венчающий собой всю конструкцию, именуется магистралом, или магистральным сонетом (итал. *sonetto magistrale*). Он составляется из тех строчек предыдущих четырнадцати сонетов, которые повторялись при подхвате. Это означает, что магистральный сонет по своему устройству является центоном, а все предыдущие по отношению к нему сонеты играют роль опорных пре-текстов:

Жемчужина небесной тишины,
 Лампада снов, владычица зачатий,
 Кристалл любви, алтарь ночных заклятий,
 Царица вод, любовница волны.

С какой тоской из влажной глубины
 К тебе растут сквозь мглу моих распятий,
 К Диане бледной, к яростной Гекате
 Змеиные, непрожитые сны.

И сладостен, и жутко-безотраден
 Алмазный бред морщин твоих и впадин,
 Твоих морей блестящая слюда —

Лик Ужаса в бесстрастности эфира,
 Ты вопль тоски, застывший глыбой льда,
 Ты жадный труп отвергнутого мира!

Венок сонетов строится по формуле «A...B B...C C...D D...E E...F F...G G...H H...I I...J J...K K...L L...M M...N N...A → ABCD-EFGH-IJK-LMN», в результате «все произведение образует круг наподобие царского венца» [Crescimbeni, 1803, с. 58].

Рассмотрим структурные типы интертекстуальности. Давно замечено, что интертекстуальность есть либо «абсорбция», либо «трансформация другого текста» [Kristeva, 1969b, с. 146], что она «связана либо с перемешиванием высказываний или текстов, либо с производностью одного текста от другого» [Jasinski, 2001, с. 322]. С этой точки зрения ясно различимы два вида отношений между исходным и интертекстуально обогащенным текстом:

«Донор → реципиент» (англ. *donor text* и *recipient text*). Текст-донор и выдержка из него связаны парциальными ассоциациями 'целое ~ часть'. Назовем тип интертекстуальности, основанный на таких ассоциациях, парциальным (лат. *pars* 'часть'), например:

Вопрос: Может ли объем этого центрального шара быть больше объема всего куба?

Ответ: «Познакомился я там с несколькими профессорами. Один из них все время ходил за мной по пятам и разяснял, что прародина цыган была в Крконошах, а другой доказывал, что внутри земного шара находится другой шар, значительно больше наружного»¹ (Материалы интернет-форума).

Необходимо различать текст-донор (целое) и выдержку из него (часть); их отождествление приводит к логически безупречным утверждениям: «К прецедентным текстам относятся не только цитаты из художественных произведений... Прецедентным текстом может быть и имя собственное», например *Добчинский* и *Ноздрев* [Лукин, 1999, с. 73]. При таком подходе прецедентный текст трактуется как знак, «единица обозначения» [Караулов, 1987, с. 217]. Если следовать данной трактовке *ad absurdum*, то получается, что и сами тексты, и извлечения из них являются «прецедентными текстами».

2. «Производящий текст → производный текст» (франц. *texte dérivé*). Производный текст имитирует основные признаки производящего, поэтому тип интертекстуальности, основанный на деривационных ассоциациях, назовем миметическим (греч. *μίμησις* ‘подражание, имитация’). Текст, появившийся в результате мимесиса, именуется вторичным (*texte au second degré*, *texte secondaire*); текст, послуживший основой для мимесиса, — первичным (ср. нем. *Urschrift*, *Urtext*, *Originaltext*, *Grundtext* ‘ранний текст, оригинал’). Ж. Женетт называет первичный текст гипотекстом; вторичный, «производный (*dérivé*) от предшествующего путем трансформации» — гипертекстом; смену персонажей («ролей») — «гипертекстуальной переоценкой» [Genette, 1982, с. 10, 14, 367 и 418]. Миметическая интертекстуальность возникает:

а) При травестировании — лексической переделке претекста, ср.:

---

¹ Выдержка из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время Мировой войны» (гл. IV «Швейка выгоняют из сумасшедшего дома»).

Производящий текст:
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы, —
И заря, заря!..

А. Фет

Производный текст:
Амуниция в порядке,
Отблеск серебра, —
И марш-марш во все лопатки,
И ура, ура!..

Д. Минаев

Основу *шуточного* стихотворения Д. Минаева составляет «ритмико-интонационный макет» *лирического* стихотворения А. Фета, в которое посредством лексических замен «включена инородная тема» [Тынянов, 1977, с. 287]. Сменилась лексическая база производящего текста, но необходимый опознавательный минимум (ритмико-синтаксический каркас, именной стиль, отдельные слова), соотносящий производный текст с производящим, остался.

б) При переосмыслении пре-текста или отдельного его фрагмента, ср.:

Производящий текст:
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы, —
И заря, заря!..
А. Фет. Шепот. Робкое дыха-
нье...

Производный текст:
В «Дымных Тучках» «Пурпур
Розы»,
«Отблеск Янтаря»,
И «Лобзания и Слезы»,
И «Заря», «Заря»!
Мих. Сьухотин. Парфюмерия

Структурное сходство вторичного текста с первичным в случае точного мимесиса позволяет говорить об отношениях производности между первичным и вторичным текстами (например, вслед за Ю. Кристевой, Ж. Женеттом, Н. Пьеге-Гро и др.), а значит, о внутренней форме производного текста.

Определения интертекстуальности регулярно абсолютизируют: 1) парциальный тип, отсюда трактовки интертекстуальности как «синекдохической загадки» [Ронен, 2002, с. 32], как «взаимодействия двух текстов друг с другом внутри одного произведения, выступающего по отношению к ним как целое к части» [Арнольд, Иванова, 1991, с. 15; ср.: Караулов, 1987, с. 216], как «включения в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, пре-

образованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [Арнольд, 1999, с. 346], как «включения интертекстуально организованным текстом сегментов пре-текста» [Hammer, 2006, с. 34], как феномена, возникающего при «повторном использовании мотива или фрагмента текста», в частности при употреблении «автоссылок и автоцитаций» [Limat-Letellier, 1998, с. 27]; как «реконтекстуализации — перехода из одного контекста в другой» [Fairclough, 2003, с. 51], etc.; 2) миметический тип, отсюда отождествление интертекстуальности с имитацией [Goyet, 1987, с. 313—314], а также понимание ее как «имитации текстов прошлого» [Viala, 1997, с. 150], как случая, когда «один текст служит моделью для другого» [Gebauer, Wulf, 1995, с. 89] и т.д. Определение интертекстуальности, данное в рамках одной из двух этих моделей, неизбежно окажется односторонним, а значит, редуктивным.

Сила интертекстуальных связей определяется мерой опознаваемости: а) фрагмента текста как извлеченного из другого текста; б) текста как производного от другого текста. Значимыми в этом плане представляются:

1. Наличие прямой или косвенной, завуалированной ссылки на пре-текст.

2. Степень известности пре-текста реципиенту, т.е. «степень осознания интертекстуальных связей» [Pfister, 1985, с. 29 и 27] как фактор, по которому адресатов делят на «образованных, способных распознать интертекст» и «рядовых» [Пьеге-Гро, 2008, с. 58].

3. Диссонанс форм принимающего / производного текста и пре-текста. Интертекстуальный диссонанс может быть: а) искусственно созданным с помощью специальных средств (кавычек, курсива, etc.); б) естественным: *У частного поверенного Зельтерского слипались глаза. Природа погрузилась в потемки. Затихли ветерки, замолкли птичек хоры и прилегли стада* (А.П. Чехов. Гость); на фоне прозы заметна стихотворная вставка из басни И.А. Крылова «Осел и соловей». Данный критерий как основу «поэтики восприятия» предложил учитывать М. Риффатер, по мнению которого «литературный текст устроен таким образом, чтобы обеспечить собственное декодирование» [Riffaterre, 1979, с. 11], интертекстуальность же опознается «потому, что интертекст оставляет в тексте неизгладимый след — формальную кон-

станту, играющую роль императива для читателя» [Riffaterre, 1980b, с. 4 и 5]. Наличие «маркеров интертекстуальности» [Кузьмина, 2007, с. 129—147], т.е. отмеченность формы интертекстуальных вкраплений, их «аграмматичность», «катахрезность» [Riffaterre, 1981, с. 5; Riffaterre, 1997, с. 37] является фактором, задающим установку на интертекстуальность и определяющим адекватность восприятия таких вкраплений, или «гипограмм» [Riffaterre, 1983, с. 86].

4. Число компонентов, объединяющих выдержку или производный текст с пре-текстом; в этом случае важным оказывается «объем представления исходного текста в тексте-реципиенте» [Фатеева, 2000, с. 121].

5. Степень точности: а) выдержки из пре-текста; б) приближения формы производного текста к форме пре-текста. Иными словами, следует учитывать не только «меру маркированности», но и «меру формальной и семантической трансформированности» заимствований из пре-текста [Арнольд, 1993, с. 354].

Критерии 2—5 актуализируются в случае отсутствия ссылки. По критерию 1 цитирование сильнее аппликации и аллюзии, по критериям 4 и 5 аппликация сильнее аллюзии. Особенностью эксплицитной интертекстуальности следует считать независимость от прецедентной компетентности адресата, ее фигурой — цитирование; особенностью имплицитной интертекстуальности, «с трудом выявляемой» [Пьеге-Гро, 2008, с. 56] — зависимость от прецедентной компетентности адресата и необязательность возникновения, ее фигурами — аппликацию и аллюзию. Травестирирование, пародия и подражание могут стать основой как эксплицитной (при наличии ссылки на пре-текст), так и имплицитной интертекстуальности (при отсутствии такой ссылки).

Существует мнение, что «опознаваемость и восприятие интертекстуальности случайны», поскольку «предполагают определенный уровень культуры» [Riffaterre, 1980 b, с. 5]. Данное мнение неприменимо к цитированию, а также к случаям эксплицитного подражания («Подражания *Корану*» А.С. Пушкина), травестирирования («Переодетая *Энеида*» П. Скаррона) и пародии: так, каждая пародия А. Иванова снабжена эпиграфом, извлеченным из пре-текста.

Подведем итоги. Если рассматривать интертекстуальность как сложное целое, представленное рядом субкатегориальных подтипов, то данную категорию целесообразно описать в виде типологической модели, компоненты которой противопоставлены по ряду параметров таксономического подразделения.

По цели адресанта категория интертекстуальности подразделяется на три интенциональных типа: 1) риторическая (функционально релевантная) интертекстуальность, преследующая эстетические, эристические или иные цели; 2) спонтанная (функционально иррелевантная) интертекстуальность, не поддерживаемая специальными приемами и средствами и возникающая между оригиналом и: а) переводом; б) версифицированным либо прозаизированным вариантом; в) новой редакцией текста; г) адаптацией; д) аннотацией; е) сокращенным вариантом; 3) криптофорная интертекстуальность, имеющая место в случае плагиата.

Риторическая интертекстуальность возникает в результате эксплуатации фигур интертекста, к числу которых относятся цитирование, текстовая аппликация, текстовая аллюзия, парафраз (в частности, травестирование), а также имитация (*imitatio*, *μίμησις*), в частности, пародия и подражание. Как показало исследование, фигуры данного класса являются мощным источником пополнения номинативно-выразительных средств языка, ибо:

1. Регулярно используемая цитата, становясь общеизвестной, переходит в разряд афоризмов, а значит, цитирование является источником афористики.

2. Коммемораты, при условии длительной активной их эксплуатации, превращаются в крылатые слова. Последние, освободившись от «авторских» ассоциаций, входят в ряды *αδελφότα*, или «безымянной фразеологии». Таким образом, текстовая аппликация служит заметным источником фразеологии.

3. Текстовая аллюзия активно пополняет состав интертекстуально отмеченной лексики: а) имен с аллегорическим прошлым (*οσελ* ‘глупец’, *λυσ* ‘хитрец’); б) ассоциативно насыщенных слов-символов (*παρυσ*, *ανچار*); в) деонимов (*Улисс*, *Амфитрион*, *Дон Жуан*, *Ромео*, *Плюшкин*) и др., а значит, является фактором развития лексических ресурсов языковой системы.

4. Травестирирование успешного текста или группы одноструктурных текстов приводит к осознанию их микро- (лексико-синтаксической и ритмической) и макрокомпозиционной структуры как схемы построения тематически и стилистически однородных текстов; в силу данного факта тактику травестирирования следует признать источником новых жанровых схем.

5. Имитация стилевых маркеров успешных идиостилей приводит к появлению новых стилистических техник; иными словами, подражание авторскому стилю является источником фигуративных, или «простых стилей» (макаронического, бурлескного, гротескного, антифразисного, итеративного и др.).

Как видим, «становясь достоянием значительной группы писателей, литературной школы, явления индивидуально-поэтического стиля тем самым механизуются, обнаруживая тенденцию к превращению в языковые шаблоны (клише)» [Виноградов, 1980, с. 4].

По структуре межтекстовых ассоциаций, т.е. отношений между исходным и интертекстуально обогащенным текстом, следует противопоставить два вида интертекстуальности: а) парциальный тип, построенный по формуле «донор → реципиент»; б) миметический тип, подчиненный формуле «производящий текст → производный текст». Тип (а) возникает при использовании цитирования, текстовой аппликации и текстовой аллюзии, тип (б) — при эксплуатации травестирирования и имитации.

Сила интертекстуальных связей определяется мерой опознаваемости: а) фрагмента текста как извлеченного из другого текста; б) текста как производного от другого текста. В этом плане значимы: 1) наличие прямой или косвенной ссылки на пре-текст; 2) степень известности пре-текста реципиенту; 3) диссонанс форм принимающего / производного текста и пре-текста; 4) число компонентов, объединяющих выдержку или производный текст с пре-текстом; 5) степень точности: а) выдержки; б) приближения формы производного текста к форме пре-текста. Критерии 2—5 актуализируются в случае отсутствия ссылки. По критерию 1 цитирование сильнее аппликации и аллюзии, по критериям 4 и 5 аппликация сильнее аллюзии.

Особенностью эксплицитной интертекстуальности следует считать независимость от прецедентной компетентности адресата,

ее фигурой — цитирование; особенностью имплицитной — зависимость от прецедентной компетентности адресата и необязательность возникновения, ее фигурами — аппликацию и аллюзию. Травестирование, пародия и подражание могут стать основой как эксплицитной (при наличии ссылки на пре-текст), так и имплицитной интертекстуальности (при отсутствии такой ссылки).

Литература

- Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб.: Образование, 1993.
- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.
- Арнольд И.В., Иванова Г.М. Уистан Хью Оден: Мастерство. Поэтика. Поиск: учеб. пособие по спецкурсу. Новгород: Изд-во Новг. гос. пед. ин-та, 1991.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996.
- Бен Г.Е. Пародия // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1968.
- Вербицкая М.В. Литературная пародия как объект филологического исследования (на материале англ. языка): учеб. пособие. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1987.
- Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
- Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Изв. РАН. Серия лит. и яз. Т. 61. 2002. № 4.
- Горшков А.И. Лекции по русской стилистике. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2000.
- Давыдова К.В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2006.
- Жирмунский В.М. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996.
- Ильинский И. Плагиат // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 8. М.: Сов. энциклопедия, 1934.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

- Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: КомКнига, 2007.
- Лукин В.А. Художественный текст: Основы теории и элементы анализа. М.: Ось-89, 1999.
- Морозов А.А. Пародия как литературный жанр // Русская литература. 1960. № 7.
- Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М.: URSS, 2013 а.
- Москвин В.П. О цитировании, его видах и функциях // Русский язык в школе. 2013 б. № 10.
- Москвин В.П. К обоснованию понятия 'фигуративный жанр' (на примере центона) // Жанры речи. 2013 в. № 1 (9).
- Москвин В.П. Макароническая речь: история и типология // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 2011 а. № 5.
- Москвин В.П. Бурлескный стиль: опыт типологии // Изв. РАН. Серия лит. и яз. Т. 70. 2011 б. № 6.
- Москвин В.П. Изучаем гротескный стиль // Русский язык в школе. 2011 в. № 6.
- Новиков В.И. Книга о пародии. М.: Сов. писатель, 1989.
- Новиков В.И. Жанровая сущность литературной пародии // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 37. 1978. № 1.
- Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974.
- Остолопов Н. Словарь древней и новой поэзии: в 3 ч. Ч. 2. СПб.: В типографии Императорской Российской Академии, 1821.
- Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. СПб.: Алетейя, 1997.
- Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008.
- Ржанская Л.П. Интертекстуальность. Возникновение понятия. Об истории и теории вопроса // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Розанов И.Н. Подражание // Словарь литературных терминов. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925.
- Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002.
- Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997.
- Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Изв. РАН. Серия лит. и яз. Т. 60. 2001. № 1.

- Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.
- Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Изв. РАН. Серия лит. и яз. Т. 57. 1998. № 5.
- Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в миретекстов. М.: Комкнига, 2000.
- Angenot M. Intertextualité, interdiscursivité, discours social // Texte: Revue de critique et de théorie littéraire. 1983. № 2.
- Ἀριστείδου Τεχνῶν ρητορικῶν // *Rhetores graeci / Em. Ch. Walz. Vol. IX. Stuttgartiae: Sumtibus J.G. Cottae, 1836.*
- Ἀψίνου τέχνη ρητορική // *Rhetores graeci / Ex recogn. L. Spengel. Vol. I. Lipsiae: Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1853.*
- Вое S. Gog and Magog: Ezekiel 38—39 as pre-text for Revelation 19, 17—21 and 20,7—10. Tübingen: Mohr Siebeck, 2001.
- Crescimbeni G.M. Comentarj intorno all'istoria della poesia italiana. Londra: Presso T. Becket, 1803.
- Culler J. The pursuit of signs: semiotics, literature, deconstruction. N. Y.: Cornell Univ. Press, 2002.
- De laudibus beatissimae Virginis et matris Mariae ab utraque origine tum animae tum corporis sermo peregrini Nicolai Celotti patavini. Venetiis: Typis Antonii Bassanesii, 1764.
- Dionysii Halicarnassensis quae exstant Rhetorica et Critica. Oxoniae: Impensis Thomae Bennet, 1704.
- D. Magni Ausonii Burdigalensis Opera omnia. Vol. II. Londini: Curante et imprimente A.J. Valpy, 1823.
- Dupriez B. A Dictionary of Literary Devices: gradus, A-Z. Univ. of Toronto Press, 1991.
- Eigeldinger M. Mythologie et intertextualité. Genève: Editions Slatkine, 1987.
- Ἑρμογένους Περί μεθόδου δεινότητος // *Rhetores graeci / Em. Ch. Walz. Vol. VII. Stuttgartiae & al.: Sumtibus J.G. Cottae, 1834.*
- Excerpta varia // *Anecdota Græca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium / Descr. J.A. Cramer. Vol. IV. Oxonii: E typographeo academico, 1837.*
- Faber G.S. A treatise on the genius and object of the patriarchal, the levitical, and the Christian dispensations. Vol. I. London: St. Paul's church-yard, 1823.

- Fairclough N. *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London: Taylor & Francis, 2003.
- Ferreira P.S. *Paródia ou paródias // Sátira, paródia e caricatura*. Aveiro: Univ. de Aveiro, 2003.
- Φοιβάμμωνος σχόλια περί σχημάτων ρητορικών // *Rhetores graeci* / Em. Ch. Walz. Vol. 8. Stuttgartiae et al.: Sumtibus J.G. Cottae, 1835.
- Gautier Th. *Les grotesques*. Paris: Michel Lévy Frères, 1859.
- Gebauer G., Wulf Ch. *Mimesis: culture, art, society*. Berkeley: Univ. of California Press, 1995.
- Genette G. *Métalepse. De la figure à la fiction*. Paris: Seuil, 2004.
- Genette G. *Palimpsestes. La littérature au second degré*. Paris: Seuil, 1982.
- Goodrich S.D. *The reader and the text: Interpretative strategies for Latin American literatures*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1986.
- Goyet F. *Imitatio ou intertextualité? (Riffaterre revisited) // Poétique*. Vol. 71. 1987.
- Grivel Ch. *Les universaux du texte // Littérature*. Vol. 30. 1978.
- Hammer A. *Lyrikinterpretation und Intertextualität: Studie zu Georg Trakls Gedichten «Psalm I» und «De profundis II»*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006.
- Householder F.W. *ΠΑΡΩΙΔΙΑ // Journal of Classical Philology*. Vol. 39. 1944. № 1.
- Hebel U.J. *Towards a descriptive poetics of allusion // Intertextuality. Research in text theory / Untersuchungen zur Texttheorie / Ed. H.F. Plett*. Vol. 15. Berlin & New York: Walter de Gruyter, 1991.
- Hollander J. *The figure of echo: A mode of allusion in Milton and after*. Berkeley & Los Angeles: Univ. of California Press, 1981.
- Jasinski J. *Sourcebook on rhetoric: Key concepts in contemporary rhetorical studies*. London & Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.
- Johannis Crocii hypotyposes concionum in prophetas quos vocant minores in ecclesia Marpurgensi habiturum. Cassellis: Typis Friderici Hertzogs, 1673.
- Kinney J. L. *Text and pretext: Stanley Kubrick's adaptations*. Los Angeles: Univ. of California Press, 1982.
- Kitzmann A. *Hypertext handbook: the straight story*. N. Y.: Peter Lang Publishing, 2006.
- Kristeva J. (a) *Narration et transformation // Semiotica*. Vol. 1. 1969. № 4.
- Kristeva J. (b) *Σημειωτική. Recherches pour une sémanalyse*. Paris: Seuil, 1969.

- Lemke J.L. Intertextuality and educational research // Uses of intertextuality in classroom and educational research / Ed. N. Shuart-Faris & D. Bloome. Information Age Publishing, 2004.
- Limat-Letellier N. Historique du concept d'intertextualité // L'intertextualité. Paris: Les Belles Lettres, 1998.
- L'inquiétude du discours: Textes de Michel Pêcheux / Ed. D. Maldidier. Paris: Éditions des Cendres, 1990.
- Lynch S.J. Shakespearean Intertextuality. Westport: Greenwood Press, 1998.
- Marthini Lutheri Exegetica opera Latina. T. IX. Erlangae: Sumtibus Caroli Heyderi, 1841.
- M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae: Sumptibus et typis B.G. Teubneri, 1854.
- Miola S.R. Seven types of intertextuality // Shakespeare, Italy, and intertextuality / Ed. M. Marrapodi. Manchester: Manchester Univ. Press, 2004.
- Moss S., Moss C. The New Composition by Logic. Carbondale: Southern Illinois Univ. Press, 1978.
- M. Tullii. Ciceronis Opera ad optimas editiones collata. Vol. II. Biponti: Ex Typographia Societatis, 1780. P. 459
- Naudæana et Patiniana ou Singularitez remarquables, prises des conversations de mess. Naudé et Patin. A Paris: Chez Florentin & Pierre Delaulne, 1701.
- Nodier Ch. Questions de littérature légale: Du plagiat, de la supposition d'auteurs, des supercheries qui ont rapport aux livres. Paris: De l'imprimerie de Crapelet, 1828.
- O'Day G.R. Jeremiah 9:22—23 and 1 Corinthians 1:26—31: A Study in Intertextuality // Journal of Biblical Literature. Vol. 109. 1990. № 2.
- Ong W. The presence of the word. New Haven: Yale Univ. Press, 1967.
- Pfister M. Konzepte der Intertextualität // Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien / Hrsg. U. Broich & M. Pfister. Tübingen: Walter de Gruyter, 1985.
- Philippi Melancthonis opera quae supersunt omnia. Vol. XVII. Halis Saxonum: Apud C.A. Schwetschke et filium, 1851.
- Plett H.F. Intertextualities // Intertextuality. Research in Text Theory. Berlin & New York: Walter de Gruyter, 1991.
- Porteau P. Montaigne et la vie pédagogique de son temps. Paris: Librairie E. Droz, 1935.

- Pre-text, text, context: essays on nineteenth-century French literature / Ed. R.L. Mitchell. Columbus: Ohio State Univ. Press, 1980.
- Redmond M.J. Shakespeare, politics, and Italy: intertextuality on the Jacobean stage. Burlington: Ashgate Publishing, 2009.
- Riffaterre M. La production du texte. Paris: Seuil, 1979.
- Riffaterre M. La Syllepse intertextuelle // Poétique. Vol. 40. 1979 a.
- Riffaterre M. Syllepsis // Critical inquiry. Vol. 6. 1980. № 4.
- Riffaterre M. La trace de l'intertexte // La Pensée: Revue du rationalisme moderne. Vol. 215. 1980 b.
- Riffaterre M. L'intertexte inconnu // Litterature. Vol. 41. 1981.
- Riffaterre M. Semiotique de la poesie. Paris: Seuil, 1983.
- Riffaterre M. Contraintes intertextuelles // Texte(s) et intertexte(s). Amsterdam: Rodopi, 1997.
- Robbins V.K. Exploring the texture of texts: a guide to socio-rhetorical interpretation. Harrisburg: Trinity Press, 1996.
- Rose M. A. Parody: ancient, modern, and post-modern. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993.
- Scaliger J.C. Poetices libri septem. Genovae-Lyons: Apud Antonium Vincentium, 1561.
- Tuet J. Ch.F. Matinées sénonoises: ou Proverbes françois, suivis de leur origine. A Paris: Ches Née de la Rochelle, 1789.
- Viala A. Le Butin galant // Texte(s) et intertexte(s). Amsterdam: Rodopi, 1997.
- Vorster W.S. Speaking of Jesus: essays on biblical language, gospel narrative, and the historical Jesus / Ed. J.E. Botha. Leiden et al.: Brill, 1999.
- Woodhouselee A. Essay on the principles of translation. Edinburgh: Printed by Neill & Co., 1813.
- Yeo R.A. Solution to the Multitude of Books: Ephraim Chambers's Cyclopaedia (1728) as «the Best Book in the Universe» // Journal of the History of Ideas. Vol. 64. 2003. № 1.

ГЛАВА 2. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт

С.Г. Воркачев

Понятие интертекстуальности, существовавшее «безымянно» еще со времен Сократа и Аристотеля, как термин было введено в научный обиход относительно недавно (1967) Ю. Кристевой, представительницей французской литературоведческой школы и теоретиком постструктурализма, для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым они могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга: «Любой текст строится как мозаика цитаций... и трансформация какого-нибудь другого текста» [Кристева, 2004, с. 167]. Этот термин вытеснил другие, близкие по значению термины: «схождения», «влияния», «традиции», «следования образцу», «текст в тексте», «текстовые реминисценции» и пр. А под постструктурализмом, как известно, понимается обобщенное название для разных научных течений, объединенных по принципу более или менее единого научно-методологического подхода к осмыслению культуры, где текст рассматривается в своей включенности в постоянный процесс смыслообмена с культурной средой.

Идеология интертекстуальности выросла из философского диалогизма Античности, представленного в русской филологической традиции прежде всего работами Михаила Бахтина, где он утверждал, что любое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами, а сам термин «интертекстуальность»

возник в концепции Ю. Кристевой в результате переосмысления работ российского литературоведа. Учение М. Бахтина об универсальности диалогического характера речи, о том, что любой текст возникает как ответ, явный или неявный, на другой, уже созданный текст, лежит в основе теории интертекстуальности. Действительно, для того, чтобы в диалоге, как бы он ни понимался, коммуникация состоялась, необходимо, чтобы «диктальная», референциальная часть сообщения («то, о чем идет речь») у участников диалога совпадала, а это и будет в определенном смысле «интертекстом»: «Два высказывания, отдаленные друг от друга и во времени и в пространстве... обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т.п.» [Бахтин, 1972, с. 116].

Собственно лингвистическое изучение интертекстуальности, интенсивно проводимое в российской лингвистике с конца 90-х годов (см.: [Арнольд, 1999; Солодуб, 2000; Гаспаров, 2002; Петрова, 2004; Литвиненко, 2008; Москвин, 2011] и пр., а также десятки кандидатских диссертаций), в принципе, предстает как исследование вербальных способов реализации общих и частных функции языка (коммуникативной, денотативной / референциальной, экспрессивной, речевого воздействия, поэтической, метатекстовой и пр.) применительно к межтекстовым связям.

В исследовании межтекстовых связей выделяются несколько ведущих направлений.

Прежде всего в соответствии с «широким» пониманием интертекста изучается структурное, речежанровое подобие обеих частей интертекста — его «архитекстуальность» в терминологии Ж. Жетта (см.: [Петрова, 2004, с. 65]). В то же самое время «узкое» понимание интертекста ограничивает его исследование изучением «материального» подобия частей интертекста как включения в основной текст других текстов или их фрагментов («в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд, 1999, с. 351].

По степени явленности и опознаваемости включенного текста изучаются «фигуры интертекста» [Москвин, 2011, с. 78]: цитирование, реминисценции, аллюзии, парафраз, травестирирование и различного рода имитации авторского стиля (пародии, подражания).

По коммуникативной направленности различаются пародия и подражание, с одной стороны, где основным условием коммуникативной успешности выступает опознаваемость имитируемого («миметического» — [Москвин, 2011, с. 20]) текста, и плагиат, условием успешности которого является как раз неопознаваемость заимствованного текста, которой всячески и безуспешно пытаются добиться плагиаторы: в ответ на создание компьютерной программы «Антиплагиат», позволяющей определить в тексте количество заимствованного текста в виде «незакавыченных цитат», тут же появилась программа «Анти-антиплагиат», делающая заимствуемый текст неузнаваемым для первой за счет изменения в нем порядка слов и замены синонимов.

Нужно отметить, что расширительное понимание интертекстуальности позволяет включить в число интертекстов образования, сходные не только по структуре, но и по «материальной части», характеризующиеся целостностью подобия — своего рода изоморфизмом, и тогда туда попадают переводы, как межъязыковые — с одного естественного языка на другой, — так и межсемиотические — театральные постановки литературных произведений, экранизации, реинтерпретации, римейки и пр.

Особое место среди таких интертекстов занимают продолжения (см.: [Слышкин, 2000, с. 39—40]) — вторичные тексты, созданные профессионалами на основе популярных произведений другого автора или фольклора, в которых действие продолжается в уже созданном «воображаемом мире», взять, например, роман А. Рипли «Скарлет», созданный на основе «Унесенных ветром» М. Митчелл, или киноцикл «Бондиана» (см.: [Ключникова, 2012]), созданный разными авторами на основе романов о Джеймсе Бонде уже после смерти Яна Флеминга.

Продолжения, созданные непрофессионалами на некоммерческой основе, весьма популярные в Интернете для определенной аудитории, преимущественно женской, получили название «фанфиков» (сокращение от английского fan — фанат, поклонник и fiction — беллетристика, выдумка, художественная литература) (см.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>; <http://wiki.cimmeria.ru/index.php>). Эти любительские сочинения по мотивам популярных художественных произведений (романов, кинофильмов, телесериалов

и пр.), комиксов, а также компьютерных игр создаются их поклонниками и включают как элементы оригинала, так и вымысел своего создателя. Они получают неоднозначную оценку у пользователей Глобальной сети: это «фанатские бредни по мотивам какого-либо произведения» вызывающие «непреодолимое желание пройтись автору по пальцам стальным ломом», хотя «встречаются и хорошие, годные фанфики» (см.: <http://lurkmore.to>).

Интертекст образуется явным или неявными присутствием в тексте «минимальной пары»: с одной стороны «интекста» — текста, включенного в основной текст (см.: [Петрова, 2004, с. 30]), с другой — пре-текста (пред-текста, про-текста, прототекста, прецедентного текста, «текста-донора» — [Москвин, 2011, с. 17]), которому уподобляется и с которым связан ассоциативно интекст. Как представляется, в изучении интертекстуальности исследовательский фокус сосредоточен, главным образом, как раз на интексте, исходя из которого изучаются его связи с «внешними» источниками, к которым он отправляет.

Понятие прецедентного текста в отечественную лингвистику ввел Ю.Н. Караулов: «Назовем прецедентными тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 216].

В дальнейшем выдвинутое понимание прецедентности в российских лингвокультурологических исследованиях было расширено, дополнено и конкретизировано. Было сформулировано понятие прецедентного феномена как социально и культурно значимого общеизвестного представления о чем-либо, выполняющего в социуме роль эталона культуры, метафоризированного и символичного (см.: [Гудков, 1999, с. 23—24; Красных, 2003, с. 170—171]). Были выделены уровни прецедентности: индивидуальный («автопрецедентный» — [Гудков, 1999, с. 25]), социально-групповой, национальный и универсальный (см.: [Гудков, 1999, с. 24—26]), из которых культурно значимыми оказываются лишь феномены последних двух уровней (см.: [Красных, 2003, с. 173—183]). Была разработана

типология прецедентных феноменов, включающая прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена (см.: [Гудков, 1999, с. 26—29; Красных, 2003, с. 172—173]).

Прецедентные феномены отличаются от прецедентов вообще как событий или фактов, имевших место ранее прежде всего своей культурной значимостью (см.: [Гудков, 1999, с. 27]). По отношению к слову прецедентные феномены разбиваются на два класса: вербализованные — прецедентные высказывания и прецедентные имена, и вербализуемые, т.е. могущие быть вербализованными, — прецедентные тексты и прецедентные ситуации, хранящиеся в сознании носителей языка в «свернутом», минимализованном виде в форме инварианта своего восприятия (см.: [Гудков, 1999, с. 27; Красных, 2003, с. 171—172, 187, 190]), а обращение к ним осуществляется через связанные с ними прецедентные высказывания или прецедентные имена.

Интертекстуальность и прецедентность в каком-то интервале абстракции выглядят как разноименные понятия, что-то вроде идеографических синонимов («стеганка-ватник», «плетень-чastoкол»), отличающиеся лишь внутренней формой представления идентичного семантического содержания: это отношения между как минимум двумя культурно значимыми явлениями, отраженными в сознании, из которых одно предшествует другому. В то же самое время в лингвистическом понимании прецедентные феномены шире (интер)текста, поскольку включают, как уже говорилось, помимо вербальных единиц (имени и высказывания) единицы, могущие быть вербализованными (текст и ситуацию). И если в изучении интертекстуальности фокус исследовательского внимания направлен в первую очередь на интекст в составе текста-реципиента, то исследование прецедентных связей идет, скорее, в противоположном направлении: от прецедентного текста (пре-текста) к интексту. Общим же моментом интертекстуальности и прецедентности является, безусловно, их принадлежность к свойствам «культурных предметов».

Концепт (*conceptum / conceptus*) как логико-философский термин, отличный от понятия (*notio*), возникший в многовековой полемике схоластов-богословов об онтологической сущности уни-

версалий и выступавший, по мысли Пьера Абеяра, в качестве связующего звена разнопорядковых идей мира, был в то же самое время самым непосредственным образом связан со словом — «логосом», его воплощавшим (см.: [Неретина, 2010, с. 306—307]). Спустя без малого тысячелетие он «воскрес» терминологически в преобразованном виде в российской философии под именем «мировоззренческих универсалий» [Степин, 2010, т. 2, с. 343—344], совокупность которых образует своего рода «социогеном», обеспечивающий преемственность духовной культуры, а в российской лингвистике — под именем «культурных концептов» [Логический анализ языка, 1991] — «понятий жизненной философии», «обыденных аналогов мировоззренческих терминов» (см.: [Арутюнова, 1993, с. 3—6; 1998, с. 617—631]), которые затем получили расширение и стали «лингвокультурными концептами» (ЛК-концептами).

ЛК-концепт получил свое определение как единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой (см.: [Воркачев, 2001, с. 70]), под которое попадало великое множество разновидностей лингвокультурных образований, выделяемых по тем или иным признакам и основаниям, от концепта «Бог» до концепта «боевой листок», при условии, что все они в той или иной мере «отмечены лингвокультурной спецификой» (см.: [Воркачев, 2005, с. 78; 2011, с. 64]).

В ЛК-концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности — закрепленного в языке базового национально-культурного прототипа его носителя (см.: [Воркачев, 200, с. 67]). ЛК-концепт — синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в «снятом» виде. В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий ЛК-концепт принимает от понятия дискурсивность представления смысла, от образа — метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения — включенность его имени в лексическую систему языка (см.: [Воркачев, 2005, с. 75]).

ЛК-концепт — многомерное ментальное образование, в котором выделяются несколько качественно отличных составляющих (слоев, измерений, страт, секторов и пр.): понятийная, отражающая

его признаковую и дефиниционную структуру; образная, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании; ценностная, отражающая ценность денотата этого концепта в глазах социума; и значимостная, определяемая местом, которое занимает имя концепта в языковой системе и пр. (см. подробнее: [Воркачев, 2003, с. 9; 2007, с. 14—15]).

Нужно заметить, что выделение в составе ЛК-концепта образной составляющей (типového представления, гештальта, прототипа, стереотипа, символа и пр.) как раз отличает его от соответствующего понятия, лишенного наглядности (см.: [Воркачев, 2003, с. 9; 2011, с. 67—68]). Можно отметить также особую, инструментальную роль образной составляющей, поскольку она представляет собой своего рода средство выражения понятийного содержания последнего (см.: [Воркачев, 2011, с. 67—68; Савицкий, 2012, с. 53]).

Образная составляющая по качественным характеристикам содержащихся в ней образов разделяется прежде всего на две части: перцептивную-образную, отражающую опыт чувственного восприятия денотата концепта субъектом сознания, и метафорически-образную, фиксирующую метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию и которые позволяют этому сознанию «видеть» и, тем самым, понимать эти абстрактные сущности, т.е. «ведать» — одновременно и видеть, и знать (см.: [Воркачев, 2007, с. 17]). Далее, в составе образной составляющей к уже выделенным образно-метафорической и образно-перцептивной добавляется еще и образно-прецедентная, в которую входят закрепленные в языковом сознании ассоциативные признаки литературных и фольклорных персонажей, олицетворяющих исследуемый концепт (см.: [Воркачев, 2011, с. 70]), включающие ЛК-концепт в «вертикальный контекст», формирующий его прецедентные свойства, — способность ассоциироваться с вербальными, символическими либо событийными феноменами, известными всем членам этнокультурного социума (см.: [Воркачев, 2003, с. 10]).

Здесь можно добавить, что психологически в онтогенезе прецедентность лежит в основе любой образности: и представления, и воображение создаются человеческим сознанием в результате

обработки полученных из предыдущего опыта чувственных образов — зрительных, слуховых, тактильных и пр.

Понятие интертекстуальности возникло в постмодернистской текстологии, сфокусированной на рассмотрении взаимодействия текста с семиотической *культурной* средой, и представляет собой один из способов трансляции кода *культуры*, понятие прецедентности связано с коллективными представлениями в сознании «культурных предметов» (см.: [Гудков, 1999, с. 27]), а базовой единицей лингвокультурологии является концепт, который при любом толковании сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в *культуру* и язык (см.: [Воркачев, 2011, с. 64]). Как можно видеть, «общим знаменателем» интертекста, прецедентных феноменов и лингвокультуры выступает культура, что делает практически неизбежной встречу исследований интертекстуальности и прецедентности с лингвокультурологией и их эвристическое слияние в теории «культурной концептологии», поскольку «интертекст» — среда обитания культурных концептов» [Степанов, www].

Действительно, культура в целом, как материальная, так и прежде всего духовная — прецедентный феномен: технологии, социальные и духовные нормы составляют «социогеном», обеспечивающий ее преемственность от поколения к поколению. Так, для возникновения чувства любви необходимо, чтобы человек обладал определенным «алфавитом чувств», задаваемым социальным и индивидуальным уровнем культуры, в котором бы имелся знак для любви (см.: [Гозман, 1987, с. 137—141]); как выяснилось, понятие «война» отсутствует в когнитивной картине мира островного племени тасадаев, жившего в условиях каменного века в изоляции от «цивилизации», не в последнюю очередь по причине отсутствия соответствующего языкового знака (см.: [Норман, 1996, с. 59]); опять же российское негативное отношение к закону и правосудию в значительной мере определяется «разведенностью» этического и юридического аспектов правосознания, когда в основе справедливости («правды») лежит совесть, а в основе правосудия — закон (см.: [Воркачев, 2003 а, с. 51—52]).

Как установлено (см.: [Воркачев, 2005, с. 77; 2007, с. 14]), отличительной чертой ЛК-концепта является обладание «именем»,

совпадающим, как правило, с доминантой соответствующего синонимического ряда, через которое он включается в лексическую систему конкретного естественного языка. Это имя может быть прецедентным: индивидуальным (собственным) именем, связанным с широко известным (прецедентным) текстом или широко известной (прецедентной) ситуацией (см.: [Гудков, 1999, с. 28; Красных, 2003, с. 172]). Прецедентные имена используются в речи в качестве неких культурных знаков — символов, отправляющих к «жизни и судьбе» вообще через истории и судьбы реальных или вымышленных личностей. Прецедентное имя обладает определенной структурой, складывающейся из отличительных признаков (внешность, характер, прецедентная ситуация) и атрибутов (кепка Ленина и Лужкова, бакенбарды Пушкина, маленький рост Наполеона и пр.) (см.: [Красных, 2003, с. 198—202]).

Если вернуться к структуре лингвокультурного концепта — к его составляющим, то можно увидеть, что прецедентное имя отправляет к его определенным образом гипостазированной прецедентно-образной подсоставляющей.

Появление лингвокультурной концептологии как раздела лингвокультурологии напрямую связано с антропоцентрической переориентацией парадигмы гуманитарного знания — в западной терминологии лингвокультурологию так и называют — «антропологическая лингвистика». И вполне закономерно, что изучение языка *человека* не могло обойтись без исследования языковой личности — исследования, которое оформилось в такое отдельное научное направление, как лингвоперсонология (см.: [Нерознак, 1996]).

Уже в русле лингвоперсонологии сформировалось изучение этнокультурных, социокультурных и коммуникативных свойств языковой личности как лингвокультурного типажа, начатое в Волгоградской лингвоконцептологической школе и подхваченное российской лингвоконцептологией (см.: [Щербаева, 2010; Старцева, 2012]). В «узнаваемых образах представителей определенной культуры» [Карасик, 2009, с. 179], производных от типологии языковых личностей, выделяются этнокультурные («российский предприниматель», «американский адвокат», «американский гангстер», «английский сноб», «британская королева», «англий-

ский дворецкий», «китайский врачеватель», «русский интеллигент», «американский ковбой», и пр.) и социокультурные («аристократ», «политик», «разгильдяй», «комсомолец», «пижон» и пр.) типы (см.: [Лингвокультурные типажи, 2008; 2010]).

Как представляется, лингвокультурный типаж — это одна из наиболее ярких точек сопряжения интердискурсивности, прецедентности и лингвокультуры, поскольку в нем обобщаются этно- и социокультурные свойства реально существующих либо существовавших исторических или вымышленных личностей.

Лингвокультурный типаж — разновидность ЛК-концепта, и в нем, как и в любом лингвокультурном концепте, выделяются несколько качественно разнородных составляющих (см.: [Карасик 2009: 180]), в том числе, естественно, и образная, в которой типизируются чувственно воспринимаемые признаки определенной языковой личности.

ЛК-типаж как ментальная сущность представляет собой абстракцию среднего уровня, стоящую между гипостазированными качествами и отношениями (счастье, любовь, справедливость и пр.) и прототипами отдельных предметов. Как и любая абстракция, стоящая за языковым знаком, для лингвокультурного сообщества ЛК-типаж существует прежде всего в виде «многомерных и недискретных образов» [Гудков, 1999, с. 108], в которых «воплощаются» эти абстракции. Как и любой концепт ЛК-типаж имеет свое имя, совпадающее с доминантой соответствующего синонимического ряда, которая выделяется на основании таких признаков, как частотность, стилистическая нейтральность, степень синтаксической свободы, широкозначность и употребимость в качестве семантического множителя при лексикографическом описании этого концепта. Наличие у концепта имени как раз и свидетельствует об органичной принадлежности этого концепта к определенной лингвокультуре.

Однако ЛК-типаж, как правило, помимо своего основного, «первого», дискурсивного и нарицательного имени, одинарного («пижон», «аристократ», «политик», «разгильдяй», «комсомолец») или бинарного («русский предприниматель», «американский адвокат», «американский гангстер», «русский интеллигент» и пр.), обладает еще и «вторым» именем, собственным и

прецедентным, через которое конкретизируется эта абстракция (см.: [Карасик, 2009, с. 185]). Этим «вторым именем» ЛК-типажа может быть как имя реально существовавшей или ныне существующей личности («прецедентной личности» — см.: [Слышкин, 2004, с. 124—154; Черноморец, 2010]), так и имя вымышленного персонажа или героя художественного произведения. В то же самое время «прецедентная личность» довольно часто выступает прототипом героя / персонажа художественного произведения, в котором воссоздается ее мифологизированный образ — достаточно вспомнить имя красного командира Василия Чапаева, ставшее прецедентным главным образом благодаря роману Д.А. Фурманова «Чапаев» и одноименному фильму.

«Вторые имена» ЛК-типажа, как правило, образуют своего рода синонимический ряд, имеющий свою доминанту, представленную именем собственным, наиболее часто в лингвокультурном сообществе ассоциирующимся с соответствующим концептом: героя / мученика войны и предателя, разведчика / шпиона и сыщика и пр. Другими признаками доминантности национального прецедентного имени, помимо частотности, выступают 1) тенденция к включению в юмористический дискурс — оно, как правило, фигурирует в бытовых анекдотах, образуя целые циклы (анекдоты о Чапаеве, о Штирлице, когда-то о майоре Пронине); 2) тенденция к переходу в разряд нарицательных — Пинкертон → пинкертон, Иуда → иуда (см.: [Красных, 2002, с. 87]).

Так, в ряду героев (Василий Чапаев, Григорий Котовский, Александр Пархоменко, Николай Щорс, Михаил Фрунзе, Семен Буденный и пр.) и мучеников (Сергей Лазо, сожженный в топке паровоза; Виталий Бонивур, у которого вырвали сердце, и др.) гражданской войны доминантное место, безусловно, занимает Чапаев, ставший героем множества анекдотов. В ряду героев и мучеников Великой Отечественной войны (Георгий Жуков, Алексей Мересьев, Александр Матросов, Дмитрий Карбышев, Зоя Космодемьянская, Сергей Тюленин и пр.) с «женской стороны» впереди идет Зоя Космодемьянская, член диверсионной группы, повешенная немцами после пыток («Всех не перевешаете!»), а с «мужской стороны» здесь лидируют Георгий Жуков, маршал-победитель, Алексей Маресьев / Мересьев, безногий летчик и герой повести Бориса По-

левого «Повесть о настоящем человеке», и Александр Матросов, закрывший грудью амбразуру вражеского дота, ставшие героями анекдотов («Сталин: Товарищ Жюков, Вы должны взять Берлин к 1-му Мая. — Жуков: Я попытаюсь, товарищ Сталин». — Ну что ж, попытайтесь. Попытка не пытка. Не так ли, товарищ Берия?»; «Угадайте, кто это: по лесу болтается, шишками питается? — Алексей Мересьев»; «Мать твою перемать! Опять гололед! — подумал Александр Матросов, падая на амбразуру дота»). Имя Сергея Тюленина, героя-молодогвардейца, сброшенного после пыток вместе с товарищами в шахту, сегодня встречается на российском телевидении в качестве «погоняла»: в каком-то телесериале это кличка бандита, не выдавшего на допросах своих подельников. Интересно, что ни афганская война — последняя, которую вел СССР, ни обе чеченские войны, которые вела новая Россия, прецедентных, культурно значимых героических имен не оставили.

В ряду же имен анти-героев, предателей и изменников (Иуда Искариот, Брут, генерал Власов, гетман Мазепа, относительно недавние полковник Пеньковский и генерал Калугин), лидирует, конечно, Иуда, однако анекдотов о нем или о ком-либо из этого ряда как-то не наблюдается.

ЛК-типаж сыщика в русской лингвокультуре представлен целым рядом прецедентных имен, как «импортных» (Нат Пинкертон, Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, мисс Марпл, комиссар Мегрэ, лейтенант Коломбо и пр.), так и отечественных (майор Пронин, Эраст Фандорин, Лев Гуров и пр.). По признаку «нарицательности» лидирует здесь Нат Пинкертон, главный герой детективных историй о гениальном сыщике, автор которых неизвестен; по признаку «анекдотичности» — Шерлок Холмс Конан Дойля («Ватсон, я вижу, вы побывали у рэкетиров? — Да. Но как вы догадались, Холмс? — Элементарно, Ватсон! Вы лежите в гробу!») и майор Пронин, персонаж произведений Льва Овалова («Во время доклада Брежнева арестовали одного из присутствовавших в зале, который потом оказался шпионом. — Как вам удалось распознать врага? — спрашивает майора Пронина Брежнев. — Я руководствовался высказанным Вами в докладе тезисом: “Враг не дремлет!”»). Персонажам Агаты Кристи, Жоржа Сименона, Бориса Акунина и Николая Леонова и прочих стать героями анекдотов, очевидно, не удалось.

Еще длиннее синонимический ряд имен разыскиваемых: «тайных агентов» — шпионов и разведчиков. Нужно заметить, что необходимым условием прецедентности имени *тайного* агента выступает его профессиональная (провал) либо физическая смерть — на то он и тайный.

Ряд иностранных тайных агентов (шпионов) открывает, условно, Джеймс Бонд, агент 007, созданный воображением Яна Флеминга (см.: [Красных, 2002, с. 92]) и в анекдотах выступающий спарринг-партнером майора Пронина («Убедившись, что слезки нет, агент 007 прошмыгнул в общественный туалет, вытащил из кармана записку с заданием Центра. Выучив текст, порвал ее на мелкие кусочки, бросил их в унитаз и спустил воду... но тут же в ужасе отпрянул: из унитаза на него смотрели умные, пронизательные и немного усталые глаза майора Пронина»). Гендерный аналог Джеймса Бонда — это, очевидно, Мата Хари, за которой идет Никита, героиня нескольких одноименных сериалов.

Что касается разведчиков — тайных агентов отечественного разлива, то в длинном ряду имен реальных либо фикциональных личностей (Штирлиц-Исаев, созданный Юлианом Семеновым и Татьяной Лиозновой; Лев Маневич, герой романа Евгения Воробьева «Земля, до востребования», просидевший после провала долгие годы в итальянской тюрьме; Николай Кузнецов герой экранизированных романов — «Сильные духом», «Это было под Ровно» Дмитрия Медведева; Ладейников, прототип разведчика Молодого / Лонсдейла в фильме «Мертвый сезон»; Вайс-Белов, герой экранизированного романа «Щит и меч» Вадима Кожевникова; Рихард Зорге, полковник Абель и пр.), то недосыгаемым лидером здесь оказывается Штирлиц (см.: [Красных, 2002, с. 92]), вокруг имени которого создан целый цикл анекдотов («Штирлиц, Вам знакомы эти ботинки? — спросил Мюллер. Штирлиц узнал бы эти ботинки из тысячи. Они были сделаны из кожи пастора Шлага»).

Опять же, за без малого четверть века история новой России прецедентных имен разведчиков не оставила, не считая же российской Матой Хари провалившуюся, не начав действовать, и высланную на родину Анну Чапман, а новым Штирлицем бывшего агента ЦРУ Эдварда Сноудена, получившего убежище в России.

Озабоченность поисками смысла жизни — один из доминантных признаков русского национального характера и русской лингвокультуры (см.: [Воркачев, 2011а, с. 6]): «Русский — это тот, кто страдает в поисках *смысла жизни*, но не печалится, посадив виллу в карты...» (Гладильщиков). Эта склонность русского человека к поискам разумных оснований бытия и размышлениям о смысле жизни, связанная исторически с регулярной «смутностью» переживаемых времен, как представляется, даже заложена в лексической системе русского языка и обуславливается вполне прозрачной «внутренней формой» слова «с-мысл» (от «мысль, мыслить»). В русской философской мысли сам термин «смысл жизни» впервые появился в дневниках Л.Н. Толстого и активно употреблялся им в рукописи «Исповедь», написанной в 1882 году и не опубликованной при жизни автора, а затем уже использовался в работах русских религиозных философов начала XX века: Николая Бердяева, Ивана Ильина, Евгения Трубецкого, Семена Франка и др.

Вполне обоснованно можно полагать, что в русской лингвокультуре присутствует вместе с «правдоискателем» ЛК-типаж: «искателя смысла жизни».

На образ «смыслоискателя» в русской литературе, очевидно, может претендовать Вошев — герой платоновского «Котлована», однако его имя на статус «прецедентного», т.е. «связанного с широко известным текстом», явно не «тянет», поскольку оно в наши дни известно лишь редким «по-читателям» Андрея Платонова и не менее редким литературоведам, занимающимся его творчеством. Платоновский Вошев, как представляется, конкретизирует вполне определенный «лингвокультурный типаж» российского искателя «всеобщего и долгого смысла жизни», которого интересует «точное устройство мира» и «план общей жизни», который не может «действовать бессмысленно» и предпочитает «посидеть и подумать».

Тем не менее прецедентные имена, «по касательной» связанные с образами искателей смысла жизни, в русской лингвокультуре присутствуют «апофатически», через отрицание: это имена так называемых «лишних людей», смысла жизни отроду не имевших или же искателей смысла жизни-неудачников, этот смысл пытавшихся, но так и не сумевших найти — *penseurs ratés*. Их ряд открывается Онегиным, Печериным, Обломовым, большин-

ством тургеневских героев и заканчивается горьковскими босяками, — образами людей одаренных, но бывших в тягость себе и другим, не нашедшими применения своим талантам, слыvuщими в общественном мнении «опасными чудаками», живущими «без цели и трудов», стоящими среди современников «как нечто лишнее» (Пушкин). Сюда попадают и лесковский Левша, и даже фурмановский Чапаев, ставший лишним, поскольку «он ничего не может добавить к общему благу революции» [Базылев, 2009, с. 169—169]; сюда можно присоединить также шукшинских «чудиков» и «бесбашенных», ведомых по жизни «ложным смыслом». Все эти «неприкайнные» (см.: [Даниленко, 2008, с. 116—117]) не находят своего призвания и своего достойного места в жизни и смысла жизни вообще.

Подведем итоги. Интертекстуальность представляет собой один из способов трансляции кода *культуры*, понятие прецедентности связано с коллективными представлениями в сознании «культурных предметов», а базовой единицей лингвокультурологии является концепт, который при любом толковании сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в *культуру* и язык. «Общим знаменателем» интертекста, прецедентных феноменов и лингвокультуры выступает культура, что делает практически неизбежной встречу исследований интертекстуальности и прецедентности с лингвокультурологией и их эвристическое слияние в теории лингвокультурной концептологии.

Отличительной чертой лингвокультурного концепта является обладание «именем», совпадающим, как правило, с доминантой соответствующего синонимического ряда, через которое он включается в лексическую систему конкретного естественного языка. Это имя может быть прецедентным: индивидуальным (собственным) именем, связанным с широко известным текстом или широко известной ситуацией. Прецедентные имена используются в речи в качестве неких культурных знаков — символов, отправляющих к «жизни и судьбе» вообще через истории и судьбы реальных или вымышленных личностей. Прецедентное имя отправляет к определенным образом гипостазированной прецедентно-образной подставляющей лингвокультурного концепта.

Появление лингвокультурной концептологии как раздела лингвокультурологии связано с антропоцентрической переориентацией парадигмы гуманитарного знания и вполне закономерно, что изучение языка *человека* не могло обойтись без исследования языковой личности — исследования, которое оформилось в такое отдельное научное направление, как лингвоперсонология, а уже в русле последней сформировалось изучение этнокультурных, социокультурных и коммуникативных свойств языковой личности как лингвокультурного типажа. Лингвокультурный типаж — это одна из наиболее ярких точек сопряжения интердискурсивности, прецедентности и лингвокультуры, поскольку в нем обобщаются этно- и социокультурные свойства реально существующих либо существовавших исторических или вымышленных личностей.

Лингвокультурный типаж как ментальная сущность представляет собой абстракцию среднего уровня, стоящую между гипостазированными качествами и отношениями и прототипами отдельных предметов. Как и любая абстракция, стоящая за языковым знаком, для лингвокультурного сообщества ЛК-типажи существуют прежде всего в виде недискретных образов, в которых «воплощаются» эти абстракции. Как и любой концепт ЛК-типаж имеет свое имя, совпадающее с доминантой соответствующего синонимического ряда.

ЛК-типаж, как правило, помимо своего основного, «первого», дискурсивного и нарицательного, имени, обладает еще и «вторым» именем, собственным и прецедентным, через которое конкретизируется эта абстракция. Этим «вторым именем» ЛК-типажа может быть как имя реально существовавшей или ныне существующей личности, так и имя вымышленного персонажа или героя художественного произведения.

«Вторые имена» ЛК-типажа, как правило, образуют своего рода синонимический ряд, имеющий свою доминанту, представленную именем собственным, наиболее часто в лингвокультурном сообществе ассоциирующимся с соответствующим концептом. Другими признаками доминантности национального прецедентного имени выступают: 1) тенденция к включению в юмористический дискурс — это имя, как правило, фигурирует в бытовых анекдотах; 2) тенденция к переходу в разряд нарицательных.

Литература

- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
- Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Базылев В.Н. Лихо лишнего человека // Дискурс, концепт, жанр. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
- Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1.
- Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003.
- Воркачев С.Г. Права человека в русской и латинской афористике и паремиологии: концепт «правосудие / справедливость» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М.: МАКС Пресс, 2003 а.
- Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филол. науки. 2005. № 4.
- Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия лит. и языка. 2007. Т. 66. № 2.
- Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития Известия РАН. Серия лит. и языка. 2011. Т. 70. № 5.
- Воркачев С.Г. Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2011а.
- Гаспаров Б.М. Литературный интертекст и языковой интертекст // Семиотика и информатика: сб. научных статей. М.: РИНТИ, 2002.
- Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М.: МГУ, 1987.
- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: МГУ, 1999.
- Даниленко В.П. Размышления о смысле человеческой жизни // Этносемиотика ценностных смыслов. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2008.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

- Ключникова В.Ю. Дискурсивная репрезентация системы возможных художественных миров в жанре «Бондианы»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012.
- Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
- Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004.
- Лингвокультурные типажи. М.: Гнозис, 2008.
- Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности. Волгоград: Парадигма, 2010.
- Литвиненко Т.Е. Интертекст и его лингвистические основы (на материале латиноамериканских художественных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2008.
- Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991.
- Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001.
- Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сборник научных трудов МГЛУ. Вып. 426: Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996.
- Норман Б.Ю. Основы языкознания. Мн.: Белорусский фонд Сороса, 1996.
- Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа. Иркутск: ИГЛУ, 2004.
- Савицкий В.М. Идея, схваченная знаком. Самара: ПГСГА, 2012.
- Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004.
- Солодуб Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филол. науки. 2000. № 2.
- Старцева Т.В. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа *EMIGRANT* (на материале произведений ирландской литературы XX—XXI веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.

- Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 2001. № 1.
- Степанов Ю.С. «Интертекст» — среда обитания культурных концептов (к основаниям сравнительной концептологии). URL: <http://www.abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm>
- Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010.
- Черноморец М.В. Лингвокультурные концепты германских канцлеров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
- Щербаева А.А. Лингвокультурные типы «учитель» и «врач»: общекультурные и индивидуально-авторские характеристики (на материале прозы А.П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010.

ГЛАВА 3. Интертекстуальность и гипертекстуальность в интернет-коммуникации¹

Т.Н. Колокольцева

Интертекстуальность — категория, привлекающая пристальное внимание современных исследователей (см., например, работы И.В. Арнольд, Ю.Л. Высочиной, Н.А. Кузьминой, Т.Е. Литвиненко, В.П. Москвина, Н.С. Олизько, Ю.С. Степанова, Л.С. Тихомировой, Н.А. Фатеевой, В.Е. Чернявской, G. Allen и др.). Хотя явление диалогической переключки текстов и даже теория интертекстуальности отнюдь не новы [см. об этом подробнее: Москвин, 2011, с. 7—10], данная категория и объясняющие ее концепции оказались удивительно созвучными нашему времени — эпохе постмодернизма и массового приобщения к Интернету.

Интернет-коммуникация, вне всякого сомнения, представляет собой наиболее специфичную сферу воплощения категории интертекстуальности. Технически опосредованное общение в электронной среде создает поистине уникальные возможности для реализации данной категории. Глобализация интертекстуальных связей в Интернете, формирование электронного текстуального континуума и беспрецедентного по масштабам гипертекста, по сути, открывают новую эру в бытовании данной категории.

Поэтому вполне закономерно то обстоятельство, что среди важнейших признаков интернет-коммуникации и интернет-дискурса

---

¹ Глава подготовлена в рамках проекта 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (грант РГНФ)

(виртуального дискурса, компьютерно-опосредованного дискурса) исследователи называют интертекстуальность и гипертекстуальность [см., например: Лутовинова, 2009, с. 136—146; Галичкина, 2012, с. 63—64]. Однако вопрос о специфике указанных категорий и их соотношении в интернет-коммуникации до конца не прояснен. При этом очевидно, что данные категории имеют в интернет-общении иную значимость и иное звучание по сравнению с коммуникацией традиционной, не опосредованной технически и не связанной с электронной средой.

Под интертекстуальностью, вслед за Е.А. Баженовой, мы понимаем «текстовую категорию, отражающую соотношенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [Баженова, 2003, с. 104].

Наиболее яркими проявлениями интертекстуальности и смежных с ней категорий в Интернете представляются следующие:

- формирование глобального текстуального (и интертекстуального) континуума виртуального характера;
- резкое увеличение степени открытости текстов и возможность быстрого автоматического обнаружения эксплицитных межтекстовых связей;
- наличие электронной гипертекстуальности как имманентного свойства интернет-среды;
- усиление значимости в интернет-коммуникации категории диалогичности;
- особая роль фигур интертекста (в частности, возрастание удельного веса и изменение — по сравнению с традиционной коммуникацией — функций цитат и ссылок);
- расширение коммуникативного пространства прецедентности и резкий рост количества отсылок к прецедентным феноменам.

Интернет как информационное пространство планетарного масштаба не случайно вызывает в сознании исследователей (и главных носителей языка) аналогии с библиотекой, хранящей все знания человечества [см., например: Дедова, www; Allen, 2000, с. 199]. По объему заключенной в ней информации Глобальная сеть, без всякого сомнения, превосходит все ранее существовавшие и ныне

существующие библиотеки, вместе взятые. Однако глобальная электронная библиотека — это не просто хранилище триллионов текстов. Благодаря современным компьютерным технологиям, каждый из размещенных в открытой зоне Интернета текстов проиндексирован и представлен не только как единое целое, но и как набор составляющих, текстовых фрагментов разного объема, от достаточно обширных (например, разделы, главы, сверхфразовые единства) до минимальных (предложения, словосочетания, отдельные лексемы). От каждого из текстовых фрагментов протянуты незримые связующие нити к составляющим других текстов. В момент поступления информационного запроса через поисковые системы межтекстовые связи, существующие как потенциальные, становятся вполне реальными, и интернет-пользователь получает развернутый перечень электронных адресов, по которым находятся коррелирующие друг с другом тексты.

Приведем несколько примеров такого плана. На запрос *гений чистой красоты* 5 февраля 2014 г. поисковая система «Яндекс» выдала 1 млн ответов. В их числе были не только знаменитое пушкинское стихотворение К*** (*Я помню чудное мгновенье*), но и многие другие тексты. Прежде всего это произведение В.А. Жуковско-го «Лалла Рук», откуда, по всей вероятности, было позаимствовано А.С. Пушкиным данное словосочетание. Цитируем два катрена из указанного первоисточника:

Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он!

В.А. Жуковский

Поисковая система «Яндекс» также отсылает пользователей к большому количеству разностилевых и разножанровых произведений нашего времени, включающих данное словосочетание в виде

цитаты или текстовой аппликации. Приведем в качестве примеров фрагменты некоторых из этих текстов:

- юмористическое стихотворение Г. Подольского «Размышления на кухне»

Привычно жарила котлеты
Супруга, стоя у плиты,
И вспомнил я слова Поэта:
— **Как гений чистой красоты!**

Шипело в сковородке масло,
И вся изящна и проста
Моя жена смотрелась классно,
А также новая плита... (ИнтерЛит: междунар. лит. клуб. URL: <http://www.interlit2001.com/between—13—4.htm>);

- материал «**Гений чистой красоты**», посвященный художнице Наде Рушевой в Женской социальной сети My.Julia.ru: *Время от времени в наш мир приходят особенные люди. Надя Рушева пришла в искусство в середине XX века, когда в обществе уже начали меняться идеалы и духовные ориентиры. Она, словно «гений чистой красоты», легко вошла во взрослый мир, принесла в него свое непосредственное видение прекрасного* (URL: <http://www.myjulia.ru/article/346975>);

- рубрика «**Гений чистой красоты**» на страницах интернет-журнала Woman.ru, где размещаются рекомендации косметолога о различных средствах по уходу за лицом и телом (URL: <http://www.woman.ru/beauty/face/article/45983>) и мн. др.

На запрос *рукописи не горят* поисковая система «Яндекс» выдала 551 тыс. ответов. Большинство отсылок указывает, естественно, на сам роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Значительная часть источников передает сведения об истории появления данного выражения. Среди них, в частности, «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» Вадима Серова (М.: Локид-Пресс, 2003). В электронной версии указанного издания (http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords) сообщается, что по своему про-

исхождению данный оборот связан с романом «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова (гл. 24 «Извлечение мастера»). Смысл выражения толкуется следующим образом: ‘слово, живую человеческую мысль ни уничтожить, ни запретить нельзя’.

Имеются также ссылки на современные произведения, в которых данное предикативное сочетание используется как фигура интертекста. Например, это рассказ Сергея Пилипенко «**Рукописи горят**» на сайте **Проза.ру**. Приведем начальный фрагмент произведения:

Уже изрядно успела набить оскомину в моих <...> мозгах приевшаяся до желудочных колик фраза **«рукописи не горят!»** Ею украшают свою речь все, кому не лень, и вставляют к месту и не к месту. Она легко ложится на любую филологическую подложку. **Как не горят? Где не горят? У кого не горят? Да горят они, еще как горят!.. Выпыхивают** легким бумажным пеплом в бездонные и безжалостные небеса. Спросишь у доморощенных писателей-философов: **«А почему это они не горят, рукописи?»** — ударятся они в пространные рассуждения высокопарным слогом о сакральном и многозначном смысле этой фразы. Скажут типа: в физическом смысле **подвергнуть воздействию огня и сжечь их, конечно, можно**, а в духовном смысле они незыблемо вечны! Как египетские пирамиды. И даже еще прочнее. Может, вам просто хочется страстно в это верить? Может быть, вы имеете в виду в первую очередь свои собственноручные «нетленки»? — хочется спросить у них. Что-то мне лично с большим трудом верится во все это <...> (<http://www.proza.ru/2011/10/24/13>).

Последний пример интересен тем, что отражает своеобразный лингвистический эксперимент автора. Хотя о художественных достоинствах самого произведения можно спорить, но следует признать, что С. Пилипенко достаточно умело играет с прецедентным высказыванием *Рукописи не горят*, которое он якобы не приемлет. Автор освежает внутреннюю форму выражения, помещает его в новый литературный контекст и строит с участием данного оборота серию фигур интертекста. Цепочка парафразов получает здесь риторическое усиление за счет включения в *писму* — прием, пред-

ставляющий собой нагнетание частных вопросов «с целью сбить с толку, затруднить либо исключить возможность ответа или оправдания» [Москвин, 2007, с. 556]. Знаковым является и само название рассказа (*Рукописи горят*), которое вступает в интертекстуальную переключку с булгаковским высказыванием и вместе с тем с ним контрастирует.

Благодаря современным поисковым системам в Интернете достаточно легко стало обнаруживать межтекстовые связи, которые автор вторичного текста не хотел бы афишировать, а именно случаи плагиата и компиляции. Для выявления подобных случаев достаточно набрать в поисковой строке небольшой по объему фрагмент проверяемого текста, и система выдаст перечень источников, из которых информация могла быть позаимствована. Вместе с тем следует признать, что поисковые системы Интернета пока способны обнаруживать лишь эксплицитные межтекстовые связи, которые проявляются в виде буквальных совпадений (повторов) тех или иных фрагментов в составе текста-реципиента и текста-донора. Выявлять менее очевидные межтекстовые связи (ассоциативные переключки текстов, заимствование идей, сопровождающееся перефразировкой соответствующего фрагмента текста-реципиента) поисковые системы пока не в состоянии.

Интернет создает практически неограниченные возможности для реализации категории диалогичности и эксплицитной диалогической переключки текстов по схеме «стимул—реакция». Можно с уверенностью говорить о том, что никогда ранее данная категория не получала столь мощного и впечатляющего воплощения. Любая информация, любой текст, размещенные во всемирной Сети, могут вызывать (и, как правило, вызывают) диалогические реакции пользователей Интернета (подробнее об этом см. в работе: Колокольцева, 2012).

Категория диалогичности в интернет-коммуникации получает яркое воплощение не только в таких ее жанрах, как чат, форум, интернет-конференция. Диалогически ориентированными являются многочисленные интернет-издания, электронные версии традиционных изданий, вся блогосфера и социальные сети.

Показательно, что указание на диалогичность как важнейшее качество современных СМИ можно встретить в рекламе некоторых

электронных изданий. В качестве примера приведем фрагмент из анонса журнала «Ростов Электронный» (Ростов-на-Дону):

«**Диалогичность.** Мне отвечают, значит я существую. В современном мире не хватает этой формы общения, и Интернет призван стать ведущим и поддерживающим диалог. Читатели могут вести диалог посредством форумов, писем, конференций, дневников, обращаться к ведущим рубрик с вопросами и предлагать новые темы из жизни и о жизни города» (http://www.onlinegazeta.info/rostov/rostov_na_donu_erostov.htm).

Насущная потребность оформления диалогических реакций на ту или иную информацию, размещенную в Глобальной сети, на актуальные события общественной, политической, культурной, научной жизни обусловила появление и активное распространение специфического жанра, ориентированного на указанную функцию — жанра *интернет-* (или *веб-*) *комментария* (от англ. *comment* — комментарий; в интернет-сленге — *коммент*, *-ы*). Вопрос о специфике интернет-комментария по сравнению с традиционными разновидностями данного жанра в последнее время начал обсуждаться в научной литературе [см., например, работы: Стексова, 2013; Тирон, www; Abdullina, Ageeva, Smirnova, 2014].

Т.И. Стексова в статье «Комментарий как речевой жанр и его вариативность» сопоставляет разные виды комментария по набору жанрообразующих признаков, выдвинутых Т.В. Шмелевой: 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) коммуникативное прошлое; 5) коммуникативное будущее; 6) языковое воплощение. Автор рассматривает следующие виды комментария: научный (в том числе, комментарий-примечание); комментарий в печатных СМИ; аналитический и протестный комментарий, интернет-комментарий. Несмотря на то что перечисленные виды комментария выделяются по разным признакам (сфера использования, содержательная специфика и др.), а следовательно, могут пересекаться, сама попытка выявить и описать внутрижанровую дифференциацию комментариев представляется весьма интересной.

Т.И. Стексова полагает, что для интернет-комментария характерны следующие особенности: 1) коммуникативная цель —

оценочно-императивная; 2) автор — любой интернет-пользователь; 3) адресат — другой пользователь Интернета; 4) коммуникативное прошлое — реакция на текст; 5) коммуникативное будущее — ориентация на дальнейшую коммуникацию; 6) языковое воплощение — «разговорно-бытовой стиль с использованием просторечья и ненормативной лексики, повышенная эмоциональность и экспрессивность» [Стексова, 2013, с. 87].

Думается, что пункты (1) и (6) нуждаются в некоторых уточнениях. Императивная составляющая коммуникативной цели текстов данного жанра, по нашему мнению, является факультативной. Что же касается отмеченных автором языковых особенностей, то они характерны не только для интернет-комментария, а для большинства диалогических жанров интернет-общения.

Л.Р. Абдуллина, А.В. Агеева, Е.А. Смирнова, проведя сопоставительный анализ интернет-комментария, с одной стороны, с традиционным комментарием (где авторами являются профессиональные журналисты), с другой — с жанрами интернет-коммуникации (блогами, форумами), приходят к достаточно обоснованному выводу о том, что интернет-комментарий следует считать самостоятельным жанром интернет-общения [Abdullina, Ageeva, Smirnova, 2014, с. 357].

На наш взгляд, интернет-комментарий как жанр обладает отчетливо выраженной интертекстуальной направленностью, поскольку обычно передает реакцию на некий достаточно хорошо известный его автору текст (базовый текст, или текст-стимул). Заметим, что текст-стимул, в свою очередь, может быть реакцией на определенное общественно значимое событие. Таким образом, информационный повод для появления интернет-комментария может носить синкретичный характер (текстово-событийный).

В структурном и семантическом планах интернет-комментарий обладает очень высокой вариативностью. Его линейная протяженность может колебаться от минимальной (одна или несколько словоформ) до весьма значительной (от нескольких абзацев до страницы). Тематически и семантически интернет-комментарий почти всегда тесно связан с базовым текстом. Однако тональность, степень аналитичности, характер лексического наполнения текстов сильно зависимы и от специфики языковой личности коммуникан-

тов, и от того интернет-ресурса, на котором происходит обмен мнениями, и от характера текста-стимула.

Покажем особенности интернет-комментария на конкретном фактическом материале. В начале июля 2013 г. интернет-сообщество активно обсуждало ситуацию, связанную с реформированием РАН и поспешным принятием Госдумой соответствующего законопроекта. На статью Александра Рубцова «No pasaРАН», опубликованную в «Новой газете» от 05.07.13 (<http://www.novayagazeta.ru/politics/58915.html>), материалы Леонида Радзиховского «Компромисс слона с посудной лавкой» (<http://www.echo.msk.ru/blog/radzihovski/1109764-echo>) и Юрия Самодурова «Это касается всех, а не только РАН» (<http://www.echo.msk.ru/blog/samodurov/1110392-echo>), размещенные в блогосфере радио «Эхо Москвы», были даны сотни острых комментариев неравнодушных к происходящему россиян. Приведем некоторые из этих диалогических реакций (для удобства пронумеруем их по порядку следования):

(1) ben laden, 05 июль 2013 в 16:46

ТАК ЧТО? ОСТАВЛЯЕМ РАН ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ, КАК ОНА ДОСТАЛАСЬ ЕЩЕ ОТ СССР? Старая песня коммунистов: «советское — значит отличное». И, следовательно, не смей трогать — лучше же не сделать! Это ж советское!!! Здравоохранение, образование, наука, армия, пенсионная система и пр.

Ну уж лучше никакой, чем такая, как сейчас, или как тогда, 20 лет назад, в «светлом прошлом»... Только деньги бюджетные тратить впустую. Лучше бы уж просто отдали их, народные бюджетные деньги, назад — Народу. А Народ как-нибудь сам решит, без всяких «экспертов», где лечиться-учиться...

(2) Павел Шумкин, 05 июль 2013 в 17:04

Вопрос не в том, кто и что собирается делать с наукой, медициной, образованием, культурой, спортом, экономикой, политикой, профсоюзами, НКО, интернатами, интернетами, населением и страной. Базовый вопрос-проблема — как это делается. А делается традиционно топорно, с наскоку и агрессией. С взаимным унижением и ненавистью. Как в стане врагов. Именно эта технология ничего не родит, кроме того же, из чего и родилась.

(3) ben laden, 05 июль 2013 в 23:19

Ну да, давайте резать гангренозный палец медленно, по частям и постоянно «советуясь» с больным: «Не беспокоит-с?» Гангрену мазью и притиркой не возьмешь — только ампутация до здоровой ткани. И чем раньше и радикальней — тем больше удастся сохранить ноги у пациента — легче протез потом носить.

(4) Павел Шумкин, 06 июль 2013 в 06:58

Видать, Вы из хирургов. Вам не пояснить другое.

(5) ben laden, 05 июль 2013 в 23:39

Только вот эта «научная продукция», за малым исключением, как автомобиль «запорожец» — давно уже никого не устраивает. А денег жрет немерено, Народных денег.

(6) Анатолий Клименский, 05 июль 2013 в 23:32

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что - - - есть.

А.С. Пушкин. 1835.

(7) ben laden, 05 июль 2013 в 23:45

5+ !!!! Завидую Вам — ну как же это я сам не вспомнил-то???

(8) Варвара Кугашова, 06 июль 2013 в 02:23

Ученые — это звучит гордо. Но есть ученые и ученые.

Петр Капица перед Сталиным не боялся защищать своих коллег,

а другие... пасквили на А.Д. Сахарова подписывали. И вышли с протестом только в СВОЮ защиту,

Напомнить бы им: не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит по тебе.

Вот и зазвонил.

А когда пришли за ними, заступиться было некому...

Ау, люди, а мы слышим колокольный звон???

(9) Валентин Бедеров, 06 июль 2013 в 13:59

Александру Рубцову поклон за статью. Свыше 20 лет работал в системе АН СССР — РАН. Знаю ее недостатки. Но проводимая «реформа» — это лечение больной головы путем ее отрубания...

В стране уничтожаются ОСТАТКИ независимости, свободомыслия. Конечно, после падения режима все члены... будут судимы. «Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе...».

(10) Евгений Ковальски, 05 июль 2013 в 18:53

Вообще я думаю дело не в реформе РАН, а в другом <...>. Несмотря на высокие цены на нефть как основной источник стабильности, промышленность в 2013 году показывает упорное снижение роста. Долги России растут и на сегодняшний день составляют около 600 млрд долларов. Продолжается массовый отток денег из страны. Рубль обесценивается, и страдают те, у кого малый доход (продовольствие покупаем за доллары, цены растут). Растет стоимость ЖКХ, зажимается малый бизнес <...>. Короче, денег нет. И скоро нечем будет платить пенсионерам, бюджетникам при одновременном росте цен, которые скаканут, как всегда, осенью. Вывод: возможны брожения в народе, недовольства и даже забастовки. То есть разрушение системы.

Чем пополнить казну? Кем пожертвовать? Реформа РАН — одно из таких пополнений, а именно ограничение расходов и управление их имуществом. Как-никак миллиарды.

В общем Путин скребет по сусекам, чтобы было, чем платить народу по осени. В РАН — слабовольные мужики. Да и рыльце у самих в пушку, сдают помещения в аренду под рестораны и офисы вместо занятия наукой, а в подвалах и общагах размещают гостарбайтеров. Сидят на готовом, обленились. Потому крыть этим лже-академикам нечем <...>. Путин рискнул и как всегда выиграл. Выиграл лично для себя. Для сохранения системы (<http://www.novayagazeta.ru/politics/58915.html? p=3#comments>).

Из приведенных примеров отчетливо видно, что жанр интернет-комментария не обладает жесткой текстовой структурой. Реакции участников дискуссии могут быть как предельно лаконичными, похожими на реплики разговорного диалога (см., например, № 4, 7), так и достаточно развернутыми (№ 1, 8, 10). Тексты комментариев отличаются тональностью (ср. экспрессивные и категоричные высказывания пользователя с эпатажным ник-неймом *ben laden* и взвешенные комментарии других участ-

ников дискуссии), наличием или отсутствием аргументации. Разнятся они и по языковому наполнению: одни авторы не выходят за пределы литературного языка, другие используют сниженную (разговорную, просторечную и жаргонную) лексику и фразеологию: *скаканут* (цены), *как-никак*, *видать*, *притирка*, *мужики*, *жрет*, *общага*, *скрести по сусекам*, *рыльце в пушку* и др. Объединяются же все приведенные комментарии интертекстуально и тематически (ориентация на один и тот же базовый текст, одно и то же событие внеязыковой действительности). Важными объединяющими признаками следует считать также субъективно-личностный характер сообщений и их оценочность.

В настоящее время можно с уверенностью говорить об экспансии жанра интернет-комментария в виртуальном коммуникативном пространстве. Многие интернет-издания культивируют данный жанр. Технически это обеспечивается наличием опции *Комментировать* после текста публикуемых материалов, а также тем, что структура интернет-изданий, как правило, включает наличие блогов или форумов, что предполагает обмен мнениями со стороны читателей соответствующего издания (или интернет-версии какого-либо СМИ: газеты, журнала, радиостанции).

Коммуникативную направленность комментариев редакторы интернет-изданий и модераторы сайтов стараются регламентировать через обращения к читателям (или инструкции для интернет-пользователей). Приведем пример подобного обращения, опубликованного в Газете.Ру в период сложной политической ситуации на Украине и в Крыму в феврале-марте 2014 г.:

В связи с событиями, происходящими в мире, мы призываем вас к трезвому и взвешенному комментированию материалов на нашем сайте.

Мы с уважением относимся к праву каждого человека высказывать свое мнение. В то же время редакция «Газеты.Ру» не приветствует призывы к агрессии, экстремизму, межнациональной вражде. Также просим воздерживаться от оскорблений, в частности националистического характера.

Вы можете обсуждать наши новости и статьи как в комментариях на сайте, так и в наших группах в Facebook, «ВКонтакте»,

«Одноклассниках», Google+ и Twitter. Мы надеемся на скорейшую нормализацию ситуации и мирный исход любых конфликтов (<http://www.gazeta.ru/comments/column/shahnovskaya/5940245.shtml#comments>).

Активное использование жанра интернет-комментария в современном компьютерно-опосредованном дискурсе вполне закономерно. Рассматриваемый малый жанр является в определенном смысле уникальным, поскольку целиком ориентирован на категории интертекстуальности и диалогичности, на выражение обратной связи между автором и читателем. Основное назначение текстов интернет-комментария — передать точку зрения адресата речи, его видение обсуждаемой проблемы, его оценочную позицию. Современный адресат категорически не желает быть пассивным получателем информации, а интернет-комментарий дает возможность любому пользователю Интернета проявлять коммуникативную активность, включаясь в диалог с авторами текстов.

Интертекстуальность в интернет-коммуникации проявляется также через активное использование цитации. Имеется в виду цитация в узком понимании — как фрагмент того или иного чужого текста с указанием на источник. На форумах и в блогосфере приведение точных цитат с атрибуцией помогает многочисленным интернет-пользователям сориентироваться в том, с каким именно суждением в широком потоке высказанных мнений согласен либо не согласен участник дискуссии. Цитирование, как и комментирование, поддерживается технически (имеется специальная опция «Цитировать») и характеризуется специфическим оформлением, которое может не совпадать на различных интернет-ресурсах. Приведем примеры:

02.10.2012, 21:53 Эвридика

Цитата:

Сообщение от **Гармония**

Странно как-то звучит: «Отдали 20 лет семье, поживите для себя». А семья для кого создавалась, не для себя ли?

И мне дико это читать. Что значит «отдала семье»? Я этого не понимаю. Семья это что — принудительные работы? Тюремное

заклучение? Плен? Зачем тогда вообще семью создавать? Детей рожать? (<http://www.pogovorim.net/forums/showthread.php?t=7965>).

Иногда цитату предваряет выполненная в режиме технической вставки формула: X (ник автора высказывания, на которое дается ответ) *писал* (*a*). Паспортизация сообщений может дополняться порядковым номером высказываний. Например:

#14557, создано: 28.02.2014 12:17

Мари писал(а) 27.02.2014 22:41 #14521 (<http://forum.kinonews.ru/>).

Иногда цитата маркируется крупным знаком-символом: ” (кавычки).

Мозаика цитаций в Интернете порождает обилие ссылок, которые целесообразно делить на *гипертекстовые* и *интертекстовые* [Олохтонова, www]. Первые характерны исключительно для технически опосредованной коммуникации в электронной среде, вторые используются и в коммуникации традиционной. Гипертекстовые ссылки (гиперссылки) представляют собой узлы перехода от одного текстового фрагмента к другому, благодаря которым интернет-пользователь имеет возможность выстраивать индивидуальную траекторию движения в текстуальном континууме. Интертекстовые ссылки отправляют читателя или интернет-пользователя к какому-либо иному тексту, который он должен найти самостоятельно на электронных или бумажных носителях.

Гипертекстовые и интертекстовые ссылки неодинаковы по своим функциям. По мнению О.А. Олохтоновой, исследовавшей гипертекстовые ссылки на материале жанра блога, для гиперссылок характерны следующие функции: *коммуникативная, презентативная, развлекательная, координационная, мемуарная, рефлексивная и психотерапевтическая* [Там же]. По мнению Л.А. Кочетовой, в структуре гипертекста гиперссылки выполняют две основные функции: *воздействующую* (мотивирующую пользователя открыть гиперссылку) и *связующую* (позволяющую соединить исходный текст с целевым текстом, находящимся на другом сайте или веб-странице) [Кочетова, 2012, с. 261]. Второе решение вопроса нам

представляется более универсальным и убедительным. Что же касается интертекстовых ссылок, то, по-видимому, их функции варьируются в зависимости от того типа дискурса, в котором они реализуются [см., например: Алейникова, 2006; Саблина, 2011].

Интернет как глобальная коммуникационная среда создает уникальные возможности для реализации категории прецедентности. Проявления данной категории в виртуальной коммуникации достаточно подробно изучила О.В. Лутовинова [2008, 2009]. Среди прецедентных феноменов, представленных в Интернете, исследователь выделяет те, которые возникают в других типах дискурса (и для которых Интернет является лишь хранилищем) и те, которые рождаются непосредственно в условиях виртуального дискурса (например, среди прецедентных *имен* — *это Вася Пупкин, Шушпанчик, Вуглускр*).

Интернет бесконечно множит первые и способствует развитию культурологического фона вторых. Так, *Вася Пупкин*, персонаж, обозначающий среднестатистического пользователя Интернета, не только имеет высокую популярность в Сети (на соответствующий запрос 9 марта 2014 г. поисковая система *Яндекс* выдала 399 тысяч ответов, а поисковая система *Гугл* — 819 тысяч), но и является объектом мифотворчества и героем фольклорных произведений. Так, на сайте Стихи.Ру помещена поэма под названием «Грустная история про Васю Пупкина», где в 6 частях (*Корни, Школа, Армия, Деятельность, Вечный двигатель, Эпилог*) описывается история персонажа от рождения до трагической гибели. Приведем несколько небольших фрагментов данного текста:

Корни

В захолустной деревеньке, отдаленной от столицы,
Жил простой российский парень. Его звали Вася Пупкин.
С детства Васю окружали выдающиеся лица,
Что в конце определило его мысли и поступки.

Его мать была дояркой. В сына ведрами вливала
Молоко, что на работе получала вместо платы.
Папа был интеллигентом. Когда крепко выпивал он,
Вместо сказок Вася слушал его пьяные трактаты...

С молоком впитал коровьим и с отцовским перегаром
Жгучую любовь к Отчизне всей душой своей Василий.
И поэтому с пеленок обладал он редким даром,
Даже, когда кушал кашу, думал только о России <...>.

Вечный двигатель

<...> Вася, впрочем, как обычно, с головой ушел в работу,
Все крутил, стучал кувалдой, сваривал, втыкал антенны.
Он творил. Но между делом, сидя по уши в заботах,
Воспаление на пальце не заметил совершенно.

Две недели он трудился в постоянном напряженье,
С каждым днем еще сильнее палец Васи воспалялся,
И, почувствовав однажды жар и головокруженье,
На кровать прилег Василий... и уж больше не поднялся.

Сколько бы еще старался, и какие были планы!

Думал, чем помочь России! Он не думал о могиле.

Только, жалко, помешала, обработать спиртом рану

Утопичная идея о «перпетуге мобилле»... (<http://www.stihi.ru/2012/06/07/7680>).

Данный персонаж предстает в Сети в великом множестве образов, зафиксированных вербально (в виде разножанровых текстов) и невербально (в виде рисунков), что является наглядным подтверждением неограниченных возможностей Глобальной сети в плане развития и тиражирования прецедентных феноменов.

Важнейшим проявлением текстуальности в интернет-среде является *гипертекстуальность*, которая получает воплощение в виде электронного гипертекста. Следует заметить, что понятие гипертекста, чрезвычайно сложное и многомерное по своей сути, относится к числу наиболее востребованных и широко обсуждаемых в различных парадигмах современной науки. Не вызывает сомнений, что популярность понятия и термина *гипертекст* в настоящее время значительно превосходит популярность коррелирующих с ним понятий и терминов *интертекст* и *интертекстуальность*. Об

этом, в частности, свидетельствуют данные, выдаваемые поисковыми системами Интернета. Приведем количество ответов на соответствующие запросы по состоянию на июнь и декабрь 2013 г.

Таблица 1

Интертекст / интертекстуальность, гипертекст / гипертекстуальность в Интернете

Термин	Поисковые системы			
	<i>Яндекс</i>		<i>Гугл</i>	
	июнь 2013 г.	декабрь 2013 г.	июнь 2013 г.	декабрь 2013 г.
<i>Интертекст</i>	48 000	57 000	206 000	203 000
<i>Интертекстуальность</i>	50 000	53 000	86 200	79 000
<i>Гипертекст</i>	339 000	390 000	21 400 000	69 200 000
<i>Гипертекстуальность</i>	3000	3000	5730	22 900

Таблица 1 в целом показывает высокую популярность интересующих нас терминов (по данным системы *Яндекс*, — растущую, по данным *Гугл* — колеблющуюся для двух первых терминов, растущую — для двух других). Несколько меньшая востребованность термина *гипертекстуальность* (по сравнению с остальными), отраженная в приведенных данных, по-видимому, объясняется тем, что теоретическое осмысление данной категории — дело будущего. В то же время, судя по информации от поисковой системы *Гугл*, в течение полугода интерес к данной категории возрос почти в 4 раза.

Термин *гипертекст* в настоящее время используется по отношению к вербальным и невербальным произведениям, размещенным на бумажных и электронных носителях. Явление гипертекста, необычайно многоплановое и неоднозначно трактуемое, рассматривается в современной науке в ряде аспектов:

- 1) информационно-техническом (Т.Н. Nelson, М.М. Субботин, В.Л. Эпштейн и др.);
- 2) философском, культуроведческом, эстетическом (В.В. Негуторов, В.В. Бычков, В.П. Руднев, Е.Ю. Чилингир и др.);
- 3) литературоведческом (см., например: М. Визель, С. Корнев и др.);
- 4) лингвистическом (G.P. Landow, А.Н. Баранов, О.В. Дедова, М.В. Масалова, А.С. Махов и др.).

В зависимости от реализуемого подхода варьируются понимание данного явления и характер его дефинирования. Гипертекст может пониматься и определяться, в частности, следующим образом:

- как результат действия гипертекстовых систем и технологий, как компьютерно опосредованный способ хранения информации и оперирования этой информацией, для которого характерны сочетание линейности и нелинейности, наличие гиперссылок, возможность самостоятельного определения интернет-пользователем индивидуального маршрута для усвоения информации;
- как «способ коммуникации в обществе, ориентированном на множественные потоки разнотипной информации, которые не могут быть целиком восприняты и усвоены субъектом», в связи с чем «знание организуется в сеть относительно свободных сообщений» [Чилингир, www];
- как некий свертхтекст, глобальный текст, созданный человечеством на протяжении всей истории его развития;
- как совокупность текстов (обычно имеющих отсылки к другим текстам данного источника), которые могут рассматриваться в любой последовательности, выборочно или в полном объеме (например, словарь, справочник, энциклопедия);
- как собрание текстов, объединенных по персоналогическому, тематическому и (или) хронологическому принципам (например, совокупность произведений одного автора, одного литературного направления, одной исторической эпохи);
- как совокупность всех текстов, представленных в глобальной Сети Интернет и мн. др.

Хотя диапазон трактовок понятия *гипертекст* необычайно широк, однако очевиден достаточно четкий водораздел между двумя ипостасями данного феномена: гипертекста, рассматриваемого в рамках традиционной коммуникации и по отношению к различным массивам обычных текстов (на бумажных и других неэлектронных носителях) и гипертекста в сети Интернет (электронного гипертекста). В первом случае гипертекст выступает как некий конструкт с достаточно неопределенной и размытой семантикой, сущность которого может трактоваться исследователями в очень широких пределах. Во втором случае гипертекст представляет собой вполне определенное явление, сущность которого в общих чертах понятна любому пользователю Интернета. Поэтому дефиниции электронного гипертекста могут быть достаточно простыми и прозрачными. Так, создатель термина Теодор Нельсон (Theodor Nelson) определяет гипертекст как «форму текста, который ветвится и осуществляется по запросу». Пол Делани (Paul Delaney) и Дж. Ландау (George Landow) характеризуют гипертекст «как вариативную структуру, состоящую из множества текстов и электронных связей, которые их объединяют» [Delaney, Landow, 1991, с. 3].

Фрагмент модели гипертекста с его разветвленной структурой можно условно представить следующим образом:

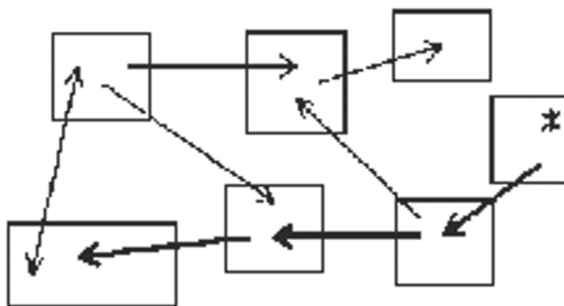

Рис. 1

В отечественной лингвистике наиболее полная и разноаспектная характеристика электронного гипертекста дана в работах

О.В. Дедовой. Приведем две дефиниции, отражающие сущностные и принципиально важные признаки данной категории:

1. «...гипертекст — это нечто превосходящее и по принципам своей организации, и по своей информационной сущности текст, понимаемый как феномен, чья обособленность от других текстов в той или иной степени интуитивно осознается всеми. В результате *гипер-* (*сверх-, над-*) *текст* обозначает собой некое информационное пространство, позволяющее разрушить формальную обособленность отдельного, конкретного текста, в него помещенного, за счет создания системы переходов, служащей объединению этих отдельных текстов в сверткестовые единства [Дедова, 2006].

2. Гипертекст — это «модель организации электронного текста, характеризующаяся специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающая возможность читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц» [Там же].

Таким образом, электронный гипертекст — это отнюдь не абстрактный конструкт, а имманентное свойство интернет-среды, с которым ежедневно имеют дело миллионы людей. Электронный гипертекст явлен миру «весомо, грубо, зримо» и имеет формальное выражение в виде обширного корпуса связанных между собой текстов, гиперссылок и различных узлов перехода между текстами, благодаря чему интернет-пользователь может легко выстраивать индивидуальную траекторию движения в интертекстуальном континууме.

Электронный гипертекст является практически неограниченным с точки зрения количества объединяемых им текстов. Он обладает высокой степенью динамизма и открыт для постоянных обновлений. Не будет преувеличением сказать, что электронный гипертекст становится своего рода символом информационного пространства Интернета.

В конечном счете сложно не согласиться с Дж. Ландау в том, что нет идеи более значимой для этих новых технологий, чем идея интертекстуальности. «Гипертекстуальность, текстуальность, генерированная через новые компьютерно опосредованные техноло-

гии, — утверждает Дж. Ландау, — есть феномен “фундаментальной интертекстуальности”» [Landow, 1994, с. 10].

Подведем итоги. Интернет как информационное пространство и коммуникационная среда создает поистине уникальные возможности для реализации категории интертекстуальности. Данная категория проявляет себя в Сети через формирование глобального интертекстуального континуума виртуального характера; следует отметить резкое увеличение степени открытости текстов и процессы их перманентного диалогического взаимодействия, а также особую роль фигур интертекста (в частности, возрастание удельного веса и изменение — по сравнению с традиционной коммуникацией — функций цитат и ссылок) и др.

Необходимость оформления диалогических реакций на ту или иную информацию, размещенную в Глобальной сети, на актуальные события обусловила появление и активное распространение жанра *интернет-комментария*. Данный жанр, не имеющий жестко заданных текстовых параметров, целиком ориентирован на категории интертекстуальности и диалогичности, на выражение обратной связи между автором и читателем, на передачу точки зрения адресата речи, его видения обсуждаемой проблемы, его оценочной позиции.

Интернет-коммуникация выступает как своего рода катализатор для развития категории прецедентности. В Интернете происходит заметное расширение коммуникативного пространства данной категории и резкий рост количества отсылок к прецедентным феноменам. Перефразируя известное высказывание Ю.С. Степанова, можно сказать, что Глобальная сеть — идеальная среда обитания прецедентных феноменов.

Важнейшим проявлением текстуальности в Интернете является *гипертекстуальность*. Существуют принципиальные различия между спецификой гипертекста, рассматриваемого в рамках традиционной коммуникации и по отношению к различным массивам обычных текстов (на неэлектронных носителях) и гипертекста в сети Интернет (электронного гипертекста). В первом случае гипертекст выступает как некий конструкт с достаточно неопределенной и размытой семантикой, сущность которого может трактоваться исследователями в очень широких пределах. Во втором случае гипер-

текст представляет нелинейный ветвящийся текст, который благодаря системе гиперссылок позволяет выстраивать индивидуальную траекторию движения в Сети в зависимости от запросов интернет-пользователя.

Глобализация интертекстуальных связей в Интернете, всеобъемлющая гипертекстуальность, по сути, открывают новую эпоху в развитии феномена интертекстуальности.

Литература

- Аксенова Н.С. Интертекстуальность в лингвистике и литературоведении: проблема выбора подхода // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 1. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/View/271>
- Алейникова Ю.А. Цитирование в научно-популярном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2006.
- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
- Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003.
- Бычков В.В. Эстетика. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Buchkov_Aesthetics/_28.php
- Визель М. Гипертексты по ту и эту сторону экрана. URL: <http://www.netslova.ru/viesel/visel-ht.html>
- Визель М. Поздние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста. URL: <http://www.netslova.ru/viesel/visel-ht.html>
- Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И. Во: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
- Высочина Ю.Л. Интертекстуальность прозы Татьяны Толстой: на материале романа «Кысь»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
- Галичкина Е.Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса. Глава 2 // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: кол. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутвинова. М.: Флинта: Наука, 2012.

- Давыдова К.В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста: На материале английских художественных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2006.
- Дедова О.В. Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
- Ильина И.А. Особенности проявления текстовых категорий в гипертексте. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2008/Ilyina.pdf>
- Колокольцева Т.Н. Диалог vs диалогичность в интернет-коммуникации (глава 7) // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: Флинта: Наука, 2012.
- Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32.
- Кочетова Л.А. Динамика рекламной коммуникации: от традиционной модели к интерактивной. Глава 14 // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА — Наука, 2012.
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755>
- Литвиненко Т.Е. Интертекст и его лингвистические основы (на материале латиноамериканских художественных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2008.
- Лутовинова О.В. Прецедентные феномены виртуального дискурса // Гуманитарные науки: теория и методология. 2008. № 2.
- Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография. Волгоград, 2009.
- Масалова М.В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2003.
- Махов А.С. Типология художественных гипертекстов на основе немецкоязычных интернет-сайтов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Феникс, 2007.

- Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- Негусторов В.В. Гипертекст как феномен современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2003.
- Олизько Н.С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса: На материале произведений Дж. Барта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2002.
- Олохтонова О.А. Функции гипертекстовых и интертекстовых ссылок в блогах // URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1911/40000_fe73.doc
- Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997.
- Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- Саблина М.В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011.
- Савельева И.В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013.
- Стексова Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. Междунар. науч. журнал. 2013. № 1 (9). URL: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/ru/node/390>
- Степанов Ю.С. «Интертекст» — среда обитания культурных концептов (к основаниям сравнительной концептологии). URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm>
- Субботин М.М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации / ВИНТИ. Сер. Информатика. Т. 18. М., 1994.
- Субботин М.М. Новая информационная технология: создание и обработка гипертекстов // НТИ. Сер. 2. 1988. № 5.
- Субботин М.М. Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «грамматологии» Ж. Деррида) // Вопросы философии. 1993. № 3.
- Тихомирова Л.С. Проблема научной текстуальности: от интертекста к гипертексту // Стил 2009. URL: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4d5c37d284ead>
- Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007.

- Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009.
- Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность — дискурсивность — интердискурсивность // Стил 2007. URL: www.rastko.rs/cms/files/books/49e590dc8ea68
- Чилингир Е.Ю. Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре: социокультурный аспект. URL: http://rosnou.ru/pub/01Alexandra/News-makers/gtjya/Chilingir_E_Yu.pdf
- Эпштейн В.Л. Гипертекст — новая парадигма информатики // Автоматика и Телемеханика. 1991. № 11.
- Тирон И. Веб-коментар як жанр сучасного медійного дискурсу // Вісник Київського національного університету ім. Т.Г. Шевченка. URL: http://papers.univ.kiev.ua/inozemna_filologija/articles/Web_Comment_as_a_Genre_of_Contemporary_Media_Discourse_18997.pdf
- Abdullina L.R., Ageeva A.V., Smirnova E.A. The Evolution of the “Comment” Genre: Theoretical Aspect // World Applied Science Journal. 2014. № 3 (29). URL: <http://www.idosi.org/wasj/wasj29%283%2914/7.pdf>
- Allen G. Intertextuality. London: Routledge, 2000.
- Delaney P., Landow G.P. Hypermedia and Literary Studies, MIT Press, Cambridge MA and London, 1991.
- Landow George P. Hyper / Text / Theory. Johns Hopkins University Press, Baltimore MD and London, 1994.
- Nelson T.N. A file structure for the complex, the changing, and the indeterminate // ACM 20th National Conference — Proceedings. Cleveland, Ohio, 1965.
- Nelson T.N. As we will think in Online 72 // Proceedings of the International Conference on Online Interactive Computing. Uxbridge, UK: Online Computer Systems Ltd. 1983.

ГЛАВА 4. Интертекстуальность и речевые жанры: вторичный текст как метафора реплики в диалоге и вторичный речевой жанр как метафора¹

В.В. Дементьев

И понятие речевого жанра, и понятие интертекстуальности присутствуют в философии М.М. Бахтина, хотя им и не ставится специально проблема соотношения данных понятий. Более того: оба понятия относились к наиболее приоритетным у ученого, который в своей программной статье «Проблема речевых жанров» подчеркивал интертекстуальность любого высказывания, любого текста — как принадлежность их (слов в них) «*другим*» авторам, «чужесть»: «Наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [Бахтин, 1996, с. 193] (хотя, естественно, не использовал термин *интертекстуальность*, который был введен позже — кстати, последовательницей Бахтина Ю. Кристевой). Неразрывно связан с интертекстуальностью и РЖ — как форма высказывания, а тем самым — форма этого самого «чужого слова». И сами эти формы, т.е. собственно РЖ, тоже «чужие»: принадлежат не говорящему / пишущему, а многим и многим «*другим авторам*» до него, и, используя тот или иной РЖ, говорящий обычно просто вспоминает, что в примерно

---

¹ Глава написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00114).

такие же формы в примерно таких же ситуациях отливали свои высказывания эти «*другие*».

В то же время эта идея (как многие бахтинские идеи — см. [Алпатов, 2005]) не получила окончательного развития в работах самого Бахтина: не оформилась в виде модели, пригодной для практической работы с материалом (который, как и любой реальный языковой / речевой материал, обязательно будет в одних отношениях однородным, в других — противоречивым и негомогенным).

Работа над такой моделью в основном осуществлялась уже последователями М.М. Бахтина — современными лингвистами; но и у них она еще не получила, на наш взгляд, удовлетворительного решения.

По нашему мнению, в концепции М.М. Бахтина понятия речевого жанра и интертекстуальности наиболее близко сходятся в особом, принципиально важном для данной концепции понятии ***вторичного речевого жанра***:

«Вторичные (сложные) речевые жанры — романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п. — возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т.п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни» [Бахтин, 1996, с. 161—162].

Из этого исходит большинство последователей М.М. Бахтина, которые осмыслиют связь речевого жанра и интертекстуальности,

при этом выделяют в качестве центральной единицы интертекстуальности *вторичный текст* [Байрамуков, 2002; Бобырева, 2007; Михайлова, 1999; Рогачева, 2011; Ширинкина, 2001].

В современной теории между вторичными речевыми жанрами и вторичными текстами усматривается как общее, так и различия.

Общим является то, что и те, и другие заимствуют некоторые важные моменты у соответствующих первичных текстов и жанров (что позволяет усматривать между обеими парами своеобразные диалогические отношения, подобные отношениям между репликами в разговоре, — кстати, одна из ключевых идей Бахтина).

Различия состоят прежде всего в том, что в случае вторичных речевых жанров заимствуются гораздо более абстрактные вещи, чем в случае вторичных текстов: структуры и отношения, в которые вступают языковые / речевые / текстовые единицы, но не сами эти единицы.

Ср.: «Вторичный речевой жанр (Н.Б. Рогачева говорит только о вторичных РЖ интернет-коммуникации, но, представляется, определение это легко может быть расширено до любой “вторичной”, т.е. опосредованной социально или идеологически, сферы общения. — В.Д.) представляет собой структурно-содержательную модель организации и интерпретации речи, которая находится в отношениях производности со структурными моделями речеванового типа непосредственной или любой другой неинтернет-коммуникации (существующими в коммуникативной компетенции носителя языка в активном или пассивном виде), заимствуя у них значимые моменты структурной организации, порождения и интерпретации речи. Для данной модели не являются существенными влияние конкретных произведений, авторов и тематический (предметный) ряд: отношения производности между первичными и вторичными речевыми жанрами существуют только на уровне речевых структур (разрядка наша. — В.Д.) [Рогачева, 2011, с. 3].

Конечно, одним из наиболее принципиальных является вопрос, как связаны с интертекстуальностью и вторичными текстами разные типы вторичных речевых жанров.

Это выводит нас на проблему **классификации вторичных РЖ**, которую считаем полезным рассмотреть подробнее — прежде всего потому, что многие существующие классификации вторичных РЖ имеют самое непосредственное отношение к интертекстуальности, более того: выделяемые в данных классификациях типы вторичных РЖ противопоставляются именно по степени их интертекстуальности.

(Тоже очень важный вопрос о том, как относятся к вторичным жанрам разные типы вторичных текстов, а тем самым — *жанры* вторичных текстов, и соответственно существующие классификации вторичных текстов, здесь не рассматриваются по одной причине — классификации и различные типы вторичных текстов гораздо лучше описаны и систематизированы в лингвистической, шире — филологической традиции. Естественно, и *рецензия*, и *отзыв*, и *компиляция*, и *пародия* — с одной стороны, жанры, причем вторичные, с другой — вторичные тексты, однако, например, *отзыв* относится к *диссертации*, на которую он написан, не как вторичный жанр к первичному: диссертация сама является вторичным РЖ).

Из работ последнего времени, где решаются эти вопросы, следует назвать докторскую диссертацию Е.В. Бобыревой [2007], посвященную религиозному дискурсу (на материале текстов *молитв*, *проповедей*, *акафистов*, *притч*, *псалмов*, *пасторских обращений*, *хвалебных молитвословий* на русском и английском языках). Исследовательницей проанализированы жанры и отдельные внутрижанровые коммуникативные стратегии религиозного дискурса, среди которых автором выделяются по признаку прямой либо ассоциативной связи с исходным библейским текстом первичные жанры религиозного дискурса (*псалмы*, *притчи*, *молитвы*) и вторичные жанры (*проповеди*, *исповеди*).

К сожалению, некоторые принципы деления РЖ на первичные и вторичные в диссертации принять трудно; в частности, трудно согласиться с тем, что *притча* — это первичный РЖ, а *молитва* — вторичный. Понятно, что исследовательница имела в виду жанры,

прямо и опосредованно связанные с текстом Библии, однако при таком делении речевых жанров религиозного дискурса на первичные и вторичные Е.В. Бобырева, думается, значительно отходит от принципов, сформулированных Бахтиным, который, по-видимому, вообще исключал возможность выделения жанров на основе текстовой тематики.

Подчеркнем, что большинство существующих классификаций вторичных РЖ исходят из того, какого рода связь сохраняется у вторичного жанра с соответствующим первичным (возможен ли «возврат» к первичному жанру или данная связь существует только на периферии жанрового сознания коммуникантов, как своеобразная «память жанра»; остается неясным вопрос о ситуативной обусловленности перехода из первичных речевых жанров во вторичные), т.е. строятся на диахроническом или синхроническом основании.

С этой точки зрения могут быть выделены три разных направления, в рамках которых решается проблема первичных и вторичных речевых жанров в жанроведении.

1. Первое направление, наиболее близкое по духу к идеям Бахтина, понимает вторичный РЖ как онтологически производный от первичного [Байрамуков, 2002; Бобырева, 2007; Ионова, 2006; Кобзеева, 2006; Прибыткова, 2004; Татарникова, 2004; Ширинкина, 2001]. Вторичный РЖ отличает от первичного сфера функционирования, или стилистическая обработка. Так, согласно Н.В. Орловой, одним и тем же речевым словом обозначаются *признание в суде* и *признание в любви*; *исповедь в церкви*, *исповедь*, адресованная близкому человеку, и *исповедь* как жанр публицистики (ср. «Исповедь на заданную тему» Б.Н. Ельцина). В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Ср. *бытовую угрозу* и *ультиматум*, *просьбу* и *ходатайство*, речевые действия, выражаемые глаголами *порицать* и *ругать*. «Очевидно, — пишет Н.В. Орлова, — что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного <в РР> и вторичного <в книжных стилях> жанров М.М. Бахтина» [Орлова, 1997, с. 51—52]. В отношениях первичных ~ вто-

ричных речевых жанров состоят, например, *молитва* и *просьба*; *шутка*, бытующая в разговорном общении, и книжные *бурлеска* и *велеризм* (см. [Щурина, 1999]); экзаменационный и риторический вопросы — и *информативный диалог* (make-know discourse); *обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины* (make-believe discourse) — и «Диалог» Платона [Арутюнова, 1992, с. 52—53]. В работе [Андреева, 2008] доказывается генетическая производность *опровержения* в институциональном дискурсе от *возражения* в обиходном дискурсе. Вл. Барнет усматривает «отношения производности» между письменными и соответствующими устными жанрами научной речи (например, жанр устного реферата можно рассматривать как производный от жанра письменного реферата): «Со значительными ограничениями такое утверждение действительно применимо к отношению “раздел монографии — лекция”, “рецензия — дискуссионное выступление” и вызывает сомнение в отношении пары “инструкция — консультация”, отношение которых является в значительной степени свободным» [Барнет, 1985, с. 129].

Думается, можно считать доказанным, что новая сфера общения всегда порождает вторичные РЖ. В то же время нам представляется, что меняется не столько сфера, сколько общий культурный фон, на котором люди используют речь с определенными целями. Есть все основания полагать, что наши предки в дописьменный период не различали РЖ *спор* и *ссора* (по данным диалектологов, это свойственно и современным носителям диалекта [Гольдин, 1997]). Впрочем, за это время *спор* настолько отошел от *ссоры*, что уже не воспринимается как вторичный РЖ. Вполне возможно, что подобные отношения связывают *брань* и *рукоприкладство*, *комплимент* и *поцелуй*, *извинение* и *объяснение*, *поздравление* и *зов*. Связь *молитвы* с *благодарностью* или *просьбой* уже гораздо более очевидна, тем более — *дипломатической ноты* с *угрозой*, *дружеской лирики* (например, А.С. Пушкина) с *дружеской беседой*.

По-видимому, исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения (близость, статус), канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра немедленно охватывают и другие аспекты речи (как, напри-

мер, произошло со *светской беседой*, если сравнить ее с *болтовней* или *сплетнями*, или с жанрами виртуального общения (*блог, форум, чат*), если сравнить их с *перепиской, дневником, обменом записочками*, наконец, *дружеской беседой*). Важно, что любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает (иногда — довольно много), порождает один или целую серию запретов.

Меняться могут и более абстрактные вещи, например, само представление о межличностной близости, автономии и других правах и потребностях личности, уважении к собеседнику, допустимом и недопустимом в речи.

2. Вторичный РЖ понимается как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный РЖ (речевой акт). Как уже говорилось в предыдущей главе, многие современные исследователи видят в РЖ тип не высказывания, а текста, рассматривают текстовую структуру разных жанров и выделяют, в зависимости от степени сложности этой структуры, типы жанров: например, М.Ю. Федосюк выделяет «элементарные» и «комплексные» жанры [Федосюк, 1997, с. 104], А.Г. Баранов [Баранов, 1997, с. 8] и Ст. Гайда — «простые» и «сложные».

В этой связи ср. схему, которую М.Н. Кожина предлагает по вопросу о соотношении РЖ и РА: РА и первичный РЖ (как элементарные речевые единицы при первом шаге, ступени анализа речи) → вторичный РЖ (как сложный РЖ, исследуемый на следующей ступени анализа речевого континуума и проблемы речевых жанров) [Кожина, 1999, с. 59]. Эта схема приводит исследовательницу к выводу, что положение о том, что РЖ есть отечественный аналог РА, лишь в какой-то мере справедливо относительно первичных РЖ, но не вторичных.

Это направление относительно хорошо разработано, однако в целом проблема структуры РЖ еще далеко не решена. Именно «композиция РЖ» (согласно Бахтину «определенные типы построения целого, типы его завершения, типы отношения говорящего к другим участникам речевого общения» [Бахтин, 1996, с. 179]) традиционно считалась важнейшим аспектом высказывания. Данное направление жанроведения активно использует достижения лингвистики текста, в которой РЖ обычно понимается как

системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некоей особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через РЖ в целом.

3. Третье направление относится ко второму примерно так же, как в лингвистике текста модели «вертикального» типа, обеспечивающие цельность текста, относятся к «горизонтальным» моделям, обеспечивающим главным образом связность речевых произведений.

Данное направление связывает первичные и вторичные РЖ с уровнями абстракции текстовой деятельности. Так, А. Вежбицка говорит о «речевом жанре», «речевом акте», «иллокутивном компоненте» [Вежбицка, 1997, с. 109]. А.Г. Баранов предлагает иерархию из пяти моделей: «текстотип», «суб-тип», «жанр», «когнио-тип», «текст» [Баранов, 1997]. К.Ф. Седов опирается на иерархию из трех сущностей («гипержанр», «жанр», «суб-жанр») [Седов, 1998].

Очевидно, что у этих трех пониманий вторичного РЖ, существующих в современном жанроведении, отношение к вторичным текстам / интертекстуальности имеет только первый — диахронический, который, повторяем, и наиболее соответствует духу концепции Бахтина.

В целом решение проблемы вторичных РЖ имеет большое объяснительное значение для более общих вопросов лингвистики / филологии — истории языка, отношения языка и речи / коммуникации, отношения речи художественной и нехудожественной. Вторичные РЖ оказываются необходимым объясняющим инструментом при обращении к истории языка, истории речи и коммуникативной культуры.

История РЖ (и история языка), несомненно, относится к актуальным проблемам теории речевых жанров. Само по себе исследование эволюции жанра является исследованием по истории языка: можно проследить во времени и конвенционализацию различных жанровых форм, и, тем самым, становление явлений, концептуализированных лексикой и грамматикой языка из первоначальных синкретических коммуникативных смыслов. Ср. у М.М. Бахтина: «Высказывания и их типы, то есть речевые жанры, — это приводные ремни от истории общества к истории язы-

ка. Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [Бахтин, 1996, с. 165].

Исторически речевая системность всегда предшествует языковой, т.е. язык в целом идет ЗА жанрами (ср. положение Соссюра о том, что исторически речь всегда предшествует языку [Соссюр, 1977, с. 57]). Изменения появляются и закрепляются вначале как речевые / жанровые правила. Затем конвенционализированные узуальные формы могут перейти в языковую норму. Так, конвенциональные косвенные просьбы — это уже «почти язык»: «Прагматические значения, которые получают языковые элементы речи, имеют тенденцию к закреплению, поскольку людям свойственно в своей речевой мыслительной деятельности использование динамического стереотипа. Благодаря узусу прагматическое значение закрепляется как одно из значений данного языкового элемента в социуме. Это значение может быть переносным с семантической точки зрения, но прямым, не косвенным — с прагматической, так как его использование определяется уже не только конкретными условиями данного акта речи» [Гак, 1998, с. 565].

Критика с этой стороны «анкеты речевого жанра» Т.В. Шмелевой, включающей лишь параметр «языковое воплощение РЖ» [Шмелева, 1997], в определенном смысле совпадает с критическим замечанием Ю.М. Лотмана в адрес «семиотической модели языка» Р. Якобсона (согласно этой модели, язык тождествен «коду»). Мнение Ю.М. Лотмана таково, что язык — это код плюс его история: «Фактически подмена термина “язык” термином “код” совсем не так безопасна, как кажется. Термин “код” несет представление о структуре, только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т.е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще» [Лотман, 1992, с. 13]. Изучение одного только «языкового воплощения РЖ» в современной речи значительно обеднило бы понимание РЖ, поскольку такое изучение, по сути, ориентировано на искусственный язык, идеальную модель языка. Много ин-

формации в этом плане предоставляют нам историко-культурные и этимологические данные [Жельвис, 1997; Успенский, 1996; Фрейденберг 1997, с. 103—117].

Сделав вывод, что для решаемой нами проблемы наиболее принципиальным является деление вторичных РЖ на диахронические и недиахронические (при этом, как уже было сказано, только диахронические вторичные РЖ имеют отношение к интертекстуальности), рассмотрим систематизацию концепций вторичного РЖ, приводимую в кандидатской диссертации Н.Б. Рогачевой: деление на синхронные и диахронические вторичные РЖ является центральным в данной систематизации.

Выделяются:

1. **Диахроническая** речежанровая вторичность предполагает отношения последовательности во времени между первичными и вторичными жанрами. К данному типу относятся следующие модели, изучаемые лингвистами:

1.1. Противопоставление речевых и риторических жанров (по О.Б. Сиротининой): первые используются спонтанно, вторые предполагают сознательное планирование речи и тщательный отбор языковых средств.

1.2. Противопоставление выучиваемых и невыучиваемых жанров (по К.Ф. Седову).

1.3. Противопоставление жанров «верхнего» (жанры официального общения) и «нижнего» (жанры повседневной, бытовой коммуникации) уровней текстовой деятельности (Ю.М. Лотман, К.Ф. Седов).

1.4. Использование языковых и речевых единиц не по назначению. К данному типу могут быть отнесены случаи переакцентуации, т.е. использование жанра с несвойственной ему тональностью: оскорбление в виде похвалы (*Для 39 лет Вы так актуально себя реализовываете*), обвинение в виде вопроса и т.д.

1.5. Противопоставление прямых и косвенных жанров.

2. **Синхроническая** речежанровая вторичность предполагает различия между первичными и вторичными жанрами не в историческом, а в структурном аспекте.

2.1. Противопоставление текста (сложного, вторичного РЖ) и высказывания как его компонента (простого, первичного РЖ); соответственно выделяется особый тип вторичных РЖ — сложные компонентные вторичные речевые жанры.

2.2. Противопоставление речевого жанра и речевого акта.

2.3. Синтетические вторичные РЖ используют формы и признаки других (первичных) РЖ. Так, блог вбирает в себя некоторые черты традиционного дневника и частного письма; при этом происходит не механическое смешение признаков, а их перераспределение в общей структуре жанра, обусловленное их взаимовлиянием, а также воздействием специфических интенций жанра блога.

2.4. Противопоставление монологической и диалогической форм речи.

2.5. Выделение жанров и жанровых явлений разных уровней абстракции текстовой деятельности. Так, К.Ф. Седов предлагает разграничивать субжанр, речевой жанр и гипержанр [Рогачева, 2011, с. 4—6].

Представляется, что диахронические вторичные РЖ, у которых отношение между вторичным и соответствующим первичным жанром может быть понято как изменение во времени, некий процесс, у которого могут быть усмотрены и причины, и более или менее объективные основания, и механизмы, близок к *метафоре* (где отношение между переносным и соответствующим прямым значениями тоже может быть представлено как диахронический процесс).

Как отмечает Н.Б. Рогачева, исследующая вторичные РЖ интернет-коммуникации и сравнивающая их с соответствующими первичными РЖ неинтернет-коммуникации, когда носитель языка вступает в интернет-коммуникацию и начинает осваивать ее жанровые нормы, в его сознании уже существуют модели жанров неинтернет-коммуникации, т.е. его первичная речежанровая компетенция включает знание о правилах общения в рамках таких жанров (даже если человек никогда не пользовался некоторыми жанрами, например, не вел дневник, не писал писем и т.п.). Соответственно освоение правил и норм жанров новой сферы осуществляется через призму первичной речежанровой компетенции,

в результате чего формируется отчетливая связь между первичными жанрами неинтернет-коммуникации и вторичными жанрами интернет-коммуникации — «память жанра». Эта «память жанра» наиболее очевидно проявляется в случаях, когда для именования новых, вторичных жанров используется то же слово, что для старых, например, рус. *интернет-дневник*, *Живой Журнал*, англ. *weblog*, *LiveJournal*, *chat* (первонач. ‘болтать’ или ‘болтовня’). Более опосредованно и менее очевидно эта связь, отношения производности проявляются на абстрактном уровне речевых структур, моделей [Рогачева, 2011, с. 5].

Поэтому при изучении диахронических вторичных РЖ использование некоторых положений и методик теории метафоры, гораздо более детально разработанной в лингвистике (точнее, лексической семантике), представляется полезным, причем не только в чисто номинативном плане, т.е. при осмыслении имен соответствующих жанров, но и при выявлении и систематизации многих текстовых и коммуникативных, т.е. собственно речевых моментов.

Покажем это на примере одного явления, которое, с одной стороны, в новейший период существенно расширило границы своего исконного бытования (тем самым с неизбежностью трансформировалось — а поскольку это изначально было явление речеванового типа, развились вторичные РЖ); с другой стороны, в номинации данного явления развились многочисленные и разнообразные метафоры.

Имеем в виду метафоры выражения *по душам*, которые интересно и полезно рассмотреть в связи с трансформациями называемого ими явления — жанра *разговора по душам*.

Материалом послужили публикации в современной русской прессе (российские и русскоязычные зарубежные издания), собранные и обработанные при помощи корпусно-поисковой системы *Integrum* (6328 источников за период с 1992 по 2009 г.). Система выдала **29965** контекстов с выражением *по душам*, значительную часть которых представляют метафоры.

Анализ показывает, что выражение *по душам* наиболее регулярно используется в переносных, метафорических значениях по отно-

шению к сферам, формам и типам общения, существенно **отличающимся** от жанра *разговор по душам*, организованного следующими доминантами: это гармоничное общение, принадлежащее неофициальной сфере непосредственной устной спонтанной коммуникации, основная коммуникативная цель которого состоит в установлении или укреплении межличностной близости, моральной поддержке, обмене важной личностной информацией. Соответственно, если посредством выражения *по душам* называются типы общения, принципиально отличающиеся от организованного данными доминантами, то это **метафоры**. Следует подчеркнуть, что выражение *по душам* в этом значении мы рассматриваем терминологично, несмотря на то, что по происхождению это образное выражение, в свою очередь, основанное на метафорическом употреблении лексемы *душа*¹.

Так, **прямыми** являются оба базовых значения *по душам* — «процесс-ориентированный» и «результат-ориентированный» РпД [Дементьев, 2010]. По-видимому, нельзя считать ни метафорой, ни метонимией случаи, когда РпД используют, пытаясь таким образом чего-то добиться от собеседника (начальника, чиновника): например, как было показано выше, РпД — почти идеальное средство установить гармоничные, доверительные отношения: *Хорошее время для визитов к начальству: безобидный разговор «по душам» с шефом поможет ему составить о вас вполне благоприятное впечатление* (Коммерсантъ-daily; 14.08.1998).

---

¹ О том, что при осмыслении и метафорическом переосмыслении выражение *по душам* выступает как интертекстуальный феномен, свидетельствуют следующие контексты, где *по душам* фактически приравнивается к прецедентному тексту через выражения *как говорится / что называется* (в примерах ниже немаловажную роль при записи играют и кавычки): *А заодно — воспользоваться моментом и просто поговорить, что называется, по душам с вдумчивым, основательным человеком* (Юрий Заболев: «Мы — бурлаки на Лене» // Наше Время — Якутск; 28.12.2007); *А народная артистка Римма Маркова с присущим ей темпераментом и обостренным чувством справедливости беседовала со зрителями, как говорится, по душам* (По долгу памяти // Горожанин — Тверь; 19.12.2006).

Кроме того, РпД могут использовать сами представители власти, «общаясь с людьми из народа», например, чувствуя ветерана, национального героя: *Президент отложил все дела, чтобы проведать Александра Исаевича, поговорить с ним по душам*. Солженицын решил потратить 5 млн на благотворительность (Комсомольская правда; 14.06.2007).

Точно так же, по замыслу автора газетного текста, выражение *по душам* используется в прямом значении для обозначения коммуникации с **нерусскими** участниками (прежде всего представителями западных культур), хотя читатель таких текстов — как «западный человек», так и русский, имеющий хотя бы минимальный опыт межкультурной коммуникации и знающий, что в этих культурах нет близких аналогов русского *разговора по душам*, — возможно, воспримет такую номинацию как метафору.

В этом смысле следует различать использование выражения *по душам* по отношению к коммуникации, проводимой русским коммуникантом с собеседником-иностранцем, — трансформация значения *по душам* в таких случаях может быть минимальна, особенно если последний понимает национальную специфику русского жанра: *Драматургия инсталляции продумана Кабаковым столь точно, что именно в третьем вагоне, где звучат самые упоительные голоса, даже стопроцентный иностранец, не знающий русского, испытывает неодолимую тягу присесть, поговорить по душам с соседями и остаться навсегда в этом раю, который так внезапно обнажил для него свою райскую сущность* (Выставка в Центре Помпиду в Париже // Коммерсантъ-daily; 30.05.1995).

Другой случай — использование выражения *по душам* для обозначения коммуникации, проводимой одними нерусскими участниками: так, например, Кортни Лав, Мадонна и др., возможно, удивились бы, узнав, что их речи названы посредством *по душам*: *А Кортни Лав, вдова печально известного лидера «Нирваны» Курта Кобейна, признавалась, что они с Майклом подолгу «беседовали по душам»* (Вечерняя Москва; 10.07.2008); *А вот Мадонна — та любила поговорить по душам* (Коммерсантъ-daily; 23.03.1996).

В этом смысле показательно противопоставление двух типов контекстов с *по душам*, описывающих встречи Президента России с западными правителями: в одних случаях намерение «по-

говорить по душам» с Бушем, Берлускони и др. проистекает от Президента России (такие контексты выглядят в целом нормально, хотя читатель может увидеть в них некоторую наивность Президента, что, надо думать, не предполагалось автором текста), в других — эта фраза уже вкладывается в уста **западных** партнеров (контексты типа Дж. Буш: *Мне нужно вновь встретиться с Президентом Путиным, поговорить с ним по душам* могут вызвать улыбку уже не только у специалистов по межкультурной коммуникации, хотя простодушный журналист, скорее всего, не чувствовал разницы): *Не исключено, что, когда Владимир Путин прибудет 1 июля на семейное ранчо в Кеннебанкпорте (штат Мэн), чтобы поговорить по душам с Джорджес Бушем, будут обсуждаться гарантии безопасности Путина после его ухода от власти. Россия и Запад: Запад поверил, что Путин уйдет* (Ведомости; 14.06.2007); Дж. Буш: *«Мне нужно вновь встретиться с Президентом Путиным, поговорить с ним по душам...»* (Аргументы и факты; 05.04.2006).

- Трансформация исходного значения *по душам* идет еще дальше, и значение становится **метонимическим**: теперь разговаривать *по душам* можно не только с европейцами, но и с Европой: *Путин поговорит с Европой по душам* (Комсомольская правда; 20.10.2006); *Потому что если у России и западных стран при всех разногласиях хотя бы понимание «неформального» совпадает, то с Пекином разговора по душам уж точно не получится* («Восьмерке» некуда расширяться // (Время новостей; 13.07.2006). Строго говоря, в метонимическом значении здесь использованы слова *Европа*, *Пекин*, однако, и обороты *разговаривать по душам* здесь подверглись очень значительной содержательной трансформации, которую мы несколько нетерминологично тоже предлагаем называть метонимической.

Особый тип представляют ситуации **публичного**, обычно **институционального** общения, когда *«разговор по душам»* ведут политики с «народом» (например, депутат, отвечающий на вопросы своих избирателей), актеры (сатирики, писатели, поэты) — со зрителями со сцены, ведущий телепередачи — с приглашенными, зрителями, присутствующими в аудитории, телезрителями. Во всех этих случаях имеет место **вторичный** РЖ (если первичный — не-

посредственный РпД двоих): *Это даже не пародии в привычном понимании, а просто разговор по душам — легкий и непринужденный, сродни посиделкам на завалинке.* (Пародия жила, живет и жить будет // Вечерняя Москва; 15.08.1996); *Удачный образ парня-рубачи из российской глубинки, который сначала запросто по душам беседует со зрителями, а потом свою болтовню мастерски переводит на сложный язык современного танца, найденный им в «Несоло» несколько лет назад, пригодился и в новом спектакле «Нейросчастье»* (Коммерсантъ; 15.12.2008).

По-видимому, то же самое можно сказать о контекстах, представляющих **религиозный** дискурс, когда посредством выражения *по душам* обозначается общение священника с паствой — и человека с Богом: *Но для большинства прихожан в наших глухих местах главное — не мои вокальные данные, а разговор по душам* (Как модный столичный художник стал деревенским священником // Аргументы и факты; 06.05.1998).

Как показывает материал, «*по душам*» выступает в переносном значении, когда речь идет о различных формах и видах **дисгармоничного** общения: агрессивного, конфликтного, а также **официального** (прежде всего дисгармонично-официального, типа *допроса*) и **манипулятивного**.

В то же время было бы преувеличением утверждать, что **все** случаи такого употребления выражения *по душам* представляют метафоры: многие случаи использования *по душам* по отношению к ситуациям общения, отличающимся от типа, определяемого названными выше доминантами, относятся не к метафорическому, а к **метонимическому** типу семантического переноса, а некоторые из них вообще представляют собой **прямые** значения *по душам*, естественным образом проистекающие из сложной, противоречивой природы данного коммуникативного феномена.

В самом общем виде могут быть противопоставлены два типа использования выражения *по душам* для наименования дисгармоничного общения: когда посредством *по душам* называют не что другое (например, *допрос*, где нет таких важнейших составляющих РпД, как неофициальность, равноправие, добровольность), хотя и можно усмотреть некое «сходство», то это **метафора**; когда общение становится дисгармоничным в силу действия тенденций,

заложенных в самой природе РпД (*спор, ссора, истерика*), то это **не метафора**.

Метафорические значения *по душам* развиваются на основе «непрямых» / несобственных **употреблений** РпД — начиная с ситуаций, когда выражение *по душам* использует прокурор, следователь для обозначения коммуникации типа *допроса, провокации* и под., например: *Пропажу вовремя заметили, прокурор района Николай Боткин побеседовал с девушкой по душам и сумели «расколоть»* (Молодой коммунар — Тула; 12.07.2006).

В результате анализа контекстов мы можем выделить несколько **важнейших смысловых компонентов** «по душам», на базе которых данное выражение развивает переносные, метафорические значения.

РпД — разговор о **важном** (даже главном): говорящий открыто, охотно, в полном объеме и без утаивания делится с собеседником важной для себя **информацией** (отсюда использование *по душам* для метафорической номинации допросов и под.): *Следователи Генпрокуратуры давно лелеяли мечту вернуть Бориса Абрамовича на родину и «поговорить с ним по душам»* (Березовский гамбит // Наша Версия — Москва; 29.01.2007).

С другой стороны, РпД — это и возможность донести что-то важное до сведения собеседника, заставить его **внять, услышать** себя (ср. *Давай выйдем?*): *Приставляет нож к горлу и тянет в подъезд: пойдём, мол, дорогуша, поговорим по душам* (Караван историй; 06.02.2006).

«*По душам*» обычно говорят «**со своими**»; отсюда может развиваться метафорическое значение «секретный разговор» для «своих»: *Подъезжали и ко мне с «разговорами по душам», предложениями быть «помягче», «поуступчивее»* (Завтра; 20.11.2001).

РпД — разговор об **отношениях**, которые выясняются до конца, трудно и иногда нелицеприятно (именно от этого значения производно большинство используемых с *по душам* речевых слов метафорического происхождения: *разобраться, перетереть*): *Молодой человек, влюбленный в девушку легкого поведения, попытался поговорить «по душам» с ее сутенером* (Известия — Москва; 30.12.2003).

Основной метафорического переноса может стать такое качество РпД, как **отсутствие** в нем некоторых или большинства действующих в обычных условиях **условностей** и **ограничений**: прежде всего официальности, а также многих этикетных, институциональных рамок — отсюда *по душам* могут называть и пьяный бред, и драку: *Рассказывает лагерный авторитет Иван Лукьянов по кличке Чадо (Донская ИТК Тульской области) ...Пока я в БУРе парился, с карасем тем поговорили по душам, я уже не помню по старости, на него что-то такое упало, три месяца в зоне нос не казал* (Этого парня у нас любили // Вечерняя Москва; 03.08.2000).

Посредством *по душам* может быть названо любое партнерское взаимодействие (речевое и неречевое), требующее **взаимопонимания** и **взаимопомощи**, а также **гармоничное** и **приятное**: *Потанцевали «по душам»* (Газета — Москва; 17.03.2006).

РпД **приятен** — отсюда при помощи выражения *по душам* может быть названо просто что-то доставляющее удовольствие: *сигарета, еда, кофе, спиртное: Никита Михалков решил пообедать по душам* (Коммерсантъ; 10.10.2005).

Отношения между собеседниками **хорошие** — либо **улучшаются** в процессе разговора, близость увеличивается — отсюда через *по душам* может быть названо просто хорошее отношение к чему-то, «общение» с **животными**: *Например, поговорить по душам со своей собакой или кошкой* (Секрет хорошего настроения // Вечерняя Москва; 16.02.2007).

В этом смысле нет ничего невозможного и в разговоре *по душам* с неодоушевленными объектами: *Неплохо провести время, можно и забравшись в напольные часы, внутрь деревянной коробки, служащей убежищем колесикам и рычажкам, с которыми поболтать по душам одно удовольствие* (Марина Дроздова. Базовые модели // Искусство кино; 15.03.2007).

В целом для РпД характерно общение на «высокие», нравственные темы; поэтому метафоры обыгрывают неуместное морализаторство (например, нравоучительный разговор того же прокурора с подсудимым): *Подобный старый обкатанный метод обычно применяется для освобождения от «враждебного окружения», и, оставшись один на один, чиновники стараются психологически надавить, а если не получается стремятся «запудрить мозги» и*

затянуть «разговор по душам», который обычно ни к чему не приводит (Женщины Уральска провели акцию протеста прямо в 8 марта // ЦентрАзия; 10.03.2006).

Еще один источник метафоры состоит в том, что РпД — общее **фатическое**: например, когда в рабочее время сотрудники, вместо того, чтобы работать, заниматься делом, разговаривают о чем-то другом, использование *по душам* применительно к такой ситуации (*Хватит этих разговоров по душам в рабочее время!*) есть метафора — и метафора недобрая: *Когда я работала с московскими менеджерами, я просто умоляла их не говорить «по душам» с местными сотрудниками, а передавать информацию через меня* (Комсомольская правда; 21.02.2006).

Наконец, посредством *по душам* может быть названа попытка (обычно неудачного, но не всегда) **ухаживания** или **флирта**: *Но если честно, «Пропаганду» любят не за Санчеса, а за хорошеньких официанток, которые всегда готовы поговорить по душам и легко соглашаются на свидания после работы* (Афиша; 11.08.2000).

Отмеченные особенности семантической структуры выражения *по душам*, развитие переносных значений обусловлены, с одной стороны, собственно лексической семантикой, местом данного концепта в лексической системе русского языка, с другой — иллокутивно-коммуникативной семантикой речевого жанра *разговор по душам*.

Таким образом, если отношения интертекстуальности (между первичным и вторичным текстом) представляют собой «метафору обмена репликами в диалоге» [Москвин, 2011, с. 64], вторичный РЖ в этом отношении не метафора диалога между первичным и вторичным жанром (такого диалога нет), но вторичный РЖ — метафора в другом, причем гораздо более традиционном смысле, чем интертекстуальность: номинативном (примеры с метафорами *по душам* это хорошо показывают).

К интертекстуальности имеет отношение не только метафорическое переосмысление идиом и паремий (таких как *по душам / разговор по душам*) (тем самым оформляющее развитие вторичных речевых жанров несомненно диахронического типа), но и формирование вторичных жанров на базе тех первичных, в основе которых лежит *рассказывание текстов*, особенно — неоднократное

рассказывание (принцип «рассказа-пластинки»), которое, с одной стороны, закрепляет и уточняет в сознании ассоциацию с данным текстом, с другой — закрепляет, фиксирует и оттачивает текстовые формы соответствующего рассказывания — вторичного жанра.

Видимо, так рождаются *анекдоты* (при этом часто показателем того, что анекдот уже «готов», служит то, что связь с исходным текстом — как и быстротекущим событием реальности — перестает осознаваться; хотя в процессе становления анекдота данная интертекстуальная связь была важна); так же порождаются — из анекдотов — более «компактные» жанры комического, например *прозвища* (связь с анекдотом может сохраняться и при полноценном функционировании его фрагмента как прозвища; а может и не сохраняться).

Примером первого процесса может послужить история, которую вспоминает известный лингвист и жанровед К.Ф. Седов:

«Анекдот всегда пуповиной связан с реальным фактом <...>, с другими жанровыми формами повседневной коммуникации. В идеале реальный факт, прежде чем стать анекдотом, должен пройти испытание последовательно в жанрах рассказа и сплетни. Для иллюстрации можно привести пример анекдота, появлению которого на свет способствовал один из авторов этой книги. Где-то больше двадцати лет назад в маленьком городке в Саратовской области по аллейке бегал очень шустрый маленький трехлетний мальчик — племянник автора. Мальчик поймал бабочку, оторвал у нее крыло и заявил своему отцу:

— Я бабочек ловитель и их убиватель.

— Ну, ты, брат, садист, — сказал ему папа.

— Нет, я не садист, а ходист. Вот приду домой, сяду на горшок и буду садист.

Отец мальчика (филолог по образованию и судьбе) передал автору (тогда еще студенту филологического факультета) содержание диалога с сыном. Тогда же этот рассказ был записан в качестве забавного с точки зрения языковой игры случая. Много позже, когда я стал читать в вузе курс лекций по психолингвистике, рассказ этот стал тиражироваться в качестве примера детского словотворчества. Однажды он для смеха был приведен

в рамках застольной беседы, где присутствовали в основном лингвисты-профессионалы. Интересно, что никто из участников застолья не поверил в то, что речь идет о ситуации, имевшей место в реальности. Тем более, что сам рассказчик не был свидетелем и участником описываемого диалога. Так рассказ превратился в молву, сплетню — недостоверную информацию из вторых рук о действующих лицах, которые незнакомы другим участникам общения. После этого случая не имело смысла настаивать на реальности рассказываемого случая. Речь теперь шла о некоем маленьком мальчике и т.д. Реальный факт, побывав последовательно рассказом, сплетней, наконец, воплотился в анекдоте» [Седов, 2007, с. 137].

Пример жанров разных структурных типов, где один тип восходит к другому, оформляющих тексты «об одном и том же», приведем из сферы современных политических анекдотов, темой которых является Д.А. Медведев (Президент РФ в 2008—2012), и прозвищ Медведева¹:

Анекдоты и прозвища по-разному представляют мир — реальный и фантастический, художественный. В анекдотах, где всег-

---

¹ Включаем в «*прозвища*» только номинации / характеристики, которые отвечают требованию реального использования в Интернете, а именно: встречаются минимум в двух разных интернет-текстах, принадлежащих разным авторам. К анекдотам мы не предъявляли такого требования: нам было достаточно, чтобы данный текст хотя бы один раз появился в Интернете в соответствующем разделе. Было рассмотрено около 600 анекдотов с 10 интернет-сайтов:

http://www.umoru.net/anekdoty/pro_medvedeva.html

http://www.anekdoto.net/anekdoty/pro_medvedeva.html

http://эльбан.пф/publ/pro_medvedeva / 13

<http://aneki.infoperm.ru/medvedev>

[http://www.zu.by/tag/medvedev /](http://www.zu.by/tag/medvedev/)

<http://www.anekdote.ru/tags/%CC%E5%E4%E2%E5%E4%E5%E2>

<http://www.lenpravda.ru/anekdote/?page=1>

<http://000a.ru/a/tag/186/>

http://www.starybarin.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=271&Itemid=147

<http://lib.guru.ua/ANEKDOTY/anec1001.txt>

да «рассказываются истории», происходят события, пусть очень своеобразные, абстрактные, преобладает представление реального, а не фантастического мира. С другой стороны, в анекдоте «рассказывание истории» может становиться самоценным, тогда персонаж выступает своеобразной переменной функцией. Так, в некоторых анекдотах вроде бы «про Медведева» он выглядит совершенно случайным и неузнаваемым. С прозвищами такого не происходит.

Анекдотов больше, чем прозвищ, и появляются они чаще, это вообще гораздо более мобильный жанр, что подтверждает вся новейшая история российской неофициальной словесности. Анекдоты всегда обладали способностью очень чутко реагировать на все сколько-нибудь значительные события. В советское время, как известно, оперативность анекдотов была сопоставима с оперативностью СМИ и даже превосходила ее: люди зачастую узнавали о реальных событиях, положении вещей в стране и мире не из газет и телевидения, а из анекдотов [Шмелева, Шмелев, 2005, с. 294].

Это «генетическое» качество русского народного анекдота в полной мере проявилось и в анекдотах про Медведева: в приблизительно 600 рассмотренных нами анекдотах отражено множество крупных и мелких событий в стране и мире, произошедших за четырехлетний срок правления Медведева, общественных кампаний, акций этого периода, культурных артефактов. В них фигурирует целый ряд исторических лиц: иностранные лидеры (Папа Римский, Буш, Обама, Меркель, Саркози, Ющенко, Тимошенко, Янукович, Саакашвили, Бурджанадзе), российские политические деятели (Кудрин, Шойгу, Лавров, Сечин, Сурков, Сердюков, Грызлов, Жириновский, Лужков, Собянин), олигархи (Ходорковский, Березовский, Абрамович), артисты и музыканты (Пугачева, Безруков, Хабенский, Билан), журналисты (Познер, Леонтьев, Собчак), спортсмены (Хиддинк, Аршавин, Каспаров, Исинбаева).

Среди событий, отраженных в анекдотах, выделяются крупные, имеющие большое значение для мира в целом (мировой экономический кризис, войны в Южной Осетии, Ливии, Сирии, олимпиады в Пекине, Ванкувере), имеющие значение преимущественно для России (выборы в Думу, митинги в Москве в 2011—

2012, лесные пожары в 2010, падение ракет ГЛОНАСС и «Фобос-грунт»).

Как и следовало ожидать, в центре внимания анекдотов про Медведева — события, реформы, исходящие от самого Медведева: реформирование милиции в полицию, сокращение числа часовых поясов, строительство Сколково, снятие с должностей мэра Москвы Лужкова и министра финансов Кудрина. В ряде анекдотов обыгрываются конкретные выступления, указы Медведева, его поездки за рубеж и по России, договоры и т.д., например, визит на Украину после избрания Януковича президентом, в Силиконовую долину, где он встречался со Шварцнеггером и Стью Джобс подарил ему iPhone-4. Отражены даже мелкие события: то, что Медведев управлял КамАЗом и комбайном, вместе с Путиным нырял за амфорами, наконец, пропажа кота Медведева Дорофея в 2012.

Конечно, прозвища просто физически не способны на такую оперативность. Чтобы прозвище сложилось — осуществилась обкатка в речи, закрепление в языке, — должно пройти какое-то время. Поэтому прозвища почти не бывают «злободневными». Но по этой же причине анекдоты и гораздо менее долговечны, и быстрее забываются — вместе с событиями, что тоже сближает их со СМИ.

Это определяет тип базового механизма языковой игры в анекдотах и прозвищах, где оба, по сути, интертекстуальны и состоят в эмоциональных ассоциациях с лингвистическими (текстовыми) единицами: прозвища тяготеют к прецедентным текстам, набор которых у носителя языка относительно стабилен и устойчив, анекдоты — к «просто» текстам, за которыми стоят быстротекущие события.

В то же время границы между анекдотами и прозвищами иногда нежесткие — как и границы с другими жанрами юмористического дискурса. Многие прозвища первоначально появляются в виде анекдотов. В этом отношении анекдоты и прозвища можно понимать как две разные стадии общего процесса, когнитивная природа которого состоит в осмыслении, обобщении и типизации смешного, а лингвистическая — в идиоматизации, т.е. превращении текста (или другого феномена сложной знаковой природы)

в один неделимый знак — символ [Слышкин, 2000; Вельмезова, 2007].

Показательно, что именно анекдоты про Медведева — один из наиболее востребованных источников прозвищ Медведева. Это хорошо показывает генетическую близость лингвистических механизмов, используемых в прозвищах и анекдотах, а именно: путь от прецедентного текста (анекдот) к афоризму и символу (прозвище).

Ср. анекдот, который появился на сайте <http://anekdot.ru> в августе 2010 г.:

Дмитрий Медведев завел свой блог в ЖЖ. Теперь он — LJ-Дмитрий.

и прозвище *LJ-Дмитрий*, которое реально используется в Интернете (см., например, блог¹).

Прозвища потенциально более способны к закреплению в языке, однако и анекдоты такую способность имеют (часто — через последующую трансформацию в прозвища же). Ср. следующие анекдоты:

В марте 2012 года в России заканчивается премьера продолжения советского мультфильма «Домовенок Кузя» — «Твиттеренок Дима»...

*Тост — **Выьем за ДАМ!** получил второй смысл, и вставать теперь должны и женщины...*

*— Медведев это приемник? — Нет, **приемо-передатчик**.*

— А Владимир Владимирович примет нас сам или через своего суррогата?

Разные прозвища обладают разной степенью идиоматизации: максимальная соответствует однословным (реже двусловным) прозвищам, низкая — многословным, описательным, которые как бы

---

¹ <http://veselyi-gnom.livejournal.com/>

занимают промежуточное положение между юмористическими текстами (анекдотами), претендующими на афористичность, и собственно прозвищами. Показателями высокой степени идиоматизации также могут выступать способность прозвища использоваться в непредикативной функции (ср. последний пример), использование в написании прозвищ заглавных или маленьких букв, кавычек. В целом написание прозвища с маленькой буквы и без кавычек свидетельствует о большей идиоматизации — ср. прозвища Медведева в разных контекстах: «*Айфончик*», *Айфончик*, *айфончик* и «*айфончик*».

И последний аспект, о котором мы считаем необходимым сказать несколько слов в связи с дихотомией «жанр — интертекстуальность», — лингвокреативный и / или эстетический. Поскольку абсолютное большинство явлений интертекстуальности так или иначе связаны с творчеством (или хотя бы имеют эстетические потенции — как опять же хотя бы потенциальные «средства художественной выразительности»), а жанры, с одной стороны, способны (творчески или свободно) трансформироваться и видоизменяться, сохраняя при этом связь с исходными состояниями или исходными жанрами (конечно, на это способны не все жанры — соответственно тоже выделяются типы), с другой стороны — среди речевых жанров есть, например, жанры художественной литературы (а также жанры устной речи, имеющие эстетическое измерение, такие как *тост* или «художественное вранье»), важным становится рассмотрение речевых жанров (в том числе — выделение типов) с точки зрения отношения к творчеству.

Этой проблеме был посвящен 8-й выпуск сборника «Жанры речи». В частности, обобщая концепции, представленные в статьях, вошедших в сборник, я во вступительной статье пытался показать, что отношение жанра к творчеству в значительной степени парадоксально: в природе речевого жанра есть что-то, что способствует творчеству, а что-то — наоборот, препятствует ему. А именно: с одной стороны, суть жанра состоит в том, чтобы выражать речевой стандарт (ограничивает индивидуальность, заставляет

«говорить как все»), с другой — в некоторых случаях поощряется и даже требуется творчество, есть такие РЖ, которым, для того чтобы они были успешны, необходимо, чтобы было творчество. (Это сближает «творческий парадокс жанра» с языком, в основе возможного творческого использования которого лежит точно такой же парадокс: по выражению А.А. Шахматова, *каждый вынужден говорить так, как хотел бы, чтобы говорили с ним*).

Таким образом, первым базовым членением жанров с точки зрения их творческих потенциалов выступает общая способность / неспособность к амплификации.

Соответственно (1) выделяются такие жанры, которые однозначно не допускают амплификации, например *военная команда*.

Жанры, которые допускают амплификацию, можно разделить на две группы: (2) такие, для успеха которых может быть использована как творческая форма, так и стандартная: *извинение, выражение сочувствия, утешение, флирт*.

Наконец, (3) есть жанры, сама интенциональная природа которых состоит в том, что т р е б у е т с я творчество: *тост, розыгрыш, буриме, разговор по душам* (как и новые *имиджборды, пирожки*)...

Подведем итоги. Глобальная проблема «речевой жанр и интертекстуальность» имеет ряд аспектов (они же — аспекты связи речевого жанра и интертекстуальности):

- семиотический — речевой жанр и интертекстуальность как семиотические сущности, упорядочивающие передачу и интерпретацию информации;
- лингвистический — речевой жанр и интертекстуальность как феномены вербальной природы, с одной стороны, основывающиеся на языковых единицах, с другой — сами транслирующие в систему языка (лексику, идиоматику, а отчасти и грамматику) новые единицы;
- эстетический — он очевиден: имеются в виду ВСЕ интертекстуальные феномены, поскольку все они имеют непосредственный эстетический аспект, потенцию, могут усиливать выразительность и воздействие речи, хотя в реальной речи имеют такое значение не всегда: так, если в

тосте, розыгрыше, буриме несомненно значим эстетический момент, то в *разговоре по душам* — вряд ли;

- функционально-прагматический.

В настоящей главе внимание уделялось, главным образом, последнему аспекту, а именно: связь речевого жанра и интертекстуальности осмыслялась через понятие вторичного РЖ, который, как представляется, является наиболее явным выражением «метафоры связи реплик в диалоге», в аспекте взаимовлияния и заимствования текстовых структур (а не конкретных текстов или их фрагментов, авторов и т.д., как у вторичных текстов), хотя имеет непосредственное отношение и к другим аспектам: лингвистическому, эстетическому.

Литература

- Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Андреева И.В. Опровержение в институциональном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992.
- Байрамуков Р.М. Соотношение первичных и вторичных жанров в художественной сфере общения // *Stylistyka XI*. 2002. Opole, 2002.
- Баранов А.Г. Когниотипичность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // *Жанры речи*. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1.
- Барнет Вл. Проблемы изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. Т. I. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 5 т. М.: Языки славянских культур, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов.
- Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007.

- Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1.
- Вельмезова Е.В. Новые русские «пословицы-анекдоты»: структурные типы и проблемы классификации // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007.
- Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2.
- Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки славянских культур, 1998.
- Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997.
- Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.
- Дементьев В.В. Парадоксы жанра: к проблеме «жанр и творчество» // Жанры речи. М.; Саратов: Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество.
- Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 1997.
- Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006.
- Кобзева О.В. Стилижанрообразующая роль аксиологических значений и средств их выражения во вторичных жанрах современной русской речи: научной рецензии, театральной рецензии, отзыве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
- Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
- Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: Либроком, 2011.
- Орлова Н.В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997.
- Прибыткова С.А. Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
- Рогачева Н.Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011.

- Седов К.Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во СГУ, 1998. Вып. 27.
- Седов К.Ф. Анекдот // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007.
- Слышкин Г.Г. От текста к символу. М.: Академия, 2000.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
- Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле (на примере допроса и протокола допроса): автореф. дис... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
- Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной этимологии // Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Языки славянских культур, 1996. Т. 2.
- Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5.
- Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.
- Ширинкина М.А. Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001.
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // Жанры речи. Саратов: Наука, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1.
- Щурина Ю.В. Речевые жанры комического // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2.

ГЛАВА 5. Интертекстуальность и когнитивная теория текста

Л.А. Шестак

Для того чтобы стать достоянием человечества, идея должна пройти через известное число поколений; другими словами, идея становится достоянием всеобщего разума лишь в качестве традиции.

П. Чаадаев

Художественный текст как сложный продукт вторичного семиозиса представляет собой условную модель мира, созданную писателем-демиургом. Текст как художественное кодирование жизненных реалий — это *партитура идеи*: видение истории как *заблудившегося трамвая* (Н. Гумилев); России как *золотой бревенчатой избы* (С. Есенин) — крестьянского большинства населения; как «*Скифов*» (А. Блок) — евразийского характера, срединного типа культуры; как «*Стени*» (А. Чехов) — широты, разнообразия, богатства природного и человеческого; как *морозной Эллады* (Б. Чичибабин) — «диониссийского» характера русского человека и традиций византийского православия.

В семиотическом отношении деривация текста — это *эволюция знаков*. Деривация текста есть описание центрального объекта изображения, перечисление его индивидуальных признаков [Мурзин, Штерн, 1991, с. 64; Лукин, 1999, с. 30—31; Лотман, 1994;

Жинкин, 1982, с. 80, 85]. Знак денотата, вводимый в художественный текст как *индекс* (например, приятель *Аркадия* по университету некий *Евгений Базаров*), по мере развертывания текста обогащается предцированными ему признаками и превращается в знак *референта-символа* (новое поколение на исторической сцене России — *разночинцы*). В тексте знак проходит эволюцию «икона — символ» (*Макар Дежукин* у Достоевского — ‘униженные и оскорбленные’, *Большов, Пузатов, Тигрий Львович Лютов* у Островского — ‘сильные мира сего’) или «индекс — символ» (*Евгений Онегин* у Пушкина — «лишний» человек, *Рахметов* у Чернышевского — ‘профессиональный революционер’) [Лукин, 1999, с. 30—31].

Когнитивная теория художественного текста [Кубрякова и др., 1996; Солсо, 1996; Шестак, 2003, 2008, 2011, Энциклопедия когнитивной лингвистики, 2011, с. 185—187] касается всех его сторон — соотношения *темы и идеи* (тема как фрейм, в том числе метафорический), *композиции и сюжета*, понимания как распознавания лежащего в основе сюжета фрейма, *интертекстуальности и прецедентности*, понятия *подтекста, образной формы* представления идеи (базовая метафорика), лингвистического механизма связи базовых метафор, понятий *идиолекта и идиостиля*, «*Большого стиля*» эпохи и литературного направления.

Грамматика сюжета структурирована как *обстановка*, включающая персонажей, место и время; тему — *событие* и его *цель*; сюжет, состоящий из эпизодов и развязки, т.е. *результата*, изменившего положение дел [Солсо, 1996, с. 370]. Поэтому понимание текста есть *активация фрейма*, выдвижение на первый план фрейма-кандидата и конкуренция фреймов. Начиная интерпретировать текст, мы активизируем определенную контурную схему, в которой многие позиции (слоты) еще не заняты. Более поздние эпизоды заполняют эти пробелы, вводя новые сцены, комбинируемые в различные связи — исторические, причинно-следственные, логические. И здесь восприятие целостно, гештальтно: усваивая текст, сначала приклеивают ярлыки к целым сценам, потом — к частям знакомых сцен [Кубрякова и др., 1996, с. 190].

Восприятие текста осуществляется как восприятие слотов ситуации, приписываемых первоначально разным фреймам, т.е. как

конкуренция фреймов. Так, слот ‘встреча’ может быть частью фреймов «Любовь», «Получение известия», «Духовное перерождение» и т.д. Постепенно разные фреймы Fr1, Fr2, Fr3, актуализируя свои термины t1, t2, t3, формируют определенные аспекты (a, b, c, d...) концептов K1, K2, K3 (схема 1).

ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА КАК КОНКУРЕНЦИЯ ФРЕЙМОВ

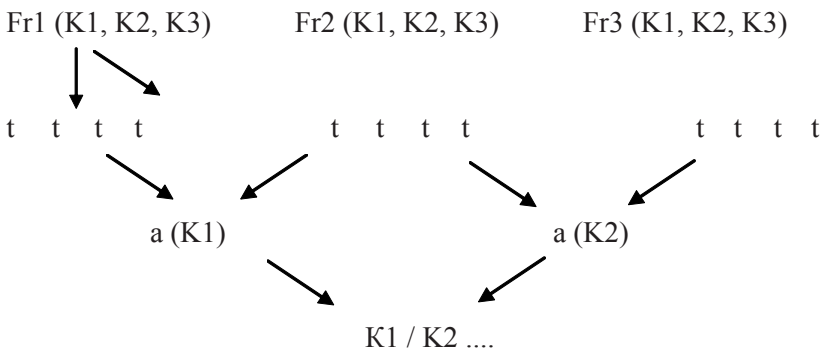

Схема 1

Повторяясь, аспекты проявляемого текстом фрейма формируют сам фрейм (схема 2):

ФОРМИРОВАНИЕ СЮЖЕТНОГО ФРЕЙМА ТЕКСТА

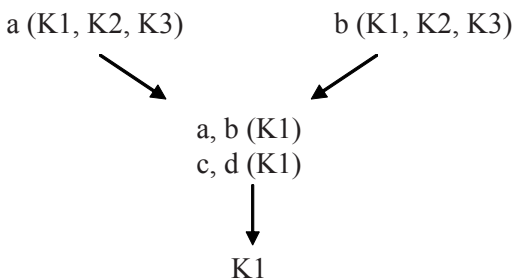

Схема 2

Информация текста реализуется разными видами фреймов: условно реалистическими, образными, мифическими, фреймами прецедентных текстов. Условно реалистические фреймы определяют общую денотативную канву текста, создающую иллюзию правдоподобия. Так, текст И. Бродского «В Рождество все немного волхвы...» построен как проступание конфессионального метафорического фрейма сквозь сходную своим слотовым заполнением денотативную канву:

В Рождество все немного волхвы. В продовольственных слякоть и давка. Из-за банки кофейной халвы производит осаду прилавка грудой свертков навьюченный люд: каждый сам себе царь и верблюд. Сетки, сумки, авоськи, кульки, шапки, галстуки, сбитые набок. Запах водки, хвои и трески, мандаринов, корицы и яблок. Хаос лиц, и не видно тропы в Вифлеем из-за снежной крупы. И разносчики скромных даров в транспорт прыгают, ломаются в двери, исчезают в провалах дворов, даже зная, что пусто в пещере: ни животных, ни яслей, ни Той, над Которою — нимь золотой. Пустота. Но при мысли о ней видишь вдруг как бы свет ниоткуда. Знал бы Ирод, что чем он сильнее, тем верней, неизбежнее чудо. Постоянство такого родства — основной механизм Рождества. То и празднуют нынче везде, что Его приближенье, сдвигая все столы. Не потребность в звезде пусть еще, но уж воля благая в человеках видна издали, и костры пастухи разожгли. Валит снег; не дымят, но трубят трубы кровель. Все лица, как пятна. Ирод пьет. Бабы прячут ребят. Кто грядет — никому непонятно: Мы не знаем примет, и сердца Могут вдруг не признать пришлеца. Но, когда на дверном сквозняке из тумана ночного густого возникает фигура в платке, и младенца, и Духа Святого ощущаешь в себе без стыда; смотришь в небо и видишь — звезда.

Метафорические фреймы текста воплощают концепты политического, исторического, мифологического, цивилизационного характера: «Господин Гексоген» А. Проханова (фрейм «Соперничество КГБ и ГРУ»); «Письма римскому другу» И. Бродского («Деспотический центр Римской империи и либеральный режим ее окраин»); мифологема «Метаморфозы» и отец Петра Легкоступова

в романе П. Крусанова «Укус ангела», вернувшийся после смерти в древесное состояние; античная мифологема «Псы Гекаты» как символ мирового политического хаоса:

В результате этих волхований огромное каминное зеркало вскипело облачными клубами и бледно затуманилось. Туман со страшным воем пронесился в зазеркалье кудреватыми клочьями, будто его гнал неукротимый шквальный ветер. Холодом и гибельной тоской веяло из открывшейся бездны. Ветер все свирепел, но вскоре из-за прядей тумана проступило нечто несокрушимое и матово сияющее, преградившее дальнейший путь чародейскому прорыву в кромешную подкладку мира. Это была граница седьмого неба. Таким — млечным и непроницаемым — почти всегда и предстал этот рубеж перед взорами тех, кому доводилось уже пускаться в опасные прогулки на кромку творения... Вихрь разогнал последние клочки мглы, и седьмое небо, отлитое из льда и пламени, открылось во всем своем испепеляющем великолепии, во всем мерзлом блеске. Тщетны были попытки проникнуть за его пределы: взгляд сгорал на этой глади дотла, коченел на смерть — посланный за вестью, обратно он не возвращался. Так длилось то или иное время, но вот седьмое небо на глазах начало меркнуть, стекленеть, будто топился на огне стылый жир, — еще один тугой, протяжный миг, и сквозь последний предел все ясней и ясней стали проступать чудовищные образы чужого мира, кошмары надсознания, жуткие обитатели нетварной тьмы. Псы Гекаты роились там, неистово бросаясь на хрустальное седьмое небо, и за его надежность — застывшим сердцем уповая лишь на нее — навряд ли кто-нибудь теперь мог поручиться... (П. Крусанов «Укус ангела»).

Степень «шифровки» фрейма усиливается в тексте не только хронологической инверсией («Города и годы» К. Федина) или элиминацией хроноса из текстового хронотопа («Палисандрия» Саши Соколова), но и инверсией фреймов в комплексе с метафоризацией и символизацией их названий («Треугольник в квадрате», «Старик», «Бунт воды», «Третий ветер», «Перед потопом», «Кузнецик, луковица, камень» в «Укусе ангела» П. Крусанова), реализующих

ассоциативный веер поиска концептов: потенциальные семы *p1*, *p2* и пр. ‘мудрость’, ‘стихия’, ‘катастрофа’, ‘крепость’, ‘целостность’.

Художественное описание, таким образом, есть вариативное наполнение фреймов объективно существующих в природе ситуаций — ‘Защита территории’, ‘Добыча объекта влечения’ («*Война и мир*», «*Ромео и Джульетта*»); ситуаций, созданных и поддерживаемых социумом, — ‘Инициация’, ‘Защита чести рода, семьи’, ‘Карьера в человеческом обществе’ («*Мальчик с Пальчик*», «*Песня про купца Калашникова*», «*Ярмарка тщеславия*»), вымышленных ситуаций ‘Освоение других планет’, ‘Защита от инопланетных нашествий’, ‘Существование в ином ритме времени, ином физическом размере’ («*Необыкновенные приключения Карика и Вали*»).

Сложность базового концепта [Бабенко, Казарин, 2003] произведения (‘Россия как зона поочередной духовно-экономической экспансии германской военно-державной риторики и казарменности и еврейского предпринимательства при пассивной позиции коренного населения’ в «ЖД» Д. Быкова) формируется сплетением заимствованных («Валгалла») и собственных мифологических («Заговор ветра», «Поднятие земли»), политических («Империя» и «Корпорация»), игровых («Езда по кругу»), сказочных («Яблонька», «Печка», «Блюдечко») фреймов. Из их сложного взаимодействия и финального пересечения (Громов и Аня делают шаг в заповедную ранее зону) в сознании читателя и кристаллизуется результирующий концепт ‘Глобализация’ (‘Империя-колония’? ‘Универсализация’? ‘Языческий круг в окружении германской агрессивности и еврейской клановости и меркантильности’?).

Наряду с текстовыми фреймами традиционного характера, фреймы и концепты текста могут иметь характер неологических. Такowymi являются в романе В. Пелевина «Ампир V» фрейм «Хамлет» — отдых-размышление вампира в состоянии вниз головой и базовые концепты ‘Гламур’ и ‘Дискурс’:

— Дискурс — это ЗАПРЕЩЕНИЕ БЕГСТВА...<...> ...Он наклонился к своему саквяжу и достал какой-то глянецвый журнал. Раскрыв его на середине, он повернул разворот ко мне: «Все, что ты видишь на фотографиях, — это гламур. А столбики из букв, которые между фотографиями, — это дискурс... <...> Все, что человек го-

ворит, — это дискурс... — А то, как он при этом выглядит, — это гламур... <...> ...Дискурс — это мерцающая игра бессодержательных смыслов, которые получаются из гламура при его долгом томлении на огне черной зависти...» <...>... «— Некоторые эксперты утверждают, что в современном обществе нет идеологии, поскольку она не сформулирована явным образом. Но это заблуждение. Идеологией анонимной диктатуры является гламур». — «А как тогда сформулировать центральную идеологию гламура?» — «Переодевание. Только его надо понимать широко. Переодевание включает ПЕРЕЕЗД с КАШИРКИ на РУБЛЕВКУ и с РУБЛЕВКИ в ЛОНДОН, ПЕРЕСАДКУ КОЖИ с ЯГОДИЦ на ЛИЦО, ПЕРЕМЕНУ ПОЛА и все такое прочее» <...> «— У гламура есть два главных аспекта... Во-первых, это жгучий, НЕВЕРОЯТНО МУЧИТЕЛЬНЫЙ СТЫД за нищее убожество своего быта и телесное безобразие. Во-вторых, это мстительное злорадство при виде нищеты и убожества, которые не удалось скрыть другому человеку...<...> ...Чтобы девушка поняла, что она нищая уродина, ей надо открыть гламурный журнал, где ей предъявят СУПЕРБОГАТУЮ КРАСАВИЦУ...».

Резюмирующим концептом романа является условный фантастический концепт ‘Баблос’ — кровь жизни, которую пьют эксплуатацирующие человечество мировые Вампиры, базирующийся на фрейме «Высасывание жизни».

Именно до фрейма сворачивается текст в ментальной форме памяти, что позволяет кодировать его именами терминальных узлов (‘Преодоление пути’ как фрейм “Белого безмолвия” Д. Лондона — так называемая тема) или слотов (Чичиков пытается купить у помещиков списки умерших крестьян — так называемый дайджест содержания).

Когнитивное описание текста тесно связано с понятием *прецедентности* и *подтекста*. Прецедентность создает уникально-конкретное слотовое наполнение терминальных узлов фрейма: *брусничный с искрой фрак Чичикова, породистый завиток на шее Анны Карениной*. Подтекст как пунктирный повтор являет собой частотную актуализацию слотового наполнения:

И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал нож, чтобы очистить карандаш, то и нож у него

был в чехольнике, и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой и, когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр...— А. Чехов «Человек в футляре».

Прецедентный текст выступает в материнском тексте во вторичной функции экфории [Рубакин, 1977, с. 49] — восстановления целого по части, детали (*Дымясь волосами, как будто над чаном, он думал. И все это было началом, началом, рождающим САВСКИХ и САСКИЙ...*— А. Вознесенский), а также дополнительного воздействия фоном, историей создания, временем, подтвердившим или спародировавшим его идеи: *В волчьих глазах ночи, в сполохах пламени, как эхо, kloкотал и бился неподвластный времени и законам РУССКИЙ БУНТ* [Век XX и мир, 1990, № 8, с. 25]; *Если вернуться к политическим играм, к ЯРМАРКЕ ТЩЕСЛАВИЯ, то сравнения уместны...*[Сегодня, 04.03.1998, с. 3]. Часто тексты представляют собой **контаминированный** тип прямого и метафорического значения, или прямого, метафорического и прецедентного текста одной темы:

Ах, рельсы, рельсы... Первыми пали снова стрелочники. Все... Алло, — прорывается сквозь треск и голоса чей-то сдавленный крик, — пособи простому человеку хоть раз, стрелочник я... Звонили из Новосибирска. Там подсуетились и к отчету правительства сняли с работы директора Новосибирского стрелочного завода... На место снятого директора посадили бывшего директора рельсопрокатного завода. Этот, я так думаю, сумеет спрямить. Но, с другой стороны, без стрелок лишний раз на рельсы не ляжешь — может и не объехать [НГ, 04.03.1998, с. 1].

Когнитивной основой хранения и воспроизведения **прецедентных текстов** являются механизмы **анперцепции** — сохранения следов прошлого опыта в виде знаний индивида [Рубакин, 1977, с. 122], **лингвокреативного мышления**, обеспечивающего

«выводное знание» [Рассел, 1997, с. 451] из логических причинно-следственных, условно-следственных, временных конструкций (*направить корабль на скалы* — следовательно, ‘каузировать катастрофу’; *еще не вечер* ‘еще есть время’ — следовательно, ‘есть шанс успеть, изменить ситуацию’), и механизм *перцепции* и *отождествления разносущностных явлений*, «одновременного видения двух картин», т.е. метафоризации, переносов в широком смысле слова. Прецедентный текст, хранящийся в тезаурусе (ментальной картине мира человека) в свернутом виде фрейма или слота (ситуация, качества героя, сформулированная в тексте максима), актуализируется частичным или даже аллюзийным его воспроизведением. В случае *прецедентности* текст, воспроизводящий фрейм, достраивается по узнаваемому слоту: *породистый завиток на шее* как слот «Анны Карениной». В лингвистическом отношении воспроизведение прецедентного текста по детали является объемным, «голограммным» достраиванием по уникальному имени актанта, атрибута или сирконстанта, например: *топор* как ‘орудие убийства’ в романе Ф. Достоевского; *тяжелые, нежные лапы* — атрибут коллективного лирического героя «Скифов» А. Блока; *остров пингвинов* как имя локуса романа А. Франса; *фонтан* как сирконстант трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

Актуализация прецедентного текста многомерна и гетерогенна в информационном отношении. Актуализируется не только текст, весь (идея) или частично (черты характера, установки героя). Актуализируется информационный фон горизонтального и вертикального контекста: исторический контекст создания произведения, литературное направление, в рамках которого создан текст, аналогичные темы и «сквозные» герои литературы («История одного города» Салтыкова-Щедрина; «История села Горюхина» Пушкина; *Горелово, Неелово, Неурожайка* Некрасова; *маленький человек* Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова; *отцы и дети* у А. Островского, Тургенева, Горького; *униженные и оскорбленные* Достоевского и Гюго). Наконец, актуализируется фактор времени, прошедшего после создания текста и реинтерпретировавшего текст новыми читателями, ситуацией, цивилизационным знанием.

В структурном отношении прецедентный текст воспроизводится как линейная последовательность с прямым порядком слов (вос-

производимо и устойчиво) с синтагматическими заменами в рамках семантического сдвига [Лапшина, 1996, с. 95, 125] «вид—вид»: *новый русский — старый русский, старый русский — старый татарин*. Содержательно прецедентный текст представлен как прототипическое обобщение высказываний (паремий, максим, крылатых слов), в линейном плане — как прерывистая, пунктирная **последовательность концептуальных узлов** и их **значимых деталей**:

«Старый РУССКИЙ ЗАГАДОЧНО улыбался, ЛЕЖА на ПЕЧИ. Старый американец скакал на лошади и палил из пистолета. Старый цыган воровал лошадь, на которой скакал старый американец. Старый африканский НЕГР ЗУБРИЛ РУССКУЮ ГРАММАТИКУ. Старый тунгус нашел в лесу метеорит. Старый КАЛМЫК ЧИТАЛ ПУШКИНА. Старый египтянин впал в детство и собирал пирамиду. Старый ТАТАРИН СОБИРАЛСЯ В ГОСТИ. Старый бразилец стирал футбольные трусы. Старый кореец вот уже сорок шесть лет управлял своей страной. Старый француз рассматривал СЕДИНУ В БОРОДЕ и щупал РЕБРО. И только молодежь вечно не знает, чем заняться» (Исаков Ю. Старые народы) [Язык как творчество, 1996, с. 299].

Представленные здесь прецедентные тексты неоднородны: фольклорный и философский (*загадка русской души*); историко-страноведческий и культурологический об американце; стереотипно-психологический, исторический и культурологический о цыгане; собственно литературный текст *Да будь я и негром преклонных годов, и то, без унынья и лени, я русский бы выучил...* (В. Маяковский); научно-страноведческий, где имя (*тунгусский метеорит*) развернуто в текст; собственно литературный *назовет меня... и друг степей калмык* (А. Пушкин); историко-культурологический текст — развернутое имя (*египетские пирамиды*); фольклорно-паремийный текст *Незванный гость хуже татарина*; страноведческий текст — развернутое имя (*бразильский футбол*); историко-политические сведения о главе Северокорейского государства; фольклорно-культурологический текст *Седина в бороде — бес в ребро* и фоновые знания о французах как непревзойденных ловеласах.

Поверхностный синтаксис при этом незначим: предикатные конструкции заданы «сверхтекстом», а потому нарративны. В качестве «коллажа» тексты могут быть представлены номинативно: *Русский на печи; Египтянин с пирамидкой; Калмык с томиком Пушкина*. Незначимо и морфологическое оформление: *загадочно улыбался, или почему-то улыбался, и в этом была загадка, или даже почему-то лежал, и в этом была загадка*. **Морфологическая** форма, обрамляющая концептуально значимые детали, организована по принципу межсхемной, межуровневой и деривационной парадигмы предложения, лексической и синтаксической деривации (*улыбался, лежа — лежал и улыбался, тунгус — тунгусский*), **лексическая** форма — по принципу тезаурусных включений и синонимических замен (*пирамида — пирамидка, тайга — лес, корея — северокорея, язык — грамматика, учить — зубрить*). Таким образом, «считывание» прецедентного текста осуществляется как считывание смысла ‘русский немоделируем и бездеятелен’, ‘пирамиды — туристическая марка Египта’, ‘Бразилия — мировой футбольный лидер’, ‘лидер Северной Кореи бессменен’ в пределах синтаксического, морфологического, словообразовательного и лексического варьирования окружения опорных, ключевых слов: *старый («преклонных годов») НЕГР зубрил («выучил») русскую грамматику («русский»); ТАТАРИН («хуже татарина») собирался В ГОСТИ («незванный гость», т.е. по принципу языковой вариативности семантического инварианта текста)*. Очевидно, пределом варьированности прецедентного текста должно быть его слияние с ментальным образом-смыслом: ‘русский непонятен и неактивен’, ‘француз — донжуан’. Так выделением 2—3 **компонентов-регистров** осуществляется многомерное информационное включение темы, идеи, места и времени, оценок и целей, т.е. тематически и ассоциативно сцепленных между собой фрагментов картины мира.

Формы цитирования прецедентного текста многообразны: герой (*Гамлет*), событие (*гамлетовский вопрос, раскольниковский топор*), максима, выражающая центральную идею произведения (*«Быть или не быть — вот в чем вопрос», «Тварь ли я дрожащая или право имею?», «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник»*), обстоятельство (*Сцена у фонтана — ремарка А. Пуш-*

кина), деталь (*породистый завиток на шее Анны Карениной*). При **интертекстуальности** воспроизводится прежде всего уникальная часть прецедентного текста. В подобном случае указание на хрестоматийного автора излишне. Этот принцип исповедует постмодернизм с его тезисом «смерти автора», ср. у позднего А. Вознесенского (*Я — па...с. Одинокий. БЕЛЕЮ...*) или у Саши Соколова в романе «Палисандрия»: *В часы процедурных раздумий о судьбах родины я умозрительно, но откровенно люблюсь моими досточтимыми праотцами; И наступила пора окончательных мемуаров, последней мандельштамовской прямоты; Баловень судеб, я напоминаю себе пресловутого жадностью рыцаря, не желающего ущемления своего блистательного состояния; в нашем случае — состоянья СВОБОДЫ, в неверном мерцании отроческих ночников опознанного как ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ, ВО СЛАВУ КОТОРОЙ РЕДЕЛА И БУДЕТ РЕДЕТЬ НЕ ОДНА ГЕРМАНСКАЯ БОРОДА; Тяга — так исстари называют не только эту разновидность охоты, но и многочисленные отчеты о ней в изящной словесности. АКСАКОВ, ТУРГЕНЕВ, ПРИШВИН — нам дороги их имена; Сколько ни переименовывай — все равно не оценят. Поэтому в целом работаю сразу набело — потоком сознания, слов. Испытанный, верный способ. Воспалая воображение масс, им пользовались еще Бальзак, Боборыкин, Скворода; Опекунский Совет не выписывал мне периодики, справедливо догадываясь, что весь этот — по выражению Байрона — «вздор докучный» меня не касается и будет лишь изнурять; Только в отличие от перечисленных выше мошенников я БЕРЕГ СВОЮ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ, и оттого, не стесняясь предстать перед Вами в банальном, но невечернем свете правдивости, подтверждаю: газету «Албанское танго» занес мне курьер Брикабрак; Никогда не забуду, как заразительно лихо ворвались мы с полководцем в громокипящий празднеством зал, и дядя Иосиф, рвя крючья допереворотной косоворотки и заглушая зыком медную падеспань, призвал веселящихся к боевому порядку; Странный Вы, право, какой-то. Какая-то, Вы, м. г., ТВАРЬ ДРОЖАЩАЯ: все трепещете, умиляетесь, приискиваете УТРАЧЕННЫЕ другими иллюзии; Распустился народ, разбаловался, — элегически-огорченно отметил Андропов. — «ОБРАЗОВАЩИНА несчастная», — добавил я. Цитация же **аллюзийная** (*Надсмотрщик (просыпаясь)*). Луна! Едрит твою в ноздрю. — Ленин. Я Луна. (Бессмысленно кривится) в «Мужской*

зоне» Людмилы Петрушевской остается в значительной мере в области предположений: *«И в небе, ко всему приученный, бессмысленно кривится диск»* — А. Блок.

С когнитивной точки зрения разное вариативное наполнение слотов одного фрейма получило наименование **типологии сказки, бродячих сюжетов** [ЛЭС, 1987, с. 428; Пропп, 1995, с. 29; Якобсон, 1985; Томашевский, 1996, с. 182; Пермяков, 1970, с. 6]. Воспроизведение слота является презентантом **интертекстуальности** (*Дездемона, топор, броситься под поезд*), воспроизведение терминального узла — **мотива** (оживающая статуя в «Медном всаднике» и в «Каменном госте» А. Пушкина; безответная любовь — «Я Вас любил...» А. Пушкина, «Гранатовый браслет» А. Куприна; уход из дома как разрыв с традицией — библейская притча о блудном сыне, «Маленькая хозяйка Большого дома» Д. Лондона) или **функции** (трикстер или волшебный помощник в сказках), воспроизведение фрейма в целом — **бродячего сюжета** (инициация — «Мальчик-с-пальчик» Ш. Перро, «Мои университеты» М. Горького; нашествие — «Война и мир» Л. Толстого, «Война миров» Г. Уэллса; странствие как познание — «Хождение за три моря» А. Никитина, «Очарованный странник» Н. Лескова, «Кому на Руси жить хорошо» Н. Некрасова, «Степь» А. Чехова, «По Руси» М. Горького).

Интертекстуальность можно трактовать как **когнитивный механизм**, как средство, выполняющее референциальную функцию, поскольку отсылка к иному тексту влечет за собой активизацию той информации, которая содержится в претексте: *О, как пряно дыханье звезды, Мне когда-то приснившейся там, — Это кружатся Эвридики, Бык Европу везет по волнам.* — А. Ахматова. В этом отношении когнитивный механизм воздействия интертекстуальных ссылок обнаруживает сходство с механизмом воздействия таких связывающих различные понятийные сферы операций, как метафора и аналогия [ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, www]. Степень активизации варьируется от простого напоминания о том, что на эту тему высказывался тот или иной автор (*Как сказал Ницше, «Бог умер», и человек оказался во власти античных демонов: Добра, Красоты, Истины. При этом он находился в положении Париса, отдавшего яблоко одной богине, но одновременно не отдавшего*

его двум другим и, следовательно, навлекшего на себя гнев, сатанинскую злобу, ненависть. — Д. Галковский; *И все-таки в целом история есть типичная кантовская вещь в себе* — С. Соколов; *ДЕМОКРИТ СКАЗАЛ: «НИЧЕГО НЕ СУЩЕСТВУЕТ, КРОМЕ АТОМОВ И ПУСТОГО ПРОСТРАНСТВА; ВСЕ ПРОЧЕЕ ЕСТЬ МНЕНИЕ».* — Д. Галковский), до введения в рассмотрение всего, что хранится в памяти о концепции предшествующего текста, форме ее выражения, стилистике, аргументации, эмоциях при его восприятии и т.д. (*А безмятежная душа Сонечки, закутанная в кокон из тысяч прочитанных томов, забавляющая дымчатым рокотом греческих мифов, гипнотически-резкими звуками флейты средневековья, туманной ветреной тоской ИБСЕНА, подробнейшей тягомотиной Бальзака, астральной музыкой Данте, сиреническим пением острых голосов Рильке и Новалиса, обольщенная нравоучительным, направленным в сердце самого неба отчаянием великих русских, — безмятежная душа Сонечки не узнавала своей великой минуты, и мысли ее были заняты только тем, не совершает ли она рискованного шага, отдавая на руки читателю книги, которые имеет право отпускать лишь в читальный зал ...* — Л. Улицкая). За счет этого интертекстуальные ссылки могут, помимо прочего, стилистически «возвышать» (*Кто-то ходит в ночи и бренчит золотыми ключами, и кричи не кричи — смотрит АРГУС сухими очами на тебя, на меня, на РАЗВАЛИНЫ МИРА И РИМА, и, прищипорив коня, наше время проносится мимо.* — С. Кекова) или, наоборот, снижать содержащий их текст (*Я взял тогда специальные меры. Велел выкрасить стекло в туалете в три слоя и начал писать по-чувашки. Беспомощно и вотще шевелились уста малообразованной Эос, пытавшейся прочитать мои тексты. ЕЩЕ ЧУТЬ ЛИ НЕ САМ Я УКАЗЫВАЛ, что при всем своем любопытстве прислуга наша ЛЕНИВА, НЕЛЮБОЗНАТЕЛЬНА и далека от лингвистики* — С. Соколов). Прецедентные тексты «выступают как целостная единица обозначения» [Караулов, 1987, с. 217], т.е. как целостный знак, отсылающий к тексту-источнику и представляющий его по принципу «часть вместо целого». «Свернутый (или прецедентный) текст — единица осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти» [Костомаров, Бурвикова, 1996, с. 297]: *Апации охраняют от паралича: дают отдых. Мое интеллектуальное состояние в такие дни спускается*

резко ниже нулевой отметки, но затем, в активный период, я бы-стро и вновь наращиваю гору. Да, как Сизиф.— В. Маканин; Что мы ставим на карту, с судьбой состязаясь сердитой? Мы богиню АСТАРТУ упрямо зовем АФРОДИТОЙ. Среди ветхих костей тает сердце, подобное воску, от небесных властей получившее небо в полосу. — С. Кекова; Белый свет померк, и огонь погас, в ледяной конюшне стоит ПЕГАС, кто бы дал бедняге мешок овса и почистил скребком КРЫЛО? Мне повсюду чудятся голоса: снегом родину замело. — С. Кекова.

Практически неизученным современной лингвистикой остается вопрос когнитивной трактовки **типов интертекстуальных отношений**. Наиболее общая классификация межтекстовых взаимодействий, как известно, принадлежит французскому литературоведу Жерару Женетту. В его книге «Палимпсесты: литература во второй степени» (1982; рус. перевод 1989) [палимпсестом называется рукопись, написанная поверх другого текста, счищенного для повторного использования писчего материала, обычно пергамента, когда элементы старого текста иногда проступают в новом] предлагается пятичленная классификация разных типов взаимодействия текстов: **интертекстуальность** как сопричастие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.); **паратекстуальность** как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу; **метатекстуальность** как комментирующая и часто критическая ссылка на свой претекст; **гипертекстуальность** как осмеяние или пародирование одним текстом другого; **архитекстуальность**, понимаемая как жанровая связь текстов [ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, www].

В первой группе, которая носит название собственно интертекстуальности, важно различие между явлениями «цитаты» и «аллюзии». **Цитата** — это воспроизведение двух или более компонентов претекста с сохранением той предикации (описания некоторого положения вещей), которая установлена в тексте-источнике; при этом возможно точное или несколько трансформированное воспроизведение образца [там же]: *Я спросонья вскочил — патлат, Я проснулся, а сон за мной, Мне приснилось, что я — АТЛАНТ, На плечах моих шар земной!*— А. Галич; *Целую неделю она, как ПЕНЕЛОПА, ждала приезда Вахтанга, который должен был приехать на кино-*

пробы, но приезд его все откладывался, и Ника, чтобы не терять формы, заехала к Бутонову. — Л. Улицкая; Они вдвоем со свекровью сжимали ее, как Сцилла и Харибда, и кроме этого, они еще и скандалили между собой, муж и его мать. — Л. Петрушевская.

Аллюзия — заимствование лишь определенных элементов текста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, предикация же осуществляется по-новому [Там же]: *Дышу я непривычно — ртом. Среда бурлит — плевать на среду! Я погружаюсь, и притом — быстрее, в пикну Архимеду.* — В. Высоцкий; *С друзьями детства перетерлась нить. Нить Ариадны оказалась схемой. Я бился над словами — «быть, не быть», как над неразрешимую дилеммой.* — В. Высоцкий; *Я писал, что в лампочке — ужас пола. Что любовь, как акт, лишена глагола. Что не знал Эвклид, что сходя на конус, вещь обретает не ноль, но Хронос.* — И. Бродский.

Возможны одновременная цитация и аллюзия: *Он купил хризантем на рынке — мелких, желтых, обернутых в целлофан. Отцвели уж давно.* [восстановление предикации, т.е. цитация] <...> *Черный ход, помойные ведра, узкие чугунные перильца, нечистота* [ассоциативный ряд, апеллирующий к Петербургу социального дна Ф.М. Достоевского, восстанавливающий «постассоциацию» и к желтому цвету, см. «Петербургский текст русской литературы» В.Н. Топорова, т.е. аллюзия]. *Сердце билось. Отцвели уж давно. В моем сердце больном* [цитация] — Т. Толстая.

С когнитивной точки зрения аллюзия воспроизводит лишь слот (*Пусть колокола — подводные — звонят, пусть бьются била у побережий новых атлантид...* — Д. Самойлов; *Училище состояло из оружейного, часового и погребального отделений. Студенчеством на последнем, я шел на одни пятерки. Тема мне предстоявшей дипломной работы формулировалась туманно: «Сравнительная характеристика похоронно-процессуальных кодексов Нижней Мальты и Верхней Вольты»* — С. Соколов), цитата же — и слот, и фрейм (или его часть) или скрипт (сценарий развития действия): *Художник-варвар кистью сонной картину гения чернит и свой рисунок беззаконный на ней бессмысленно чертит* — А. Пушкин; *Но слово останется, слово осталось! Не к слову, а к сердцу приходит усталость, И хочешь, не хочешь — слезай с карусели, И хочешь, не хочешь — конец одиссеи!* — А. Галич; *Наподобие касания к фило-*

СОФСКОМУ КАМНЮ, ночные беседы с женой оказывались волшебным механизмом очищения прошлого... — Л. Улицкая; *ВЕРГИЛИЙ, мой поводырь и РАССКАЗЧИК, ВЕДИ меня по ДЕВЯТИ КРУГАМ застоя, сквозь дым и пепел капиталовложений, по УГОЛЬЯМ человеческих ДУШ ВЕДИ, через АД, под знаменем светлых лозунгов СЖИГАВШИХ благословенную афганскую землю* (ЛГ, 30.01.88, с. 13). Плагиат же представляет собой перифразированный слог или часть фрейма, перифразированную цитату без атрибуции.

Интертекстуальность в случае цитации называют **реконструктивной**, лишь регистрирующей общность «своего» и «чужого» текстов (*Сегодня здесь, на Прачечном мосту, рыбак, страдая комплексом НАРЦИССА, таращится, забыв о поплавке, на зыбкое свое изображение* — И. Бродский; *Чужая кожа пристает к носам. Есть многое на свете, друг ГОРАЦИО, что и не снилось нашим мудрецам.* — А. Тарковский; *Встречи женщин как раз у входа, и вахтер, как привязанный, был вынужден слушать, ОДИССЕИ и СИРЕНУ* — В. Маканин), интертекстуальность в случае аллюзии — **конструктивной**, целью которой является организация заимствованных элементов таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры нового текста (*Как спорт — поднятье тяжестей не ново в истории народов и держав: вы помните, как НЕКИЙ ГРЕК ДРУГОГО ПОДНЯЛ и БРОСИЛ, чуть ПОПРИДЕРЖАВ?* — В. Высоцкий; *Любой из смертных есть ОРФЕЙ в аду: посмотрит он хотя бы раз в году на тень свою, худую ЭВРИДИКУ. И, как ОРФЕЙ, у мира на виду у входа в ад я бережно кладу из крови сотворенную звездику.* — С. Кекова; *Она возникнет перед нами весомо, грубо, зримо, как в наши дни дошел ВОДОПРОВОД, СРАБОТАННЫЙ ЕЩЕ РАБАМИ РИМА!* — водопрвод, к сожалению, до наших дней не дошел, но и он не за горами! — Т. Толстая; *И все-таки ведущая домой дорога оказалась слишком длинной, как будто ПОСЕЙДОН, пока мы там теряли время, растянул пространство.* — И. Бродский) [Смирнов, 1995, с. 105].

Интертекстуальность — способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через выстраивание сложной системы отношений с текстами других авторов. Эти отношения классифицируются как **идентификация** (*Как Child-Harold, угрюмый, томный, В гостиных появлялся он.* —

А. Пушкин), *противопоставление* (*Нет, я не Байрон, я другой, Еще неведомый избранник, Как он, гонимый миром странник, Но только с русской душой.* — М. Лермонтов) и маскировка («Я иду по дороге один, мой каменистый путь простирается далеко, тиха ночь и холоден камень, и ведется разговор между звездой и звездой») [ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, www]. Интертекстуальность — *результат и механизм деривации текста*: в процессе порождения текст проходит эволюцию «знаки — текст как линейный сверхзнак (цитата, персонаж) — прецедентное имя как линейная “свертка” линейного сверхзнака» (*обломовщина, новые люди*) [Караулов, 1987, с. 217—219; Костомаров, Бурвикова, 1996, с. 297—301; Гудков, 1999, с. 23—28]. Осуществляя повествование по денотативной канве, обеспечивающей иллюзию правдоподобия [Барт, 1994, с. 317; Жинкин, 1982, с. 80], автор располагает на этой канве узоры образов-символов, ключевых слов, художественно закодированной идеи (*ВИШНЕВЫЙ САД, АЛЫЕ ПАРУСА*).

Интертекстуальность — *механизм передачи цивилизационных смыслов*. В семиотическом аспекте предмет выступает как форма смысла (абсолютизм власти фараона — пирамиды), передавая другому смыслу лишь свое имя: *финансовые пирамиды*. Образы эпох — Большие стили — метафорически переносятся и на другие периоды: *Священная Римская империя*, воссоздающая покоренную античность. Меняет парадигму образов новое знание.

Общей «эволюционной траекторией» развития цивилизационных смыслов является выводное или пояснительное знание: *патрицианский* — а поэтому ‘держась с достоинством’; *шут* — а поэтому ‘смешной’; *марионетка* — а поэтому ‘несамостоятельная’; *развилка* — поэтому ‘выбор’; *кентавр* — т.е. ‘гибрид’; *утопия* — т.е. ‘несерьезное’. Лингвистически выводное и пояснительное знание оформляется как метафора (*кентавр, шут, иезуит*), переосмысление символического значения — эмблема (*фортуна* [лат. Fortuna]. ‘Судьба, счастливый случай, счастье’: *Верить в фортуна. Переменчивая, слепая фортуна. Любимец, баловень фортуны* (счастливчик). *Фортуна улыбается кому-л.* (кому-л. сопутствует удача, успех). *Колесо фортуны* (книжн.; изменчивое, непостоянное счастье). В древнегреческой мифологии: богиня судьбы (изображается женщиной, стоящей с повязкой на глазах на колесе или шаре) [БТС, 2000, с. 1431];

как метонимия (*пенаты*); как расширение (*тривиальный*) и сужение (*эпикуреец*) значения; как синтагматическая цепь (*брат Ромула: Ордер на арест Вяхирева будет подписан в ближайшее время, если только «брат Ромула» не выберет альтернативный вариант...* — *Завтра*, № 42, 1999, с. 1); как калькирующий перифраз (*trivium* — *перекресток трех дорог*); как лексикализация (*парабеллум* [от лат. *parabellum* «готовься к войне»] ‘род автоматического пистолета’); как прецедентный текст (*Тут, как бывает во сне, и возникла истина: не КОГИТО ЭРГО СУМ, а люблю ЭРГО СУМ* — Ю. Трифонов).

Генетически общее наследие прошлых веков — **цивилизационные смыслы** — метафорически просвечивают в современном речевом употреблении: *Я завидую ей — молодой И худой, как РАБЫ НА ГАЛЕРЕ.* — Б. Ахмадулина; *Сам Сириус — с ЕГИПЕТСКОЙ, ЗАГРОБНОЙ, СОБАЧЬЕЙ ГОЛОВОЙ...* — А. Тарковский; *Страшно было за высокие АМФОРЫ ее ног, наполненные золотом виноградного сока...* — Б. Ахмадулина; *Мы должны прожить вместе здесь, на этой земле, где подобает жить поэтам, где есть настоящее солнце, настоящая нагая земля и настоящее ОДИССЕЕВО море...* — М. Волошин; *Лес стянут по горлу петлею пернатых Гортаней, как буйвол арканом, И стонет в сетях, как стенает в сонатах Стальной ГЛАДИАТОР органа* — Б. Пастернак; *За наш остров, за нашу ПОГРУЖАЮЩУЮСЯ АТЛАНТИДУ, в этом суть перемен!* — В. Маканин; *Не доводом и не мечом Царьград был выкован и слеплен. Наивный ВАРВАР был прельщен Его коварным благолепьем.* — Д. Самойлов; *И за это за все — как КАЗНЯТ ЧЕРНОКНИЖНИЦУ — Привезу тебя к утреннему крыльцу, Погляжу в дорогие глаза злоумышленницы, На прощанье губами перекрещу* — А. Вознесенский; *Разного рода чиновники из аппарата правительства называют цифру сокращения в 10 раз, но это чистый МАКИАВЕЛЛИЗМ* (*Завтра*, 2002, № 37, с. 7); *Они сгрудились над кухонным столом и ели принесенный кем-то из гостей многоярусный торт в кремовых оборках, БАРОЧНЫЙ и приторный.* — Л. Улицкая. В этом случае можно говорить об **интертекстуальности** культурологической, **цивилизационной**.

Когнитивный подход к тексту позволяет упорядочить **метаязык гуманитарных описаний**. Литературному термину **мотивы** и **образы** соответствуют терминальные узлы фреймов и их слотовое наполнение, поскольку мотив — часть фабулы, т.е. описываемой ситуации

(*Мотив* 'составная часть темы, сюжета произведения искусства' [БТС, 2000, с. 559]). Вербально-художественное же выражение мотива вариативно, поскольку базируется на разных метафорических основаниях: мотив 'смерти' в виде образов старухи с косой, или белого савана зимы, мотив 'рождения' в виде образов ребенка, листочка, птенца [Тропкина, 1998]. Культурологическому термину *стиль* соответствует разделяемый адептами данного мировоззрения и его эстетики изоморфизм акцентирования и заполнения слотов фрейма произведения кодами референтной для автора идеолого-эстетической ориентации. Так, романтизм («одиночка в мире зла») кодирует слоты фреймов образами внутреннего, таинственного, потустороннего, экзотического: (*Душа моя, я помню, с детских лет чудесного искала; Есть сумерки души, когда предмет Желаний мрачен: усыпление дум; Меж радостью и горем полусвет... — М. Лермонтов*), борьбы как способа существования (*Мне нужно действовать, я целый мир бессмертным сделать бы желал, как тень великого героя, и понять я не могу, что значит отдыхать. — М. Лермонтов; И вечный бой! Покой нам только снится. — А. Блок*). Постмодернизм (хаотичность жизни, скептицизм, повторяемость) определяет иронию, цитатность, графическую хаотичность текста:

Диалектика, Палисандр, какая-то эклектическая, всепожирающая перистальтика духа! — С. Соколов; Желаем Вам, Ирина Владимировна, быть поскромнее, будьте здоровы, не зарывайтесь, ухаживайте за стариком, спасибо, мальчики, не беспокойтесь, учту, ну, пока, и уходят, а тут Мерзляков: приходи, звонит, завтра вечером, с тобой люди хотят познакомиться, а я по людям изголодалась, все больше одна, наедине и при неразрешенной судьбе, хотя чувствую, кажется, обойдется, несмотря на совокупность событий или благодаря, ум за разум, и отвечаю, что обязательно буду, только вдруг в дверь звонят в половине восьмого утра (В. Ерофеев. Русская красавица).

Итак, в когнитивном отношении интертекстуальность представляет собой механизм *экономии ментальных и номинативных усилий*. «*Имя есть текст и текст есть имя*» (Ю.И. Сватко). Полисемант фиксирует в виде ЛСВ историю слов в истории об-

щества: появление имени, его изменение (*ипотека* как ‘шест для обозначения права на землю’ у греков и как ‘жилищный кредит’). Конструируемый же из названий текст сворачивается до имени (*мертвые души*, *ярмарка тщеславия*). Условием свертки текста в имя является его прецедентность. Текст сворачивается до имени базового концепта (*ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ*), до слота (*ТУПОЙ УГОЛ комнаты*), до части фрейма (*ДЕВЯТЬ КРУГОВ застоя*). Интертекстуальность есть также механизм **деривации текста**. Ситуации бытия исчислимы. Реальные фреймы бытия (война, странствие) отражены формами художественного сознания. Введение в текст фрейма прецедентного текста является голограммой, позволяющей читателю видеть ситуацию глазами разных времен и народов (фрейм нашествия в «Войне и мире» и в «Молодой гвардии»), учитывать весь исторический опыт. Интертекстуальность — это и механизм **межпоколенной трансляции социального знания**. Цивилизационные смыслы протекших веков транслируются не только в виде имен вещей и понятий (*виадук*, *демократия*), но и образов великих творений прошлого (*Уважаю Лужники — смесь Олимпий и Олимпиа*. — А. Вознесенский).

Литература

- Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. М.: Флинта: Наука, 2003.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. П.К. Косикова. М.: Прогресс: Универс, 1994.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / предисл. Р.Г. Котова, А.И. Новикова. М.: Наука, 1982.
- Интертекстуальность. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/l/ingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М: Наука, 1987.

- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество: сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева / РАН; Ин-т рус. яз. М., 1996.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
- Лапшина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история / Тарт. ун-т. М: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.
- Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: учебник для филол. спец. вузов. М.: Ось-89, 1999.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
- Мурзин Л. Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
- Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970.
- Пропп В.Я. Морфология сказки [Репринт. изд. 1928]. СПб.: Наука, 1995.
- Рассел Б. Человеческое познание: Его сферы и границы / пер. с англ. Н.В. Воробьева. Киев: Ника-центр: Вист-С, 1997.
- Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию / вступ. ст. Ю.А. Сорокина. М.: Книга, 1977.
- Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб., 1995.
- Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М.: Триволта, 1996.
- Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учебник для вузов / вступ. ст. Н.Д. Тамарченко; коммент. С.М. Бройтмана. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс — Культура, 1995.
- Тропкина Н.Е. Образный строй русской поэзии 1917—1921 гг.: монография. Волгоград: Перемена, 1998.

- Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография. Волгоград: Перемена, 2003.
- Шестак Л.А. Когнитивный аспект теории текста: деривация текста и его восприятие // У чистого источника родного языка: сб. статей к 60-летию проф. В.И. Супруна. Волгоград: Перемена, 2008.
- Шестак Л.А. Когнитивная теория текста // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. тр. / сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
- Энциклопедия когнитивной лингвистики 2011. Научные школы и направления. Тамбов, 2011.
- Язык как творчество: сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева / Ин-т рус. яз. РАН. М.: ИРЯ РАН, 1996.
- Якобсон Р.О. Избранные работы: пер. с англ., нем., фр. языков. М., 1985.

Раздел 2. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И СМЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ: СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ

ГЛАВА 1. Интертекстуальность в научном дискурсе

С.В. Ракитина

Научное познание представляет собой сложный диалектический процесс движения от предшествующего, известного знания к неизвестному, новому, которое определяется нами как новое звено в научной картине мира или в ее фрагменте, выстраивающееся в научном дискурсе ученого, направляемом концептом-стимулом, единицей сознания, в которой заложен научно ценностный потенциал нового знания.

Смыслообразующий потенциал концепта-стимула реализуется в дискурсе в ходе его «состязательного диалога» с ассоциативно-проецирующимися, актуализирующимися научными смыслами-хранителями «своих» и «чужих» старых знаний через рождение новых смыслов, носителей нового знания. Новое научное знание, заложенное в концепте-стимуле, обогащенное и концептуализированное, проходит жесткий контроль «исторического» анализа, получая свое языковое и текстовое выражение. Результатом такой дискурсивной деятельности ученого выступает научный текст.

Исследование научных текстов известного ученого-естествоиспытателя В.И. Вернадского убеждает в том, что непрерывным условием любой научной деятельности является «развитие, продолжение или опровержение ранее признанных положений, полемика с другими направлениями или отдельными учеными» [Гальперин, 1981, с. 66].

Исходя из понимания научного текста как продукта научного дискурса, реализованное в нем взаимодействие различных взглядов, теорий, концепций, высказываний мы рассматриваем как ин-

тердискурс. При таком подходе интердискурс представляет собой существующее «до, вне и независимо» от конкретного высказывания, в котором формируется и производится дискурс. Это проявляется в том, что в дискурсе все всегда соотносится с «уже сказанным» как преконструктом, который поставляет в некотором роде сырье для образования «говорящего субъекта», и функционирует по отношению к самому себе (то, что я говорю теперь по отношению к тому, что я говорил раньше, и к тому, что скажу позже), т.е. интрадискурсу, в котором интердискурс находит свое место благодаря «корелации», обеспечивающей то, что можно назвать «нитью дискурса» [Пеше, 2002, с. 271]. Поскольку текст выступает одним из компонентов дискурса, удобным объектом его анализа, невысказанные смыслы текста свидетельствуют о присутствии интердискурса как необходимой составляющей любого дискурса.

Понятие интердискурса соотносится с понятием интертекста: интертекст выступает средством объективации интердискурса, результатом творческой деятельности ученого, в которой смысл, представленный в созданном тексте, формируется в результате привлечения не только опыта его автора, но и содержания других текстов, о чем свидетельствуют ссылки на них. Интердискурсивность как свойство речемышления, актуализирует когнитивное переключение с одного типа дискурса на другой, указывает на взаимодействие различных по своей природе семиотических систем, объективируясь в научном тексте средствами выражения интертекстуальности.

Термин «интертекстуальность», как известно, был предложен французским литературоведом и семиотиком Ю. Кристевой, которая, определяя его, писала: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*» [Кристева, 1995, с. 99].

Данный термин получил широкое распространение в современной лингвистике, в том числе и в стилистике текста (И.В. Арнольд, Ю.Н. Караулов, Ю.М. Лотман, В.Е. Чернявская и др.). Под интертекстуальностью понимается свойство текста, предполагающее апеллирование к ранее полученным знаниям, «включение

в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или не маркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [Арнольд, 1999, с. 346]. В интертекстуальности отображается текстообразующая деятельность автора-ученого, соотносимая с его научной картиной мира, когда, как отмечает В.Е. Чернявская, «один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой» [Чернявская, 2004, с. 49].

Интертекстуальность, понимаемая как взаимодействие текстов, «текст в тексте» [Лотман, 1992], исходит из разработанной М.М. Бахтиным теории диалогичности, согласно которой представляет собой диалог «своей» и «чужой» речи, связывающий в единое смысловое целое тексты разных авторов. Справедливо в этом отношении замечание ученого о том, что «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом»: всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом контексте. Этапы этого движения: «исходная точка — данный текст, движение назад — прошлые контексты, движение вперед — предвосхищение (и начало) будущего контекста» [Бахтин, 1975, с. 207].

Диалогичность, диалогические отношения, понимание как диалогический процесс, диалогическая система рассматриваются ученым в широком смысле. Бахтинский диалогизм, по замечанию Ю. Кристевой, «выявляет в письме не только субъективное, но и коммуникативное, <...> интертекстуальное начало» [Кристева, 1995, с. 102].

Интертекстуальность как средство текстообразования является свойством любого текста, поскольку он «соткан из цитат, отсылок, отзвуков; все это языки культуры (а какой язык не является таковым?), старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию» [Барт, 1989, с. 418].

Особенно необходимо учитывать интертекстуальные связи в отличающемся динамичностью институциональном дискурсе [Wodak, 1996, с. 12]. Что касается научного дискурса как разновидности институционального, то в нем интертекстуальность наиболее востребована, поскольку актуализируется длительный процесс научного поиска, исследовательского отбора, обобщения предшествующего знания и формирования нового, установление когни-

тивных связей между концептами в концептосфере текстов одной или различных областей знания, апеллирование к другим концептуальным системам.

В последние годы можно наблюдать повышенный интерес к исследованию интертекстуальных связей в научной коммуникации, появляются работы, относящие интертекстуальность к текстообразующей категории [Чернявская, 2000], рассматривающие ее функции [Михайлова, 1999], способы и средства реализации с учетом социокультурных параметров создания научного дискурса [Королева, 2004], типы интертекстуальности с точки зрения когнитивной значимости и дискурсивных функций [Бочарникова, 2009], механизмы формирования и средства актуализации ее в научном дискурсе [Должич, 2011]. Предметом нашего исследования являются особенности функционирования интертекстуальности в научном творчестве В.И. Вернадского.

Источниками интертекстов в произведениях этого ученого служат:

1) научные произведения отечественных и зарубежных ученых от древних времен до современных автору, представителей разных областей знания: физики, химии, математики, геологии, кристаллографии, биологии, физиологии, астрономии, геохимии, геометрии, философии, истории и др.;

2) философские труды, касающиеся общих проблем науки и жизни;

3) поэтические тексты русских, французских, немецких, английских авторов.

Интертекстуальность реализуется в научных текстах с помощью специальных эксплицитных и имплицитных маркеров, помогающих установить границы «своего» и «чужого» знания.

В качестве эксплицитных маркеров интертекстуальности в проанализированных нами научных текстах В.И. Вернадского отмечены прецедентные имена, прямое цитирование, предполагающее полное или частичное включение в авторский текст другого текста. К имплицитным маркерам интертекстуальности отнесены сноски, фоновые ссылки, примечания, использующиеся тогда, когда сам текст не приводится, а дается лишь упоминание о нем или указание на автора и название.

Взаимодействие авторского текста с другими текстами вызывает в сознании реципиента разнообразные прецедентные знания. Тексты, содержащие такого рода знания, называются прецедентными, «значимыми для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющими сверхличностный характер, т.е. хорошо известными и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников» [Караулов, 2006, с. 216], выступающими «результатом смысловой компрессии содержания исходных текстов, <...> средством выражения научных констант, выполняющих функцию ориентирования в пространстве множества научных идей» [Баженова, 2010, с. 33].

Одним из феноменов, связанных с прецедентным научным текстом, является прецедентное имя ученого, содержание работ которого присутствует в сознании определенного научного сообщества, актуализируется за счет общих ассоциативных и оценочных признаков при употреблении его адресантом и восприятии адресатом. Под прецедентным именем нами понимается имя, связанное с текстом, раскрывающим известную науке концепцию решения определенной научной проблемы.

В.И. Вернадский обращается к прецедентным именам как опоре в предъявлении предшествующего знания. К примеру, в процессе всей научной деятельности его волновал вопрос о происхождении жизни, поиски ответа на который сопровождались включением в тексты имен представителей науки разных эпох и направлений (Аристотель, Ф. Реди, В. Гарвей, А. Валлисниери, А. Левенгук, Л. Буффон, Л. Пастер, Ф. Пуше, Р. Вирхов, С. Аррениус и др.) [Вернадский, 1994, с. 262—283]. Обращаясь к истории геохимии, В.И. Вернадский называет целый ряд предшественников, внесших свой вклад в становление этой области знания [Вернадский, 1954]. Это Руэлль, оказавший влияние на современников «своими публичными экспериментальными лекциями по химии <...>»; Леклерк де Бюффон, который «дал в своей истории минералов целый ряд блестящих и интересных обобщений и поставил ряд больших геохимических проблем» [Там же, с. 16]; Гемфри Деви, «блестящий экспериментатор, физик и химик, охватывавший всю науку своего времени, мыслитель, шедший своим путем и задумывавшийся над проблемой бытия, одаренный глубоким поэтическим пони-

манием природы, все время связывавший науку с жизнью» [Там же, с. 18]; прусский немец Рейль, «один из самых замечательных врачей своего времени, беззаветно преданный помощи страдающим» [Там же, с. 18], Э.Ф. Хладни, «оригинальный ученый, <...> стоявший вне рамок немецкой университетской науки» [Там же, с. 19], Х. Шейнбейн, «оригинальный базельский ученый, яркая, крупная личность, открывшая озон, работающая резко по-своему, имеющая широкое влияние на окружающих» [Там же, с. 20]; В. Бреггер, «человек исключительных знаний и точности работы» [Там же, с. 29] и др.

Анализируя научное творчество, В.И. Вернадский ощущал, что входит в круг тех ученых, которые могут приращивать оболочку ноосферы. На эту мысль наталкивает следующий фрагмент из его письма к жене от 3 июля 1886 г.: «Когда работаешь над каким-нибудь научным вопросом, в уме мелькают облики лиц, раньше над этим думавших, чувствуешь, точно какая-то неведомая, невидимая цепь сильно связывает тебя с философом-греком, средневековым монахом, арабским врачом или с одним из великих ученых последних трех столетий. Над теми же вопросами они работали, думали, на каждом шагу видишь следы их работы, их мысли и только дальше продолжаешь их, а твоя мысль сливается с их мыслью и все вместе являются общей непрерывной работой к неясному, но всем понятному идеалу, куда мы все неуклонно сильно стремимся <...>. И вот в этом вопросе, мне кажется, точно живу в далеких странах, точно моя мысль как-то тесно сплетается с мыслью стародавних эпох и людей» [Вернадский, 1988а, с. 58—59]. Из приведенного фрагмента видно, что ученый осознает свою связь с учеными всех времен, свою способность понимать их, погружаться в их дискурсы, говорить с ними на одном языке, соприкасаться своей мыслью «с мыслью стародавних эпох и людей».

Исследуя какую-либо проблему, В.И. Вернадский глубоко, всесторонне в течение длительного времени прослеживал этапы ее решения, отмечал различные подходы, вскрывал новые и новые имена предшественников. Это касалось разных проблем. Со студенческих лет, например, он упорно пытался объяснить явление симметрии, обращая внимание на ее всеобщность: «Принцип симметрии в 20 веке охватил и охватывает все новые области. Из об-

ласти материи он проник в область энергии, из области кристаллографии, физики твердого вещества (тела) он вошел в область химии, в область молекулярных процессов и физику атома. Нет сомнения, что **его проявления мы найдем в еще более далеком** от окружающих нас комплексов мире электрона и ему подчинены будут явления квантов» [Там же, с. 221]. При этом ученый, указывая на прецедентное имя П. Кюри и его концепцию определения симметрии как физического состояния пространства, понимал, что данная проблема не нова: «Кюри охватил значение симметрии в физических явлениях тогда, когда связь симметрии с фактами физики не осознавалась» [Там же, с. 221—222]. Интертекстуальные элементы, представленные в данном фрагменте, характеризуют преемственность, поступательность познавательного процесса.

Основным средством межтекстового взаимодействия в научной сфере является цитирование, которое, формируя «двойной» контекст первого текста: «ближайший» (текст в тексте) и отдаленный (текст-основа), — воспринимается как определенная часть иного текста, объединяющая его с настоящим текстом» [Аликаев, Карчаева, 2010, с. 143].

В проанализированных нами текстах В.И. Вернадского прямое цитирование встречается крайне редко, обычно в тех случаях, когда ученый стремится особо подчеркнуть достижения своих предшественников в изучении явлений жизни, важных для него на определенном этапе научного поиска. Такой тип цитирования он использует, к примеру, когда говорит об одном из наблюдаемых в биологии явлениях, еще до конца «не собранных и не охваченных систематической научной мыслью»: «Еще в конце XVIII столетия на одно из них обратил внимание французский писатель и ученый, имевший громкое имя, оставивший глубокий след в чувствах и мыслях людей XVIII столетия, предшественник романтизма на пороге прошлого века, Бернарден де Сен-Пьер. Он в своих “Etudes de la Nature” писал: **“Очень замечательно, что все моря наполнены односторчатыми раковинами бесчисленного множества видов, у которых все завитки направлены в ту же сторону, т.е. слева направо, подобно движению Земли, если поставить их отверстием к северу и их концом к Земле. Лишь очень малое число видов составляют исключение <...>. Их формы повернуты**

справа налево. Такое единое направление и столь своеобразное от него отклонение для некоторых раковин имеют, без сомнения, причины в природе и в эпохах неведомых веков, когда создавались их предки” (“зародыши”, как он говорит)» [Вернадский, 1986, с. 83—88].

Проследивая особенности описания в тексте научной концепции, повсеместно можно наблюдать нанизывание прецедентных знаний, за которыми имплицитно дается указание на ранее сделанные научные открытия и имена их авторов. В таких интертекстах сохраняется информационно-смысловое содержание исходного текста. Так, рассуждая о человеке и человечестве в биосфере как закономерной части ее живого вещества, В.И. Вернадский включает огромное количество предтекстов, к которым «восходит данный конкретный текст» [Москвин, 2013, с. 11—13]. Авторская мысль при этом сливается с обращением к текстам, содержащим фоновые знания. Примером аналепсиса, апелляции к опорным знаниям, содержащимся в предтекстах, могут быть следующие фрагменты:

— **«лишь в XX веке впервые с открытием фильтрующихся вирусов** в науке появились факты, заставляющие нас серьезно — не философски, а научно — ставить вопрос: имеем ли мы дело с живым природным телом или с телом природным неживым — костным» [Вернадский, 1988, с. 21];

— «надо только и здесь подходить к явлениям не в том аспекте, в **каком подходит к ним Боже**, не как к явлениям жизни, а как к явлениям живых природных тел, живого вещества» [Там же, с. 21—22];

— **«этот процесс связан с созданием человеческого мозга.** В истории науки он **был выявлен** в форме эмпирического обобщения глубоким американским натуралистом, крупнейшим геологом, зоологом, палеонтологом и минералогом **Д.-Д. Дана**» [Там же, с. 28].

Научная речь связана с требованием достоверности и точности, что обуславливает наличие таких интертекстуальных элементов, как подстрочные *ссылки*, предназначенные для пояснения или дополнения основного текста, дающие читателю информацию об авторе, названии, времени издания текста, на который адресант ссылается при изложении своей концепции. В ссылках, являющихся-

ся носителем когнитивной информации, продуктом прецедентных знаний автора-ученого, актуализируется необходимая для излагаемой научной концепции информация, содержащаяся не только в статьях и монографиях иностранных, российских ученых, но и в прежних работах самого автора. Подобных ссылок при анализе книги В.И. Вернадского «Философские мысли натуралиста» обнаружено в пределах 70 [Там же, с. 38, 42, 44, 49, 56, 60, 61, 62, 65, 71, 74, 78, 80, 110, 118, 125, 126, 135, 138, 139, 140, 141, 143, 144, 145, 148, 158, 160, 161, 174, 175, 176, 190, 192 и др.].

Интертекстуальными в научном дискурсе являются также отношения текста и *сносок* (подстрочных примечаний, комментариев), выступающих в качестве дополнительных текстов и выполняющих прежде всего интерпретирующую функцию, которая состоит в том, чтобы напомнить читателю, поставить его в известность, образовать, дать знания, погрузить в процесс смыслостроительства автора, которым в этом случае движет забота об адресате, желание, чтобы он разобрался, понял суть, уяснил, на чем основаны приводимые доводы, размышления. В анализируемой книге таких сносок — около 100. В сносках автора содержатся:

— пояснения к основному тексту [Вернадский, 1988, с. 20, 21, 27, 33, 62, 78, 79, 108, 113, 115, 116, 117, 126, 127, 131, 145, 154, 158, 168, 175 и др.];

— указание на работы, расширяющие представление читателя об описываемом в книге [Там же, с. 25, 31, 56, 64, 77, 79, 81, 98, 100, 129, 130, 133, 137, 140, 145, 146, 149, 155, 158, 168, 175, 10, 191, 192 и др.];

— попутные замечания [Там же, с. 26, 31, 36, 37, 47, 49, 53, 54, 55, 56, 58, 64, 77, 79, 80, 81, 96, 104, 108, 112, 129, 130, 131, 134, 139, 142, 144, 149, 150, 152, 157, 168, 174, 176, 192 и др.].

Вид сносок, заключающий пояснения к основному тексту, выступая в качестве интертекстуального элемента, помогает адресату проникнуть в суть излагаемых проблем. Уже в самом начале указанной книги, уточняя терминологию, ученый дает сноску, в которой содержится пространное пояснение: «Я здесь и в дальнейшем буду говорить о реальности вместо природы, космоса <...>», далее подробно обосновывает причину невозможности

употребления понятий «природа», «космос» в данном контексте [Там же, с. 20—21].

Говоря об эволюции живого вещества и проявлении ее в непрерывном росте центральной нервной системы, В.И. Вернадский замечает: «На эволюцию нервной ткани как непрерывно шедшую **в течение всей геологической истории биосферы не раз указывалось**, но, сколько знаю, она не была научно и философски проанализирована до конца. Так как здесь вопрос идет не о гипотезе и не о теории, то факт ее эволюции не может отрицаться — можно возражать лишь против объяснения. **Признание принципа Реди** ограничивает число объяснений» [Там же, с. 27].

Сожалея о том, что «история научного знания <...> еще не осознана и не написана», констатируя при этом, что, хотя и с большими пробелами, начинают выявляться «по культурным остаткам <...> неожиданные для нас, прочно забытые научные факты, человечеством пережитые», автор научного произведения в сноске разъясняет: «Быстрое изменение наших знаний благодаря археологическим раскопкам позволяет надеяться на очень большие изменения в ближайшем будущем» [Вернадский, 1988, с. 33].

Пытаясь понять основы развития математики, приводя различные доводы, В.И. Вернадский считает необходимым уточнить: «Независимость древнеиндийской математической мысли от древнеэллинской очень сомнительна. Однако нельзя упускать из виду, что употребление нуля, чуждого эллинской математике, известно в древнеиндусском культурном мире уже в VI в. до н.э., может быть раньше. С этой точки зрения обращает на себя внимание знание нуля в Перу уже в VII в. до н.э. См.: F.N. Ludendorff» [Там же, с. 62].

Иногда такого типа сноски содержат размышления автора, научно еще не оформившиеся в его сознании, но которые он желает сделать эксплицитными в рамках изложения научной проблемы в данном контексте. Это касается, например, фрагмента, где говорится о научном взрыве, вызванном почти одновременными открытиями В. Рентгена, А. Беккереля, Д. Томсона: «Мне кажется, что само такое допущение случайности этого совпадения сейчас научно неправильно. Мы вышли уже из того времени, когда это было возможно. Оно связано с представлениями о случайности научных

открытий. Но наука, в том числе и физика, есть проявление организованности ноосферы, ход ее развития есть научно выражаемый природный процесс. “Случайности” в нем быть не может, пока мы не выходим из рамок научного мышления» [Вернадский, 1988, с. 79].

Повествуя об открытии земледелия, рассматривая в качестве примера освоение земли Китаем, оперируя цифровыми данными, ученый в сноске излагает процедуру их использования: «Я пользовался данными, приводимыми Г. Кресси, о количестве обрабатываемой земли по провинциям и площадям мелкого земледельческого хозяйства и сравнивал его с площадью территории Китая. Получаются числа <...>. Эти данные относятся к 1928 и к 1932 гг. В статистической сводке Кресси для земледельческого Китая <...>. Таким образом, ясно, что население сгущено на небольшой площади, используемой до конца» [Там же, с. 145].

Встречается и такой вид сносок, когда *с целью расширения представления адресата* об описываемом, увеличения его смыслового поля вместе с комментариями предлагаются сведения об источнике, куда ему следует обратиться. Иногда это только указание на то, какая информация в названном источнике. Например: «О декамиридах см.: В.И. Вернадский. О некоторых очередных проблемах радиогеологии. — Известия АН, 7 серия ОМЕН, 1935, № 1, с. 1—18» [Там же, с. 25]; «Эрстед открыл электромагнетизм в 1820 г.» и далее выходные данные названной работы [Там же, с. 56]; «Характер движения в связи с движением научной мысли хорошо выявляется для понимания основы <...> (перечень работ ученых на иностранном языке)» [Там же, с. 64], «Роль Пуанкаре. Первая работа Эйнштейна. См. об Эйнштейне: <...>» (сноска на работу) [Там же, с. 81]; «Об аксиомах см.: <...>» (сноска на работу Эйслера) [Там же, с. 100] и др.

В других сносках, выполняющих ту же функцию, содержится более расширенная информация, включающая не только конкретные указания на имеющуюся по рассматриваемым вопросам литературу, но и отдельные замечания, комментарии самого В.И. Вернадского. Такая сноска является многокомпонентной. Она включает: 1) основную информацию, расширяющую содержание излагаемой в тексте проблемы: «Об истории открытия Рентге-

на, которое не могло быть понято в своей сущности без открытия Беккереля и его последствий, см. <...>» (выходные данные шести научных работ различных ученых); 2) замечание самого автора, считающего необходимым после актуализации важных, с его точки зрения, работ высказать отношение к излагаемому, дать дополнительную информацию с целью обеспечения научной точности: «Проф. Гудспид (Goodspeed) имел рентгенограммы раньше Рентгена, но не возбудил вопроса о приоритете, так как он, как и многие другие раньше Рентгена, прошел мимо открытия» [Вернадский, 1988, с. 78]. Данные, способствующие расширению информации читателя о рассматриваемых в основном тексте отдельных воззрениях, целостных научных концепциях, порой сопровождаются в сносках высказываниями научных предположений самого автора: «По-видимому, оба проявления — “правизна” и “левизна” — должны существовать вопреки тому, что думал Пастер. Однако это не доказано — надо проверить». Далее в этой сноске В.И. Вернадский предлагает обратиться к работе В. Людвиг и сравнить его позицию с ранее высказанными воззрениями самого автора-ученого: «W. Ludwig. Das Rechts-Links-Problem in Thierreich. Leipzig, 1932. Ср. замечания В.И. Вернадского. Проблемы биогеохимии, Вып. 1. Значение биохимии для познания биосферы. М. — Л., 1933, с. 27—31; Биохимические очерки, стр. 186—193)» [Там же, с. 174].

Попутные замечания автора, в отличие от первых двух рассмотренных выше видов сносок, менее тесно связаны с основным текстом и содержат:

— уточнения по ходу изложения научных воззрений: «Принцип был сформулирован П. Кюри (1859—1906), но совершенно ясно интуитивно был создан и выражен Л. Пастером (1822—1895). Я его выделил здесь как особый принцип (L. Pasteur. Oeuvres, v. 1. Paris, 1922; P. Curie. Oeuvres. Paris, 1908)» [Там же, с. 31]; «Это неизбежно должно привести к новым формам государственной жизни, так как сейчас создались государственные препятствия свободной научной мысли при одновременном чрезвычайном росте значения науки в государстве» [Там же, с. 53]; «Явление, открытое Гальвани, было правильно объяснено Вольтом. Объяснение Гальвани было неверное, но “гальванизм” с неисчислимыми последствиями [вплоть] до учения об электричестве, открыт им (о нем

см.: J.L. Alibert. *Eloge Historique de Louis Galvani*. Paris)» [Там же, с. 56]; «Характер движения в связи с движением научной мысли хорошо выявляется для понимания основ у R. Rolland <...>» (далее ссылка на этого и других авторов); «Это название, употребленное Леруа и другими, представляется мало удачным, т.к. аналогично этой области научно-познаваемого меняется не только физика, но и биология или химия. Правильно сохранить название “атомистика”, учитывая и явления ядра атомов» [Там же, с. 77];

— отношение лишь к указанным, но недостаточно полно раскрываемым в основном тексте вопросам: «Удивительно, что явление “правизны” и “левизны” осталось вне философской и математической мысли, хотя отдельные великие философы и математики, как Кант и Гаусс, к нему подходили. Пастер явился совершенным новатором мысли, и чрезвычайно важно, что он пришел к этому явлению и сознанию его значения, исходя из опыта и наблюдения. Кюри исходил из идей Пастера, но развил их с точки зрения физической. О значении этих идей для жизни см.: В.И. Вернадский. *Биогеохимические очерки* (1922—1932). М. — Л., 1940; он же. *Проблемы биохимии*. Вып. 1. М. — Л., 1935» [Там же, с. 31]; «История геологических делений в связи с их характером развилась ошущью. Сказать, например, о длительности процессов вулканических извержений, застываний лакколлитов и т.д. Оттенить, что человечество могло играть геологическую роль» [Вернадский, 1988, с. 58];

— расширение представленной в тексте информации авторскими замечаниями: «Агассис высказал эту мысль в полемической работе, направленной против дарвинизма (L. Agassiz. *An Essay on classification*. London, 1859). Может быть, с этим связано то, что она не достигла того влияния, какое могла оказать, несмотря на многие важные соображения, в ней находящиеся» [Там же, с. 36];

— отступления от основного текста, включающие сведения из жизни и научной деятельности автора-ученого: «Во вводной деятельности моей в Московском университете 33 года назад — в 1902/1903 академическом году, несколько раз перепечатанной («Вопросы философии и психологии», кн. 65 [V]. М., 1906, с. 104—157; *Очерки и речи*, т.п. Пг., 1922, с. 5—40), я пытался выяснить структуру науки. Многое теперь пришлось бы в ней изменить, но основа мне представляется правильной. Настоящая книга отчасти является

последним результатом моих размышлений и изысканий, первым выражением которых послужила моя речь 1902 г.» (см. подробно отдел II, гл. V, настоящей книги) [Там же, с. 54]; «Я помню беседы с крупным натуралистом академиком И.П. Бородиным, которые я вел после моих докладов в Обществе естествоиспытателей в Ленинграде, председателем которого он был. И.П. считал, что абиогенез все же, вероятно, происходит, может быть, непрерывно в мире невидимых глазу организмов, самых низших, он не мог отказаться от такого понимания мира. И.П. Бородин — крупный натуралист, философски или религиозно отнюдь не был материалистом. Для философских материалистов абиогенез является одним из догматов их веры» [Там же, с. 189];

— пояснения, касающиеся жизни и научного творчества упоминаемых в основном тексте ученых: «Очень любопытна история семьи Беккерелей. Поколения занимались фосфоресценцией, явлениями свечения и электризации. Сам Беккерель считал, что если бы он не взял изучение солей урана, в семье наследственное, то открытие радиоактивности произошло бы, может быть, намного позже. Но практически к этому подходили. (В.И. Вернадский. Задача дня в области радия. — Известия АН, серия 6. СПб., 1911, № 1, с. 61—72)» [Там же, с. 79—80]; «Эта биография написана, по словам М. Кюри, главным образом его дочерью И. Жолио-Кюри. В ней говорится о диссимметрии как о состоянии пространства — определение, которое встречается и в выписке из дневника П. Кюри» [Там же, с. 175].

Ссылки и сноски сам автор называет подстрочными примечаниями. Чаще они даются в конце работы. Во введении «От автора» к монографии «Биосфера» в форме сноски внутри текста об этом говорится следующее: «Здесь и далее подстрочные примечания см. в конце работы» [Вернадский, 1994, с. 315]. Проведенный анализ показал, что сноски и ссылки обеспечивают компрессию содержания научного текста, расширяя тем самым границы его смыслового пространства.

Научное творчество В.И. Вернадского, высокообразованной и талантливой языковой личности, объективирует переплетение разных типов дискурсов, демонстрирует, в частности, сопряжение научного и поэтического мышления.

Ученый передавал свои мысли не только доступно, оригинально, экономно, но и порой поэтично, напрямую обращаясь к речевым образам известных русских и зарубежных поэтов, среди которых Е.А. Баратынский, И.-В. Гете, Г.Р. Державин, Ф.И. Тютчев, О. Хайям и др. [Ракитина, 2007, с. 14—18]. В научные произведения он включает текстовые реминисценции, «осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун, 1995, с.17] из их поэзии, которые придавали научной мысли метафорическую точность.

Органичное вплетение поэтического текста в научный выполняло смыслообразующую функцию, служило прежде всего ярким, доходчивым средством *актуализации доминантных смыслов*. Так, говоря о необходимости наличия всех составляющих в исторической цепи познания при научной постановке проблемы, обосновании истинно нового знания, В.И. Вернадский констатирует, что достигнутое в предыдущие века терялось, вновь обреталось, заменялось ложными концепциями, и «*едва ли мы сейчас имеем правильное представление об интенсивности и высоте тех достижений*» [Вернадский, 1988, с. 344]. В качестве сохранившегося примера древнего представления о времени он использует известное изречение Гераклита. Во фрагменте научного текста, повествующем об этом, ощущается движение авторской мысли, представляется ученый, погруженный в раздумья о необратимости течения времени, о невозможности восстановления достижений предыдущих поколений в этой области знания: «<...> **живо** сейчас то <...> **древнее представление**, которое выразил более 2500 лет назад Гераклит, который говорил, что “**все течет**”, и сравнивал время с рекой — “**река времен**” русского поэта» [Там же, с. 346]. Далее приводится цитата Г.Р. Державина из стихотворения:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Г.Р. Державин

Восхищение В.И. Вернадского этой простой и в то же время глубокомысленной фразой о бесконечном движении времени, указание на сравнение течения времени с рекой приводят его к ассоциациям с метафорой Г.Р. Державина «река времен», помогающей образно передать «стремленье» времени, которое «уносит» достигнутое человечеством и «топит» его «в пропасти забвенья».

Обращение к известному ему поэтическому тексту объясняется, видимо, желанием еще более акцентировать внимание адресата на своей неудовлетворенности тем, что его современники не могут дать точных ответов на вопросы, касающиеся изучения времени в предшествующие эпохи.

Интертекстуальные связи (параллели, ассоциации) с поэтическими образами, возникшими сами по себе, становились характерной чертой идиостиля ученого.

Наиболее явно проявлялись в подобных фрагментах особенности речемышления автора, отражающего умение соотносить мелькнувшую мысль с поэтическим образом, безошибочно находить его в обширном потоке своего поэтического знания, выражать личностные смыслы, рожденные в индивидуальной научной картине мира, привлекать понятное и известное, делая предлагаемую информацию более доступной широкому кругу людей. В этом случае поэтический фрагмент в научном тексте призван выполнять своего рода *регулятивную функцию*, состоящую в способности текста воздействовать на читателя, направлять его познавательную деятельность на понимание авторской концепции.

Часто в научных произведениях В.И. Вернадский обращается к стихотворениям одного из своих любимых поэтов — Ф.И. Тютчева. Строка поэта «Мысль изреченная есть ложь» не оставляет его как в моменты размышлений о смысле жизни, так и при подведении итогов научного поиска, оформлении научной мысли. К примеру, в дневнике ученого есть следующая запись от 22 июня 1923 г., сделанная под впечатлением от только что прочитанного романа Мартена дю Гара: «Вещь сильная и глубокая. А между тем то общее впечатление, которое я **не могу никогда выразить в ясных образах**, но может быть **ясно чувствую** — мысль изреченная есть ложь. Но я ее **чувствую очень ясно внутренней своей сущностью**» [Вернадский, 1999, с. 113].

Осознание того, что знания, чувства, переживания не могут быть переданы полностью с помощью слов, приводит В.И. Вернадского к использованию текстовых аппликаций (коммеморатов), употребляемых «в расчете на то, что адресат речи вспомнит текст, послуживший источником “цитаты без кавычек”» [Москвин, 2002, с. 64].

К этой же цитате ученый обращается в книге «Философские мысли натуралиста» [Вернадский, 1988]. Желая убедить читателя в том, что «в философии, несмотря на ее глубочайшее значение в жизни человечества, нет общеобязательности признания понятия каких бы то ни было ее положений», он пишет: «Если к эмпирическому понятию ученый подойдет только с одним логическим анализом, “**ложь**” слова выявится с чрезвычайной яркостью. <...> “**Слово**” есть аппарат несовершенный, развитие и уточнение которого в ходе исторической жизни мы можем уже сейчас научно исследовать» [Там же, с. 305—306]. Если в данной части монографического исследования использована такая форма интертекстуальности, на основе которой можно лишь предполагать поэтический контекст, стоящий за цитируемыми словами ‘ложь’ и ‘слово’, то в дальнейшем изложении В.И. Вернадским прямо называются имя автора, строка и стихотворение, к которому он обращается: **«Никогда ни одно научно изучаемое явление, ни один научный эмпирический факт и ни одно научное эмпирическое обобщение не может быть выражено до конца, без остатка, в словесных образах, в логических построениях <...>. В предмете исследования науки всегда остается неразлагаемый рационалистически остаток <...>. Глубокая мысль, в яркой, красивой форме выраженная Ф.И. Тютчевым — “Мысль изреченная есть ложь” (в стихотворении “Silentium”), всегда сознательно или бессознательно чувствуется испытателем природы и всяким научным исследователем <...>»** [Вернадский, 1988, с. 308]. Обращение к строке Ф.И. Тютчева объясняется, по-видимому, тем, что при помощи ее ученый в свернутом виде стремится передать главную мысль своих рассуждений о несовершенстве слова как аппарата для кодирования развивающегося знания, связей изучаемого явления с другими природными явлениями.

Приведенную цитату Ф.И. Тютчева В.И. Вернадский использует в первой части раздела «Пространство и время в неживой и живой природе» названной выше работы, проводя разграничение эмпирических и обычных понятий: **«Эмпирические понятия резко отличаются от обычных понятий, от понятий философии, в частности, тем, что они в науке непрерывно подвергаются не только логическому анализу как слова, но и реальному анализу опытом и наблюдением как тела реальности <...>. В словах изреченный научный факт и фактам отвечающая научная мысль — научное понятие, всегда подвергаются не только логическому анализу <...>»**.

“Мысль изреченная есть ложь” в великом образе в стихотворении **“Silentium”** сказал **Федор Иванович Тютчев**. В науке мысль, выраженная в изречении, непрерывно соприкасается <...> с тем, от чего она отнята в момент, когда она рассматривается только как изречение.

Верный и глубокий образ Тютчева к научной мысли не относится. Изречение ее не всю охватывает» [Там же, с. 234—235].

Обращаясь снова к цитате из стихотворения Ф.И. Тютчева «Мысль изреченная есть ложь», проводя тем самым диалог с определенной смысловой позицией, выраженной поэтом, а не ученым, В.И. Вернадский, в чем-то даже противореча себе, если сравнивать это высказывание с высказыванием, приведенным ранее, говорит о том, что «к научному понятию это изречение не относится», поскольку в процессе «опыта и наблюдения научная мысль» наполняется новым содержанием. Интертекстуальность, выступая одним из основных текстообразующих механизмов научного текста, реализуется в данном фрагменте в форме прямого цитирования чужого текста, который эксплицитно четко отделен от авторского специальными средствами маркировки интертекстуальности: кавычками, ссылкой на автора (*Федор Иванович Тютчев*), включенной в основной текст (а не представленной в сноске, как чаще всего делается в научном тексте), указанием на название стихотворения («Silentium»).

Рассматривая цитацию как форму интертекстуального взаимодействия в научном тексте, В.Е. Чернявская выделяет ее функции (аргументирующую, подменяющую, иллюстративную) и со-

ответственно типы цитат: цитату-аргумент, цитату-заместитель, цитату-пример [Чернявская, 2005, с. 52—53]. В анализируемом нами фрагменте текста В.И. Вернадского цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева выполняет *оппонирующую функцию*, ее смысл вызывает возражение ученого. В данном случае это не просто цитата, подтверждающая, аргументирующая или иллюстрирующая научное положение автора, а определенный «квант знания», актуализированный в его индивидуальном сознании, известная В.И. Вернадскому философская мысль поэта, глубокая, интересная, великая, но не совсем верная, по его мнению, в приложении к научному тексту, научной мысли.

В книге «Живое вещество» ученый снова обращается к коммеморатной фразе из стихотворения Ф.И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Рассуждая о невозможности дать «логически неопровержимого определения какого-нибудь научного понятия», «охватить в логических формах выражения», «в поэтическом творчестве» все бесконечное разнообразие природы, В.И. Вернадский высказывает убеждение в том, что «при углублении в это понятие мы неизбежно сталкиваемся с несовершенством нашего логического аппарата, нашего слова». Используя цитату любимого поэта, ученый, как и ранее, стремится увидеть новые грани выраженной в ней мысли: «“Мысль изреченная есть ложь” — крылатые слова Тютчева в **яркой и кованой форме** лучше долгих изысканий выражают это явление» [Вернадский, 1994 а, с. 147].

Иногда В.И. Вернадский прибегает к образному поэтическому слову, чтобы выразить основную мысль целого произведения. Эпиграфами к двум очеркам из книги «Биосфера» [Вернадский, 2012] становятся созвучные пониманию природы ученым строки из тютчевской поэзии. В качестве эпиграфа к первому очерку «Биосфера в Космосе» В.И. Вернадский использует цитату из стихотворения «Певучесть есть в морских волнах»:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе....
Ф.И. Тютчев, 1863

Тонкое понимание природы Ф.И. Тютчевым, осознание себя частью Космоса было близко не только чувствам, но и, что особенно важно, научным воззрениям ученого, соотносилось с открытым им законом об организованности биосферы, ее неизменном порядке, гармоничном равновесии.

В начале второго очерка «Область жизни» он использует следующие строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Сон на море» (1833):

<...> В лучах огневицы развил он свой мир,
Земля зеленела, светился эфир.

Ф.И. Тютчев, 1831

Эти строки перекликаются с мыслью В.И. Вернадского о том, что «клик планеты — биосфера — <...> получает энергию, вызывающую в ней изменения из космической среды, от Солнца», что в космической среде «есть приспособления, которые передают эту действительную солнечную энергию в глубь биосферы», что живые организмы, имеющиеся в биосфере, «приспособились к окружающим условиям... выработали нужные для жизни вещества и <...> строение» [Там же, с. 106, 121]. В указанном очерке научное речемышление обращено к структуре земной коры, формам находящихся в них химических элементов, вычислению составов бесчисленных организмов, анализу наблюдаемых явлений. Вместе с тем рядом с научным чувствуется поэтическое восприятие природы, навеянное строками Ф.И. Тютчева.

В научном творчестве ученого, тонкого и глубокого мыслителя, в качестве эпиграфов встречаются стихи и других поэтов. Например, во введении к книге «Живое вещество» [Вернадский, 1994, с. 26—32] он обращается к цитате из стихотворения Е.А. Баратынского, написанного на смерть Гете, жизнь которого в содружестве с природой была для поэта высшим воплощением мудрости:

С природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,

И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним **говорила морская волна**.
Изведен, испытан им весь человек.

В анализируемом фрагменте научного текста, повествующем о вкладе ученых в разработку вопросов «о научных, а не философских построениях Космоса», созвучными выраженной в стихотворной цитате мысли можно считать следующие слова В.И. Вернадского: «Есть всегда **ученые**, которые ярко **чувствуют и охватывают** эту **живую, реальную природу** нашей планеты, всю проникнутую вечным биением жизни, и для которых это **понимание** единой **Природы** является **руководящей нитью** всей их **научной работы**» [Вернадский, 1994, с. 28].

Одной жизнью с природой «дышали», по мнению В.И. Вернадского, Пристли, Лавуазье, Кавендиш, Сенебье, Ингенгауз, де Сосюр, внесшие свой вклад в решение проблемы «питания зеленых растений, установления различий между животными и растениями, того круговорота вещества, который вызывается на нашей планете их совместным существованием» [Там же, с. 29]. Это также Фостер, «**яркий натуралист**, проникнутый чувством природы», давший нам впервые возможность прояснить «значение организмов — уже животных — в строении известковых пород, в геохимической истории углерода, кислорода, кальция, отчасти магния». К таким ученым В.И. Вернадский относит и итальянских натуралистов XVIII в. Дженирили, Марсильи, В. Донати, Бальдассари, Кортезе, Спалланцали и др., начавших изучать механизм образования известняка из беспозвоночных; немецкого натуралиста Эренберга, «человека того же типа охвата Природы как целого, как и Г. Фостер»; Беккариа, открывшего «в морской грязи Адриатики целый мир микроскопических корненожек, покрытых известковыми раковинами»; Сольдани, выяснившего значение этих организмов и указавшего, что встречаются они «в породах, отвечающих по структуре современному их отложению на дне глубокого моря» [Вернадский, 1994, с. 29—32].

Знание о вкладе названных ученых в развитие ноосферы, оценка их труда В.И. Вернадским объясняют выбор ученым в качестве

эпиграфа к указанной выше части своей научной работы именно этого фрагмента стихотворения Е.А. Баратынского. Эпиграф в этом случае не только расширяет коммуникативное пространство научного текста за счет диалога с авторами поэтических текстов, но и выполняет когнитивную функцию, свидетельствуя о широте индивидуальной картины мира ученого.

В этом же научном труде В.И. Вернадский, в который уже раз обращаясь к проблеме происхождения жизни, приводит научные, философские, религиозные представления, размышляет о связи живого с мертвым [Там же, с. 249]. Констатируя проявление в древних религиях перехода «всего живого в мертвое и обратно», ученый проводит параллель с поэтическими образами, которые, по его мнению, пронизывают «всю мистическую поэзию Востока и Запада». В связи с этим он отмечает, что персидский поэт Омар Хайям (1040 — 1123) в «красивом образе» выразил мысль о бренности всего живого, желание «найти что-то ценное вне земного», чувство «единства Природы». Представив полный текст стихотворения, В.И. Вернадский заключает: «И до него, и после него другие люди — в Европе, и Азии, и на всем свете — повторяли ту же мысль в поэтических образах, ища **в неразрывной связи живого и мертвого** опоры в тяжести жизни» [Там же, с. 250]. Он оперирует религиозными, философскими суждениями, ища в них поддержки своим размышлениям. Здесь, как видим, цитирование поэтических текстов, используемое ученым, выполняет *функцию адресантной поддержки*.

Включенные в научные тексты В.И. Вернадского поэтические тексты, образы, отрывки, ссылки на мысли известных поэтов свидетельствуют не только об эрудиции ученого, но и выполняют аргументирующую функцию, подчеркивают глубину исследования научной проблемы как части системы, в которой все осмысленно, целесообразно, логически связано, проникнуто различными ассоциациями. Рассматривая организованность биосферы, живого вещества как равновесие, колеблющееся в историческом и геологическом времени около точно выражаемого среднего, В.И. Вернадский высказывает свою убежденность в том, что **«никогда** *какая-нибудь точка (например, атом или химический элемент) не возвращается* в зоны веков тождественно к прежнему положе-

нию» [Вернадский, 1988, с. 23]. В подтверждение неоспоримого, с его точки зрения, вывода он приводит рассуждения не только ученых-естествоиспытателей, философов, но и обращается к поэзии: «Очень **ярко и образно** выразил эту характерную черту биосферы в одном из своих философских рассуждений **Лейбниц** (1646—1716), кажется, в “**Теодицее**”. В конце XVII в., вспоминает он, он находился в большом светском обществе в большом саду и, говоря о **бесконечном разнообразии** природы и о **бесконечной четкости** ума, указал, что **никогда два листа какого-нибудь дерева или растения не являются вполне тождественными**. Все попытки большого общества найти такие листья были, конечно, тщетны. **Лейбниц** здесь рассуждал **не как наблюдатель природы**, впервые открывший это явление, но как **эрудит**, взявший его из чтения. Можно проследить, что **именно этот пример листа** появился в **философском фольклоре** столетия раньше» [Вернадский, 1988, с. 23—24]. Здесь, упоминая о философском фольклоре, В.И. Вернадский в качестве прецедентного текста имеет в виду философскую поэму Лукреция Кара «О природе вещей», где в стихотворной форме излагаются материалистические воззрения древности, в том числе касающиеся и неповторимости природы. Концепция о неповторимости всего, что есть в живой природе, подтверждается прямым высказыванием ученого, в котором он сам выделяет ключевые слова: «В обыденной жизни это проявляется для нас **в личности**, в отсутствии двух тождественных **индивидуальностей**, не отличаемых друг от друга. В биологии проявляется оно тем, что каждый средний **индивидуум** живого вещества **химически отличим** как в своих химических соединениях, так, очевидно, и в своих химических элементах и имеет **свои** особые соединения» [Там же, с. 24] (полужирным выделено В.И. Вернадским).

Среди западноевропейских поэтов особенно восхищала В.И. Вернадского проникнутая глубочайшим философским смыслом и высокой художественностью поэзия И.-В. Гете, которому ученый посвящал специальные разделы своих произведений, отдельные статьи. Во второй части книги «Проблемы общей истории науки» содержится раздел «Мысли и замечания о Гете как натуралисте» [Вернадский 1988б, с. 224—265]. Давая оценку его творче-

ству, В.И. Вернадский писал: «И.-В. Гете не только был **великим писателем** немецкого народа. Он был **первым** немцем-писателем, **значение и влияние** которого **охватили весь мир**, перешли за пределы культуры немецкого народа, стали **общим достоянием человечества** <...>. В немецкой культуре за сто лет после Гете не явилось поэтов и писателей, по мировому влиянию и мировому захвату равных Л. Толстому или Ф. Достоевскому. Гете стоит и сейчас **один среди немцев**, чего не сознавал немецкий народ при его смерти и что он начал понимать много лет позже» [Вернадский 1988б, с. 224—225].

Проследивая историю становления геохимии как науки, ученый отмечает большие достижения в этой области уже к XIX в., высказывая при этом сожаление о том, что сложилась геохимия лишь в XX в., поскольку до этого времени никто не смог обобщить изученное («охватить весь материал сразу»). Причину такого положения В.И. Вернадский видит в своеобразии создавшейся атмосферы «геологической работы в то время», мешавшей проведению обобщений: «Это было время **замиравшего, но еще не законченного спора нептоунистов и плутонистов**, захватившего в XVIII—XIX вв. ученых трех поколений». Раскрывая причины длительной борьбы нептоунистов, придерживающихся теории водного происхождения горных пород, и плутонистов, признававших их огненное происхождение, В.И. Вернадский отсылает читателя к «Фаусту» Гете, где устами героев поэт раскрывает сущность этих споров: «Можно понять значение этих старых споров в чуждой нам умственной жизни того времени, обратив внимание на творчество **великого натуралиста и поэта, яркого и страстного нептоуниста**, каким был **В. Гете**. Второй том его “**Фауста**”, где он пытался в течение всей своей жизни выразить свои представления о будущем и о задачах человеческой жизни, весь в основном **проникнут отражениями и отголосками этого спора**» [Вернадский, 1954. с. 22].

Отдавая должное Гете как ученому-натуралисту, глубоко вникшему в проблему спора нептоунистов и плутонистов, В.И. Вернадский объясняет одну из причин затянувшегося становления геохимии как науки.

Научный текст, как видим, включает иные тексты, которые в совокупности фиксируют складывающуюся в сознании ученого научную концепцию, позволяют проследить процесс формирования доминирующих в его научном творчестве концептов, актуализируют индивидуальные смыслы, обеспечивают компрессию основной научной информации, характеризуют преемственность процесса познания, расширяют границы смыслового пространства текста.

Интертекстуальность как смыслопорождающая категория научного текста выполняет в нем следующие функции: регулятивную, состоящую в способности интертекста направлять познавательную деятельность адресата на понимание авторской концепции; оппонирующую, когда смысл, заложенный в интертексте, вызывает возражение ученого; аргументирующую, подчеркивающую глубину исследования вопроса как части системы; апеллирующую, строящуюся на обращении к достижениям ученых-предшественников, к философским, религиозным, мифологическим суждениям и поэтическим образам для поддержки своих размышлений; экспрессивную, характеризующую направления культурно-семиотических воззрений автора. Прямое цитирование, фигуры интертекстуальности (реминисценции, аппликации, коммемораты, аналепсис), различные виды ссылок и сносок дополняют основную информацию, способствуют расширению содержания ключевых научных концептов, дают наиболее полное представление об идиостиле ученого, автора научного текста.

Литература

- Аликаев Р.С., Карчаева С.Х. Дискурсивность научной монографии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. Владикавказ, 2010. № 1.
- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
- Баженова Е.А. Прецедентные единицы в научном тексте // Вестник Пермского университета. Пермь, 2010. № 3 (9).

- Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст 1974. М.: Наука, 1975.
- Бочарникова Е.А. Актуализация категории интертекстуальности в научном экономическом тексте: когнитивно-дискурсивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009.
- Вернадский В.И. Очерки геохимии // Вернадский В.И. Избранные сочинения: в 6 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 1.
- Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика // Химия и жизнь. 1986. № 12.
- Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
- Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1886—1889) / отв. ред. Б.В. Левшин. М.: Наука, 1988 а.
- Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988 б.
- Вернадский В.И. Дневники: март 1921 — август 1925; отв. ред. В.П. Волков. М.: Наука, 1999.
- Вернадский В.И. Живое вещество // Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. — М.: Наука, 1994.
- Вернадский В.И. Биосфера // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
- Должич Е.А. Интертекстуальные связи в испанском научном дискурсе (на материале естественнонаучных статей и диссертаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006.
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 1.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гносис, 1992.
- Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М., 2013.
- Москвин В.П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филол. науки. 2002. № 1.

- Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 2002.
- Раkitина С.В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007.
- Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000.
- Чернявская В.Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст — Дискурс — Стил: сб. науч. ст. СПб., 2004.
- Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие. М.: КомКнига, 2005.
- Wodak R. Disorders of discourse. London: Longman, 1996.

ГЛАВА 2. Интертекстуальность в гастрономическом дискурсе

А.В. Олянич

Чем скуднее меню,
тем красноречивее должен быть повар.

Александр Зиборов

Пища (еда) и питье — уже сами по себе «интертексты». Цивилизация как огромный текст немислима без рассказов о еде, разговоров во время застолья, бесед за бокалом вина или стаканом виски, без интеракции семьи за воскресным обеденным столом или светского общения во время приема, сопровождаемого шведским столом, без коммуникативного взаимодействия влюбленных за романтическим ужином в ресторане...

Гастрономия — это неотъемлемый цивилизационный компонент, детерминированный широким спектром человеческих потребностей, представляющий собой обширное дискурсивное пространство, внутри которого с завидной регулярностью и стремительностью рождаются, обитают и умирают тексты о пище и питании, в которых сконцентрирована вся семиотика человеческого существования.

Одни такие тексты мирно сосуществуют рядом друг с другом, взаимодействуют, перетекают друг в друга, включаются в тексты иных сфер и жанров на правах добрых соседей; другие агрессивно врываются в чужеродное текстовое пространство подобно инсургентам-завоевателям. Таким образом, читая и коммуницируя,

мы наблюдаем, как рождается *гастрономическая интертекстуальность* — диалог текстов и дискурсов как феноменов глоттонической коммуникации, т.е. общения на тему о еде, вокруг еды, по поводу ее добычи, обработки, приготовления и подачи для потребления. Описанию закономерностей ее формирования, анализу ее структурных, лингвосомиотических и лингвокультурных характеристик посвящена данная глава коллективной монографии.

Вначале определимся с терминологией и существующими подходами к описанию интертекста и интертекстуальности, релевантными для нашего анализа гастрономического дискурса.

Во-первых, для нас важно следующее понимание интертекста и интертекстуальности: оба этих явления представляют собой текстуальный обмен, т.е. взаимопроникновение двух и более текстов друг в друга. В этом мы солидаризируемся с точкой зрения многочисленных исследователей (см. часть списка изученной нами литературы, посвященной интертексту и интертекстуальности), в которой идеи Юлии Кристевой удачно сочетаются с традиционными представлениями о феномене как о комбинации аллюзии, аллегории и цитации.

Во-вторых, нам близка позиция индийского лингвиста и литературоведа Рамы Кунду, понимающего интертекст и интертекстуальность как взаимное корреспондирование текстов, авторов с авторами, авторов с читателями и, наконец, как «диалог дискурсов»; в этой связи для нас важно следующее высказывание исследователя: «The literary text as site for crosscurrents and overlappings, interlappings and conflations — both structural and textual, thematic and generic — has proved to be one of the most interesting and exciting phenomena for both creative practitioners and critics-theoreticians of our times» [Kundu 2008].

Здесь, на наш взгляд, следует говорить даже не о диалоге дискурсов, а об их порядке и кластерном взаимодействии. Как справедливо констатируют исследовательницы дискурса и дискурс-анализа шведка Марианне В. Йоргенсен и датчанка Луиза Дж. Филлипс в их совместной монографии «Дискурс-анализ. Теория и метод», «...понятие [дискурса] стало размытым — либо потеряло значение — либо напротив, стало использоваться более точно с различными значениями в различных контекстах. <...> Но во многих слу-

чаях под словом “дискурс” подразумевают, что язык организован в соответствии со структурами, свойственными высказываниям людей в различных сферах социальной жизни» [Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 14].

Обе исследовательницы трактуют дискурс как «...особый способ общения и понимания окружающего мира или какого-то аспекта мира» [Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 15]. В их работе критически и в то же время весьма сочувственно анализируется дискурсная теория Эрнеста Лакло и Шанталь Муфф, базирующаяся на постструктуралистском положении о том, что дискурс формирует социальный мир посредством значений, и из-за нестабильности / изменчивости языка этот дискурс никогда не может быть постоянным, не является замкнутым, завершенным и подвержен регулярным изменениям благодаря контактам с другими дискурсами, которые по преимуществу конфликтны — агональны, т.е. вовлечены в постоянную борьбу за достижение превосходства в том, чтобы зафиксировать свое значение в языке [Филлипс-Йоргенсен, 2008, с. 22].

Ключевым для теории Эрнеста Лакло и Шанталь Муфф является положение о «борьбе дискурсов», что вызывает возражение. Социальная практика свидетельствует, что, скорее, следовало бы говорить о некоторой иерархии или соположенности / взаимопроникновении дискурсов, нежели об их противостоянии. В то же время весьма ценным положением в их теории является утверждение об обязательном наличии двух соположенных сущностей — *собственно дискурса* и *зон дискурсивности*. Под зоной дискурсивности понимается кластер тех элементов языка, которые случайно попадают в контекст дискурса, но сами этот дискурс не формируют. В теории эта идея о формации дискурса не разработана до конца и лишь продекларирована, за что Марианне В. Йоргенсен и Луиза Дж. Филлипс авторов критикуют, идя далее по их стопам и вводя понятие «порядок дискурса». Под порядком дискурса как раз и подразумевается некая иерархия дискурсивных систем, последовательно сопрягающихся и описывающих глобальное семиотическое пространство; мы попытаемся продемонстрировать возможность такого дискурсивного сопряжения (интердискурсивности, находящейся в прямой зависимости от иерархии человеческих потребностей).

В-третьих, нам важно подчеркнуть связь этих феноменов с гипертекстом; например, Джудит Х. Андерсон сравнивает информационный потенциал интертекста с прецедентными явлениями сети Интернет: «Like the Internet, the intertext is a state, or place, of potential expressed in ways ranging from deliberate emulation to linguistic free play. Relatedly, the intertext is also a convenient fiction that enables examination of individual agency and sociocultural determinism» [Anderson, 2008, с. 3].

В-четвертых, для описания гастрономического дискурса как явления интертекстуальности необходимо рассмотреть его связи с прецедентностью и прецедентными феноменами. Мы поддерживаем идею о релятивной прецедентности интертекста, сводимую к тезису о том, что когнитивно детерминированная эксплуатация прецедентных текстов сводится к таким параметрам, как осознанность адресантом факта отсылки к определенному тексту; знакомство адресата с исходным текстом; способность адресата распознать отсылку к этому тексту; наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста [Слышкин, 2000, с. 5].

В-пятых, мы солидарны с точкой зрения Юлии Кристевой на интертекст и интертекстуальность как феномены семиотики и лингвoseмиотики. В фокус ее теории в нашем случае с гастроинтертекстуальностью попадают такие явления, как конгломерация гастрономических знаков, переход одних глоттонических знаковых образований в другие, переключение лингвокультурных потребностных кодов и т.п. Для нас так же важна концепция семиотизации вторичных текстов в результате трансполяции в эти тексты семантики и структуры текстов-доноров. Гастрономическая интертекстуальность рассматривается как трансляция и ретрансляция знаков глоттонии¹ в многочисленные и разнообразные тексты (контексты, дискурсы).

---

¹ Изучение лингвистом потребностей в пище и питье ставит своей задачей рассмотреть их с точки зрения того, как они придают общению специфический — гастросемиотический (глоттонический) — характер. Впервые о семиотической экспликации этих типов потребностей в коммуникации написал автор данного раздела коллективной монографии, введя термины «глоттония» и «глоттоническая коммуникация», имея в виду знаковое пространство гастрономии и кулинарии как сферы общения людей по поводу еды, питья, их добычи, обработки, приготовления и потребления — от лат. *Gluttonare* ‘есть, питаться, употреблять в пищу’ [Олянич, 2004].

Наконец, в-шестых, нам близка идея о креативных потенци-ях дискурсивной личности, обеспечивающих интертекстуальную связь мира гастрономии со всем коммуникативным сектором бытия *Homo loquens* / *Homo consummatus* (Человека говорящего / Человека потребляющего).

Далее рассмотрим феномен гастрономической интертекстуальности, процессы его формирования и значимые характеристики в соответствии со следующими задачами:

— изучение форм и способов сопряжения гастрономического / глоттонического текста (дискурса) с инотекстом (инодискурсом), с гипертекстом, в частности;

— описание процесса погружения прецедентных феноменов в гастрономическую коммуникативную среду;

— наблюдение за гастрознаками и их трансляцией в семиотическое пространство «чужого текста» или «инодискурса», т.е. актуализацией своеобразного «перехода» гастрономического знака в негастрономическую коммуникативную среду и обустройства этого знака внутри данной среды;

— исследование дискурсивной гастрономической личности и ее креативных потенциалов; изучение интертекстуальных связей между сферой глоттонии (гастрономии) и иными коммуникативными сферами, устанавливаемых этой личностью.

Гастрономическая, или глоттоническая коммуникативная среда представляет собой текстовое или дискурсивное пространство, содержащее соответствующие знаки или знаковые комплексы (лексемы, фраземы, фразовые единства, идиомы, паремии, афоризмы, иные текстовые или дискурсивные фрагменты и т.п.), денотирующие как собственно потребности человека в питании, так и вовлеченность коммуникантов в общение по поводу потребления пищи и напитков.

Весь этот лингвосемиотический (текстовый, дискурсивный) массив не только постоянно флуктуирует в своих тематических границах (кулинарные книги, дискурсы ресторана и кухни), но и «перетекает» за собственные — сугубо гастрономические — пределы, проникая в иные тематические коммуникативные сферы (например, телевизионные шоу, исторические хроники, кинофиль-

мы и т.п.), при этом создаются особые интертексты и «интердискурсы» и порождаются прецедентные феномены — как в самой гастрономической среде, так и в тех средах, куда ее знаки проникают в разных количествах и с разной степенью интенсивности.

Гастрономическая / глоттоническая коммуникативная среда интенсивно исследуется как этнокультурный феномен в рамках концептологии, дискурсологии и лингвосемиотики с самого начала третьего тысячелетия.

Так, изучается концептосфера «Продукты питания» в русской национальной языковой картине мира [Беленко, 2006]; анализируется концептосфера «еда» в русском национальном сознании, при этом выявляются базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации [Миронова, 2002]. Пища также рассматривается как лингвокультурный концепт немецкоязычной [Головницкая, 2007] и франкофонной [Гулинов, 2004] лингвокультур; исследуется в сопоставлении калмыцкоязычной и русскоязычной [Олянич, 2009], а также немецкоязычной, калмыцкоязычной и русскоязычной этнолингвокультур [Боваева, 2010; Боваева, Олянич, 2013].

Производится внимательное обследование этнолингвокультурных характеристик гастрономического дискурса — англоязычного [Земскова, 2009], немецкоязычного [Головницкая, 2007] и тюркоязычного [Олянич, Бараташвили, 2012]. Изучается гастрономический дискурс в целом и его семантико-семиотические характеристики в системе массовой коммуникации [Олянич, 2003]; широко обсуждается актуализация темы «питание» в диалектном дискурсе [Лукьянова, www] и городской полиэтнической дискурсивной среде [Файзуллина, 2012].

Исследователи анализируют проблему определения лингвистических аспектов языковой репрезентации архетипической категории вкуса как основы гастрономического дискурса, а также проблемы классификации вербализованной категории вкуса; отмечается, что восприятие вкуса находится в различной лексико-семантической сочетаемости и обладает спецификой имплицитного и эксплицитного выражения в разных лингвокультурах [Чередникова, Евсюкова, 2012; Чередникова, 2013].

Кроме того, гастрономический дискурс изучается в его лингвокультурологическом и переводческом аспектах [Ундрицова, 2012], а также как центральный элемент жанрового пространства постмодернистского романа [Писанова, 2012].

Гастрономический (глуттонический) дискурс подвергается анализу также со стороны его внутренней (языковой) структуры и прагматической направленности языковых элементов: например, очень тщательно исследована его метафорическая составляющая [Бойчук, 2012; Максимова, 2013]; рассмотрена семантика прагматонимов в глуттонической коммуникации [Ермакова, 2010]; изучены особенности функционирования языковых реалий с семантикой 'пища' в произведениях Ч. Диккенса [Симакова, 2011]; исследована в целом тема пищи в повседневной разговорной речи и перечислены характеристики еды сквозь призму актуальных противопоставлений [Китайгородская, 2003].

Особенно подробно и последовательно изучены знаки и знаковые комплексы гастрономии (глуттонии): в данном исследовательском ресурсе важное место занимают работы по диахронной лингвосемиотике — это диссертация С.В. Захарова о лингвосемиотике англосаксонской институциональной глуттонии [Захаров, 2008]; статья С.В. Воробьевой о лингвосемиотической специфике англоязычного средневекового гастрономического дискурса [Воробьева, 2010]; изучается семиотическая (семантическая) изотопия «еда» в русском художественном тексте на материале малой прозы 60—80-х годов XX в. [Филиппова, 2004]. Особое место также занимает исследование лингвосемиотики вакхического (питейного) дискурса русских и немцев в сопоставительном освещении [Реймер, 2011; Олянич, Реймер, 2013].

Гастрономическая интертекстуальность «обустраивается» в огромном количестве текстово-дискурсивных продуктов разнообразнейших жанров: труд их описания поистине неблагодарен и бесконечен, хотя и весьма перспективен по крайней мере в тех усилиях исследователей, которые могли бы браться за определенный жанр текста или дискурса и добиваться неплохих результатов. Разговоры о еде и питии как тексты-доноры чаще всего внедряются в художественные тексты и сами приобретают некую «художествен-

ность», делая текст-реципиент еще более привлекательным с точки зрения «*belle lettre*»-воздействия.

Ярче всего формы и способы гастрономической интертекстуальности как сопряжения гастрономического / глоттонического текста или глоттонического / гастрономического дискурса с ино-текстом / инодискурсом проявляются в жанре литературной критики, представляющей один из типов художественного текста. Докажем это наше утверждение при помощи анализа великолепной критической статьи Александра Гениса¹.

Оценивая кулинарные сочинения Вильяма Похлебкина, который широко известен в России и за рубежом как антрополог, историк культуры и семиолог, Александр Генис вольно или невольно определяет их интертекстуальные связи с мегакультурными и цивилизационными контекстами. Для него проза Похлебкина — это точка сопряжения литературы, музыки, философии, антропологии: не случайно имя Похлебкина употребляется автором в одном ряду с Гоголем и Толстым («Из Гоголя или Толстого можно было бы извлечь том блестящей кулинарной эссеистики. И это была бы книга, наполненная высокой поэзией, книга, воспевающая красоту русского быта. Частично эту задачу выполнил Похлебкин в книге “Кушать подано!”»), Моцартом («Честно скажу, что настоящие, старинные, так называемые богатые щи, варить которые научила меня книга Вильяма Васильевича, принесли мне радости не меньше, чем Моцарт»), Клодом Леви-Строссом («Области научных интересов Похлебкина — гастрономическая история, семиотика кухни, кулинарная антропология. С вопросом о том, чему посвящены все эти не совсем привычные гуманитарные дисциплины, лучше всего обратиться к Клоду Леви-Строссу. Знаменитый французский структуралист-антрополог, помимо прочего, был и автором прославленных книг “Сырое и вареное” и “Происхождение застольных манер”»).

В стиле текстов Похлебкина он усматривает их соотносительность с научной прозой («Он пишет сухой, трезвой, лаконичной,

---

¹ Генис А. Хлеб и зрелище: о кулинарной прозе Вильяма Похлебкина // Звезда. 2000. № 1.

предельно точной, терминологически однозначной прозой <...> Похлебкин — не поэт, а ученый, крупный историк, отнюдь не только кулинарный, и пишет он настоящей научной прозой, чья поэзия бесстрастной точности выигрывает от своего экстравагантного предмета»).

Приведем примеры внедрения гастрономического мышления Вильяма Похлебкина в научные контексты социологии, экологии и семиотики, регистрируемого А. Генисом: «Одна из центральных тем Похлебкина — психосоциология русской кухни. О том, насколько трудна эта задача, говорил другой французский ученый — Ролан Барт»; «Объясняя принципы отечественной гастрономии и восстанавливая давно забытые рецепты, Похлебкин охраняет национальное достояние. В сущности, это — кулинарная экология. Каждое выуженное из Леты блюдо — этот иероглиф отечественной культуры — не менее ценно, чем отстроенная церковь или спасенная икона»).

Критический текст статьи А. Гениса в то же время представляет собой не менее «вкусный» текст, поскольку в него внедрены как собственно кулинарные (гастрономические) включения, так и художественные интертексты, семиотически связанные с кулинарией. К таким феноменам можно отнести, например, следующий:

«Что касается русской кухни, то традиционно мясо в ней варят в супе или запекают в печи. Популярное и повсеместное исключение — шашлыки из баранины, а иногда даже из свинины или курицы, поджаренные на открытом огне. Но шашлык — блюдо заведомо экзотическое, пришедшее из пастушеского, а не земледельческого быта. В русском восприятии это еда «естественная», пикниковая, праздничная, вирильная (обычно ее готовят мужчины) и по-карнавальному «беззаконная», вольная (мясо, например, едят руками).

Примером поэтического и одновременно гастрономического интертекста, внедренного в текст критической статьи А. Гениса, может служить следующее пятистишие О. Мандельштама, включенное критиком сразу за вышеприведенным текстом: «Человек бывает старым, / А барашек молодым, / И под месяцем поджарым / С розоватым винным паром / Полетит шашлычный дым».

А. Генис обращает внимание читателя на еще один литературный жанр, обследованный Вильямом Похлебкиным в одной из его лучших книг «Кушать подано! (Репертуар кушаний и напитков в русской классической драматургии с конца XVIII до начала XX века)» и испытавший на себе интертекстуальную интродукцию — русскую классическую драматургию.

Он констатирует: «В этом сочинении автор вычленяет “кулинарные инкрустации” из хрестоматийных текстов, чтобы восстановить, описать и прокомментировать “кулинарный антураж”, сопровождавший российскую Мельпомену от Фонвизина до Чехова. При таком анализе гастрономическая деталь служит метафорой душевного состояния героя или сюжетной коллизии пьесы. В совокупности они создают общий кулинарный пейзаж того или иного автора той или иной эпохи».

Как видим, экспликация гастрономического смысла в извлечениях, именуемых А. Генисом «кулинарными инкрустациями», есть не что иное, как образцы гастрономического интертекста в публицистической прозе.

Внутри критического текста статьи А. Гениса мы обнаруживаем еще много интертекстуальных гастрономических вкраплений, отягощенных кулинарной семиотикой (знаки-глуттонимы, т.е. лексемы-наименования различных блюд и напитков) и одновременно представляющих собой прецедентные феномены. Например, это описание меню пушкинского обеда в реконструкции-интерпретации Вильяма Похлебкина («Итак, пушкинский обед, как уточняет Похлебкин, русский — в отличие от французского, ресторанного — домашний обед, который он мог съесть в собственной усадьбе или в гостях у Вяземского: закуски — осетрина (отварная, или заливная, или горячего или холодного копчения); телятина холодная с огурцом соленым; водка московская, лимонная, тминная; хлеб черный ржаной, белый кислый (домашний); первое — зимой щи суточные с кислой капустой, летом щи свежие ленивые (обе разновидности на костном бульоне с сухими белыми грибами); кулебяка мясная; Второе — гусь с капустой тушеный, пожарские котлеты (куриные), грибы жареные в сметане; вино красное кахетинское или

бордо; третье — чай с ромом, варенье (клубничное, земляничное, малиновое)»);

Мы также обнаруживаем благодаря А. Генису, что гастрономия может оказаться многожанровым коммуникативным интертекстуальным феноменом, например, драматургической пародией: «Действующие лица пьесы “Женитьба”, начиная с главного героя по фамилии Яичница, — “субъективированные закуски или напитки, принадлежность закусочного стола”. Таким образом, Гоголь формирует пародию на закусочный стол, который мог бы присутствовать на несбыточной свадьбе. Это: “Яичница, селедка, черный хлеб, шампанское, мадера”. Такое меню, объясняет автор, насмешка Гоголя над опошлением святого на Руси понятия еды. Похлебкин вставляет свою гастрономическую роспись в социально-культурный контекст».

Наконец, А. Генис встраивает в критический контекст интертекст, содержащий этнознаки, этимологический диахронизм гастрономического семиозиса которых очевиден: «Похлебкин реконструировал редчайшее древнерусское кушанье — кундюмы: “кундюмы, или кундюбки — старинное русское блюдо XVI в., представляющее собой своего рода пельмени с грибной начинкой... но в отличие от пельменей кундюмы не отваривают, а вначале пекут, затем томят в духовке”».

Интертекстуальная гастрономия в принципе легко семиотизируется именно в художественной среде; не случайно кулинария ассоциируется с искусством и литературой, поскольку образы еды и художественные образы явно настроены на одну «семиотико-культурную волну», т.е. имеют общие лингвокультурные (а значит, и языковые) коды. В подтверждение этого нашего предположения приведем мнение Норберта Франца: «...многократное кодирование еды как культурного феномена широко используется в литературе и искусстве. Большое внимание еде уделяла литература реализма XIX в. При этом авторы каждый по-своему акцентируют различные аспекты. Лев Толстой, например, часто подробно описывает сервированный серебром и фарфором стол, наряды и разговоры за столом, не уделяя особого внимания самой еде. Николай Гоголь использует в

“Мертвых душах” описания кушаний, которыми потчуют гостя, для характеристики помещиков. Кушанья выполняют функцию индикатора отношений между персонажами, их социального положения» [Франц, www.uni-potsdam.de/u/slavistik/konferenz_rkki/russkaja_kuchnja.pdf].

Произведения разных литературных жанров весьма толерантно включают многочисленные гастрономические вкрапления, будь это меланхолическая драма («Обломов» И. Гончарова), классический детектив («Отель Бертрам» Агаты Кристи), дневник путешественника («Фрегат «Паллада» И. Гончарова), роман-эпопея («Война и мир» Л. Толстого), этноповесть («Старосветские помещики» Н. Гоголя), роман нравов («Братья Карамазовы» Ф. Достоевского), рассказ — социальная миниатюрная зарисовка («О брэнном» А. Чехова), социальная сатира («Как мужик двух генералов прокормил» М. Салтыкова-Щедрина), «роман-энциклопедия» жизни целого социума в стихах («Евгений Онегин» А. Пушкина), поэзия российского либерализма и повседневности (Н. Некрасов) и т.д.

Описывая интертекстуальные вкрапления в произведении Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», латвийский магистрант Зоя Николаева в своей диссертации отмечает, что «...гастрономический дискурс... объединяет в себе комплекс “пищевой” тематики текста и его интертекста, куда входят: топос романа — трактиры, гостиные, столовые; хронос романа — уместное-неуместное время обеда, чаепития, приема гостей. Кроме того, выделяется лексика романа — аллегории (“хлеб земной”, “хлеб небесный”), фразеологизмы (слюна бежит, куском хлеба попрекать), эпитеты (пикантный, слащавый), игра слов (“Проглочу его всего и смеяться буду”). Вместе с тем формируется поле гастрономических понятий (голод, сытость, пост) с философско-религиозным смыслом» [Николаева, 2010, с. 6].

Гастрономический интертекст тесно связан с феноменами прецедентности: так, пищевые (глуттонические) паремии, представляющие собой прецедентные высказывания («Кашу маслом не испортишь», «Недосол на столе, пересол у хозяйки на спине» и т.п.), регулярно воспроизводятся в многочисленных контекстах и дискурсах социокультурной и даже политической природы.

Как отмечает П.В. Буркова, «...текст кулинарного рецепта является прецедентным текстом в гастрономическом дискурсе и обладает рядом прагматических, структурно-семантических и морфосинтаксических характеристик. Чаще всего рецепты встречаются в специальных журналах и газетах, рассчитанных на то, что читателем будет женщина, об этом свидетельствуют как названия самих изданий, так и место расположения соответствующей рубрики» [Буркова, 2004, с. 18].

Приведем пример густально-насыщенного прецедентного текста, выступающего как интертекст в рыболовном интернет-дискурсе; он посвящен приготовлению российского деликатеса — ракам:

«Рак вкусен. И это правда. Поставишь на костер ведро воды с раками, и компания ждет, когда они начнут краснеть. Укропчика, петрушки, лавровый листик добавить, соли и через 15—20 минут уже, а то и раньше чувствуется неповторимый, особый аромат раков. Его уже ни с чем не спутаешь. Его с удовольствием нюхают и с нетерпением выуживают из ведра еще горячих, красных раков. Под это блюдо не только пиво пьется с удвоенным удовольствием, но и водочка, сухое вино, да и другие напитки. Особый аромат и вкус рачьего мяса, сам процесс доставания его из панциря, высасывание не только крупных клешней, но и тонких ходильных ножек, туловища и особой вкуснятины — под самым панцирем — неповторимо». [Цит. по: Олянич, 2012, с. 134].

Гастрономическая среда в реальной жизни демонстрирует причудливое переплетение интертекстов и прецедентных феноменов; например, нами с Т.Н. Некрасовой обнаружено значительное число текстов названий придорожных точек общепита, которые носят прецедентный характер. Это, разумеется, свидетельствует об определенном лингвокреативном уровне владельцев заведений, во всяком случае, об их приобщенности к культуре, искусству и литературе. Такая когнитивная освоенность лингвокультурных феноменов владельцами придорожных точек общепита в полной мере обнаруживается в присвоенных ими своим предприятиям названиях, репрезентированных прагматонимами, например, из таких прецедентных сфер, как:

- всемирная и российская история («Веселый Роджер», «Ермак», «Гуляй-поле»);
- русскоязычный эпос («Садко»);
- русская и советская проза («Фрегат Паллада», «Тихий Дон», «Вечный зов»);
- русская народная сказка, авторские сказки и поэтическое сказание («Три медведя», «Каменный цветок», «Лукоморье»);
- детская литература (советская — «Три пескаря»; зарубежная — «Русалочка»);
- мифология (античная — «Одиссей»; библейская — «Ковчег»; ближневосточная — «Тысяча и одна ночь», «Шахерезада»);
- зарубежный литературный детектив («Баскервиль»);
- советский кинематограф («Госпожа Удача», «Место встречи изменить нельзя»);
- музыкальные персоналии и произведения («Малиновый звон», «Белый лебедь», «Моцарт») [Олянич, Некрасова, 2012, с. 176].

Гастрономический иноязычный интертекст может стать гипертекстом, будучи погруженным в сеть Интернет: так, одна из туристок на одном из интернет-форумов, посвященных обмену впечатлениями о посещении Турции, написала: «Мне запомнились крики вида “беееерек-брэк-брэк-брэк-брэк-бек-бек-бек-бек!!!” Вообще-то бек-рек это пирожок такой, фаст-фуд утренний изначально, а сейчас это слово вообще означает типа “уличная еда с лотка — подходи... налетай...”. Кричат так призывно, а береки расточают такой вкусный запах, что хочешь не хочешь, а возьмешь!».

Это гастрономическое впечатление, включенное (intervened) в общий лично-прочувствованный очерк путешественника, словно снежный ком, немедленно породило высказывания сетевых сограждан на ту же кулинарную тему, продолжив ее гипертекстовую цепочку (→), например:

«А на набережной Эминеню кроме них кричат еще и балык-экмек-джи (продавцы бутербродов со скумбрией. — *А.О.*), и продавцы симитов (simit — турецк. бублик. — *А.О.*), и кукурузы и каштанов, и даже мороженого иногда слышал!» → «А после мы плывем на пароме в Азию, к пристани Кадыкей, где переходишь

через дорогу — и внедряешься в кварталы с лавочками, где гроздятся полукилограммовые пачки чая, являют себя темно-красные поленья бастурмы, свисают связки сушеных баклажанов и помидоров и мешки со специями и орехами разных родов стоят раскрытыми — и тут же: кебабы, жареная хамса и мидии в кляре (пробуем и то и другое в виде сэндвичей) — и кокореч, жареные порубленные потроха, которые еще мельче рубят прямо на жаровне лопаткой, похожей на большой шпатель, подкладывают резаных помидоров, прижимают к горке булку и набрасывают в нее жаркий этот и острый порох» → «А еще полный кайф — Balik-ekmek! Это половинка скумбрии, при тебе поджаренная и сунутая в располовиненную булку со свежим луком и зеленью. Обычное дело — взять его в павильоне на пристани Эминеню: издалека слышно, как заывают к нему “Буйрун-буйрун!”¹, и толпа толпится, насыщаясь» и т.п.

Тексты-продукты вакхического дискурса (например, статья о виски, его семиотике и ритуалах употребления) оказываются дружественной средой для интертекстуальности: так, контексты употребления виски, часто гиперэмоциональные, как правило, носят карнавальный характер, о чем свидетельствуют многочисленные анекдоты и веселые истории прецедентного характера. В одних просматривается гендерная насмешка:

— Дорогая, можно предложить тебе рюмочку виски?

— «Ну, разве что слабенькую тройную порцию...»

* * *

Приходите ко мне в гости: с ромашками (потому что я девочка)

и с бутылкой виски (потому что я та еще девочка).

* * *

Обычный коктейль для вечеринки состоит из одной части виски и двух частей женских сплетен.

* * *

На званом вечере пожилая леди с неудовольствием заметила молодой леди, которая с аппетитом уписывала закуски:

— Мы здесь не для того, чтобы есть, не так ли!

---

¹ Турецк. *buyrun* «Пожалуйста, возьмите...».

— Точно! — с энтузиазмом ответила молодая леди. — Уж подали бы виски, и дело с концом!

В других присутствует этническая интолерантность:

Над океаном летит международный авиалайнер. Полет проходит нормально. Вдруг в салон вбегает стюардесса и говорит: «Наш лайнер терпит крушение, нужно, что бы трое пассажиров выпрыгнули, иначе мы все умрем». Первым встал француз, выпил стакан виски и с криком «Да здравствует Франция!» прыгнул. Второй — англичанин, выпил полбутылки виски и с криком «Да здравствует королева!» тоже прыгнул. Третий — русский, выпил две бутылки водки и с криком «Да здравствует Африка!» выкинул трех негров.

В третьих иронизируются предупреждения о вреде алкогольных напитков:

Водка со льдом вредит почкам,
ром со льдом печени,
джин со льдом сердцу,
виски со льдом мозгу.
Этот чертов лед невероятно вреден!

Как правило, гастрономический интертекст характеризуется высокой семиотической плотностью, причем включенные в семиозис знаки могут иметь этнокультурную специфику; это особенно отчетливо выражено в ряде случайно выбранных нами контекстов национального художественного пространства. Так, семиозис гастрономического интертекста в классическом детективе Агаты Кристи «Отель “Бертрам”» буквально переполнен знаками-глюттонимами — воспользуемся здесь этнотермином Ролана Барта — традиционной «английскости» (они подчеркнуты в тексте):

«Miss Marple ordered her breakfast. **Tea, poached eggs, fresh rolls.** So adept was the chambermaid that she did not even mention **cereals** or **orange juice**. Five minutes later breakfast came. A comfortable tray with a big pot-bellied teapot, **creamy-looking milk**, a silver hot water

jug. Two beautifully **poached eggs_on toast**, poached the proper way, not little round hard bullets shaped in tin cups, **a good-sized round of butter** stamped with a thistle. **Marmalade, honey, and strawberry jam. Delicious-looking rolls**, not the hard kind with papery interiors—they smelled of fresh bread (the most delicious smell in the world!). There were also **an apple, a pear, and a banana**. Miss Marple inserted a knife gingerly but with confidence. She was not disappointed. Rich deep yellow yolk oozed out, thick and creamy. Proper eggs! Everything piping hot. A real breakfast. She could have cooked it herself but she hadn't had to!»¹.

Столь же живописна глоттоническая картина российского утра начала Масленицы в миниатюре А.П. Чехова «О бренности (масленичная тема для проповеди)», которую мы не утерпели и привели целиком, выделив при этом подчеркиванием русскоязычные знаки-этноглоттонимы и соответствующие густальные знаки-дескриптивы, без которых эта картина не была бы столь «вкусной»:

Надворный советник Семен Петрович Подтыкин сел за стол, покрыл свою грудь салфеткой и, сгорая нетерпением, стал ожидать того момента, когда начнут подавать **блины**... Перед ним, как перед полководцем, осматривающим поле битвы, расстилалась целая картина... Посреди стола, вытянувшись во фронт, стояли **стройные бутылки**. Тут были три сорта **водок, киевская наливка**, шатолароз, рейнвейн и даже **пузатый сосуд** с производением отцов-бenedиктинцев. Вокруг напитков в художественном беспорядке теснились **сельди с горчичным соусом, кильки, сметана, зерни-**

---

¹ Мисс Марпл заказала завтрак. Чай, яйцо-пашот, свежие рогалики. Видно, горничная на редкость вышколена, даже не заикнулась об апельсиновом соке и овсяных хлопьях. Через пять минут появился завтрак. Солидных размеров поднос с большим пузатым заварным чайником, молоко, жирное, как сливки, и серебряный кувшин с кипятком. Два идеально сваренных яйца на поджаренном кусочке хлеба и изрядных размеров кругляшок масла с оттиском в виде чертополоха. Мармелад, мед, клубничное варенье. Чудные рогалики, пахнущие настоящим хлебом, — нет лучшего запаха во всем мире! И кроме того, яблоко, груша и банан. Завтрак прекрасный. Она и сама могла бы его приготовить, но тут с ним можно не возиться.

стая икра (3 руб. 40 коп. за фунт), свежая **семга** и проч. Подтыкин глядел на все это и жадно глотал слюнки... Глаза его подернулись маслом, лицо покривило сладострастьем...

— Ну, можно ли так долго? — поморщился он, обращаясь к жене. — Скорее, Катя!

Но вот, наконец, показалась кухарка с **блинами**... Семен Петрович, рискуя ожечь пальцы, схватил два верхних, самых **горячих блина** и аппетитно шлепнул их на свою тарелку. **Блины были поджаристые, пористые, пухлые, как плечо купеческой дочки**... Подтыкин приятно улыбнулся, икнул от восторга и облил их **горячим маслом**. Засим, как бы разжигая свой аппетит и наслаждаясь предвкушением, он медленно, с расстановкой обмазал их **икрой**. Места, на которые не попала **икра**, он облил **сметаной**... Оставалось теперь только есть, не правда ли? Но нет!.. Подтыкин взглянул на дела рук своих и не удовлетворился... Подумав немного, он положил на **блины** самый **жирный кусок семги, кильку и сардинку**, потом уж, млея и задыхаясь, свернул оба **блина** в трубку, с чувством выпил **рюмку водки**, крикнул, раскрыл рот...

Но тут его хватил апоплексический удар.

Нельзя также не отметить, что густальная тональность текста, центральную часть в котором занимает этнокультурное (типично русское) прецедентное масленичное меню, поддержана семиотикой гедонизма, столь характерной для русской культуры конца XIX — начала XX столетия, что засвидетельствовано наличием соответствующих знаков-гедонимов — *сгорая нетерпением, жадно глотал слюнки, глаза его подернулись маслом, лицо покривило сладострастьем, аппетитно шлепнул их на свою тарелку, икнул от восторга, разжигая свой аппетит и наслаждаясь предвкушением, медленно, с расстановкой обмазал их икрой, млея и задыхаясь, с чувством выпил, крикнул.*

Гастрономическая интертекстуальность, своеобразно проникая в пространство художественной прозы, предполагает также участие различных глуттонических знаков инструментального и ресурсного характера в создании семиотического «антуража»

происходящих событий. В качестве примера приведем большой фрагмент из романа И. Гончарова «Обломов», в котором широко представлены глоттонические знаки-инструментативы (кухонная утварь) и знаки-ресурсонимы (продукты, пищевые запасы), призванные актуализировать в тексте идею о наличии у героини романа управленческих способностей (упомянутые знаки в цитируемом тексте подчеркнуты):

Все в доме Пшеницыной дышало таким обилием и полнотой хозяйства, какой не бывало и прежде, когда Агафья Матвеевна жила одним домом с братцем. **Кухня, чуланы, буфет** — все было установлено **поставцами с посудой**, большими и небольшими, круглыми и овальными **блюдами, соусниками, чашками**, грудами **тарелок, горшками** чугунными, медными и глиняными. В шкафах разложено было и свое, давным-давно выкупленное и никогда не закладываемое теперь **серебро и серебро** Обломова. Целые ряды огромных, пузатых и миньютюрных **чайников** и несколько рядов фарфоровых **чашек**, простых, с живописью, с позолотой, с девизами, с пылающими сердцами, с китайцами. Большие стеклянные **банки с кофе, корицей, ванилью, хрустальные чайницы, садки с маслом, с уксусом**. <...> В кладовой к потолку привешены были **окорока**, чтоб не портили мыши, **сыры, головы сахару, провесная рыба, мешки с сушеными грибами**, купленными у чухонца **орехами**. На полу стояли **кадки масла**, большие крытые **корчаги с сметаной, корзины с яйцами** — и чего-чего не было! Кухня была истинным палладиумом деятельности великой хозяйки и ее достойной помощницы, Ани-сьи. Все было в доме и все под рукой, на своем месте, во всем порядок и чистота...

Художественный текст может характеризоваться своеобразной «интертекстуальной телескопией»: так, в романе И. Гончарова «Фрегат Паллада» текст от автора содержит гастрономический интертекст, внутрь которого вкраплен еще один текст — агрокультурный (ветеринарной направленности); его мы выделили подчеркиванием:

Обед, по английскому обычаю, был весь на столе. Нам подали горячее: я попробовал — что-то родное. «Да это уха», — сказал я барону. «Суп из рыбы», — поправил он педантически. Потом подали рыбу, но она показалась мне несвежа, и отличную вареную зелень. Всякий брал, чего хотел, а выбрать было из чего: стояло блюд десять. Свинина была необыкновенной белизны, свежести и вкуса. **Надо отдать справедливость здешним свиньям: на взгляд они некрасивы, хуже наших: низенькие, вместо щетины с маленькою, редкою и мягкою шерстью, похожей на пух, через которую сквозит жир; спина вогнута, а брюхо касается земли. Они не могут почти ходить от жира, но вкусом необычайно нежны.**

Обратим также внимание на общую типичную особенность гастрономических интертекстов: они, как правило, семиотически насыщены аксиологическими знаками-дескриптивами (знаками оценки). Например, в вышеприведенном тексте к таким знакам могут быть отнесены выделенные единицы в следующих контекстах: «...подали горячее: я попробовал — что-то **родное**»; «...подали рыбу, но она показалась мне **несвежа**, и **отличную** вареную зелень»; «...свинина была **необыкновенной белизны, свежести и вкуса**»; «[свиньи] вкусом **необычайно нежны**».

Наконец, последнее, о чем мы собирались коротко написать в этой главе. Если мы все давно привыкли к той ситуации, когда гастрономические интертексты обычно проникали в художественные и иные тексты благодаря их непосредственным творцам (поэтам, писателям и критикам), то, учитывая сегодняшний социокультурный контекст эпохи, когда писать начали абсолютно все (Аллилуйя Интернету!), то возникает естественный вопрос, — а кто же сегодня устанавливает интертекстуальные связи между сферой глоттонии (гастрономии) и иными коммуникативными сферами? Что представляет собой дискурсивная гастрономическая личность и в чем заключаются ее креативные потенции?

Гастрономические тексты сегодня проникают в социокультурные контексты самых разных направлений уже посредством творчества сетевых жителей, создающих свои интернет-дневники

(блоги), посты в социальных сетях (Фейсбук, ВКонтакте, Твиттер, Одноклассники и т.п.), снимающих видеоблоги и помещающих их в *You-Tube*, фотохранилищах *Instagram*, мессенджерах *What'sUP* и т.д.

Вся эта разношерстная публика — гурманы, помешанные на еде и креативности в ее приготовлении — сегодня именуется общим термином «фуди» (англ. *foodie*). Это люди, которые с удовольствием создают гастрономические произведения, транслируемые по гипертекстовой цепочке в другие интернет-сферы и становящиеся тем самым интертекстами. Более того, самым успешным из этих авторов удается внести свой вклад в создание нового литературного жанра — кулинарной прозы — опубликованием сборников своих текстов в широкой печати в виде книг и кулинарных статей в СМИ. Эти герои имеют сегодня свои имена: *гастроблоггер*, *фуд-блоггер*, *фудрайтер* (критик работы общепита), *гастрорайтер*, *фуд-презентер* (ведущий кулинарного ток-шоу).

Креатив «фуди» заключается в том, что их стараниями популяризуется историческая мировая гастрономия, распространяющаяся цитатами и фрагментами по коммуникативному тематическому пространству; ими создается общественное мнение о местах гастрономического общения и потребления (ведущие рестораны, модные кафе, фуд-хаусы и пр.), а также о еде, подаваемой в них; именно они создают рецепты кулинарных шедевров и раздают их по Сети, способствуя их становлению в статусе интертекстов.

Подведем итоги. Гастрономическая интертекстуальность представляет собой лингвосемиотический, лингвокультурный и текстовый / дискурсивный феномен, коммуникативная сущность которого заключается в смысловом сопряжении разнопорядковых цивилизационных знаков со знаками гастрономическими; соответственно, в процессе такого сопряжения происходит внедрение образующихся текстов гастрономической тематики в коммуникативное пространство текстов и дискурсов, тематически ориентированных в ином от гастрономии направлении.

Интертекстуальная гастрономия семиотизируется преимущественно в художественной среде, легко ассоциируя свои знаки со знаками искусства, литературы, литературной критики, синхрони-

зируя образы еды и художественные образы, поскольку и те, и другие имеют общие лингвокультурные и языковые коды.

Гастрономический интертекст характеризуется высокой семиотической плотностью, а включенные в семиозис знаки демонстрируют ярко выраженную этнокультурную специфику. Художественный текст в то же время может характеризоваться своеобразной «интертекстуальной телескопией», когда гастрономический интертекст, будучи внедренным в художественный, сам содержит интертекст из несвойственного ему тематического пространства.

Гастрономическая интертекстуальность проникает в пространство художественной прозы, обеспечивая при этом участие различных глуттонических знаков инструментального и ресурсного характера в создании семиотического «антуража» происходящих событий.

Гастрономический интертекст тесно связан с феноменами прецедентности, такими как пищевые (глуттонические) паремии, рецепты приготовления блюд, меню, афоризмы, крылатые слова и выражения, байки, анекдоты и иные тексты-продукты карнавального характера.

Типичной особенностью гастрономических интертекстов является их неперемнная семиотическая насыщенность аксиологическими знаками-дескриптивами (знаками оценки).

Гастрономический интертекст способен стать гипертекстом, будучи погруженным в сеть Интернет: некоторое гастрономическое впечатление, включенное (*intervened*) в текст сетевого высказывания (блог, пост, чат), способно порождать высказывания сетевых сограждан на ту же тему, продолжая и умножая ее гипертекстовые цепи.

Сегодня именно участники интернет-общения выступают в качестве креативных агентов гастрономического дискурса, кардинально меняя пищевую палитру современного общества потребления, которое с удовольствием «растаскивает» их творчество на цитаты. Гастрономический интертекст сегодня все более приобретает черты движителя современной цивилизации. Хорошо это или плохо — предстоит решать грядущим поколениям.

Литература

- Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Раздел «Лингвосемиотика»: 7—1. Лингвосемиотика витальных потребностей; 7.2. Семиотика глуттонического дискурса // Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: монография. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012.
- Баширова Н.З. Интертексты в современных английских газетных статьях (на материале произведений В. Шекспира) // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4.
- Беленко Е.В. Концептосфера «Продукты питания» в национальной языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.
- Боваева Г.М. Знаки глуттонии в калмыцкой лингвокультуре. Этнокультурный ритуал жертвоприношений // Материалы международной научной конференции «Русский язык в диалоге культур». Воронеж, 2010.
- Боваева Г.М., Олянич А.В. Лингвокультурная специфика знаков этнических пищевых предпочтений калмыцкого, русского и немецкоязычных народов: монография. Волгоград, 2013.
- Бойчук А.С. Гастрономическая метафора: структурный, семантический, стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
- Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004.
- Воробьева С.В. Лингвосемиотическая специфика англоязычного средневекового гастрономического дискурса. Вестник НГЛУ. Вып. 12. Язык и культура. Нижний Новгород, 2010.
- Гашимов Э.А. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода (на материале лексико-фразеологического поля «Продукты питания»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
- Головницкая Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
- Гулинов Д.Ю. Национальная специфика французской лингвокультурной сферы «Гастрономия» (переводческий аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

- Ермакова Л.Р. Глуттонические прагматонимы и национальный характер (на материале русской и английской лингвокультур): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010.
- Захаров С.В. Лингвосемиотика англосаксонской институциональной глуттонии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Земскова А.Ю. Лингвосемиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
- Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского государственного университета. № 4. Омск, 2011.
- Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Тема пищи в повседневной разговорной речи: характеристики еды сквозь призму актуальных противопоставлений // Московский лингвистический журнал. 2003. Том 6. № 2.
- Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 2.
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.
- Лукьянова С.В. Тема «питание» в диалектном дискурсе. URL: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wg6110/wgpgpu15/wgpgpu_15_13.pdf
- Максимова Т.В. Гастрономическая метафора в профессиональной сфере // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73.
- Миронова И.К. Концептосфера «еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
- Николаева З. Гастрономический дискурс в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Магистерская диссертация. Латвийский университет, филологический факультет. Отделение славистики. Рига, 2010.

- Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // Массовая культура на рубеже XX—XI веков: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003.
- Олянич А.В. Путешествие как потребность и потребление (Драматургия лингвосемиотического пространства глоттонических странствий) // Культурное пространство путешествий. Материалы международного форума. СПб., 2003.
- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007.
- Олянич А.В. Концепт «Пища» // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты: колл. монография / науч. ред. Т.С. Есенова. Элиста: Изд-во КГУ, 2009.
- Олянич А.В., Бараташвили Э.Э. Лингвокультура тюркоязычного гастрономического общения. Волгоград, 2012.
- Олянич А.В., Некрасова Т.Н. Лингвосемиотика глоттонии в автомобильном путешествии // Дискурс, социум, креативность: колл. монография. — Серия «Язык и дискурс». Вып. 4 / отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил, 2012.
- Олянич А.В. «Где зимуют раки»: лингвосемиотика, глоттонология и аксиология раков в различных типах текста и дискурса // *Urbi et Academiae*: граду и научному сообществу (архив гуманитарного знания). Научно-практический журнал. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.
- Олянич А.В., Реймер Ю.В. Лингвосемиотика вакхического дискурса: немецко-русские параллели. Волгоград, 2013.
- Пахомова И.В. Метафорическое представление концепта «еда / пища» в английской языковой картине мира новоанглийского периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
- Писанова Т.В. Глоттонический дискурс в жанровом пространстве постмодернистского романа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 6 (639). Языкознание. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Ч. II. М., 2012.
- Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: LITRES, 2013.
- Реймер Ю.В. Лингвосемиотика вакхической культуры в русском и немецком языках: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
- Симакова А.В. Особенности функционирования языковых реалий с семантикой 'пища' (на материале произведений Ч. Диккенса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011.

- Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.
- Соколова О.И. Использование прецедентных текстов в газетных заголовках // INTER-CULTUR@L-NET. Международный научно-практический (электронный) журнал Владимирского филиала Нижегородского гос. лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2005. Вып. 4. URL: http://www.vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v4_About.htm
- Сорокин Ю.А. Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989.
- Ундритцова М.В. Гастрономический дискурс: лингвокультурологические и переводческие аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. № 2. М., 2012.
- Файзуллина И.И. Номинация гастрономического дискурса: отражение в языковом сознании жителей полиэтничного города // Вестник НГЛУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. № 5(3).
- Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000.
- Филатова О.М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория // Вестник Удмуртского университета. Филол. науки. 2006. № 5 (2).
- Филиппова Е.В. Семантическая изотопия «еда» в художественном тексте (на материале малой прозы 60—80-х годов XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004.
- Франц Н. Русская кухня и национальная идентичность. URL: www.uni-potsdam.de/u/.../Russkaja%20kuchnja.pdf
- Филоненко С.О. Украинская и российская кулинарная эссеистика в контексте массовой культуры. URL: <http://recept.znate.ru/docs/index—4467.html>
- Чередникова Е.А., Евсюкова Т.В. Вербализованная категория вкуса как компонент гастрономического дискурса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 1.
- Чередникова Е.А. Концепт «Кухня — Kitchen / Cuisine» в гастрономическом Интернет-дискурсе // Известия высших учебных за-

- ведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 4.
- Allen G. *Intertextuality*. Routledge, 2000.
- Anderson E.N. *Everyone Eats: Understanding Food and Culture*. N.-Y., London: New York University Press, 2005.
- Anderson J.H. *Reading the Allegorical Intertext: Chaucer, Spenser, Shakespeare, Milton*. New York: Fordham University Press, 2008.
- Bazerman Ch. *Intertextuality: How Texts Rely on Other Texts*. URL: <http://education.ucsb.edu/bazerman/chapters/04c.intertextualitymeth.doc>
- Chandler D. *Semiotics for Beginners: Intertextuality*. URL: <http://users.aber.ac.uk/dgc/Documents/S4B/sem09.html>
- Civittello L. *Cuisine and Culture: a History of Food and People*. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2008.
- Dvorak M. *The Ethno-Semiotics of Food: A.M. Klein's 'Second Scroll' as Recipe for Multiculturalism // Mosaic*. Vol. 29. Issue 3. 1996.
- Encyclopedia of Foods: A Guide to Healthy Nutrition*. San Diego, California: Academic Press, 2002.
- Encyclopedia of Food and Culture / ed. by H.K. Solomon*. Vol. 1—3. N. Y.: Thompson, Gale, 2003.
- Griffig T. *Intertextualität in linguistischen Fachaufsätzen des Englischen und Deutschen (Intertextuality in English and German Linguistic Research Articles)*. Frankfurt a.M. et al.: Lang, 2006.
- Heinemann W. *Zur Eingrenzung des Intertextualitätsbegriffs aus text-linguistischer Sicht // Textbeziehungen: linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität*. Tübingen: Stauffenburg, Joseph Klein, Ulla Fix (hrsgs.), 1997.
- Hess-Luettich E. W.G. *Text, Intertext, Hypertext — zur Theorie der Hypertextualität // Textbeziehungen: linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität*. Tübingen: Stauffenburg, Joseph Klein, Ulla Fix (hrsgs.), 1997.
- Holthuis S. *Intertextualität // Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption*. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 1993.
- Kundu R. *Intertext: A Study Of The Dialogue Between Texts*. New Delhi: Sarup Book Publishers Pvt. Ltd, 2008.
- Kristeva J. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. N. Y.: Columbia University Press, 1980.

- Lemaster T. What is “Intertextuality”? In: Teaching The God of Small Things in Wisconsin. Great World Texts: A Program of the Center for the Humanities, University of Wisconsin-Madison, 2012.
- Meigs A. Food as a Cultural Construction // Food and Culture: A Reader / edited by C. Counihan, P. van Esterik. N. Y.: Routledge, 1997.
- Orr M. Intertextuality: Debates and Contexts. Polity, 2003.
- Rajewsky I.O. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality. URL: http://cri.histart.umontreal.ca/cri/fr/intermedialites/p6/pdfs/p6_rajewsky_text.pdf
- Sinclair Ch. Dictionary of Food: International Food and Cooking Terms from A to Z. Lnd.: A & C Black, 2005.
- Wilson C.A. Food and Drink in Britain: From the Stone Age to the Nineteenth Century. Chicago: Academy Chicago, 1991.

ГЛАВА 3. Интертекстуальность и фигуры интертекста в публицистическом дискурсе¹

Г.В. Бобровская

Рассмотрение одной из наиболее значимых в настоящее время сфер воздействующей публицистической речи в широком социокультурном контексте позволяет выявить высокий индекс обращения к ранее созданным текстам. Интертекстуальность, прочно занявшая место в числе важнейших свойственных публицистике текстовых категорий, один из наиболее частотных приемов экспрессивизации публицистических материалов, имеет глубокие предпосылки своей «популярности» в средствах массовой коммуникации. Интертекстуальные связи отражают синергетическое взаимодействие текста, человека и времени, обеспечивая взаимопроникновение текстов в культурно-историческом пространстве.

Проявление интертекстуальных связей происходит благодаря фигурам интертекста — способам элокутивной организации, механизмы которых заключаются в объективации интертекстуальных связей. В основе фигур интертекста, рассматриваемых как разновидности фигур выразительной речи, лежит прием использования фрагментов прецедентных текстов.

---

¹ Глава подготовлена в рамках проекта 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (грант РФНФ).

В современной российской публицистике, анализируемой на газетном материале, используются все типы фигур интертекстуальной речи:

- цитирование — воспроизведение с указанием на первоисточник: *Что ни фраза — восторг! Как сказал Пушкин о «Горе от ума»: «Половина войдет в половицы». Так и случилось* (АиФ, 2013, № 42);
- аппликация — вставка фрагмента прецедентного текста без указания на первоисточник: *Сейчас люди существуют без руля и без ветрил, а главная национальная идея — деньги* (АиФ, 2013, № 46);
- парафраз — перифразирование фрагмента прецедентного текста: *А уж кино и сериалы — как гений и злодейство — вещи совершенно несовместимые!* (АиФ, 2013, № 4);
- аллюзия — подчеркнуто фрагментарно выраженный намек на прецедентный текст: *А что Жерар? Как Воланд по театру «Варьете», он шагает по земному шару, заставляя мировых лидеров показывать свое истинное лицо* (МКВ, 2013, № 4).

Иначе говоря, в публицистическом дискурсе используются различные прагматически заданные способы ассоциативных отсылок к другим текстам: цитатное и аппликативное включение прецедентных высказываний в неизменном виде, использование в качестве «строительного элемента» публицистического сообщения структурных и семантических трансформаций фрагментов прецедентных текстов.

В настоящее время вектор научного поиска направлен в сторону коммуникативно-прагматического исследования категории интертекстуальности: приоритетными задачами являются не только составление типологии интертекстуальных отношений, но и выявление механизмов интертекстуальности, действующих в сфере массовой коммуникации. Появился целый ряд работ, в которых анализируются когнитивные и элокутивные аспекты манифестации интертекстуальности в массмедиальной сфере [Алешанова, 2000; Козицкая, 2001; Костыгина, 2003; Ускова, 2003; Черногрудова, 2003; Воронцова, 2004; Наумова, 2004; Семенец, 2004; Аникина, 2006; Романьоли, 2006; Качаев, 2007; Марченко, 2007; Нахимо-

ва, 2007; Чигирина, 2007; Чокою, 2007; Боярских, 2008; Романова, 2008; Фокина, 2008; Калеел, 2011].

Изучение функциональных аспектов интертекстуальности на материале современного российского публицистического дискурса представляет собой актуальную проблему, подходы к решению которой составляют предмет настоящего исследования. Достижение поставленной цели предполагает уточнение коммуникативно-прагматических аспектов включения фигур интертекстуальной речи в газетные тексты публицистической направленности.

В качестве предварительных замечаний поясним, что использование цитирования, аппликации, парафраза и аллюзии как фигур интертекста подчинено решению комплекса функциональных задач. Выделяя конкретные функции, мы учитывали кооперативный принцип действия фигур интертекста: выступая в качестве доминантной в той или иной коммуникативно-прагматической ситуации, определенная функция обязательно дополняется другими функциями, более или менее четко выраженными.

Дифференциации функций, выполняемых фигурами интертекста, в нашем исследовании способствует соотнесение прагматики фигур интертекста с различными дискурсивными ролями, отражающими приоритетные сферы функциональных реализаций данных элокутивных средств. В соответствии с этим можно обосновать различия функциональных задач тех или иных фигур интертекста в зависимости от роли, которую играет в СМИ интертекстуальность как категория, связанная с диалогическим проникновением текстов.

Предлагаемая классификация основывается на выделении аргументативно-риторической, семантической, эстетической, презентационно-коммуникативной и социокультурной роли интертекстуальности. В свою очередь, частные функции связаны с решением конкретных прагматических задач.

Соотношение дискурсивных ролей интертекстуальности и функциональной нагрузки фигур интертекста в публицистике представлено в табл. 1.

Таблица 1

Дискурсивная роль интертекстуальности	Функции фигур интертекста
Социокультурная	Аккумулятивная Трансляционная Этнохарактеризующая
Презентационно-коммуникативная	Имиджевая Идентифицирующая
Аргументативно-риторическая	Пояснительно-иллюстративная Полемическая
Эстетическая	Декоративная Экспрессивно-патетическая Креативная Игровая
Семантическая	Смыслогенерирующая Субъективно-модальная

Представленная классификация отражает сущностные свойства интертекстуальности и базовые характеристики прецедентных текстов — значимых для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющих сверхличностный характер и, наконец, таких, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности [Караулов, 2006]. В используемых авторами публицистических текстах фигурах интертекста эксплицируются личностные и социумные культурные предпочтения, ментальные стереотипы. Функциональная нагрузка фигур интертекста в публицистике заключается также в риторическом усилении речи и в повышении эстетического уровня текстов. Социально-ориентированное речевое воздействие публицистики обуславливает тот факт, что важными функциональными задачами,

решаемыми с помощью апелляции к прецедентным текстам, являются убеждение и выражение отношения к предмету публицистической речи. Кроме того, фигуры интертекста позволяют выражать релевантные элементы когнитивной базы текста, генерировать смыслообразующие импульсы.

Наиболее общей, внеязыковой ролью интертекстуальности является социокультурная, которая заключается в расширении культурного пространства текста, во «встраивании» текста в культуру. Именно исходя из данной интертекстуальной роли любая фигура интертекста в любых условиях своей текстовой реализации выполняет следующие функции: аккумулятивную (в прецедентных феноменах фиксируется коллективный опыт); трансляционную (интертекстуальность обеспечивает информационную преемственность); этнохарактеризующую (прецедентные феномены отражают особенности менталитета, социально-культурные предпочтения этноса).

Презентационно-коммуникативная роль интертекстуальности обусловлена способностью прецедентных текстов выступать в качестве опознавательных знаков, выдающих в говорящем представителя определенной культуры. В этом случае фигуры интертекста позволяют судить о речевом паспорте субъекта коммуникации, выполняя следующие функции:

— имиджевая функция: использование фигур интертекста свидетельствует об эрудиции, начитанности автора газетного материала: *Потом в отечестве воцарился такой всеобщий **сбивчивый цинизм**, как сказал бы Достоевский, что всем стало не до Шаца и не до телевидения* (НГ, 2013, № 1);

— идентифицирующая функция: знание прецедентного текста свидетельствует о том, что адресант и адресат речи находятся в единой системе ценностно-смысловых координат, обладают общими фоновыми знаниями: *Игры, в которые играют нации. Нации, которые играют в игры* (НГ, 2012, № 70).

При определении коммуникативно-прагматических механизмов интертекстуальности, действующих в публицистическом дискурсе, особенно важным представляется анализ аргументативных потенций прецедентных феноменов. Стереотипность речемыслительной

деятельности, рассматриваемая сквозь призму категории интертекстуальности, оказывается гносеологическим обоснованием использования «чужого слова» в качестве элемента аргументативной стратегии, что обуславливает выделение аргументативно-риторической роль интертекстуальности.

Исходя из того что в формировании убеждения задействованы как логические, так и психологические механизмы, и учитывая чрезвычайно обширный набор коммуникативно-прагматических ситуаций, в которых фигуры интертекста используются с целью убеждения, предпримем попытку выделить следующие аргументативно-риторически обусловленные частные функции фигур интертекста в публицистике:

— пояснительно-иллюстративная функция: фигуры интертекста используются в качестве пояснения каких-либо фактов: *Остан Бендер говорил: «Миллионера из меня не получилось, пришлось переквалифицироваться в управдомы». То же самое и у меня* (НГ, 2013, № 2);

— полемическая функция: фигуры интертекста используются для доказательства в споре, в качестве контраргумента при столкновении мнений: *Были, конечно, в СССР люди, имевшие огромные по тогдашним меркам доходы. Те же «цеховики». Но они же на людях ходили в рваных штанах! Как миллионер Корейко у Ильфа и Петрова. А чтоб выставлять богатства напоказ — такого не было* (АиФ, 2013, № 4).

Эстетическая роль интертекстуальности в массмедиальной сфере связана с выразительными возможностями фигур интертекста как средства публицистической либо рекламной орнаменталистики. При этом «продукт» творческой деятельности автора-журналиста должен быть понят и принят массовым адресатом. По эстетическому параметру выделяются следующие виды функций фигур интертекста:

— декоративная функция: фигуры интертекста способствуют украшению публицистической речи, «поэтизации» текста: *Там чудеса, фонтан огромный и башня Девичья стоит* (КПВ, 2013, № 43);

— экспрессивно-патетическая функция: использование фигур интертекста придает выразительность всему тексту, реминисценции подчеркивают экспрессию высказывания: ***Кто на нас с трубой пойдет? В Вильнюсе Азербайджан, Грузия, Литва, Польша и Украина подписали документ о строительстве транзитной магистрали для переброски каспийской нефти в Европу в обход РФ*** (АиФ, 2007, № 42);

— креативная функция, заключающаяся в «оживлении» прецедентного текста, в обновлении многократно воспроизводимого выражения, причем в видоизмененном облике используется растиражированное крылатое изречение: ***Весь мир — рынок. А люди в нем — покупатели. Будь Шекспир экономистом, так бы и сказал*** (КП, 2013, № 47);

— игровая функция, ориентированная на создание комического эффекта, каламбура: ***Концам света конец света не светит. «Нам бы апокалипсис взять и отменить»***, — предложили депутаты (КП, 2012, № 137).

Семантическая роль интертекстуальности предопределяется возможностью извлечения различных смыслов, семантического развития прецедентного текста в заимствующем тексте. В зависимости от уровня содержательно-смысловой структуры выделяются следующие функции фигур интертекста:

— смыслогенерирующая функция: фигуральная речь обогащает текст ассоциациями, смыслами, актуализирует фоновые знания: ***Хорошо, когда государство не рвет яблоки, как Адам и Ева в райском саду. Еще лучше — когда оно не рубит его, как Лопухин в «Вишневом саде»!*** (АиФ, 2010, № 25);

— субъективно-модальная функция: фигуры интертекста используются как средство выражения социальной оценки: ***Кто же его посадит? В деле о хищениях в Минобороны есть подвижки, но по-прежнему нет фамилии Сердюкова*** (АиФ, 2013, № 41).

С точки зрения эмотивно-оценочной окраски представляется возможным градация фигур интертекста от иронично-саркастических: ***Не может вся рота идти не в ногу, один прапорщик в ногу. Всякий интеллигент в очках-велосипеде должен***

об этом помнить. И зарубить на своем не самом славянском носу (НГ, 2010, № 3) — до патетических и трагических: В случае с телевидением (как и вообще на рынке) аргументы бессильны. **Рейтинги там правят бал, люди гибнут за металл** (МК, 2008, № 21); **Авария. Преступление. Наказание? За 2012 год на дорогах области погибло около 4000 человек** (АиФ — НП, 2012, № 51).

Фигуры интертекста, демонстрируя широкий спектр возможностей для передачи субъективно-модального отношения, служат выражению, как видно из приведенных примеров, преимущественно различного рода негативных оценочных коннотаций. Данное свойство интертекстуальности активно используется в изданиях оппозиционной направленности, где фигуры интертекста способствуют экспликациям иллюкутивного намерения: интенциональные предпосылки публицистического текстообразования в этих ситуациях сопряжены с несогласием (возмущением, негодованием и т.п.) автора по поводу тех или иных общественно значимых событий.

В соответствии с коммуникативными тактиками, свойственными газетной публицистике, представляется возможным выделение следующих характерных типов использования фигур интертекста:

— информирование (сообщить какие-либо сведения): **Лед — дело тонкое. Появление первого льда на водоемах области не замедлило дать знать о себе** (МКВ, 2009, № 1—2);

— комментирование (дать пояснение): **Трудности задачи, однако, не освобождают от необходимости искать решение. Одно из возможных решений подсказала сама жизнь. Как в известном фильме Гайдая — «Тот, кто нам мешает, тот нам и поможет»** (НГ, 2013, № 1);

— разъяснение (объяснить, сделать доходчивым): **На самом деле все серьезнее: нам показали, что любая девушка с улицы может прорваться в это царство кривых зеркал под названием телевизор** (МК, 2012, № 3);

— иллюстрирование (показать на примере, наглядно пояснить): **Помните, как в сказке про Золушку ее хрустальная карета в полночь превратилась в тыкву? Вот почти так же на прошлой неделе в тыкву превратилось российское фигурное катание — го-**

сударственное достояние, ценность которого умножалась десятилетиями и усилиями многих поколений спортсменов (НГ, 2007, № 6);

— аргументирование (доказать, обосновать): *Не нефтью единой приобретается статус сверхдержавы, а мозгами* (АиФ, 2006, № 50);

— оспаривание (выразить несогласие): *Биржа труда: Кто в бетонщики пойдет?* (МКВ, 2006, № 11);

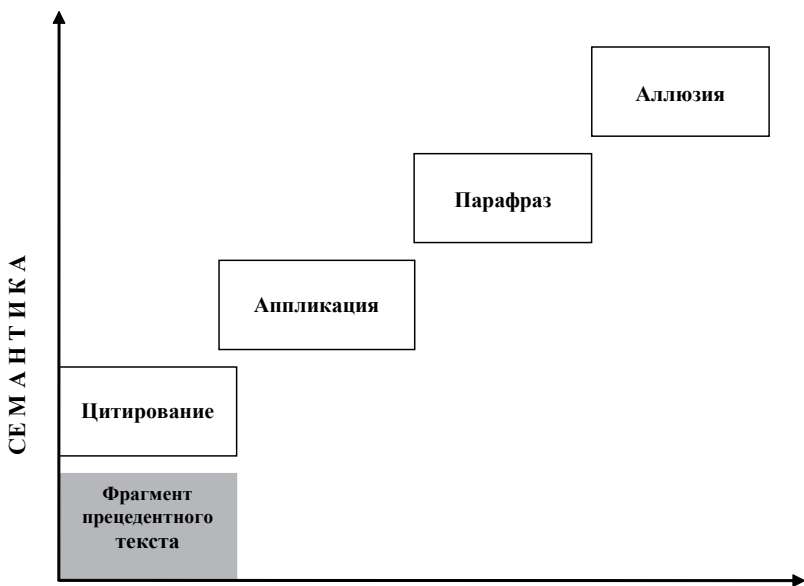
— критика (указать на недостатки): *И все-таки она падает? Стали известны сенсационные результаты проверки Останкинской башни на прочность* (МК, 2007, № 5).

Выделение первого типа носит в значительной степени условный характер, поскольку информирование является одной из главных публицистических коммуникативных целеустановок. Определение «информирование» свидетельствует, что в одних случаях межтекстовые связи помогают в сообщении новостной информации, тогда как в других случаях очевидна более сложная прагматическая структура. Неоднозначность трактовки фрагментов прецедентных текстов информирующего типа связывается еще и с указанным выше широким спектром эмотивных окрасок, передаваемых с помощью фигур интертекста. Это позволяет говорить о синкретизме тех или иных тактик, дополняемых тактической задачей оценивания.

Контекстуальная актуализация интертекстуальных связей потенциально допускает трансформацию смысловой структуры фрагментов прецедентных текстов, что нередко влечет за собой семантическое опустошение. Приемы использования прецедентных текстов предполагают как экстенциональные, так и интенциональные изменения [Гудков, 1999].

Степень структурной и семантической удаленности от опорного текста фигур интертекста различных типов отражена на схеме 1.

По степени смысловой связи с опорным текстом фигуры интертекста демонстрируют как смысловую преемственность, так и значительные смысловые трансформации. В первом случае отмечается сохранение содержательно-смыслового ядра текста-ассоциата. Во втором случае характерно переосмысление одного из содержательных аспектов текста-источника.

СТРУКТУРА

Схема 1

Анализ газетных публицистических текстов различной жанровой принадлежности свидетельствует, что по степени смысловой связи с опорным текстом использование фрагментов прецедентных текстов может принимать следующие формы:

1. Соответствие (дублирование) — сохраняется содержательно-смысловое ядро текста-ассоциата, отличие от текста-источника заключается в формальной синтагматической сочетаемости либо грамматической оформленности: *Почему слабеет наш великий и могучий* (КП, 2013, № 23).

2. Частичное совпадение — наследуется лексико-синтаксический каркас исходного высказывания, однако прослеживаются значительные смысловые трансформации. В этой группе выделяется два вида:

2.1. Дополнение — развивается основная мысль, заключенная в первоначальном высказывании: *Бонни и Клайд на Елисейских полях* (Сов. секр., 2009, № 1).

2.2. Уточнение — переосмысливается один из содержательных аспектов текста-источника: *Редкая птица явно полетит к середине Днепра!* (КП, 2009, № 131).

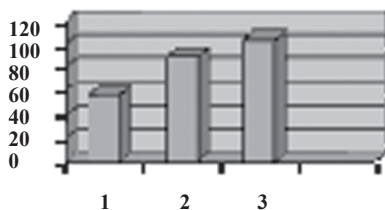
3. Контрастирование — наблюдаются существенные структурные и семантические отличия от текста-источника: *Яйца учат кошелек* (МК, 2006, № 50); *Дорога вода к паводку* (МК, 2006, № 50).

Проанализировав степень смысловой связи с опорным текстом фигур интертекста в 2493 примерах из авторской картотеки, мы можем констатировать, что ведущим способом приспособления фрагмента прецедентного текста к контексту публицистической речи является контрастирование. Соответствие представлено 562 примерами, частичное совпадение интертекстемы и заимствующего текста отмечено в 893 микроконтекстах, к смысловой связи заимствующего текста и текста-источника по типу контрастирования можно отнести 1038 примеров.

Указанные соотношения наглядно показано на диаграмме 1.

Диаграмма 1

Количество микроконтекстов

Условные обозначения:

1 — соответствие

2 — частичное совпадение

3 — контрастирование

Таким образом, переосмысление содержательных аспектов фрагмента прецедентного текста предопределяет варьирование компонентного состава прецедентного высказывания и наполнение актуальным коммуникативным смыслом.

Особая прагматическая заряженность, информационная плотность, текстоцентричность и афористичность фигур интертекста обуславливают их функционирование в элокутивно маркированных газетных микроконтекстах. Отличительной чертой данных частей газетного текста является концентрированное использование изобразительно-выразительных речевых средств, совместная встречаемость способов создания образной и фигуральной речи, в том числе и интертекстуальной речи.

Совместное использование образных средств языка и фигур речи может принимать различные формы, в связи с чем дифференцируем дивергенцию, конвергенцию и комбинирование элокутивных средств.

Дивергенция — совместная встречаемость изобразительно-выразительных речевых средств, выполняющих различные стилистические функции. Приведем пример дивергентного взаимодействия фигур интертекста, фигур однообразной и пространной речи, фигур уточнения: *Такое простое дело — вправду простое, если тебе не грозит (пока Сталина на нас нет) острог: не поддаваться тем и тому, кто и что норовит приучить тебя к положению бессознательной деревяшки, скота, раба. Такое простое...* (НГ, 2008, № 59) — использование исторической аллюзии, лексических и синтаксических повторов по типу эпифоры, плеоназма в экспрессивно-патетической и субъективно-модальной функциях, а также парантезы и умолчания в уточняющей и смыслогенерирующей функциях. Интересен также микроконтекст, в котором прослеживается дивергенция фигур интертекста, фигур контраста, однообразной и пространной речи, фигур уточнения и разъяснения, повышенной эмоциональности: *Противостояние, разрыв, распад... Но в прежние время люди жили хотя бы иллюзией, верой, идеализмом... Стоп! Ностальгирую, что ли? Ни в коем случае. Сам идеализм был недоброкачественным: коммунистическая идея фальшива насквозь. Просто ныне, снова скажу, в безгеройное, безыдейное время, когда молодежные движения создаются срочно*

и одноразово, «под выборы», под определенного лидера, становясь по выполнению своей функции ненужными, все не то чтобы хуже (что может быть хуже сталинщины?), но по-особому скверно (НГ, 2008, № 13) — использование плеоназмов, адьюнкции, морфемного и лексических повторов в смыслогенерирующей функции, антитезы в функции контрастной характеристики, а также употребление вопросно-ответного хода и синкретизм парантезы (вставки), исторической аллюзии и риторического вопроса в полемической, субъективно-модальной и экспрессивно-патетической функциях.

Конвергенция — сгущение, конденсация элокутивных средств, выполняющих общую стилистическую функцию. Так, фигуры интертекста и фигуры нарочито однообразной речи взаимодействуют по типу конвекции в следующем примере: *В старости я буду ругать новое поколение, говорить, что все они бездарны, неинтересны, что глупость, цинизм и мир потребления окончательно победили искусство и разумное, доброе, вечное* (МК, 2008, № 15) — отмечается использование лексического повтора, плеоназма и аппликации в полемической, субъективно-модальной и экспрессивно-патетической функциях.

Комбинирование как один из способов контекстуального взаимодействия представляет собой устойчивое сочетание изобразительно-выразительных речевых средств. В числе сочетаний, образованных по типу комбинирования с участием фигур интертекста, выделены следующие характерные типы:

комбинирование фигур интертекста и фигур нарочито двусмысленной речи (парафраз + созвучие): *Перекуем мячи на орало* (КП, 2007, № 144); *Этот стеб у нас ТВ-программой зовется* (МК, 2012, № 3);

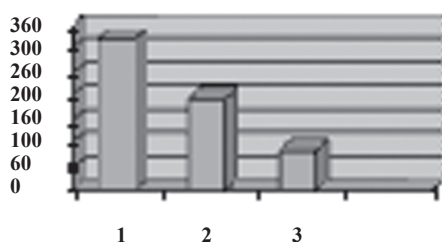
комбинирование метафор, фигур интертекста и однообразной речи (аллюзия и аппликация + антитеза + метафора + повтор): *Газеты должны печатать стихи. Потому что, если стихи настоящие, «услышанные», они всегда специальный репортаж из того места, где читателю не посчастливилось быть, а именно там и происходят самые интересные и жизненно важные события. Это место — внутренний мир современника, скрытый не только от всех остальных, но большей частью и от самого его властелина.*

Да, современника нетипичного, дай бог, незаурядного, но именно такого рода мутации человечество, если не деградирует, закрепляет как видовой наследственный признак. Поэтому Мандельштам говорил, что поэзия занимается сохранением вида. И, кстати, в развитие этой мысли он дал самое лаконичное и исчерпывающее определение **интеллекта**: **интеллигент** — это тот, кто читает **стихи**. Мы считаем наших читателей **интеллигентами** (НГ, 2007, № 21) — использование метафор, лексических повторов по типу подхвата и цитат в смыслогенерирующей и пояснительно-иллюстративной функциях.

Всего эмпирическая база исследования позволила выделить 600 газетных микроконтекстов, характеризующихся контекстуальным взаимодействием фигур интертекста и других элокутивных средств:

Диаграмма 2

Количество микроконтекстов

Условные обозначения:

- 1 — дивергенция
- 2 — конвергенция
- 3 — комбинирование

Диаграмма 2 показывает, что наиболее продуктивным способом контекстуального взаимодействия оказывается дивергенция, далее по степени частотности следуют конвергенция и комбинирование.

Контекстуальное взаимодействие фигур интертекста и элокутивных средств других типов имеет важное значение в

коммуникативно-прагматической структуре публицистического текста. В целом воздействующий эффект фигур речи нередко обусловлен их совмещением со средствами образной речи и разнообразными приемами фигуральной речи (фигурами нарочито однообразной, пространной, двусмысленной речи и проч.). Нагнетание элокутивных средств, особенно разнотипных в структурном и функциональном отношении, способствует элокутивной насыщенности публицистической речи.

Проведенное исследование показало, что использование объектно-репрезентативных и фактуально-апеллятивных свойств фигур интертекста является эффективным инструментом речевого воздействия в массмедиальной сфере.

Функциональная реализация фигур интертекста в публицистике характеризуется сопряженным принципом действия, обусловленным многообразием дискурсивных ролей интертекстуальности: социокультурной, презентационно-коммуникативной, аргументативно-риторической, эстетической, семантической. Обращение к прецедентным текстам служит риторическому усилению публицистической речи, позволяет придать дополнительную экспрессию, вовлечь автора и массового адресата в языковую игру, вести поиск новых форм обыгрывания языковых ресурсов.

Особую значимость в аспекте прагматики публицистического текста интертекстуальность приобрела в качестве способа выражения социальной оценочности. Интенциональные предпосылки текстообразования в СМИ предопределяют широкий диапазон коннотаций, выражаемых с помощью фигур интертекста. Используемые в публицистике прецедентные феномены, отражающие одобряемые или не одобряемые обществом стереотипные ситуации, являются маркерами оценочности, которая зачастую оказывается диффузной. Кроме того, межтекстовые связи помогают передать позитивные или негативные чувства, испытываемые автором-журналистом по отношению к предмету речи. Апелляция к тексту-источнику позволяет автору дать рациональную и эмоциональную оценку сообщаемому, вовлечь читателя в свои рассуждения. Обращение к категории интертекстуальности служит генерированию эмотивно-оценочных смыслов, обусловленных референтной основой публицистического текста.

Прием использования фрагментов прецедентных текстов оказывается востребованным при элокутивном воплощении целого ряда коммуникативных установок. Детализация интенциональных условий обращения к категории интертекстуальности в публицистике позволяет выделить следующие характерные коммуникативные тактики, реализуемые с помощью фигур интертекста: информирование, комментирование, разъяснение, иллюстрирование, аргументирование, критика.

Выявленные особенности когнитивно-элокутивной организации газетных материалов демонстрируют «интертекстуальную активность» современной российской публицистики как в плане продуцирования различных типов смысловой связи заимствующего и опорного текстов, так и в плане контекстуального взаимодействия с другими фигурами речи. Лингвокреативный потенциал приема использования фрагментов прецедентных текстов проявляется в том, что наиболее частотным способом приспособления фрагмента прецедентного текста к контексту публицистической речи оказывается контрастирование, а наиболее характерным типом контекстуального взаимодействия фигур интертекста с другими элокутивными средствами — дивергенция.

Использованные сокращения

АиФ — «Аргументы и факты»

АиФ — НП — «Аргументы и факты — Нижнее Поволжье»

Изв. — «Известия»

КП — «Комсомольская правда»

КПВ — «Комсомольская правда в Волгограде»

МК — «Московский комсомолец»

МКВ — «Московский комсомолец в Волгограде»

Сов. секр. — «Совершенно секретно»

Литература

Алещанова И.В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

- Аникина Э.М. Интертекстуальность в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы). Уфа: РИО БашГУ, 2006.
- Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ: 2004—2007 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2008.
- Воронцова Ю.А. Реминисценции в текстах современных средств массовой информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004.
- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности: монография. М.: Изд-во МГУ, 1999.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006.
- Калеел А.К. Трансформированные устойчивые выражения в публицистическом дискурсе: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011.
- Качаев Д.А. Социокультурный и интертекстуальный компоненты в газетных заголовках (на материале российской прессы 2000—2006 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2007.
- Козицкая Е.А. Цитатное слово в газетном заголовке и рекламном тексте. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001.
- Костыгина К.А. Интертекстуальность в прессе (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
- Наумова Е.О. Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
- Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007.
- Романьоли Р. Лингвокультурная специфика прецедентных единиц русского дискурса, мотивированных историческими событиями и лицами (на материале заголовков печатных СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Романова О.В. Адресованность и интертекстуальность газетного интервью как жанра журналистского дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
- Семенец О.П. Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50—90-хх гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
- Ускова Т.А. Вербализация интертекстуальности в текстах массовой коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

- Фокина О.В. Источники интертекстуальных включений в языке современных газет. М. — Ярославль, 2008.
- Черногрудова Е.П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике: на материале центральной, региональной и местной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
- Чигирина Т.Ю. Заголовки в советских и постсоветских газетах в аспекте интертекстуальности и лингвокультурологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007.
- Чокою А.-М. Роль эмоционально-экспрессивных средств в современном политическом газетном тексте (на материале метафоры и прецедентных языковых единиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

ГЛАВА 4. Интертекстуальность в рекламном дискурсе

З.К. Беданоква

Реклама в современном мире — неотъемлемая часть жизни человека, способная оказать мощнейшее воздействие на общественное и индивидуальное сознание. И, как полагает С.Г. Тер-Минасова, «реклама — особый регистр сферы деловой деятельности, ей позволено быть яркой, неординарной; в рекламе можно использовать любые способы: языковые, визуальные — лишь бы она выполнила свои функции, лишь бы она работала» [Тер-Минасова, 2008, с. 229]. Это обстоятельство ориентирует рекламу на отражение различных форм жизни общества, его норм, ценностей, взглядов, где «рекламист обязан включить создаваемый текст в культурно-семиотическое пространство» [Терских, 2003]. Следовательно, обращение к рекламе как пространству для реализации интертекстуальности обусловлено тем, что рекламный дискурс «апеллирует к ядерным элементам национально-культурного пространства и служит ярким показателем общей культуры и культурной памяти общества», а «культурно-языковая компетенция современных носителей русского литературного языка и русской культуры позволяет создателям рекламных текстов проводить и производить “прецедентные” операции различной интеллектуально-ментальной сложности и различной этико-психологической направленности» [Алексеева, 2009]. Безусловно, «феномен прецедентности имеет интертекстуальную природу... и концепция интертекстуальности естественным образом соотносится с проблематикой

прецедентности, ибо в обоих случаях речь идет о единицах, отсылающих к явлению, которое осознается как артефакт и принадлежит контексту, находящемуся за пределами данного текста» [Дымарский, 2004, с. 55]. Развитие теории прецедентности как одной из сторон интертекстуальности связано с выявлением национально-культурной специфики коммуникации, анализом элементов, составляющих общенациональную часть в сознании взаимодействующих субъектов» [Кушнерук, 2006]. Частным случаем интертекстуальных отношений некоторые исследователи называют прецедентные феномены, доказывая эту мысль следующим утверждением: «Если открытие и изучение интертекстуальных связей доступно по большей части специалистам-литературоведам или достаточно искушенным читателям, то прецедентные феномены “открыты” любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества, так как к ним относятся “узнаваемые” элементы прототекста в составе метатекста» [Чистова, 2009]. Более того, в некоторых работах [Алексеева, 2009] говорится о востребованности прецедентных феноменов в некоторых видах рекламы, так как их прагматический потенциал отражает специфику приемов речевого воздействия, основанных на обращении к социальным установкам и направленных на активизацию механизмов образной трансформации, служащих для привлечения и удержания внимания адресата. Обобщающий характер носит разъяснение, сформулированное В.П. Москвиным: «Интертекстуально обогащенная речь, вызывающая ощущение *deja lu*, обращена к текстам прошлого, а значит к истории, речевой диахронии. Следовательно, понимание такой речи... невозможно без обращения к прецедентным текстам, послужившим для нее источниками или моделями... обеспечивающими адекватное ее видение» [Москвин, 2011, с. 10]. Исследования проблемы прецедентности и теории интертекстуальности в рекламе основаны на выявлении и функционально-прагматическом, когнитивном анализе интертекстуальных связей, возможных при наличии интертекстуальной компетенции у реципиента, и свидетельствуют об актуальности рассматриваемой темы. Однако предполагается

описание такой лингвостилистической парадигмы, отражающей концепцию В.П. Москвина, суть которой состоит в «уточнении категориального аппарата теории интертекста», а затем «разграничении и детальном описании класса реализующих интертекстуальность фигур» [Москвин, 2011, с. 6].

Соотношение интертекста и рекламной коммуникации, выведенное в соответствии с концепцией В.П. Москвина, характеризует рекламу как один из видов коммуникации с актуализированными признаками. Итак, рекламная коммуникация — это, конечно, «процесс передачи и восприятия информации» [Москвин, 2011, с. 47], представленный векторным типом (б) — «передача информации как однонаправленный коммуникативный процесс». Модель рекламной коммуникации широко известна и включает адресанта, рекламное сообщение и адресата. По характеру кода реклама может быть как вербальной, так и невербальной, более того, соотношение этих двух видов может сосуществовать как в пределах одного рекламного сообщения, так и изолированно, что подтверждается креолизованными текстами и музыкальными реминисценциями, широко используемыми при создании радио- и телерекламы. Очевидно, что вербальная рекламная коммуникация может иметь как устную, так и письменную форму выражения, где «речь простая» или «лишенная фигур» гораздо реже встречается, чем «речь осложненная». Поскольку прагматическая направленность текста предполагает доминирование воздействующей функции, «интертекстуально осложненная речь» в рекламе, как правило, эффективней, чем простая, потому что изначально рассчитана на большое число адресатов, так как является публичной коммуникацией. Этот параметр требует применения таких текстов-доноров, которые широко известны и у которых «сила вербальных форм и аранжировок тем больше, чем меньше время и ментальные усилия реципиента, затраченные на их осмысление» [Г. Спенсер, цит. по: Москвин, 2011, с. 56]. Несомненно, рекламный уровень коммуникации отличается сложной структурой еще и потому, что практически не существует стилистических ограничений, ни формальных, ни временных, ни пространственных, следова-

тельно, рекламная коммуникация отражает межкультурную интертекстуальность. Исследования по рекламной коммуникации часто носят сопоставительный или сравнительный характер, где выявляются интегральные или дифференциальные признаки рекламных текстов различных языковых культур [Баркова, 1983, Илюшкина, 2008, Чистова, 2009, Лукшик, 2012 и др.], и это не случайно. Наблюдается устойчивая тенденция в использовании элементов латинской графики в рекламном тексте. В результате реклама приобретает межъязыковой характер. Этот процесс затрагивает прежде всего эргонимы и прагматонимы, т.е. названия мировых брендов и товарных знаков, ср. *Pepsi*, *Coca-Cola*, *Dior*, *Chanel* и мн. др. или часто интерпретируемые в рекламе цитаты, например из «Гамлета» В. Шекспира «To be or not to be» и песни группы Queen «Show must go». Прецедентные тексты реализуется в условиях «интертекстуальной компетенции», когда применяются «...тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников и современников» [Ю.Н. Караулов, цит. по: Москвин, 2011, с. 57], т.е. репрезентирующие внутрикультурную, а в современных условиях и межкультурную интертекстуальность в зависимости от культурной принадлежности коммуникантов. Таким образом, можно рассуждать о российской рекламе как лингвокультурном явлении, носящем черты открытой коммуникации, использующей различные языковые средства не для закрытия информации, а для привлечения внимания, что подтверждается многочисленными исследованиями прецедентного феномена в рекламном дискурсе. Канал связи или различные формы подачи рекламного сообщения характеризуются неконтролируемым, опосредованным общением коммуникантов, что серьезно усложняет контроль за эффективностью рекламного сообщения. Но самым серьезным образом рекламная коммуникация осуществима только при наличии макроцели, т.е. а) убедить; б) проинформировать; в) оценить, что предполагает определенный вид общения: убеждающую речь. Полагаем, что анализ рекламного дискурса

предопределен «актуальной задачей интертекстологии»: необходимостью а) разграничения и точного определения фигур интертекста, описания их разновидностей; б) выявления связанных с этими фигурами речевых жанров и стилей» [Москвин, 2011, с. 78]. Первая задача требует подробного и детального разбора, а вторая нуждается в уточнении: какой компонент рекламного текста будет способствовать созданию наиболее полной картины интертекстуальности в рекламной коммуникации. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, и «интертекстуально насыщенным элементом рекламного текста является слоган», — утверждает М.В. Терских, аргументируя это тем, что «основная функция слогана как квинтэссенции всего рекламного сообщения — привлечь внимание реципиентов и запомниться им. Отсюда — высокий процент цитации в этом компоненте рекламного текста» [Терских, 2003]. По словам Т.Н. Колокольцевой, слоган как ключевой компонент рекламного текста полифункционален, афористичен, образно и эмоционально заряжен, связан с товарным знаком и выражает рекламную идею [Колокольцева, 2010, с. 116], и как составная часть рекламного текста является «полигоном» для репрезентации фигур речи. Однако не все виды, жанры рекламы ограничивают вербальную часть текста слоганом (ср. креолизованная, наружная реклама), в теле- и радиорекламе и некоторых видах печатной рекламы основной текст как компонент рекламного текста интертекстуально обусловлен. И наряду со слоганом «имеет возможность диктовать определенные языковые стереотипы, штампы, которые затем используются в массовой языковой культуре; в рекламном тексте эти стереотипы выражаются при помощи системы особых средств» [Белуsoва, 2006]. Таким особым средством, безусловно, является прецедентный феномен. Его отличает большой воздействующий потенциал благодаря легко обнаруживаемым интертекстуальным связям, которые регенерируют ассоциативность и экспрессивность рекламного текста. С точки зрения интенциональных типов интертекстуальности, «запланированной и поддерживаемой», в рекламе наблюдается риторическая интертекстуальность, так как именно рекламный слоган характеризуется

хорошо обозначенной коммуникативной целью и мотивированностью: воздействовать таким образом, чтобы побудить человека к нужному рекламодателю выбору и поступку. Риторическая интертекстуальность в рекламе осуществляется при помощи фигур: а) цитирования; б) текстовой аппликации; в) травестирования; г) пародирования; д) творческого подражания известному автору. Структурные типы интертекстуальности в рекламе представлены как парциальными, так и миметическими моделями отношений, так как интертекстуальность определяется совокупностью обеих моделей.

Наблюдения позволили выявить **цитирование** в чистом виде как «дословное воспроизведение фрагмента текста, сопровождаемое ссылкой на источник»; оно встречается редко, но все же имеет место в рекламной коммуникации. Однако целевые установки при цитировании в социальной и коммерческой рекламе имеют очевидные различия. Например, в социальной пропагандистской рекламе, ср.: «Живи, думай, читай, действуй! Александр Зиновьев www.zinoviev.ru», предназначенной студентам и ученым МГУ, так как расположен баннер рядом с территорией университета в виде цитаты известного философа-диссидента, реализует блестяще «риторическую стратегию» и структурно отражает парциальный тип интертекстуальности. Поскольку а) находится в правильном для этой рекламы месте — рядом с университетом, условно «реципиентом», б) обозначено присутствие выдающегося философа, имевшего глубокий и неоднозначный взгляд на современное мироустройство и, главное, пользовавшегося большим авторитетом в университетской среде, значит «донор». Цитата философа может восприниматься двояко: и как призыв к буквальному выполнению действий, и как пропаганда свободомыслящей личности А. Зиновьева, о которой можно узнать на указанном сайте. Примером же коммерческой рекламы с цитированием возьмем креолизованную рекламу шампуня для волос: «Когда свет софитов гаснет, мои волосы не перестают блестеть» (Тина Канделаки, телеведущая). Оба текста отличаются одним из самых известных приемов рекламного воздействия: обращение к авторитетному мнению. Но однозначность коммерческого сообщения очевид-

на: купи этот шампунь и твои волосы также будут блестеть, как у меня: красивой и успешной, и все. Парциальный тип отношений «текст-донор — текст-реципиент» способствует выявлению различий между коммерческой и социальной рекламой. Коммерческая реклама имеет четко обозначенную, но завуалированную под цитату коммуникативную цель, для реализации которой, по-видимому, и придумана была цитата. В рекламе сайта А. Зиновьева обнаруживаем интертекстуальные связи, где рекламный текст является текстом-реципиентом, принявшим извлечение из философских трудов ученого, и сохраняет первоначальное значение, но «звучит по-новому, в силу того, что меняется референция» [Терских, 2003, с. 84]. В результате имеем оба типа цитирования — «добросовестное» и «манипулятивное» — тем не менее обе рекламы успешно реализуют регулярные функции прецедентных текстов: персуазивную (функцию авторитетности) и аттрактивную (функцию привлечения внимания), что и является самым важным в рекламном процессе. Нет сомнения, рекламная коммуникация изобилует манипулятивным типом цитирования, так как прагматическая макроцель определяет широкий диапазон средств. Для сравнения можно вспомнить серию видеороликов исторического характера для рекламы российских банков, где фигурировали полководец Александр Суворов, императрица Екатерина Великая, Чингисхан и другие исторические личности, которым приписывались некоторые выражения, вспомним: «...держу пост до первой звезды!» и т.д.

Текстовая аппликация в рекламной коммуникации, т.е. цитирование без ссылочной части, рассчитано на интертекстуально компетентных адресатов рекламного сообщения и представлено «фрагментом текста без указания на источник... ассоциативно живым, т.е. сопряженным хотя бы у части носителей языка с именем конкретных авторов и конкретными текстами» [Москвин, 2011, с. 91], называемый также коммеморатой, а «при условии длительной активной эксплуатации превращающийся в крылатые слова, афоризмы, сентенции». Фигурами интертекста, по мнению автора концепции, не являются устойчивые выражения и фразеологизмы, которые всегда рассматривались в составе прецедентных феноме-

нов, и это логично, так как в специальной литературе текстовая аппликация и цитирование не различаются. Дифференциация этих фигур обогащает и конкретизирует интертекстуальный анализ. Обилие в рекламе фигур, мотивированных различными текстами (в частности, художественными и библейскими), которое отмечается многими исследователями, способствует проявлению интертекстуальных связей путем: 1) «интеграции разнородных фрагментов в новое произведение» и 2) «создания из них оригинального целого» [Москвин, 2011, с. 91].

Коммемораты, или цитаты без указания на источник:

1. *Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить. Магазин «Богатырь»* — в слоган включена цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева. В результате интеграции двух частей (цитаты и эргонима) в одном слогане обнаруживаем порождение нового смысла. Для культурного реципиента этот слоган семантически и ассоциативно сложный, а в сочетании с магазином «Богатырь» наблюдается возникновение ассоциации со словами «измерить», «аршин» как единицей меры, что соотносится с одеждой больших размеров.

2. *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Контрацептивы; Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Вот и не стало человека...* (Антинаркотическая реклама). Неизменная цитата из стихотворения А. Блока обнаруживает характерную для рекламного текста синтаксическую конструкцию с именительным представлением и ассоциацию, которая в целом соответствует коммуникативной цели — побуждению к совершению действия в атмосфере таинственности, однако сохраняется ассоциация одиночества и уединенности, привнесенная прототекстом. Но во втором слогане с продолжением добавляется ощущение трагичности, что можно считать удачной реализацией коммуникативной цели рекламы. Цитаты из классических поэтических текстов, лучших образцов русской словесности, хорошо известны культурной части адресатов, однако часто обнаруживаемые ассоциации в слогане гораздо объемнее и многозначнее, чем это необходимо для рекламной коммуникации. Например, слоган *Коня на скаку остановит* — реклама тормозной жидкости, текст-донор — поэма Н.А. Некрасова «Мороз Красный нос». М. Терских описывает это явление в рекламной коммуникации как «семантическую трансформацию при

сохранении формы прецедентного высказывания», при которой осуществляется «замена прежнего референта на новый» [Терских, 2003, с. 84]. Аналогичный рекламный текст: *А любовь КАТЮША бережет* (реклама детского магазина). Широко известные библеизмы эксплуатируются рекламой часто и без ограничений, моральных и эстетических в том числе, используя минимальную семантическую составляющую этих цитат: *Вначале было слово... Книжный магазин «Книголюб»; Подумай о ближнем... Уникальный дезодорант для ног «Део-контроль»*. Регулярное обращение к библеизмам ассоциирует эти выражения с крылатыми словами.

Весьма интересно проявление интертекстуальных связей в рекламном тексте в манере аппликативного жанра **пастиш**, который считаем «жанром словесного или иного искусства, представляющим собою коллаж (мозаику, монтаж), эклектически составленным из кусков разных работ одного или ряда авторов» [Москвин, 2011, с. 93]. В рекламной коммуникации этот способ проявляется двупланово: а) в полном соответствии с прототекстами и б) с чертами аллюзивности, что усиливает игровой компонент текста и повышает эффективность рекламы или антирекламы (демотиватора). Большой резонанс вызвали в обществе рекламные ролики компании «Газпром» со слоганом *Газпром — национальное достояние*. В ответ появилась антиреклама с признаками пастиша, так как использовались известные цитаты, которые в языке уже имеют статус крылатых слов. Интересно, что такая форма рекламного текста, представленного циклом слоганов, объединенных общей идеей, стала встречаться не так давно и носит инновационный характер для рекламного стиля:

Газпром. Разделяй и Властвуй!

Газпром. Кто, если не мы.

Газпром. И целого мира мало.

Газпром. Газ есть. Альтернативы нет.

Газпром. Мечтать не вредно.

Этот, если так можно его назвать, рекламный пастиш, довольно откровенное произведение обличительного характера, служит

антирекламой самой крупной корпорации России благодаря целому комплексу интертекстуальных связей, состоящему из отсылок к имперскому принципу государственного устройства (максиме римского сената), строкам из молодежного гимна Селигера, названия кинофильма о Дж. Бонде. Заметим, что в Интернете появились и другие антирекламные тексты, по поводу таких крупных госкорпораций, как «Почта России», «Сбербанк», «Мегафон» и т.д. Признаками пастиша обладает еще один цикл слоганов, принадлежащий рекламной компании «Лео Барнет» и созданный для супермаркета «Леруа Мерлен». Цикл текстов рекламирует товары одного определенного направления — товары для ванных комнат, и делает это оригинально:

Полное собрание сочинений низких цен:
Необыкновенная легкость мытия (душевые кабины)
Господин из сан-фаянса (унитаз)
Дядя в ванне (ванна)
Очарованный краник (смесители)
Гордость и водоснабжение (шланги)
Слово о полке Игоря (аксессуары)

В рекламном тексте легко обнаруживаются интертекстуальные связи, основанные на миметическом деривационном типе интертекстуальности. Производящими текстами являются названия известных литературных произведений: «Необыкновенная легкость бытия» — роман Милана Кундеры, «Господин из Сан-Франциско» — рассказ И.А. Бунина, «Дядя Ваня» — пьеса А.П. Чехова, «Очарованный странник» — повесть Н.С. Лескова, «Гордость и предубеждение» — роман Джейн Остин, летопись «Слово о полку Игореве». Рекламный текст основывается на развернутой метафоре: товары — библиотека. Образ библиотеки вводит заглавный слоган, используя словосочетание, обозначающее издание всех текстов автора: *Полное собрание сочинений низких цен*. Сопоставляемым компонентом сравнения в заглавном слогане являются не товары, а цены на товар. Существительное «цена» принадлежит к классу абстрактных имен, и поэтому денотативно не наполнено, не имея, таким образом, ингерентной изобразительности. Алогичное

представление о ценах подменяется перечнем соответствующих товаров, представляемых отдельными слоганами, и именно товары ассоциируются с библиотекой. В итоге создается двойной смысл: весь ассортимент (*полное собрание*) для ваннных комнат собран в «Леруа Мерлен», и абсолютно все товары по цене самой низкой по сравнению с другими специализированными магазинами. Товары представлены развитием метафорической темы заголовка, но подобие достигается не за счет сходства означаемых (денотатов), а за счет сходства означающих. Несомненно, это случайное сходство слов (*мытия — бытия*), в результате образуются паронимические фигуры, каламбуры, назначение которых — создание комического эффекта.

Продолжение «представляет собой соединение текста одного автора с тематически развивающим его текстом другого автора» [там же, с. 107]. Реклама столь разнообразна в языковых, стилистических средствах, что интертекстуальность, возникающая таким способом как продолжение, всегда имеет воздействующий эффект, всегда вызывает ассоциации, связанные с пре-текстом, но нет уверенности, что достигается прагматическая цель в нужном рекламодателю объеме. Продолжение структурно отражает миметический тип и основано на соотношении «производящий текст (стиль) → производный текст (стиль)». Ср.: **Бог создал женщину. Мы делаем его творение совершенным.** Салон красоты «Ж'Адор»; **В начале было слово. Затем появилась 50%-я скидка на все исходящие и входящие слова.** МТС-библейзмы приносят в рекламу позитивные ассоциации, которые со временем приобретают обыденный нейтральный характер. **Пора — пора — порадовал тариф Мегафон, Звонить друзьям почаще есть у меня резон** — строки песни из кинофильма «Три мушкетера» порождают положительную ассоциацию с бесшабашной, беззаботной жизнью, полной приключений и дружеского общения. **Пусть всегда будет солнце, Пусть всегда будет небо, Пусть всегда будет «Лех»** (пиво «Лех») — строки из детской песни «Пусть всегда будет солнце» в рекламе пива можно расценивать как коммуникативную неудачу, так как продолжение употреблено вместо слов «Пусть всегда будет мама». **Мороз и солнце! День что надо! Давай кататься до упада И улыбаться небесам, летя навстречу**

чудесам! Зима прекрасна, в самом деле! Когда с тобою Имунеле! — знаменитое стихотворение А.С. Пушкина дает ассоциацию праздника, хорошего настроения, что способствует достижению коммуникативной цели. *Белеет... одинокий. Одиночество — обратная сторона лидерства. Конкуренты остались далеко позади. На рынке... Ни одна фирма не приблизилась к объему продаж... Сходные проблемы и у фирмы... Первое место с большим отрывом. Никого поблизости, грустно. Одно только радует: вот и встретились два одиночества.* В перечисленных рекламных текстах интертекстуальность достигается за счет различных видов текстовой аппликации: **коммемораты, пастиша и продолжения**, при помощи которых довольно устойчиво повторяется процесс «интеграции разнородных фрагментов в новое произведение» и «создания из них оригинального целого», что является дифференциальным для этого приема, однако часто ощущается формальный, семантически однозначный характер.

Текстовая (литературная) аллюзия как фигура интертекста в рекламе явление, востребованное в силу нескольких обстоятельств: безусловное отсутствие ссылки на автора, свернутая или однословная выдержка из пре-текста, риторическая обусловленность, — все это в совокупности способствует эффективности рекламного текста, его функциональности. Рекламный текст, сопровождавший анонсирование фильмов Т. Бекмамбетова «Ночной Дозор» и «Дневной Дозор», представлен стихотворным текстом:

Дневной дозор поспорил с Ночным,
Кто больше всех важен и больше любим.
Вампир ответил: «Не робей.
Мы спросим о том у обычных людей».
Вот вышли однажды под вечер вдвоем
Охотник Ночной с молодым колдуном.
...

Очевиден пре-текст «Сказка про короля и солдата» С.Я. Маршака, ср.:

Солдат заспорил с королем:
Кто старше, кто важней?
Король сказал:— Давай пойдем
И спросим у людей!
Вот вышли под вечер вдвоем
С парадного крыльца
Солдат под ручку с королем
Из летнего дворца.

Интертекстуальность рекламного трейлера (фрагменты фильма, сопровождаемые закадровым текстом) поддерживается идеей «поиска истины в споре», сначала в сказке С.Я. Маршака, затем в фильме. Стихотворный анонс ярко и лаконично, при помощи претекста передает одну из главных проблем фильма.

Парафраз, или «изменение лексического состава устойчивого выражения или текста» [Москвин, 2011, с. 118] — один из самых активно используемых приемов в рекламе. Объясняется это тем, что в производном тексте появляется неожиданный элемент, что «придает двойное звучание всему контексту» [Е.А. Земская, цит. по: Москвин, 2011, с. 118]. Рекламные парафразы отличаются деривационным типом миметической интертекстуальности. Вторичные тексты, сформированные по иррадиационному типу отношений, в рекламной коммуникации не нарушают ритмико-синтаксической структуры исходной фразы и имеют два типа замен:

а) **близкозвучным словом**: *Брать или не брать? Вот в чем вопрос! ПИТ или не ПИТ* — вот в чем вопрос (телереклама пива «ПИТ»). Аналогично можно трактовать вторичные тексты литературного парафраза фрагмента из стихотворения «Парус» М.Ю. Лермонтова: *БЕЛЛЕет ПАККАРД одинокий* (компьютеры ПАККАРД БЕЛЛ). Из спортивного, олимпийского дискурса (спортивный девиз «Быстрее, выше, сильнее!») по иррадиационному типу появились слоганы коммерческой рекламы:

Быстрее, послушнее, стильнее!
Быстрее... мощнее... надежнее...
Мы с тобой одной **кровли**. ООО «СтройСам».

б) равносложным словом: *Взгляни, попробуй, купи* — Пришел, увидел, победил! (Гай Юлий Цезарь); *Вкус, цвет и градус нашей эпохи* — цитата о компартии «Ум, честь и совесть нашей эпохи»; *Осенняя пора* — **ОКОН** очарованье — «Осенняя пора, очей очарованье...» — первые строки стихотворения А.С. Пушкина; *Была избушка лубяная, а стала* — *сайдинговая* — измененная цитата из русской народной сказки «Заюшкина избушка»; *Евро рубль бережет!* Автомобили Ford — крылатое выражение «Копейка рубль бережет». *Иммунитет приходит во время еды.* Йогурт-аппетит приходит во время еды. Как у «**Мальвы**» за пазухой. Маркароны «Мальва» — Как у Христа за пазухой. *Лучше «Волга» в руках, чем «Мерседес» в небесах.* Автомобиль Волга; *Лучше пиво в руке, чем девица вдалеке.* Пиво «Золотая бочка» — поговорка «Лучше синица в руках, чем журавль в небесах». *На Ибице не соскучишься!* *Чипсы до острова доведут.* Чипсы ESTRELLA — Язык до Киева доведет. *Нашел камень на «Колгейт».* Зубная паста «Colgate» — Нашла коса на камень. *Лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать!* MMS — *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.*

Подражание довольно активно используется в рекламной коммуникации в силу того, что это «творческая имитация наиболее удачных сторон конкретного авторского стиля или произведения» [Там же, с. 125]. Для рекламы — это имитация известных, любимых реципиентами текстов или стиля известного автора. Часто встречаются тексты в узнаваемой манере В.В. Маяковского:

Генераторы? Да!

Мотокосы? Да!

За рядом ряд

Станки и культиваторы рукастые стоят...

— подражание манере В.В. Маяковского и «Окнам РОСТА», причем последние можно рассматривать как один из важных источников прецедентных рекламных текстов:

Кто ходит в гости часто к нам!
Тот поступает мудро!
Здоровье ваше важно нам
и качество доступно!

— подражание манере Э. Успенского, автора песенки Винни-Пуха. В художественном творчестве, литературе имитируемый объект становится источником вдохновения, что исключает копирование. В рекламе копирование классических образцов исключено, потому что художественный мимесис выстраивается на «воспроизведении и интерпретации реальности в художественных образах», в рекламе же имеет место воспроизведение и интерпретация ирреальности в образах, способствующих реализации прагматической цели. Актуализации образов орудий труда и механизмов, образа Винни-Пуха способствует структурный миметический тип, при котором интертекстуальную окраску приобретают тексты, имитирующие авторский стиль.

В заключение необходимо указать на обобщения, которые выявились в ходе наблюдений и анализа:

— по концепции В.П. Москвина, интертекстуальность имеет четко обозначенные критерии: «установления многомерных связей с другими текстами» [Фатеева, цит. по: Москвин, 2011, с. 15], и «осмысление таких связей как некое стилистически значимого единства» [Москвин, 2011, с. 15]. Эти положения предполагают, на наш взгляд, выявление и описание стилистически обоснованной интертекстуальной парадигмы, характерной для различных типов речевой коммуникации, рекламной в том числе. Второе положение основано на том, что «интертекстуальные отношения существенно различаются в функциональном и структурном отношениях, они крайне разнородны по своей силе» [Там же, с. 16]. Выявление этих функциональных и структурных позиций способствует формированию лингвостилистической картины интертекстуально обусловленного рекламного текста;

— рекламная коммуникация, отличающаяся от всех видов речевой деятельности прагматической и коммуникативной направленностью, регулярно прибегает к использованию механизмов об-

разной трансформации, служащих для привлечения и удержания внимания адресата;

— в рекламе успешно реализуются **цитация, текстовая аллюзия, текстовая аппликация, аппликативные жанры: пастиш и продолжение, парафраз, подражание**, однако своеобразие рекламного текста основано на изменении референции: интертекстуальные связи не реализуются в полном объеме. В рекламе текст-реципиент, как правило, должен быть семантически однозначен, что изначально противоречит самой сути интертекстуальности, основанной на регулярной апелляции к пре-тексту.

Литература

- Алексеева М.С. Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2009.
- Белоусова Н.П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
- Дымарский М.Я. Прецедентность и художественность // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж: Изд-во Ворон. гос. ун-та, 2004.
- Илюшкина М.Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
- Колокольцева Т.Н. Слоган как ключевой компонент рекламного текста // Рекламный дискурс и рекламный текст: кол. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010.
- Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
- Лившиц Т.Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1999.
- Лукшик Л. Интертекстуальность в рекламном дискурсе (на материале рекламы ФРГ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

- Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
- Постнова Т.Е. Прецедентные тексты в печатной рекламе: автореф. дис. ... канд. культурол. наук. М., 2002.
- Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: учеб. пособие. М.: Слово / Slovo, 2008.
- Терских М.В. Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003.
- Чистова С.С. Сопоставительное исследование прецедентных феноменов в российской и американской рекламе бытовой техники и транспортных средств: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.

ГЛАВА 5. Интертекстуальность как инструмент лингвистического маркетинга (на материале переводов названий текстов массовой культуры)

Г.Г. Слышкин, Н.В. Бочарникова

Изменения в ценностной системе социума и принципах концептуализации действительности, произошедшие в конце XX — начале XXI столетия, не могли не отразиться на функционировании языка и интересах изучающей его науки. Придание рынку статуса базовой модели окружающего мира, превращение потребления в аксиологическую доминанту поведения человека и основную мотивацию его деятельности детерминировали выдвижение в фокус лингвистических исследований особой функции языка — функции маркетингового инструмента. Зарождается и интенсивно развивается лингвомаркетология — наука, рассматривающая язык «как участника товарно-денежных отношений, выступающего как в статусе самого товара, так и в статусе инструмента осуществления таких отношений» [Голев, Яковлева, 2010, с. 75]. Маркетинговая коммуникация является подвидом персуазивной коммуникации, которая в самом общем виде определяется как попытка воздействия адресанта на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения (побуждения к совершению или отказу от совершения определенных действий) [Голоднов, 2003]. В случае с маркетинговой коммуникацией побуждение направлено на осуществление абсолютно однотипных действий по приобретению товаров и услуг.

Для продвижения товара на рынке развлечений, где большинство продаваемых объектов имеет текстовую природу (книжные тексты, кинотексты, комиксы, компьютерные игры и т.п.), развивается целый ряд лингвистических маркетинговых стратегий. Нередко объектом маркетинговых манипуляций становится название — инициальная единица, занимающая наиболее сильную позицию в тексте и являющаяся центром притяжения потребительского внимания. Именно способность привлечь адресата (потенциального покупателя товара) является основным критерием при создании названия текста массовой культуры.

Еще одной реалией рынка становится доверие потребителя к знакомым брендам, стремление приобретать товары с четко прогнозируемыми характеристиками. Данная тенденция реализуется и на развлекательном рынке с его товарами-текстами. Поскольку массовая литература и массовый кинематограф выполняют функцию эскапизма — бегства от реальности с ее сложностью и непредсказуемостью в выдуманный мир беллетристики — потребитель желает, чтобы приобретаемый текст максимально соответствовал его ожиданиям. Неожиданное развитие сюжета или характера персонажа допускается в строго очерченных рамках. Ожидания же потребителя строятся на основании ранее освоенных (прочитанных или просмотренных) текстов. По словам А.В. Костиной, «для искусства массовой культуры уникальность и оригинальность не являются атрибутивными признаками. <...> Эстетика массового искусства выступает как эстетика серийных форм, опирающаяся на философию воспроизводства. Это способствует выделению типов подобных ритейку, римейку, серии, саге, интертекстуальному диалогу» [Костина, 2011, с. 243, 260—261].

Именно поэтому встроенность произведения в интертекстуальные связи становится одним из ведущих факторов в процессе принятия потребителем решения о покупке, а экспликация (или имитация) этих интертекстуальных связей в названии текста — значимой стратегией лингвистического маркетинга.

Значительная часть текстов поступает на отечественный рынок развлечений из англоязычных стран. В процессе перевода стремление к привлечению массового адресата-покупателя не только сохраняется, но и интенсифицируется, для чего совершаются

определенные манипуляции с текстом. Названия текстов массовой культуры подвергаются переводческим трансформациям, детерминированным не лингвистическими особенностями оригинала, а аксиологией рынка развлечений и стремлением повысить аттрактивность продукта для потребителя. Переводное название при этом может в значительной мере семантически отдаляться от оригинального. В ряде случаев оно полностью утрачивает отношения эквивалентности с оригиналом.

Основной интенсифицируемой в процессе перевода характеристикой текста-товара является его интертекстуальность. Включенность текста в интертекстуальные связи служит основой для создания у потенциального потребителя мотивации для совершения покупки путем придания товару определенных маркетинговых атрибутов. Этими атрибутами являются: 1) жанровая принадлежность; 2) серийная интегрированность; 3) экспрессивно-игровая ассоциированность с коммерчески успешным прецедентным текстом. Рассмотрим данные атрибуты подробнее.

Экспликация жанровой принадлежности

Жанровая принадлежность текста массовой культуры означает наличие у него интертекстуальных связей с обширной исторически сформировавшейся группой текстов различных авторов. Интертекстуальность проявляется в формульной унифицированности сюжета, набора основных функций (в проповедском смысле), осуществляемых персонажами, и (что особенно важно для развлекательного эскапизма) предсказуемости развязки. Таким образом, читателю гарантируется строго определенный спектр эмоций, которые он будет переживать при восприятии текста.

Популярность формульных произведений связана с тем, что они удовлетворяют потребность адресата в приобщении к определенному набору привлекательных и важных для человека ценностей, отвечающих гедонистической эстетике эскапизма. Потребность в любви реализуется в жанровом направлении мелодрамы / любовного романа; потребность в переживании страха и приобщении к тайне реализуется в жанре триллера и т.д. Поэтому для стимуляции покупательской активности маркетологам необходимо предьявить

потребителю набор вполне четких вербальных маркеров жанровой принадлежности товара-текста.

В процессе перевода основным способом идентификации жанровой принадлежности текста является привнесение в его название конвенциональных единиц, стереотипизированных для конкретного жанрового направления и эксплицитно вербализующих аксиологические запросы массового адресата.

Представим наиболее аттрактивные для русскоязычного сознания когнитивные единицы и их вербальные воплощения, обеспечивающие интертекстуальную связность текстов в рамках конкретных жанров массовой культуры:

1. Жанр мелодрамы

— Концепт «любовь». Для жанра мелодрамы максимально яркими системообразующими признаками обладает лексема *любовь* и ее дериваты, что демонстрируют следующие примеры переводов названий произведений¹: *The Gazebo* → *Беседка любви*; *Return to Oak Valley* → *Любовь возвращается*; *Two weeks notice* → *Любовь с уведомлением*; *Going the Distance* → *На расстоянии любви*; *Failure to Launch* → *Любовь и прочие неприятности*; *The Pagan Stone* → *Талисман моей любви*; *Reason to Breathe* → *Жить, чтобы любить*; *On Dublin Street* → *На улице нашей любви*; *Labor Day* → *Шесть дней любви*.

— Концепты «соблазн» и «страсть»: *Jemima's Secret* → *Соблазнительная цветочница*; *Wizard's Daughter* → *Магия страсти*; *Lake of Shadows* → *Страсти на озере теней*; *The Third Heiress* → *Наследница страсти*; *To Pleasure A Duke* → *Грешные мечты*.

Для формирования тех же ценностных установок привлекаются такие лексические единицы группы «метафорический образ огня», как *сияние, свет, костер, огонь, пожар, пылкий*. Приведем примеры: *A rogue's Embrace* → *В твоих пылких объятиях*; *Best friend... Future wife* → *Костер любви*; *The Saranto's Secret Baby* → *Его пламенное сердце*.

---

¹ Здесь и далее все примеры приводятся по схеме: «оригинальное название текста → название в переводе».

Лексема *ночь* и ее дериваты, также призванная активизировать ассоциации с сексуальными мотивами, тоже находит свое применение в коммерчески ориентированном переводе: *The Sheikh's Wayward Wife* → *Арабские ночи*; *Red-Hot and Royal* → *Поцелуй в полночь*; *The Cake Eaters* → *Сладкая полночь*; *His Thirty-Day Fiancee* → *Тридцать дней, тридцать ночей*.

— Концепты «тайна» и «волшебство» репрезентируются единицами, входящими в тематические группы «тайна» и «элементы сказочного повествования». Приведем примеры: *Blue Moon Rider* → *Чарующая луна*; *The Third Wish* → *Настоящее волшебство*; *Waltz in Time* → *Волшебный вальс*; *Her officer and Gentleman* → *Загадочный джентльмен*; *The Governess Wears Scarlet* → *Незнакомка под вуалью*; *The Mulbrey Tree* → *Тайна в наследство*; *The Millionaire's Marriage Revenge* → *Любовь с привкусом тайны*; *The Tenant of Wildfell Hall* → *Незнакомка из Уайлделфелл-Холла*.

Другими концептами, актуальными для жанровой идентификации мелодрамы, являются «счастье», «красота», «сладость», «мечта», «цветы», «музыка и танец», «нежность», «мужская власть», «надежда», «рай». Приведем несколько примеров привнесения апелляций к данным концептам в переводы названий текстов массовой культуры: *Doctor's orders* → *Счастье по рецепту*; *The Deception* → *Прелестная лгунья*; *Brazen virtue* → *Сладкие обещания*; *A Parade of Peacocks* → *Розовая мечта*; *Billionaire's Proposition* → *Цветочный переполох*; *The Rancher's Runaway Princess* → *Вальс под звездами*; *The Barbarian* → *Мой нежный варвар*.

2. Жанры фэнтези и фантастики

— Концепт «волшебство» актуализируется путем привнесения в перевод лексемы *волшебство*, ее дериватов, а также ряда других лексем, формирующих тематическую группу «магия и волшебство» (*магия, чудесный, колдовство, чары, предсказание, заклятие, сказка, фея, эльфы, ведьма, колдун, демон, русалка, духи, призраки, дракон, джинн*). Приведем примеры: *The Bracelet of Bordeaux* → *Волшебный браслет*; *Tommy and the Cool Mule* → *Томми и волшеб-*

ный мул; *The Box of Delights* → *Волшебная шкатулка*; *Chloe's Closet* → *Волшебство Хлоу*.

В рамкой данной группы особой популярностью пользуется оним *Санта Клаус*, активно привносимый переводчиками в названия текстов-товаров: *The Christmas Secret* → *Подем к Санта Клаусу*; *Arthur Christmas* → *Секретная служба Санта-Клауса*; *Fred Claus* → *Фред Клаус — брат Санты*.

— Концепт «внеземное существование» актуализируется путем привнесения в название лексем, номинирующих космические феномены, космические путешествия, инопланетных существ: *космос, звезда, планета, миры, вселенная, галактика, пришельцы, чужой*. Приведем примеры: *Crimson Force* → *Звездный отряд: Война на Марсе*; *Glow* — *Звездная миссия. Похищение*; *Elysium* → *Элизиум: Рай не на Земле*; *The Man Who Fell* → *Рыцарь безымянной планеты*; *Stranded* → *В плену космоса*; *Roswell* → *Город пришельцев*.

— Концепт «тьма» актуализируется путем привнесения в перевод лексем *темный, ночь, тень, черный*. Примеры: *Legend of the Guardians: The Owls of Ga'Hoole* → *Легенды ночных стражей*; *The legacy* → *Темное наследие*; *Fragile Eternity* → *Темное предсказание*.

3. Жанры боевика и криминальной истории

Для перевода названий текстов, созданных в данных жанрах, характерно включение единиц, семантически связанных с применением физической силы, сражениями с врагами, жестокостью, местью, боевыми действиями, преступлениями, а также с героизмом и защитой. Представим концепты, реализуемые при переводе для аттракции потребителя.

— Концепт «криминал / преступление»: *Back by Midnight* → *Назад за решетку*; *Fun with Dick and Jane* → *Аферисты: Дик и Джейн развлекаются*; *Town* → *Город воров*; *Herbie Goes to Monte Carlo* → *Ограбление в Монте-Карло*; *The Husband* → *Подозреваемый*; *High Heels and Low Lives* → *Ограбление по-английски*; *Matchstick Men* → *Великоленная афера*; *The Other Guys* → *Копы в глубоком запасе*.

После выхода на экраны российских кинотекстов криминальной тематики привлекательными для переводчиков стали коннотативно окрашенные единицы *братва* и *бригада*. Примеры: *Shark tale* → *Подводная братва*; *Over the hedge* → *Лесная братва*; *Alpha and Omega* → *Альфа и Омега: клыкастая братва*; *Sea food* → *Морская бригада*.

— Концепт «битва» реализуется при помощи лексики тематической группы «героизм / битва / сражение» (*герой, воин, битва, победа, доспехи, спасение*). Примеры: *Hellboy* → *Хеллбой: Герой из некла*; *Old Man's War* → *Обреченные на победу*; *Last Kung Fu Monk* → *Последний боец Шаолиня*; *The Controller* → *Виртуальные бойцы*; *The Librarians* → *Боевая бригада*; *Henry V* → *Генрих V: Битва при Азенкуре*; *Mad Max 2* → *Безумный Макс 2: Воин дороги*; *Hanna* → *Ханна. Совершенное оружие*.

— Концепт «скорость / преследование»: *Did you hear about the Morgans?* → *Супруги Морган в бегах*; *Baby's day out* → *Младенец на прогулке, или Ползком от гангстеров*; *Abduction* → *Погоня*; *The Next three days* → *Три дня на побег*; *Brother Bear 2* → *Братец медвежонок: Лоси в бегах*; *Toy story 3* → *История игрушек: Большой побег*; *The Winter of Frankie Machine* → *Зимняя гонка Фрэнки Машины*.

— Концепт «сверхспособности». Важным аттрактором являются единицы, сообщающие о значительных физических способностях персонажа, такие, как лексемы *крутой, мачо* и префикс *супер-*. Проиллюстрируем их употребление: *Jimmy Bench-Press* → *Крутые парни*; *Hidden Riches* → *Крутой парень*; *Blondes Have More Guns* → *У блондинок пушки круче*; *Simon Sez* → *Суперагент Саймон*; *Blubberella* → *Блюберелла: Супервумен*; *Phantom* → *Призрак. Супергерой*; *Special* → *Особый парень. Тупой супергерой*; *Gun Shy* → *Супершпион*.

4. Жанры триллера и детектива

— Концепт «смерть». Наряду с лексемой *смерть* и ее дериватами для актуализации данного концепта используются единицы *убийство, убийца, киллер, кровь, Апокалипсис, Судный день, конец света, последний, утопленник, труп, жертва, палач, казнь, мо-*

гильщик, уснуть навеки и заставить замолчать. Приведем примеры: *Tatara* → Несущая смерть; *The Hitchhiker* → Попутчик: Дорога смерти; *Text* → Послание смерти; *Marker* → Метка смерти; *Footsteps* → Шаги смерти; *Dispatch* → Письма, несущие смерть; *Too close to Home* → Смерть у порога; *Picture Claire* → Убийство в чужом городе; *The Face* → Портрет убийцы; *Seconds Apart* → Близнецы-убийцы!; *Cherry Falls* → Убийства в Черри-Фолс; *Seventy Five* → Убить за 75 секунд; *Choose* → Выбор киллера; *The man who came back* → Расплата кровью; *Hot Springs* → Жарким кровавым летом; *Countdown: Jerusalem* → Ангелы Апокалипсиса; *Prime Time* → Последнее интервью; *Bethlehem road* → Казнь на Вестминстерском мосту.

— Концепт «тайна» реализуется путем привнесения лексем *тайна, загадка, код*. Примеры: *Nightwatching* → Тайны «Ночного дозора»; *Extraordinary People* → Опасная тайна зала Фресок; *So near and yet...* → Загадка Кондор-Хаус; *Beneath the Bleeding* → Тайные раны.

После выхода в свет книги Д. Брауна «Код да Винчи» популярность на рынке развлечений приобретает трансформирование названий по схеме «нарицательное существительное + прецедентное имя исторической личности»: *The Gilded Seal* → Знак Наполеона; *Final Theory* → Последняя теория Эйнштейна; *The 52* → 52, или Предсказание Нострадамуса; *Dissolution* → Горбун лорда Кромвелля; *Object of Virtue* → Призрак Фаберже; *Hidden Riches* → Сокровище Айседоры; *A Gardger's Curse* → Мозаика Бернса.

Внимание адресата обеспечивается обращением к тематическим группам «древние цивилизации и религиозные группы средневековья», а также «сокровища» (лексеммы *сокровища, перстень, чаша, карта*): *Gene* → Троянский конь; *Decipher* → Код Атлантиды; *Excavation* → Пирамида; *Colour Scheme* → Заклятие древних маори; *Fivefold* → Код каббалы; *The Jackal's Head* → Тайна Нефертити.

— Концепт «ад / дьявол». Страх перед дьявольскими силами, ужасами ада и Апокалипсисом реализуют единицы *дьявол, демон, Люцифер, ад, преисподняя*. Например, *The Toybox* → Адские игрушки; *Bundy: An American Icon* → Адское наследие; *Lighthouse* → Демон ночи; *Five Girls* → Схватка с демонами; *Cold Creek Manor* →

Дьявольский особняк; *Dorian* → Дориан Грей. Дьявольский портрет; *Paranormal Activity: The Marked Ones* → Паранормальное явление: Метка Дьявола.

— Концепт «потусторонние силы». Традиционно жанр ужасов связан с наименованиями мистических существ (приведения, вампиры, зомби, оборотни, монстры, чудовища): *Watch for Me by Moonlight* → Роман с призраком; *Midnight Kiss* → Полночный поцелуй: История вампира; *The Uninvited* → Похищенная призраками; *Road Train* → Грузовик-призрак.

— Концепт «тьма». Тематическую группу «тьма» составляют такие единицы, как *ночь, черный, тьма, темнота*. Приведем примеры: *The Physician's Tale* → Дневник черной смерти; *Emmett's Mark* → Черная метка; *Gaveston* → Шепот в темноте; *Orphan* → Дитя Тьмы; *The Last* → Артефакт тьмы; *Sugar Creek* → Всадник тьмы; *The Woods* → Темный лес; *Evil Dead* → Злоещие мертвецы: Черная книга; *Dhampir* → Дампир. Дитя ночи; *Tracer* → Ночная охота; *Legend of the Bog* → Черная топь.

— Концепт «игра»: *Circus* → Чужая игра; *Before the Devil knows you are Dead* → Игры дьявола; *The Traitor's hand* → Игра предателя.

— Концепт «рок / проклятие»: *The Amber room* → Проклятие Янтарной комнаты; *F* → Проклятая школа; *The Possession* → Шкатулка проклятия; *Portrait of an Unknown Woman* → Роковой портрет; *Call me* → Роковой звонок; *The Box* → Роковая находка; *The Fingerprint* → Роковой отпечаток; *The Number 23* → Роковое число 23.

— Концепт «охота» актуализируется путем привнесения в перевод единиц тематической группы «охота»: *плен, ловушка, клетка, паутина, омут, на крючке*. Приведем примеры: *Hot Ice* → Охота на людей; *So Yesterday* → Городской охотник; *Suspect Zero* → Охотник на убийцу; *Snow Beast* → Охота на снежного человека; *The Hessen Affair* → Охотники за сокровищами; *Eagle Eye* → На крючке; *Divided in death* → Западня для Евы; *Cold Comfort* → Холодная ловушка; *Perfect strangers* → Тихий омут.

— Концепт «страх» (лексемы *страх, ужас, кошмар, злоещий, жуткий, тревожный, экстремальный* и др.): *The Executioners* → Мыс страха; *Man-Thing* → Леший: природа страха; *Rosewood*

Lane → Бульвар страха; *Lake Placid* → Лейк Плесид: Озеро страха; *Night School* → Глаза ужаса; *Komodo* → Комодо — остров ужаса; *Boogeyman* → Бугимэн: царство ночных кошмаров; *Sins of the fathers* → Зловещее убийство

— Концепт «опасность»: *The Search* → Опасный след; *Extraordinary People* → Опасная тайна зала Фресок; *Seance* → Опасный сеанс; *Plain Brown Envelope* → Опасная работа.

— Концепт «месть» (лексемы *месть, возмездие, расплата*): *Deviant Ways* → Жажда мести; *Straightheads* → Желание мести; *Pumpkinhead* → Адская месть; *Fink!* → День расплаты; *Out in Fifty* → Закон мести; *Out For Blood* → Кровожадный мститель; *Ms. 45* → Ангел мщения.

— Концепт «ангел»: *Glory Glory* → Ангелы в доспехах; *The Closer* → Ангел-истребитель; *Countdown: Jerusalem* → Ангелы Апокалипсиса; *Loser's Town* → Город падших ангелов; *Acid Rain* → Армагеддон: ангел мести; *Judgment in death* → Ангел мщения; *The Honourable Maverick* → Темный ангел надежды.

Идентификация серийной интегрированности

Серийная интегрированность текста массовой культуры означает наличие у него интертекстуальных связей с определенным количеством появившихся на рынке ранее текстов. Интертекстуальность заключается в общности воображаемого мира, в котором разворачивается действие, в наличии сюжетных связей и в общности персонажей.

Как показывают результаты анализа кассовых сборов, тексты-продолжения обычно являются коммерчески более успешными, чем произведения-источники. Это объясняется тем, что для потребителя встреча с уже знакомым и близким материалом является гарантией качества продукции и повторения положительного эмоционального опыта при минимальном информационном сопротивлении, которое возникает при встрече с неизвестным явлением: «История с продолжением <...> обещает реципиентам своего рода фикциональную гармонию, способную противостоять нестабильности внехудожественного мира. <...>. Продолжение серии вымышленных приключений, всегда завершающихся примерно одинаково,

необходимо современной массовой аудитории для подсознательно-го поддержания уверенности в нормальном продолжении течения реальной жизни. Привыкание к персонажам и ситуациям повышает ценность узнавания и демонстрации идентичности фикционального универсума, способного поддерживать уверенность в действительности» [Козлов, 2008, с. 145—146].

Эффективным способом идентификации серийной интегрированности и обеспечения ассоциативной связи с предшествующим положительным опытом является **привнесение в перевод полно-го или редуцированного названия инициального произведения серии**. Переводческие трансформации, создаваемые посредством интродукции незаявленного в исходном варианте элемента, иллюстрируют следующие примеры:

— первый текст серии: *Desperado* → *Отчаянный*; второй текст серии: *Once upon a Time in Mexico* → *Однажды в Мексике: Отчаянный 2*;

— первый текст серии: *The Evil Dead* → *Зловещие мертвецы*; третий текст серии: *Army of Darkness* → *Зловещие мертвецы 3: Армия тьмы*.

В оригинале отсутствуют элементы *Отчаянный 2*, *Зловещие мертвецы 3*, их привнесение в перевод мотивируется стремлением повысить уровень продаж текста-товара.

Обратимся к переводам названий популярных книг в жанре фэнтези Терри Гудкайнда, входящих в серию *Меч истины* (*Sword of truth*). Успех первой книги *Wizard's First Rule* → *Первое правило волшебника*, название которой было переведено на русский язык в соответствии с требованием адекватности, определил позиционирование на российском рынке последующих книг автора. Во всех названиях продолжений обязательным является сохранение словосочетания *правило волшебника* и наличие порядкового числительного, соответствующего номеру выпуска, хотя сам автор при наименовании очередных произведений отходит от названия первой книги. Приведем список названий книг цикла в оригинале и переводе:

- 1) *Wizard's First Rule* → *Первое правило волшебника*;
- 2) *Stone of Tears* → *Второе правило волшебника, или Камень слез*;

3) *Blood of the Fold* → Третье правило волшебника, или Защитники Паствы;

4) *Temple of the Winds* → Четвертое правило волшебника, или Храм Ветров;

5) *Soul of the Fire* → Пятое правило волшебника, или Дух Огня;

6) *Faith of the Fallen* → Шестое правило волшебника, или Вера Падших;

7) *The Pillars of Creation* → Седьмое правило волшебника, или Столпы Творения;

8) *Naked Empire* → Восьмое правило волшебника, или Голая империя;

9) *Chainfire* → Девятое правило волшебника, или Огненная Цепь;

10) *Phantom* → Десятое правило волшебника, или Фантом;

11) *Confessor* → Последнее правило волшебника, или Исповедница.

Правило волшебника стало серийным маркером, призванным обеспечить узнаваемость продукта на рынке и его аттрактивность для потребителя.

Переводческие решения, направленные на создание маркера серийности, реализуются при переводе названий произведений Глена Кука. Рассмотрим первые три произведения серии *Империя ужаса* (*Dread Empire*):

1) *A Shadow of All Night Falling* → Тьма всех ночей;

2) *All Darkness Met* → Наступление тьмы;

3) *October's Baby* → Дитя Тьмы.

Наличие названий двух первых текстов серии лексемы *тьма* объясняет замену в третьем названии. Эквивалентом лексемы *October* является лексема *октябрь*, таким образом, название должно было звучать как *Дитя октября*, однако мы наблюдаем субституцию на более коммерчески аттрактивную единицу, обеспечивающую непосредственную когерентность с ранее вышедшей и знакомой покупателям продукцией.

Желание продемонстрировать связь с уже выпущенной продукцией того же автора проявляется при переводе названий книг серии *Evernight* → *Вечная ночь* автора Клаудии Грей:

1) *Stargazer* → Звездная ночь 2009;

2) *Hourglass* → *Холодная ночь 2010*;

3) *Afterlife* → *Призрачная ночь 2011*.

Перевод названия третьего текста серии является абсолютной вольностью переводчика, направленной на повышение рыночной привлекательности текста.

Одним из характерных признаков серийно организованной продукции является наличие центрального персонажа, которого адресат начинает воспринимать как своего старого знакомого [Черняк, 2005, с. 220]. «Персонаж выступает в качестве связующего звена в цепи серийных или циклических текстов. Это находит подтверждение на поверхностном уровне в том, что имя главного героя часто оказывается названием серии» [Козлов, 2008, с. 151]. При трансляции англоязычных текстов массовой культуры на российский рынок переводчик-маркетолог эфемизирует серийную принадлежность текста путем **привнесения в перевод названия имени центрального персонажа**. Данный прием отражается в следующих примерах: *The Bloodstained God* → *Конан: Окровавленный Бог*; *Death Race 2* → *Смертельная гонка: Франкентейн жив*; *SubZero* → *Бэтмэн и мистер Фриз*; *Return to the Hundred Acre Wood* → *Новые истории про Винни-Пуха. Возвращение в Зачарованный лес*; *Confessions of an Ugly Stepsister* → *Золушка: Версия старшей сестры*; *Return to Never Land* → *Путер Пэн в Нетландии*; *Demons* → *Последний Ван Хельсинг*.

Очень часто этот прием реализуется в многочисленных произведениях, объединенных прецедентной фигурой Шерлока Холмса. Если в названиях оригинальных текстов имя центрального персонажа часто отсутствует, то в название переводимого текста оно обязательно привносится: *Murder by Decree* → *Шерлок Холмс: Убийство по приказу*; *The House of Silk* → *Дом шелка. Новые приключения Шерлока Холмса*; *A slight trick of the mind* → *Пчелы мистера Холмса*; *The Case of the Whitechapel Vampire* → *Шерлок Холмс и доктор Ватсон: Дело о вампире из Уайтчэпела*; *Against the Brotherhood* → *Приключения Майкрофта Холмса*.

Обратимся к названиям произведений Дженни Ниммо, автора фэнтезийных произведений для детей. Серия *The Children of the Red King* включает следующие названия:

- 1) *Midnight for Charlie Bone* → *Чарли Бон* (другой вариант перевода *Чарли Бон. Скелеты в шкафу*);
- 2) *The Time Twister* → *Чарли Бон. Призраки из прошлого*;
- 3) *The Castle of Mirrors* → *Чарли Бон. Зеркальный замок*;
- 4) *Blue Boa* → *Чарли Бон и Лазурный питон*;
- 5) *Charlie Bone and the Hidden King* → *Чарли Бон и Алый король*.

Если англоязычный вариант содержит имя персонажа лишь в названиях инициальной и финальной частей серии, то в переводе данный элемент включается в название каждой части. Таким образом, антропоним *Чарли Бон* становится маркером серийной интегрированности.

Аналогичная ситуация наблюдается и при переводе названий серии детективных книг Ли Чайлда про Джека Ричера: *Gone tomorrow* → *Джек Ричер, или я уйду завтра*.

Экспрессивно-игровая ассоциированность с коммерчески успешным прецедентным текстом

Для коммерчески-ориентированной коммуникации наличие языковой игры и создающих ее экспрессивных средств имеет огромное значение, поскольку именно данные элементы в наибольшей степени обеспечивают первичную аттракцию потребителя. Название, содержащее игровой элемент, повышает шансы на то, что текста-товар привлечет потребителя и заставит его взять экземпляр (книгу, коробку с диском) с прилавка или полки. Более того, игровые приемы способны доставить особое эстетическое и интеллектуальное удовольствие реципиенту и придать тексту дополнительный, второй смысл, что также является важным фактором стимулирования потребительской активности.

Наиболее популярным способом повышения экспрессивно-игровой насыщенности при переводе является включение в название апелляций к коммерчески успешным прецедентным текстам.

Приведем несколько примеров. Крайне успешный литературный и кинематографический проект «Секс в большом городе» (*Sex and the city*, США, 1998—2004) регулярно подергается эксплуата-

ции для продвижения на рынке других текстов-товаров: *School for Seduction* → Секс в небольшом городе; *Novel Romance* → Любовь в большом городе; *Misbehaving* → Секс в другом городе; *The L Word* → Секс в другом городе; *Toyboy diaries* → Секс в большом возрасте; *A Girl thing* → Девочки в большом городе; *One-Night Stands* → Моя горизонтальная жизнь в большом городе; *Lipstick Jungle* → Стервы большого города; *What Maisie Knew* → Развод в большом городе; *The Sweeter Side of Life* → Кекс в большом городе; *Pinstripes* → Месть в большом городе; *Girls of Riyadh* → Sex в Восточном городе; *If Andy Warhole Had a Girlfriend* → Секс в большом искусстве, или Как охмурить гения.

Ниа Вардалос, сыгравшая главную роль в коммерчески успешном фильме *My Big fat Greek Wedding* → Моя большая греческая свадьба (США, Канада, 2001), играет главную героиню и в ленте *My life in Ruins* (США, 2009). Это провоцирует русского переводчика-маркетолога трансформировать название второй ленты таким образом, чтобы оно содержало максимально эксплицитную отсылку к предыдущему фильму актрисы: *My life in Ruins* → Мое большое греческое лето.

Проиллюстрируем апелляции к другим прецедентным текстам: *The shroud of the thwacker* → Плащ душегуба или мычание ягнят; *Paul* → Пол. Секретный материальчик; *Leprechaun 2* → Лепрекон 2: Одна свадьба и много похорон; *Tell* → Вильгельм Телль: Голый Арбалет; *Shark bait* → Наживка для акулы: Не очень страшное кино; *2001: A Space Travesty* → Шестой элемент; *Connie and Carla* → В шоу только девушки.

Проведенное нами исследование подводит нас к следующим выводам.

1. Характерная для рыночного мышления ориентация потребителей на знакомые бренды, усиленная выполняемой массовой литературой и массовым кинематографом функцией эскапизма, превращает интертекстуальность в эффективный инструмент лингвистического маркетинга, использование которого применительно к названию произведения позволяет существенно повысить привлекательность текста-товара для покупателя. Маркетинговыми атрибутами товара, конструируемыми при помощи данного инструмента, становятся жанровая принадлежность, серийная интегриро-

ванность и экспрессивно-игровая ассоциированность с коммерчески успешным прецедентным текстом.

2. В процессе продвижения иноязычных текстов массовой культуры на российский рынок интертекстуальность их названий усиливается путем осуществления лингвистически недетерминированных переводческих трансформаций, направленных на формирование вышеуказанных маркетинговых атрибутов. Традиционное переводческое требование эквивалентности при этом отступает на второй план, переводное название может в семантическом плане существенно отдаляться от оригинального или даже полностью утрачивать с ним связь.

3. Основным способом идентификации жанровой принадлежности текста при переводе является привнесение в его название конвенциональных языковых единиц, стереотипизированных для конкретного жанрового направления и эксплицитно вербализующих аксиологические запросы массового адресата в определенных эмоциях.

4. Экспликация серийной интегрированности текста-товара при переводе обеспечивается привнесением в название продолжения полного или редуцированного названия инициального произведения серии или имени центрального персонажа.

5. Повышение экспрессивно-игровой насыщенности названия текста-товара способствует усилению его первичной аттрактивности для потребителя. Наиболее популярным способом создания экспрессивно-игровой маркированности названия является обеспечение ассоциированности продвигаемого произведения с уже завоевавшим рынок прецедентным текстом. Реальная связь между двумя ассоциируемыми текстами обычно довольно слаба (близость тематики, общие актеры и т.п.).

Литература

Голев Н.Д., Яковлева О.Е. Язык как собственность (к основаниям лингвомаркетологической концепции языка) // Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010.

- Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (На примере современной немецкоязычной рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
- Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Издательство ЛКИ, 2011.
- Козлов Е.В. Развлекательная повествовательность в контексте массовой культуры: монография. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008.
- Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.
- Черняк М.А. Массовая литература конца XX в. // Современная русская литература (1990-е гг. — начало XXI в.): учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. завед. / С.И. Тимина, В.Е. Васильев, О.Ю. Воронина и др. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005.

ГЛАВА 6. Прецедентность религиозного дискурса

Е.В. Бобырева, В.И. Карасик

Проблема существования того или иного текста вне зависимости от интенции и волеизъявления его автора, а также множественность интерпретаций одного и того же текста привлекают к себе внимание исследователей — лингвистов, текстологов, культурологов. После порождения автором и по мере своего существования в том или ином культурном и лингвистическом окружении любой текст начинает приобретать черты и качества живого, эволюционирующего существа, становясь уже не просто некой зафиксированной формой, а процессом. Один из аспектов влияния текстов на язык состоит в том, что те или иные фрагменты знакомых текстов и даже целые тексты отражаются во вновь создаваемых текстах, что продиктовано интенцией автора сделать передачу определенной мысли более эффективной, оптимизировать восприятие и понимание текстового фрагмента адресатом.

Во всех без исключения типах дискурса наблюдается такое явление, при котором автор стремится обогатить создаваемый текст текстовыми реминисценциями — отсылками к текстам, созданным ранее. Прецедентными могут быть признаны тексты: «а) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; б) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности; в) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 105]. Прецедент в широком смысле трактуется как случай, имевший место ранее и служащий

примером для случаев подобного рода. Прецедент представляет собой некий факт, который обладает образцовостью (служит эталоном) и императивностью (на его основе моделируются последующие действия). В состав прецедентов могут быть включены факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов и представленные в речи определенными вербальными сигналами, актуализирующими стандартное содержание, которое воспроизводится, но не создается. Прецедент представляет собой определенный «стереотипный образно-ассоциативный комплекс» [Телия, 1988, с. 30], значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи его представителей. За прецедентным феноменом всегда стоит представление о нем, общее и обязательное для всех носителей «того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену “прозрачными”, понятными, коннотативно окрашенными» [Красных, 2003, с. 170].

Любой текстовый отрезок предполагает множественность интерпретаций. По мнению Р. Барта, множественность смыслов «не просто допустимая, но неустраняемая характеристика текста» [Барт, 1994, с. 419]. Поэтому в формировании концепта прецедентного текста большую роль играет личность интерпретатора. Прецедентные феномены, безусловно, должны органично входить в идеологический контекст эпохи, определенного сообщества или группы. «В каждую эпоху своего исторического существования произведение должно вступить в тесную связь с меняющейся жизненной идеологией, проникнуться ею, пропитаться новыми, идущими из нее соками... Вне такой связи оно перестает существовать, ибо перестает переживаться как идеологически значимое» [Волошинов, 1993, с. 100].

Прецедентные феномены обладают рядом признаков: а) они хорошо известны представителям данного национального лингвокультурного сообщества (имеют сверхличностный характер); б) актуальны в когнитивном и эмоциональном планах; в) обращение к ним неоднократно имеет место в речи представителей определенного лингвокультурного сообщества. Все носители данного языка имеют общий национально-детерминированный инвариант восприятия прецедентного феномена, что и делает все апелляции к

данному прецедентному феномену не только понятными, но, условно, коннотативно окрашенными. Признак частотности в данном случае не имеет столь большого значения, он факультативен; апелляции к прецедентному феномену должны быть прежде всего понятными без дополнительных комментариев.

Прецедентные феномены, с одной стороны, выполняют функцию эталона культуры, поскольку сами прецеденты — это «факты, служащие образцами для деятельности» [Рождественский, 1996, с. 13], своеобразными эталонами. С другой стороны, прецедентные феномены функционируют как некая свернутая метафора, выступая символом определенного феномена или ситуации. Корпус прецедентных феноменов, таким образом, представляет собой систему эталонов, отражающую и определяющую механизмы регуляции общественной деятельности и поведения людей. Кроме понятия прецедентного текста в современной лингвистике активно используются понятия *прецедентного имени* [Гудков 1996], *прецедентного высказывания* [Костомаров, Бурвикова, 1994], *прецедентного прагморелекса* [Прохоров, 1996], *прецедентного феномена*, *прецедентной ситуации* [Красных, 1997] и т.д.

По мнению Г.Г. Слышкина, «во-первых, можно говорить о «текстах, прецедентных для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и др.). Во-вторых, существуют тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок... Тем не менее в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто используются в дискурсе этого отрезка времени» [Слышкин, 2000 с. 28]. Под прецедентным текстом Г.Г. Слышкин понимает «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» (там же). Прецедентным может стать текст любого объема. Показателем ценностного отношения к определенному тексту, а следовательно показателем его прецедентности служат в первую очередь частые отсылки к хорошо известному тексту в процессе создания текстов новых.

Можно выделить тексты *автопрецедентные* (представляющие собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов

окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанных с индивидуальными представлениями и ассоциациями); *социумнопрецедентные* (известные любому среднему представителю социума и входящие в коллективное когнитивное пространство); *национально-прецедентные* (известные любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входящие в когнитивную базу данного сообщества); *универсально-прецедентные* (известные любому современному человеку и входящие в универсальное когнитивное пространство человечества). Относительно религиозного дискурса представляется возможным говорить в большей степени о социумно-прецедентных и универсально-прецедентных феноменах.

В несколько иной классификации различают микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие прецедентные тексты. Все прецедентные феномены религиозного дискурса относятся к числу цивилизационных и общечеловеческих.

Прецедентный текст всегда формирует некий концепт — социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью. Все реминисценции, основанные на апелляции к концептам прецедентных текстов, должны отвечать ряду условий: адресант должен осознавать факт используемой им реминисценции, адресат, в свою очередь, должен быть также знаком с исходным текстом и должен понять сам факт отсылки к данному тексту; у адресанта должна иметься прагматическая presupпозиция знания адресатом данного текста. Адресант должен быть уверен, что сам факт использования конкретного прецедентного текста осознается как им самим, так и адресатом. Если адресант делает это неосознанно, мы имеем дело не с прецедентным текстом, а с речевым стереотипом, поскольку в том случае, когда нет отсылки к ранее усвоенному тексту, нельзя говорить о наличии эмоциональной или ценностной значимости исходного текста для процесса коммуникации.

Прецедентная сущность религиозного дискурса в целом не вызывает сомнений. По мнению Дж. Фрэнзера, вся культура вышла из храма [Фрэнзер, 1993]. Влияние Библии на мировую культуру труд-

но переоценить. Христианская культура нашла свое отражение и в языке, свидетельством чему выступают многочисленные библеизмы: «каинова печать», «Фома неверующий», «соломоново решение», «вавилонское столпотворение», «бесплотная смоковница», «злоба дня», «волк в овечьей шкуре», «от лукавого» и т.п. Единицы такого рода, как правило, не остаются неизменными, язык адаптирует их, порой несколько изменяя первоначальное значение — так появляются *единицы* «посылать от Понтия к Пилату», «до кровавого пота», «жить мафусаилов век» и др. Ряд лексических единиц с библейской этимологией в современном языке кардинально изменили свое значение: «зарывать талант в землю», «глас вопиющего в пустыне», «не от мира сего» и др.

Текст Библии продолжает и в настоящее время оставаться источником множества текстовых реминисценций. «Библия является гипертекстом мировой культуры и осуществляет постоянное формирующее воздействие на нее, а также на духовность и менталитет человека, поскольку библейские смыслы, символика, образность проникают в другие тексты, позволяя Библии соединяться миллионами “нитей” с текстами современной культуры» [Кислякова, 2006, с. 148].

По нашему мнению, в отношении религиозного дискурса можно говорить о прецедентности внутренней и внешней. Под внутренней прецедентностью мы понимаем воспроизводимость хорошо известных первичных образцов религиозного дискурса — фрагментов Священного Писания — в процессе построения вторичных жанровых образцов религиозного дискурса, в первую очередь проповедей и молитв: «Мы не имеем права рассчитывать на то, что, прожив жизнь кое-как, недостойно ни себя, ни Бога, в последнее мгновение сможем сказать: **Боже милостив буди ко мне, грешному!** — и что Бог поверит нам в этих словах. Бог услышит каждое слово из глубины сердца, но не расчетливое слово, не такое слово, которое мы скажем как бы в надежде, что одним пустым словом заменим целую жизнь» [Воскресные проповеди, 2003, с. 21]. В данном случае автор проповеди включает в нее хорошо известную фразу из молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матере и всех святых, помилуй нас. Боже, милостив буди ко мне грешному. Аминь. Слава Тебе, Боже

наш, слава Тебе!» [Православный молитвослов, 2002, с. 4]. Однако указанная молитва, в свою очередь (с некоторыми изменениями) взята из Евангелия от Луки: «Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаза на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: “Боже! Будь милостив ко мне грешнику!”» (От Луки, 18: 13).

Прецедентный феномен может включаться в текст проповеди в виде цитаты с указанием лица, которому первоначально принадлежала данная сентенция: «И вот когда речь идет о человеческих взаимоотношениях, о боли, которую мы друг другу причиняем, наш долг может быть прощен, потому что жертва нашего греха, даже если она не вызвала на грех или если эта жертва непорочная, получает в тот момент власть простить, подлинно божественную власть упразднить зло, которое мы совершили, и словами Христа **“Прости им, Отче, они не знают, что творят”** отпустить обидчика, перечеркнуть зло, выпустить на свободу того, кто связал себя узами ненависти, презрения или множества других вещей» [Воскресные проповеди, 2003, с. 102—103]; «Вы слышали притчу о мытаре и фарисее. В этой притче Спаситель говорит: **“И пошел из храма мытарь более оправданный, нежели фарисей...”**. Неужели это значит, что вся добродетель, подлинная добродетель фарисея не значит ничего перед Богом, а только один вздох мытаря спас его и превознес над праведным фарисеем?» (там же: 20). Упоминание имени, от лица которого порождается и строится первичный текст, позволяет рельефнее представить ситуацию и усилить воздействие на слушателя; адресат оказывается под воздействием слов автора (адресанта) Священного Писания, с одной стороны, и проповедника, раскрывающего суть некоторых положений слова Божьего, с другой.

На уровне внешней прецедентности могут использоваться и прецедентные высказывания без упоминания лица, которым они первоначально были порождены, однако при этом проповедник должен быть абсолютно уверен, что адресат проповеди настолько хорошо знаком с текстом Священного Писания, с положениями религиозного учения, что может сам безошибочно вычленить реминисценцию: «Весь смысл жизни был в том, чтобы любить живо, активно — не сентиментально, но чувствами, но делом; любить, как Христос сказал: тот, кто любит, должен свою жизнь положить

за тех, кто нуждается в любви; не за тех, кто мне дорог, а за того ближнего, кому я нужен... — вдруг мы обнаружим, что прошли мимо всего этого. Мы могли любить Бога, мы могли любить своего ближнего, мы могли бы любить себя, то есть относиться к себе с уважением, видеть в себе все величие образа Божия, все величие нашего призвания стать причастниками Божественной природы (2 Пет., 1: 4), — и мы прошли мимо всего этого, потому что легче было прозябать, а не жить, легче существовать безжизненно» [Воскресные проповеди, 2003, с. 27—28].

Прецедентный феномен может включаться в текст проповеди с целью усиления степени эмоционального воздействия на адресата: «Сегодня, поклоняясь Кресту Господню, мы с новой силой можем понять, с новой глубиной мысли уловить, что означает царское достоинство и служение Господа нашего Иисуса Христа: оно означает любовь такую всецелую, такую совершенную, что Христос может позабыть о Себе совсем, неограниченно; позабыть о Себе до такой степени и отождествить Себя с нами так, что Он соглашается, в Своем человечестве, утратить чувство Своего единства с Богом, с источником вечной жизни, — больше того: с вечной жизнью в Себе Самом, и соединиться с нашей мертвостью, с нашей смертностью. Такая любовь делает Господа Иисуса Христа нашим достойным Царем; **перед такой царственностью преклоняется всякое колено** (Флп., 2: 10). И потому что Он таков, Он может быть и первосвященником всей твари» [Воскресные проповеди, 2003, с. 39—40]. Для более четкой и соответствующей замыслу автора передачи определенного сообщения, адресантом используется опора на предшествующий словесный опыт (опыт в некотором смысле коллективный). Использование штампов избавляет адресанта от необходимости заново придумывать уже найденные образы и соответствующие им словесные формулы.

Выход на внутреннюю прецедентность в рамках религиозного дискурса выполняет ряд вполне конкретных задач и функций: а) прецедентные высказывания (например, в тексте проповеди) могут использоваться с целью поместить тот или иной факт, о котором идет речь в тексте, в определенную историческую (библейскую) перспективу, в вертикальный контекст, что придает данному факту более значимый (положительный или отрицательный) вес;

б) в ряде случаев появление текстовой реминисценции в новом тексте (также, например, в тексте проповеди) связано с желанием адресанта использовать уже имеющийся образ в новом контексте, оживляя тем самым сам текст проповеди; в) текстовая реминисценция может использоваться как ссылка на авторитет, например, в молитве или проповеди (а текст Священного Писания выступает неоспоримым авторитетом, источником мудрости для многих поколений); г) подтверждение правильности передаваемой мысли через указание на ее источник (а для человека верующего не может быть ничего более неоспоримого, чем истинность слова и учения Бога); д) опора на прецедентный текст может выполнять и эстетическую подзадачу, обращая внимание адресата на уже существующий яркий образ.

Кроме внутренней прецедентности, говоря о религиозном дискурсе, следует упомянуть и о прецедентности внешней. «В условиях моды на религию Библия начинает терять свое глубокое содержание, мельчает и опошляется, разменивается на политические медяки. Получается обратный результат: возникает неверие в провозглашаемые принципы. А ведь в мире нет ничего сильнее человеческой психологии, и много усилий приходится затрачивать, чтобы вырвать из нее пустившие глубокие корни стереотипы равнодушия и примитивизма» [Урысон, 2002, с. 78].

В рамках внешней прецедентности представляется возможным рассмотреть традиционно выделяемые классы прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации — каждый из которых имеет ряд особенностей в рамках религиозного дискурса.

А. Прецедентное имя. В наиболее общем виде прецедентное имя — имя, связанное с: а) хорошо известным текстом (как правило, также относящимся к разряду прецедентных); б) ситуацией, широко известной носителям языка. Прецедентные имена — «абстрактные имена, указывающие на ключевые концепты национальной культуры, двусторонние имена, а также некоторые имена, денотаты которых выступают как эталоны времени, пространства, меры, а сами имена отражают соматический, зооморфный и другие коды культуры» [Гудков, 2003, с. 142]. Статусом прецедентных обладают те индивидуальные имена, которые входят в когнитивную

базу, т.е. инвариантное представление обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для всех членов лингвокультурного сообщества.

В религиозном дискурсе к разряду прецедентных могут быть отнесены как имена нарицательные («ангел», «сатана», «бог», «богиня», «папа» и т.п.), так и собственные («Иисус», «Илья», «Моисей», «Николай Чудотворец», «Святой Петр», «Магдалина», «Иуда» и т.п.), а также имена собственные, в силу их частого употребления, частично, а в ряде контекстов полностью, перешедшие в разряд нарицательных («Адам», «Ева», «Господь», «Всевышний» и др.): «Легенда гласит, что богиня красоты подарила людям оливки, — просвещает реклама оливкового крема» (КП, 2005, № 187).

«Колоритные ветхозаветные фигуры пророка Моисея и Давида-песнопевца, царя Соломона и Каина, Руфи и Суламифи, Хама и змия-соблазителя живы благодаря своей яркой специфике и производимому ими впечатлению» [Супрун, 1998, с. 33]. Прецедентное имя служит для указания на тот или иной единичный объект (реальный или воображаемый), означаемым этого имени является национально детерминированное минимизированное представление о данном объекте. Прецедентное имя может употребляться как денотативно (для наименования объекта), так и коннотативно (для характеристики объекта). Прецедентное имя принадлежит языковому сознанию, а стоящие за ним представления — сознанию когнитивному. Экспрессивность прецедентного имени позволяет использовать его в виде прозвища, которое закрепляет за тем или иным лицом эмоциональную характеристику в рамках определенного социума. Большое количество личных имен, функционирующих в тексте Святого Писания, в силу широкой известности и частого употребления перешли в разряд прецедентных: «Лазарь» («Беден как Лазарь», «Лазаря петь» — От Луки, 16: 19—25), «Магдалина» («Кающаяся Магдалина» — От Марка, 16: 9; От Луки, 7: 37—48), «Фома» («Фома неверующий» — От Иоанна, 20: 24—29), «Валтасар» («Валтасаров пир» — Даниил, 5), «Каин» («Каинова печать» — Исход, 4: 15), «Мамона» («Служить Христу и Мамоне» — Матфей, 6: 24). В свернутом виде прецедентное имя представляет собой модель поведения и нередко выступает в качестве символа.

Довольно часто использование прецедентного имени влечет за собой актуализацию прецедентной ситуации: так, имена «Адам» и «Ева» неизбежно ассоциируются в сознании любого носителя языка с первоосновой, началом человеческого бытия.

В качестве прецедентных могут выступать и лексические единицы, обозначающие сан священнослужителя — «папа», «архимандрит», «митрополит», «епископ» и т.п.: «Одного из ватиканских кардиналов спрашивают: — Кто станет новым папой? — Не могу сказать... но точно знаю, кто не станет.. — Кто же? — У питерских шансов мало» (КП, 2005, № 141). При использовании прецедентного имени происходит апелляция к определенному набору его дифференциальных признаков, которые могут включать его характеристику по: а) чертам характера, б) внешности, в) действиям и поступкам, г) выполняемым функциям или д) актуализироваться через прецедентную ситуацию. Для прецедентности религиозного дискурса в большей степени характерны дифференциация по чертам личности или актуализация через известную ситуацию: «Два ветхозаветных пророка — Моисей и Илия — явились преображенному Христу и беседовали с ним. А из светлого облака, осенившего их, раздался голос Бога-Отца, свидетельствующий: “Сей есть сын Мой возлюбленный...”. Услышавшие это апостолы испугались и пали ниц, сообщает РИА-“Новости” (С информационной ленты “Ramblermassmedia” О празднике Преображения Господня). Следующий прямой репортаж с Голгофы» (КП, 2005, № 137). В данном случае прецедентные имена «Моисей», «Илья», «Бог Отец» воссоздают хорошо известную ситуацию, религиозный контекст, однако заключительная часть сентенции — «Услышавшие это апостолы испугались и пали ниц, сообщают РИА- “Новости”» — полностью снижает серьезность ситуации.

Нередко прецедентное имя предваряет ситуацию, указывая на возможный характер ее развития, однако следующая далее сентенция придает ей комичность: «Моисей создал первую программу по решению жилищных вопросов. Он собрал паевые взносы с многих тысяч людей и после этого сорок лет водил их за нос» (<http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg>). Прецедентное имя «Моисей», безусловно, отсылает к религиозному контексту, прецедентной ситуации, воссоздавая в сознании адресата хорошо известный исторический

факт, однако далее идущая ремарка «водил их за нос» также снижает серьезность контекста.

В ряде случаев прецедентное имя просто акцентирует внимание на религиозном контексте, демонстрирует попытку адресанта проследить связь описываемой им ситуации с религиозным контекстом: «...Но министр как-то изловчился, и новорожденный благополучно появился на свет. Случилось это в день Николая Чудотворца, поэтому ребенка нарекли Николозом. Саакашвили увидел в этом имени чудесный знак» (КП, 2005, № 197).

Ряд прецедентных имен связаны с положительной оценкой — «Иисус», «Адам», «Ева», «Петр» и др., тогда как другие в самой своей семантике содержат отрицательный оценочный компонент — «Иуда», «Пилат», «Ирод» и др.

Использование прецедентных имен характерно для высокого и для сниженного стиля, но практически не характерно для «среднего». Использование прецедентного имени может указывать как на серьезный контекст или на некоторую сниженность ситуации: «Табличка в зубопротезном кабинете: «Бог дает зубы два раза в жизни. А в третий раз за них уже приходится платить!» (<http://win.mail.ru/cgi-bin/dmsg.id>).

В ряде случаев прецедентное имя может содержать указание на пафосную серьезность, исключаящую какую-либо иронию по отношению к «культурным предметам», обладающим «сакральным» статусом.

У ряда прецедентных имен, в частности «Бог» («Боже»), «Господь» («Господи»), «Всевышний» и т.п., от частого использования в речи могут несколько стираться их прямые значения и, как следствие, теряться связь с религиозным контекстом. В результате данные имена выступают в качестве своеобразных экскламов, передающих определенное эмоциональное состояние адресанта: «— Господи! Как ты меня напугала! — Ты на себя посмотри» (<http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg> от 15.06.2006).

В ряде случаев прецедентное имя может выступать не только заместителем определенной ситуации, но и неким символом (заместителем наименования всего религиозного учения): «Великий комбинатор не любил ксендзов. В равной степени он отрицательно относился к раввинам, далай-ламам, попам, муэдзинам и прочим

служителям культа» (Ильф, Петров, 1991: 383). В данном случае отличительные характеристики различных религиозных учений, а тем более персональные характеристики упомянутых лиц нивелируются. Использование прецедентных имен в данном случае подчинено единой цели — воссоздать картину религиозного учения в целом, показать некий усредненный образ служителя культа.

Прецедентное имя, как и любое индивидуальное имя, именуется предметом, указывая на денотат. Дифференциальные признаки прецедентного имени оказываются во многом не релевантны, игнорируются, но сохраняется связь имени с породившим его текстом. Особенностью прецедентного имени является его способность функционировать в качестве сложного знака, который помимо набора значений обладает инвариантом восприятия объекта или субъекта, стоящего за данным именем.

Б. Прецедентное высказывание. Прецедентное высказывание есть «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица... сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Гудков, 2003, с. 107]. Прецедентное высказывание неоднократно воспроизводится в речи и входит в когнитивную базу носителей языка. Паремииологический фонд как русского, так и английского языков изобилует прецедентными высказываниями, имеющими религиозную основу: «алчущие и жаждущие» (От Матфея, 5: 6), «бить себя в грудь» (От Луки, 23: 48); «внести свою лепту» (От Марка, 12: 42), «во веки веков» (Исайя, 45: 17); «возвратиться на круги своя» (Екклесиаст, 1: 6); «волосы встали дыбом» (Иов, 4: 15); «всему свое время» (Екклесиаст, 3: 1); «выпить / испить чашу до дна» (Книга пророка Исайи, 51: 17); «глас вопиющего в пустыне» (Книга пророка Исайи, 40: 3); «грехи молодости» (Псалтирь, 25: 7; Иов, 13: 26); «дар божий» (Екклесиаст, 3: 13; От Иоанна, 4: 10); «запретный плод» (Исход, 2: 16—17); «злачное место» (Псалтирь, 22: 2); «злота дня» (От Матфея, 16: 3); «камень преткновения» (К Римлянам, 9: 32—33); «не оставить камня на камне» (От Матфея, 24: 2); «за семью печатями» (Апокалипсис, 5: 1—3); «корень зла» (Иов, 19: 28); «копать яму другому» (Екклесиаст, 10: 8; Притчи Соломоновы, 26: 27); «плоть от плоти» (Бытие, 2: 21—23); «краеугольный камень» (Книга пророка Исайи, 28: 16); «крошки с барского стола» (От

Матфея, 15: 27); «кто ищет, тот всегда найдет» (От Матфея, 7: 7); «кто не с нами, тот против нас» (От Матфея, 12: 30); «кто не работает, тот не ест» (2 Послание к Фессалоникийцам, 3: 10); «лицом к лицу» (Исход, 33: 11); «между небом и землей» (2-я Книга Царств, 18: 9); «на седьмом небе» (Коран, Сура 15); «нести свой крест» (От Иоанна, 18: 36); «ничто не вечно под луной / солнцем» (Екклесиаст, 1: 4); «против рожна идти / прать» (Деяния, 26: 14); «соль земли» (От Матфея, 5: 13); «умыть руки» (От Матфея, 27: 24); «хромать на обе ноги» (1-я Книга Царств, 18: 2); «хлеб насущный» (От Матфея, 6: 11); «the golden calf» («золотой телец, власть денег, богатство» — Исход, 32: 5); «kill the fatted calf» («заклать упитанного тельца, встретить кого-то радушно» — От Луки 15: 30); «to bear (carry) one's cross» («нести свой крест» — От Матфея 10: 38; 16: 24); «a crown of thorns» («терновый венец, мученичество» — От Матфея 27: 29); «the crumbs which fell from the rich man's table» («крохи с барского стола» — От Луки 16: 21); «eat the fat of the land» («жить в роскоши, как сыр в масле» — Бытие 45, 18); «go through fire and water» («пройти огонь и воды» — Псалтирь, 66: 12); «all flesh is grass» («жизнь бrenная» — Книга пророка Исаи, 40: 6); «be one's flesh» («быть единой плотью / мужем и женой» — Бытие, 2: 24; Коринфянам, 6: 16); «a forbidden fruit» («запретный плод» — Бытие, 3: 6); «garden of Eden» («райский уголок», «земной рай» — Бытие, 2: 10); «serve God and Mammon» («служить Богу и Мамоне» — От Матфея, 6: 24); «clean hands» («чистые руки, честность, незапятнанность» — Псалтирь, 23: 4); «not to know one's left hand know what one's right hand does» («не ведать, что творить / пусть твоя левая рука не знает, что делает правая» — От Матфея, 6: 3); «the Holy of Holies» («святая святых» — Исход, 25: 34) и т.д.

В отличие от фразеологизма прецедентное высказывание, так же как и прецедентное имя, ассоциируется с целой ситуацией, не может быть сведено к одному слову; за прецедентным высказыванием стоит целый прецедентный текст. Прецедентное высказывание, таким образом, перестает быть единицей языка (каковой является фразеологизм) и становится единицей дискурса. К числу прецедентных высказываний относятся также цитаты, при этом под цитатой может иметься в виду: а) собственно цитата (фрагмент текста), б) название произведения, в) полное воспроизведение тек-

ста. Применительно к религиозному дискурсу представляется возможным говорить о том, что функционирующие здесь прецедентные высказывания представлены собственно цитатами, поскольку полное воспроизведение текста невозможно из-за объема последнего: «**“Никогда не говори никогда”**». Но мысли у меня такой, не в обиду русским мужчинам не было. Мусульманские женщины могут выходить только за мусульман» (КП, 2005, № 152). Прецедентное высказывание акцентирует внимание на более значимых фразах, репликах Священного Писания, ярких фразах определенного религиозного учения, которые в силу своей известности и частой воспроизводимости в речи, вошли в сознание носителей языка — нередко безотносительно их религиозной принадлежности и разделяемых носителями языка взглядов: «У нас под носом власть устраивает бордели. Вы, мусульмане, не должны допускать этого. Обратитесь к шариату, **покарайте неверных!**» (КП, 2005, № 155). Высказывание «покарайте неверных» актуализирует в сознании носителя языка определенный религиозный контекст. В ряде случаев дальнейший контекст может скорректировать значение прецедентного высказывания, кардинально изменить, а нередко снизить смысл всей ситуации: «И пошел друг на друга, брат на брата, сын на отца....Д-а-а-а, страшная это вещь: третий день свадьбы». Прецедентное высказывание «и пошел брат на брата, сын на отца» в ходе дальнейшего развития теряет первоначальное значение, меняя его на кардинально противоположное. В данном случае имеет место эффект обманутого ожидания, при котором окончание высказывания совершенно не соответствует серьезности его начала. Прецедентное высказывание может цитироваться как без всяких изменений, в первоизданном виде, так и с некоторыми изменениями, как это имеет место в следующем случае: «Надо сделать так, чтоб толпы потных офицеров в жару, денно и ночью давились в очереди, да желательно у одной двери, с унижительными фиолетовыми номерами на мокрых ладонях.... Многие занимали очередь в 4 утра, но за два дня изнурительной толкотни купить билет им не удавалось... Это все равно, что в игольное ушко протискивать сапог» (КП, 2005, № 168).

Прецедентное высказывание может использоваться для усиления смысла, заложенного автором: «Чтобы **укрыться от мирских**

забот, он стал подумывать о переезде в более тихое местечко — пригород Киева» (АиФ, 2007, № 15). Включение высказывания «укрыться от мирских забот» в нерелигиозный контекст конкретизирует описываемую ситуацию, усиливая значение и детализируя смысл сказанного.

Нередко общий контекст и вся коммуникативная ситуация в целом могут изменить прагматическое значение прецедентного высказывания, хотя никаких структурно-семантических изменений не наблюдается: «Бабушка, а правда, что по-христиански за каждое зло надо платить добром? — Правда, внучек! — Ну, так дай мне сто рублей — я твои очки сломал!». Истинное значение религиозного высказывания «за каждое зло нужно платить добром» не предполагает ситуации, при которой зло совершается, так сказать, преднамеренно, чтобы за него «заплатили добром». Прецедентное высказывание может оказаться включено в контекст, который в содержательном плане не имеет религиозной основы: «Многие зрители недоумевают: неужели вы на полном серьезе обвиняете во всех смертных грехах шестилетнего мальчика?..» (КП, 2005, № 161).

В глубинной смысловой структуре прецедентного высказывания может быть заложен эффект обманутого ожидания; адресат, будучи настроен на информацию определенного характера и содержания, в конечном итоге получает нечто прямо противоположное: так, после прочтения на газетном развороте названия статьи «Спаси и сохрани» адресат предполагает, что статья, озаглавленная подобным образом, в содержательном плане должна соотноситься с вопросами религии, веры и т.п., с религиозным контекстом в целом. Однако с первых строк становится ясно, что ее содержание далеко от религиозного контекста: «Чтобы уберечь данные и любимые вами фотографии, научитесь делать резервные копии...» (КП, 2005, № 189) и речь пойдет о некоторых особенностях проявки и печати фотографий, которые осуществляются фирмой «Кодак» — теме, никак не связанной с религией.

Все прецедентные высказывания, функционирующие в рамках религиозного дискурса, могут быть разделены на: а) канонические — употребляющиеся без изменений, б) трансформированные — те, в которых присутствуют изменения.

В рамках трансформированных высказываний можно выделить такие, в которых имеет место:

— замещение — вместо канонического слова используется другое и как раз на него падает основная смысловая нагрузка: «Надо сделать так, чтобы толпы потных офицеров в жару, денно и ночью давились в очереди, да желательно у одной двери, с унижительными фиолетовыми номерами на мокрых ладонях... Многие занимали очередь в 4 утра, но за два дня изнурительной толкотни купить билет им не удавалось... Это все равно, что в игольное ушко протискивать сапог» (КП, 2005, № 14).

— контаминация — соединение двух прецедентных высказываний в одно: «Чтобы устранить противоречие между теорией эволюции и священным писанием, в Библию было решено внести изменение. Теперь история происхождения человека будет выглядеть так: “Человек произошел от обезьяны, которую Бог создал по своему образу и подобию”» (<http://webzona.ru/ank/rel>). В данном случае мы наблюдаем не только соединение различных прецедентных высказываний, но и различных, до определенной степени, тиров дискурса: «человек произошел от обезьяны» (научный дискурс), «создать человека по образу и подобию своему» (дискурс религиозный);

— изменение смыслового вектора высказывания: «Дождался я результатов сданных пару недель назад анализов. Мне вручили их в виде толстой книжки — сборника из биохимического, иммунологического и генетического паспорта. И вот что выяснилось: сифилиса и прочих венерических заболеваний у меня нет, Бог также обделил меня СПИДом, язвой желудка, гепатитом и аллергией на рис — я его очень люблю...» (КП, 2005, № 185). Согласно религиозным канонам Бог наделяет человека присущими ему положительными качествами и добродетелями — умом, силой, терпением, красотой и т.п., но по определенным причинам Всевышний может обделить человека последними (обидеть): «Бог умом обделил», «Бог здоровьем обделил», «Бог силой обделил» и т.п. То есть человек изначально оказывается наделен Всевышним нужными качествами, имеющими положительную оценку. Противоположная же ситуация, при которой перечисляются качества и феномены, имеющие отрицательную оценку («СПИД, сифилис, язва желудка и т.д.»), и в отношении которых

адресантом используется сентенция «обделить» — воспринимается адресатом как нечто комичное. Обделить можно чем-то действительно полезным и нужным — «обделить счастьем», «обделить умом», «обделить красотой», «обделить здоровьем» и т.п. В данном случае больше подошли бы лексические единицы «избавить», «спасти», «миловать», подчеркивающие факт отсутствия какого-либо ненужного качества, избавление человека от последнего.

В. Прецедентная ситуация. В наиболее общем виде ситуация есть «отрезок, часть отраженной в языке действительности; ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний» [Гак, 1973, с. 159] и представляет собой «положение дел, событие, отраженное в содержании высказывания и непосредственно с речевым поведением коммуникантов не связанное» [Всеволодова, 1989, с. 67]. Прецедентная ситуация представляет собой некую эталонную, идеальную ситуацию.

Прецедентная ситуация, с одной стороны, есть некое динамическое событие, а с другой, статичный отрезок действительности, застывшее положение дел, событие, приведшее к изменению изначального положения дел. Прецедентная ситуация принадлежит когнитивному сознанию и выводится на языковой уровень в процессе коммуникации с помощью различных вербальных и невербальных средств. Прецедентная ситуация принадлежит когнитивному сознанию и выводится на языковой уровень с помощью различных средств вербальной коммуникации; «...говорящий или пишущий вспоминает в процессе производства нового текста какую-то ситуацию, выражение из старого текста и в том или ином виде включает ее в новый текст» [Супрун, 1995, с. 22].

Ярким примером прецедентной ситуации может служить ситуация предательства Иисуса Христа Иудой, ставшая «эталонном» предательства вообще — любое предательство начинает восприниматься как вариант изначального «идеального» предательства, а имя Иуды становится прецедентным и приобретает статус имени-символа.

«Из Ветхого Завета довольно употребителен ряд текстовых ре-минисценций к определенным ситуациям: семь дней сотворения мира, сотворение человека по образу и подобию Бога, грехопадение Евы и Адама, изгнание из рая, всемирный потоп, Ноев ковчег,

в коем каждой твари по паре, Вавилонское столпотворение, Иона во чреве китовом и мн. др.» [Супрун, 1998, с. 23].

По мнению Д.Б. Гудкова, «прецедентной ситуацией мы называем некоторую реальную единичную ситуацию, минимизированный инвариант восприятия которой, включающий представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценки, входит в когнитивную базу ЛКС (лингвокультурное сообщество) и знаком практически всем социализированным членам этого общества» [Гудков, 2003, с. 261].

Прецедентные ситуации в отличие от других прецедентных феноменов не могут рассматриваться как вербальные феномены. Они могут только получать вербализацию, но устойчивых и стереотипных форм такой вербализации не существует. В когнитивной базе обязательно содержится представление об определенной прецедентной ситуации: «Никогда не бойся делать то, что ты не умеешь. Помни, ковчег был построен любителем. Профессионалы построили “Титаник”» (КП, 2005, № 128). Прецедентная ситуация, связанная со строительством ковчега Ноем и чудесным спасением, реализуется в необычном для нее контексте, в силу чего серьезность рассматриваемой ситуации снижается.

Некоторые прецедентные ситуации имеют конкретное наименование, например «Вавилон», «Голгофа» и т.п. Прецедентные ситуации могут актуализироваться также с помощью и через определенное прецедентное имя, например, «Иисус младенец» («рождение младенца-Иисуса»): «Повара учитывают все православные традиции, чтобы четыре тысячи человек едоков Кремля и Старой Площади (обычно постится примерно каждый пятый) не съели случайно что-нибудь скоромное... И только в ночь на Рождество, после восхода первой звезды (что обозначает рождение Иисуса-младенца) можно будет “разговеться” и вернуться к привычному образу питания» (КП, 2005, № 185). Реализация прецедентного имени в большинстве случаев сразу же влечет за собой одновременную актуализацию прецедентной ситуации, как это имеет место в приведенном примере.

Актуализация прецедентной ситуации может происходить и за счет упоминания феномена, ассоциируемого с ней и имеющего отношение непосредственно к религиозной сфере:

— А как же тогда быть с «самозажиганием священного огня» в Иерусалиме?

— Должен разочаровать — это всего лишь ловкая работа или, если хотите, фокус местных священнослужителей, не имеющий ничего общего с «божественным началом» (КП, 2005, № 189).

Упоминание таких феноменов как «божественное начало», «самозажигание священного огня», бесспорно, содержат отсылку к более широкому религиозному контексту.

Стереотипная ситуация может апеллировать к конкретной ситуации, имевшей место в прошлом, которая приобретает статус прецедентной и оказывается эталоном для ситуаций такого рода. Прецедентное имя в данном случае может выступать в качестве знака такой прецедентной ситуации. Поступки конкретного лица возводятся в абсолют, а его имя может указывать на добродетель или зло: «Иуда» — грех, предательство, «Магдалена» — раскаяние, «Христос» — страдания, спасение, «Адам и Ева» — первооснова, первородный грехи» и т.п.

В ряде случаев в отношении прецедентной ситуации так же, как это имело место в отношении прецедентного высказывания, мы можем наблюдать явление контаминации — соединение двух прецедентных ситуаций в одну:

— Вот вы тут сидите, едите хлеб мой, пьете вино мое... А ведь один из вас меня предаст!

Воцарилось неловкое молчание.

— И кто же этот Иуда? — спросил Иоанн.

— Да вот хотя бы он! — обвиняющий перст указал в конец стола.

— Павел!

Все лица обратились в сторону побледневшего Павла.

— Ну, батя, — пробормотал Павлик Морозов и сглотнул. — Ну, у тебя и шуточки! (<http://win.mail.ru/cgi.bin/readmemsg.id>).

В данном случае присутствует не только контаминация, но и имеет место эффект обманутого ожидания. Эпизод, начинаясь как ситуация, отсылающая к прецеденту предательства Иуды и имею-

щая непосредственное отношение к религиозному контексту, затем, неожиданно для воспринимающего субъекта, переходит в ситуацию, отсылающую также к хорошо известному феномену и ситуации — предательству своего отца Павликом Морозовым.

К разряду прецедентных относятся многочисленные ситуации, отсылающие к существующему в религиозном сознании представлению о мироустройстве. В сознании человека, в частности человека верующего, имеет место определенная картина мироустройства: надо всем стоит Бог, по воле которого совершается все под небом и «без которого не могло бы ничего быть, что могло бы быть»; любые искажения подобного положения дел воспринимаются как искажение прецедентной ситуации — что и можно наблюдать в следующем примере: «Две рыбки в аквариуме о чем-то горячо спорят: — Допустим, Бога нет... А кто же тогда воду в аквариуме меняет?».

Многие прецедентные ситуации отражают отдельные принятые религиозные положения, например, положение о сотворении мира: «Когда Добыш по срочным делам улетел в Финляндию, где живет его официальная супруга Елена Стюф, Ксюша места себе не находила: скучала без любимого, а когда он звонил, была **на седьмом небе от счастья**» (Жизнь, 2005, № 50 (492)). В данном случае для правильного и адекватного восприятия прецедентного феномена и ситуации в целом необходимы хотя бы поверхностные знания о существующем в христианском религиозном учении положении о небесах, которые располагаются одно над другим таким образом, что самое «верхнее небо» (седьмое небо) является местом пребывания Божественного, олицетворяет избавление от любых тягот и невзгод и ощущается как высшее блаженство.

Иногда хорошо известная прецедентная ситуация трансформируется настолько, что о ней свидетельствуют лишь название, сюжет и некоторые черты, легко узнаваемые членами данного социума:

— Как появился мир? — Господь пересолил суп. Рассердившись, он выплеснул суп (вместе с ложкой) на близлежащий мертволежащий камень. Так образовался океан. Второпях, пытаясь выловить ложку (вещь антикварная, подарок тети Сары), Бог ошпарил руку. Так появилась брань и чуть позже гель от ожогов. Для охлаждения ситуации были созданы дождь и ветер. Чтобы об-

легчить поиски, Он сотворил свет. Тьма возникла несколько раньше, как непредсказуемый побочный эффект при выращивании черных дыр. Ложка, к всеобщей радости, была успешно извлечена и водружена на свое законное место. Вылитый же бульон со временем стух и дал жизнь первобактериям... Далее — все по Дарвину (<http://win.mail.ru/cgi-bin>).

Часто происходит некая контаминация, совмещение, наложение прецедентных ситуаций, характерных для различных типов дискурса: «Решил Господь Бог исправить дела в российской медицине и устроился участковым в районную больницу. Приходит на прием первый пациент — паралитик на коляске. Бог положил ему руки на голову и говорит: “Встань и иди!”. Тот встал и пошел. Выходит в коридор, там очередь, спрашивают: — Ну, как новый? — Да, как и все они — даже давление не померил» (<http://www.webzona.ru/ank.rel>). В сознании носителя языка существуют два образа, две ситуации: с одной стороны, стереотипная ситуация приема пациентов в современных районных больницах, когда врач настолько занят заполнением форм и карточек, что больного практически не видит, и, с другой стороны, известная прецедентная ситуация, основанная на религиозном контексте, когда Иисус лечил простым наложением рук: «Встань и иди!»

Контаминация — совмещение или наложение нескольких ситуаций — явление довольно частое: «Бог сотворил человека и подарил ему мозги, разделив их на два полушария: мужчине — чтобы эти два полушария советовались между собой, женщине — чтобы они постоянно спорили» (<http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg>).

Нередко ситуация, начинаясь как вполне знакомая и хорошо известная массовому адресату, получает необычное завершение: «Урок богословия. Учитель — И пришли к царю Соломону две женщины с ребенком. Каждая утверждала, что это ее ребенок. И тогда Царь Соломон проявил всю свою мудрость и сказал... Дети, кто догадается, что сказал мудрый царь Соломон? ...Ученик — Хорошо, что это не мой ребенок!» (<http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg>). После вопроса «Дети, кто догадается, что сказал мудрый царь Соломон?» в сознании адресата, хорошо знакомого с религиозным контекстом, ответ формируется практически сразу: «Рассеките жи-

вое дитя надвое и отдайте половину одной, и половину другой...» (3 Кн. Царств, 3: 25), однако в данном случае имеет место эффект обманутого ожидания и контекстуальный ответ расходится с прецедентным контекстом.

Анализируя случаи функционирования прецедентных ситуаций, можно встретить и примеры так называемой «новой» интерпретации хорошо известной прецедентной ситуации и шире — некоторых положений религиозного учения: «Археологам удалось полностью расшифровать надпись на скрижали Завета. Оказалось, что заповедь была всего одна: “Сын мой! Помни, НЕ с глаголами пишется раздельно! Например: “не убий”, “не укради”, “не прелюбодействуй”...» (<http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg>).

В отношении религиозного дискурса нам представляется возможным и необходимым выделить еще и такую категорию, как **прецедентный феномен**. Прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными. К вербальным относятся разнообразные тексты как продукты речемыслительной деятельности, к невербальным — произведения живописи, скульптуры, музыки, разнообразные артефакты. Выделение подобной категории прецедентных единиц в рамках религиозного дискурса определяется особенностями данного типа общения. К разряду прецедентных в религиозном дискурсе мы относим следующие феномены:

а) разнообразные понятия, характерные для религиозного дискурса, такие как «религиозные заповеди», «церковные таинства», «акт очищения», «исповедь», «схождение священного огня», «пост», «молитва» и т.п.: «— Боже, ну зачем же так, целых десять заповедей?! Может, пусть их будет пять? — Моисей! Не торгуйся! — А где тут сказано “Не торгуйся!?”»; «Когда я был маленьким, я просил Господа о велосипеде. Потом я подрос и понял, что Бог работает по-другому: я украл велосипед и продолжал молиться... о прощении» (<http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg>).

б) жесты, характерные для религиозного дискурса, например, «осенение крестным знамением», «земной поклон» и т.п.: «Под конец разговора он осенил себя крестным знамением и зело благословил на дело богоугодное — изблечить колдуна перед темными массами!» (КП, 2005, № 187).

в) абстрактные понятия — «апокалипсис», «грех», «преисподняя», «искушение» и т.п.: «...Описанная история — типичная

модель поведения нашего “самого успешного” приватизатора и реформатора. Не один раз нас пугали страшилками веерных отключений электроэнергии, выбытия генерирующих мощностей, изнашивания технологического оборудования — одним словом, наступления полного “царства тьмы”. И как-то между прочим всякий раз новые апокалиптические предсказания гремели на самом пике обсуждения вопроса реформы электроэнергетики или же когда на волоске висела карьера самих менеджеров РАО “ЕЭС”» (МК, 2005, № 80). Текстовые реминисценции «царство тьмы», «апокалиптические предсказания» усиливают действенность всего контекста, который в данном случае не имеет ничего общего с религиозным; речь идет о простом отключении электроэнергии; однако для более рельефной демонстрации возможных последствий данного положения дел используется отсылка к религиозному контексту, в частности упоминание о конце света — «апокалипсисе» и безжизненном «царстве тьмы».

В процессе функционирования многих прецедентных единиц религиозного дискурса происходит своеобразная карнавализация ценностей. Нередко сакральное оказывается перевернуто и передано через профанное, через осмеяние какого-либо субъекта или объекта окружающего мира; при этом осмеяние выступает наиболее естественной формой проверки значимости той или иной ценности [Карасик, 2002, с. 257]: «Разговор у церковной лавки в храме. — У вас иконки в машину есть? — Есть. — Они сильные? — Очень сильные. — Дайте три... Точно сильные? — Точно. — Тогда дайте пять!». Такое сакральное понятие, как вера, постулируется через осмеяние отсутствия истинной веры у современного человека. У многих людей в современном обществе вера (вернее, внешняя демонстрация веры) выступает лишь данью моде, традиции, а не глубоким внутреннем убеждением.

Использование ряда прецедентных единиц в определенном контексте позволяет достичь некоего переворачивания ценностей, заостряя внимание на том, как не должно быть и как не следует поступать. Представляется возможным говорить о том, что через выход на прецедентность и создаваемую при этом в ряде случаев смеховую ситуацию часто демонстрируются негативные, греховные факты, духовная пустота современного человека и т.п. Всемогуще-

ство Бога не подвергается сомнению, напротив, а во всех недостатках современного мира обвиняется не Всевышний, а определенные внешние обстоятельства, при этом с Бога «снимается ответственность» за существование негативных фактов нынешней жизни: «— Господи! Что же ты так несправедливо устроил наш мир?! — А я его не строил! Я только хостинг предоставил!»

Резюмируя, отметим, что прецедентность является до определенной степени показателем ценностной значимости того или иного текстового фрагмента и, шире, того или иного дискурса в целом. Наличие большого количества прецедентных феноменов у дискурса религиозного еще раз наглядно демонстрирует неизменную и вневременную значимость религиозных текстов, во все времена остающихся эталоном, своеобразным сводом норм и правил для человека. Традиционно выделяемые прецедентные единицы — прецедентные имена, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации — приобретают специфические черты в религиозном дискурсе. Кроме того, выделение еще одного класса, а именно, класса прецедентных феноменов, оказывается обусловлено внутренними особенностями религиозного дискурса, в частности высокой значимостью ритуала в данном типе институционального общения. Различные прецедентные феномены, в том числе и из религиозной сферы, используются в современном юмористическом дискурсе. Именно в таких случаях подобные религиозные феномены подвергаются карнавальному оценочному переосмыслению.

Литература

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
- Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. Волгоград: Перемена, 2007.
- Бобырева Е.В. Прецедентные высказывания религиозного дискурса // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та: Сер. Филол. науки. 2007. № 2 (20).
- Всеволодова М.В. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка. М., 1989.

- Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М., 1973.
- Гудков Д.Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996.
- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кислякова Е.Ю. Языковые единицы библейского происхождения и их место в системе английской фразеологии // Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти профессора Р.К. Миньяр-Белоручева: сб. науч. ст. Волгоград, 2006.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1.
- Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997.
- Красных В.В. «Свой среди чужих» — миф или реальность. М., 2003.
- Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. М.: Добросвет ЧеРо, 1996.
- Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
- Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6.
- Супрун В.И. Церковнославянский текст в современном русском языковом сознании // Художественный текст: проблемы анализа и интерпретации: тезисы науч. конф. Волгоград, 1998.
- Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2002.

Текстовые источники

- Воскресные проповеди митрополита Антония Сурожского. СПб.: Новые мхи, 2003.

ГЛАВА 7. Интертекстуальность в художественном дискурсе¹

Е.В. Каунова, М.В. Шишкина

Феномен интертекста является объектом изучения таких наук, как литературоведение, лингвистика, лингвокультурология, семиотика, текстология, риторика, герменевтика, философия и т.д. В сфере интертекстуальности остается много нерешенных и спорных вопросов, привлекающих большое внимание исследователей.

Проблема интертекстуальности художественного произведения исследуется прежде всего в рамках литературоведческого подхода (Смирнов, 1995; Лушникова, 1995; Фатеева, 2000; Арнольд, 1993, 1995, 1999; Кузьмина 1998, 1999, Степанов, 2001 и др.), поскольку включение прецедентных единиц в текст художественного произведения дает основание рассматривать их как один из самых важных приемов в стилистической системе писателя. Однако в настоящее время вопросы интертекста активно изучаются и с точки зрения лингвистики (Евсеев, 1990; Воронцова, 2004; Баженова, 2008; Кузьмина, 2010 и др.).

По мнению Т.Ф. Фильчук, «интертекстуальность является одним из основных принципов современной мыслительной системы, для которой характерен взгляд на текст как саморазвивающийся феномен, в котором реализуется принципиальная множественность смыслов текста» [Фильчук, 2011, с. 27]. Чаще всего интертексту-

---

¹ Глава подготовлена в рамках проекта 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (грант РГНФ).

альность связывают с таким направлением в литературе, как постмодернизм, важным элементом которого является языковая игра. Для стилистики постмодернистских текстов характерно также сознательное соединение в одном произведении тем, проблем, мотивов, художественных приемов, стилей произведений различных эпох, народов и культур, что неизбежно приводит к стилистическому эклектизму, цитатности. Ведущим постулатом постмодернизма становится принцип «мир как текст». При этом постмодернизм провозглашает условиями создания текста свободное движение смыслов, не образующих единого смыслового центра, произвольное комбинирование элементов, иными словами, создание некоего культурного коллажа, текста, который не отображает реальность, а творит новую или множество новых реальностей [Белокурова, 2007].

Рассматривая вопросы интертекстуального взаимодействия, ученые стремятся наглядно представить модели интертекста. С.А. Наумов в своей работе по формализации интертекстуальных отношений в тексте описывает существующие в лингвистике схемы интертекстуального взаимодействия. Известна схема М. Риффатера, построенная на основе семантического треугольника Г. Фреге; схема Е.В. Михайловой, изложенная в виде трехсторонней модели: 1 — автор, 2 — сам текст, 3 — адресат; предложенная Л.В. Русановым пятичленная схема, компонентами которой являются автор, рассказчик, T_1 , T_2 и читатель [Наумов, 2005, с. 13].

Структура интертекстуальной составляющей художественного текста может быть описана отношениями текстов и представлена следующим образом:

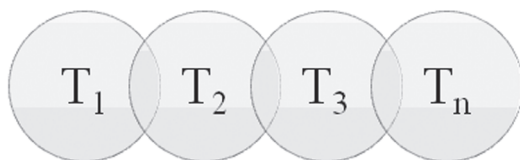

Рис. 1а

Такую схему, где T_1 — исходный текст, а T_2 , T_3 и T_n — интертексты, можно назвать линейной. Наложение интертекстом на исходных текст позволяет говорить о прецедентном фоне, который создает автор произведения. Мы согласны с мнением Е.Н. Золотухиной, что, «модифицируясь, интертексты формируют вариативный ряд, который открыт для новых членов и может включать не один десяток единиц» [Золотухина, 2009, с. 5]. В этом случае следует говорить о том, что исходный текст образует с его репрезентантами синтагматические связи, формирующие доминантные текстовые смыслы. Однако интертекст может предстать цельным и связанным феноменом, где происходит либо взаимосвязь текстов (рис. 1б), либо наложение пре-текстов на исходный (рис. 1в).

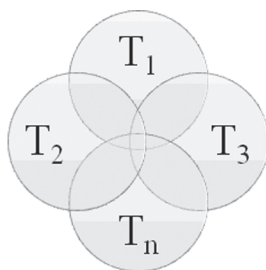

Рис. 1а

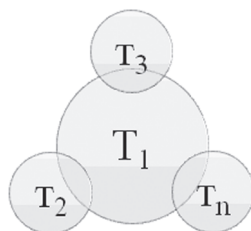

Рис. 1б

Автор, используя различные приемы текстопостороения, провоцирует у реципиента возникновение сложных ассоциаций за счет отсылок к культурно-историческому опыту человечества.

Интертекст в художественном дискурсе предполагает выстраивание особого межтекстового пространства, в которое входит не каждый читатель, а только тот, кто распознает культурный код, используемый автором. В этом отношении особенно интересен интернет-роман Е. Попова «Арбайт. Широкое полотно», создававшийся в «Живом журнале». Одной из установок этого произведения стала экспликация диалога писателя и читателя: после каждой главы приведен список вопросов, адресованных аудитории блога. Так, в конце XXXI главы, в которую включена аппликация (*Скандал! Продавищица швыряла мелочь. «Пятак упал, звеня и подпры-*

живая». Какой уж тут Пушкин, какие иностранцы!), среди прочих появляется следующий вопрос: «Где автор позаимствовал фразу “Пятак упал, звеня и подпрыгивая”?»). Из прокомментировавших главу 4 человека отметили узнаваемость фразы, но не смогли определить ее источник, 2 читателя вспомнили в связи с этим фамилию Достоевского, 1 — упомянул повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (вероятно, потому, что в этом произведении фигурирует *неразменный пятак*). Однако правильную версию, совпавшую с авторской, согласно которой опорный текст — «Литературные воспоминания» Д.В. Григоровича, выдвинул только один адресат. Таким образом, очевидно, что проблема интертекста в художественном дискурсе тесно связана с понятиями интенции и прецедентного фона. Возможны как минимум три варианта соотношения авторского и читательского понимания интертекста:

Наличие авторской интенции	Распознавание авторской интенции читателем	Интертекст	Участки прецедентного фона автора и читателя
+	+	обнаружен	наложение
+	–	не обнаружен	несовпадение
–	+	обнаружен	несовпадение

Рассмотрение триады «интертекст — интенция — прецедентный фон» приводит к парадоксальному выводу: говорить об интертексте в художественном дискурсе, несмотря на явную связь с прагматическим и коммуникативным аспектами, можно при наличии хотя бы одного субъекта (автора или читателя), входящего в межтекстовое пространство. При этом последнее может иметь как простую, так и сложную структуру. Например, А. Королев в романе «Быть Босхом» неоднократно адресует читателя к «Божественной комедии» Данте: *Мой Вергилий — все тот же заботливый сосед по общежитию, поклонник писателей, начальник губы, старшина сверхсрочник Стонас; Итак, оставь надежды всяк сюда входя-*

ций. В душном подземелье стоит острая вонь хлорки (А. Королев. Быть Босхом). Несколько иначе построено интертекстуальное пространство в следующем центоне В. Полозковой:

Могла ли Биче, словно Дант, творить,
как желтый одуванчик у забора?
Я научила женщин говорить.
Когда б вы знали, из какого сора.

Первый уровень интертекста составляют ассоциативные связи с двумя стихотворениями А. Ахматовой, второй образуют отсылки к «Божественной комедии» и «Новой жизни», вдохновленным, как известно, образом Беатриче Портинари. Таким образом, текст XXI в. адресует читателя к текстам XX в., а те, в свою очередь, к текстам XIV в.

Здесь следует обратиться к проблеме соотношения литературоведческого и лингвистического подходов к исследуемому феномену. В рамках первого интертекст рассматривается как инструмент герменевтического анализа и зачастую соотносится с понятием «мотив». Если литературоведов интересует прежде всего план содержания интертекстом, то лингвисты исследуют те способы оязыковления, которые используют авторы, устанавливая (сознательно или бессознательно) между текстами ассоциативную связь. Н.С. Аксенова отмечает: «Имеющиеся на сегодняшний день лингвистические данные об интертекстуальности связаны с классификацией форм интертекстуальных включений, характера отношений между текстами, маркеров интертекстуальности, семантическими, стилистическими и текстообразовательными функциями интертекста, а также с изучением участия интертекста в процессе декодирования текста» [Аксенова, 2013]. Таким образом, лингвистический подход к интертексту связан в первую очередь с изучением и систематизацией языковых «следов» (М. Риффатер), в частности фигур [Москвин, 2013], а также функций последних.

Говоря об ассоциативной связи текстов в современном художественном дискурсе с лингвистических позиций, следует учитывать то, что в произведении интертекстуальность может выступать:

1) интенциональной основой («Кысь» Т. Толстой, «Путь и шествие» В. Березина, «Быть Босхом» А. Королева, «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» Е. Попова, большинство текстов Т. Кибирова и др.);

2) сигнификативным «каркасом» («Бесконечный тупик» Д. Галковского);

3) способом образования «синтагматической оси» (Ю.М. Лотман) (например, в произведении М. Шишкина «Венерин волос» имена Дафниса и Хлои — героев буколического романа древнегреческого писателя Лонга — встречаются 45 и 47 раз соответственно, образуя одну из смысловых доминант текста; сюда же можно отнести «Новую московскую философию» В. Пьецуха, представляющую собой своеобразный палимпсест, сквозь который просвечивает роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»);

4) периферийным феноменом («Свобода» М. Бутова, «Почерк Леонардо» Дины Рубиной и др.).

При этом разнообразие используемых фигур интертекста, конечно, характерно для произведений первого типа, в которых отсылки ко множеству опорных текстов имеют статус не вкраплений, а полноправных элементов. Эта особенность свойственна также большинству поэтических текстов, построенных с использованием ассоциативной связи с другими произведениями.

Примечательно, что в художественной прозе значительно чаще, чем в поэзии, употребляются онимы (и их производные), указывающие на автора опорного текста: *гоголевские шинели без пуговиц* (Саша Соколов. Школа дураков); *Или вот у Аверченко недорезанные интеллигенты и буржуи тычут ножами и вилками в спину революции и вспоминают бифитекс по-гамбургски* (В. Березин. Путь и шествие); — *А кто любит ее, эту твою осень! — ослабилась мужик с пластырем. — Только Пушкин* (Д. Липскеров. Осени не будет никогда); *Скучно было жить только Николаю Гоголю и царю Соломону* (В. Ерофеев. Москва — Петушки). В поэтических текстах рубежа XX—XXI вв. такие онимы встречаются редко. При этом они могут выступать в роли обращения [*кудри — кольца! кудри — змейки! / с мрачным спутником своим! / бенедиктов! бенедиктов! / а белинский был не прав* (А. Василевский. Просыпайся, бенедиктов!); *Ты, Салтыков, сострадал сиволапому рою — / Ра-*

дуйся: *Русью всецело владычат Емели* (С. Александровский. Где ты, изысканность русской медлительной речи...); выражать валентности субъекта или реципиента глаголов действия [*Где Хлебников ловит* наволочкой красную бабочку бобэоби (А. Алехин. Зверинец слов); *Бери за образец* коллегу *Тютчева* — / *Молчи, короче, и таи* (С. Гандлевский. Цыганка ввалится, мотая юбкою...); *в это цветное лето / все чаще думаю о смерти, / которой и на свете нет* — / *если верить Тарковскому* (Д. Бак. В это цветное лето...)]. Указанное различие обусловлено, по всей видимости, ограничениями ритма и такой основополагающей чертой поэтического текста, как доминирование имплицитности над эксплицитностью.

Типы пре-текстов

В качестве опорных авторы конца XX — начала XXI в. используют следующие категории относящихся к разным пластам культуры текстов:

— Священное Писание: *Выхода жду на пути обратном, / что-бы сказать им: хоть я и сторож, / грубые вещи, но я не брат вам* (М. Айзенберг. Грубые вещи со мной роднятся...); *Была середина февраля, Сретение, зима встречалась с весною, старец Симеон с младенцем Иисусом, и значит, они перешли тот рубеж, которого она боялась, — смерть осталась за спиной, и умиротворенный ребенок засыпал у нее на руках* (А. Варламов. Рождение);

— классические русские произведения (преимущественно XIX в.): — *Слеза ребенка! Красота спасет мир! Невещественные доказательства вещественных отношений души с действительностью и наоборот!* — невнятно вырывалось из рта Змея (А. Слаповский. День денег); *Четыре недели минуты считать, / подбрасывать в небо монету, / орлом или решкой вспорхнуть и опять / карету мне!* — думать, — *карету!* (Д. Бак. Четыре недели минуты считать...);

— классические зарубежные произведения: *Кому тоскливей? — / Зимнему дереву, / заглядывающему в окно / зимнего сада, / или дереву зимнего сада / в середине лета? / Принц и нищий* (В. Павлова. Кому тоскливей?..); *Еще видели истощенного старика, что еле передвигал ноги, опираясь на лыжную палку, которую*

вонзал в грязь будто копье, тяжело выдирая назад, к себе, — как будто забрел с небес **Дон Кихот** (О. Павлов. Асистолия);

— мифологические тексты: *Но ее тянуло в старые павильоны, как **Ясона к развалинам своего «Арго»...*** (И. Полянская. Читающая вода); *с глуповатым мужественным лицом **Менелая** / с тех пор как **Елена сбегала от него** / и поступила в стюардессы / он напевает все время / мешая разноцветное пойло под видом коктейлей* (А. Алехин. Бармен);

— фольклорные тексты: *А когда он вернулся от Вики (Ксеньке было объяснено, что папа эти полгода жил в своей первой семье, где у него росли мальчики — Валя и Коля), пнула ногой его чемодан, открыла книжку и сделала вид, что читает: **я от Вали ушел, я от Коли ушел, а от тебя, Синька, и подавно уйду*** (М. Вишневецкая. Пусть будут все); *Ну вот я и вернулся сюда — в **тридешатую** эту весну, / в тридцатисемилетнюю пыль, в лопухие столбики счастья...* (Д. Воденников. Единственное стихотворение 2005 года);

— авторские песни: ***В синем троллейбусе** — давка и паника. / **В синем троллейбусе** — гибель «Титаника»* (С. Александровский. Синий троллейбус); *песчаные бури, тяжелая мутная река Урал, **степь да степь кругом*** (Д. Рубина. Почерк Леонардо); *Хорошо, что в юбочке из плюша, / Всем известна зренья остротой, / Вышла своевременно Катюша / **На высокий на берег крутой.** <...> **Я другой страны такой не знаю,** / Где оно так распространено. / **И упали наземь самураи,** / На груди рванувши кимоно* (И. Иртенев. Выхожу один я на дорогу).

Такая разнородность интертекстуального пространства в художественном дискурсе рубежа XX—XXI вв. определяется, во-первых, временным фактором (культурный багаж человечества сейчас объемнее, чем, например, в XIX в.), во-вторых, сосуществованием разных культурных пластов в сознании каждого автора, осваивавшего в разных жизненных ситуациях разные тексты.

Можно согласиться с мнением О. Семенец, которая считает, что «прецедентные тексты, являясь своего рода стереотипами мышления и оценки, принадлежат как к ценностной модели мира, так и — шире — к текстовой картине мира, понимаемой как система знаний энциклопедического характера, которые закодированы в совокуп-

ности текстов, отражающих все аспекты познания мира человеком, данным историко-культурным сообществом» [Цит. по: Т.Ф. Фильчук, 2011, с. 31]. Автор, отсылая различными способами читателя к другим текстам, заставляет реципиента выстраивать сложные межтекстовые связи, искать истинный смысл исходного текста.

Для современных художественных произведений характерно особенное стилистическое снижение опорных текстов. Н.А. Фатеева подчеркивает разницу в подходах авторов разных литературных эпох к пре-тексту: «Если ранее, в начале XX в., авторы стремились ассимилировать интертекст в своем тексте, влить его в себя вплоть до полного растворения в нем, ввести мотивировку интертекстуализации, то конец века отличает стремление к диссимилиации, к введению формальных маркеров межтекстовой связи, к метатекстовой игре с “чужим” текстом» [Фатеева, 2000, с. 31—32]. Однако такая «метатекстовая игра» заключается отнюдь не в десакрализации опорных текстов, а в их преобразовании в инструмент авторской рефлексии для помещения в стилистически чужеродное пространство дискурса конца XX — начала XXI в. Так, Е.Ю. Муратова отмечает: «Гораздо чаще интертекстуальность представляет собой не диалог или пародирование предтекста, а определенную “точку отсчета” рефлексии автора, его желания понять себя и окружающий мир на новой эмоционально-интеллектуальной волне, источник которой принадлежит другому автору, авторам, коллективному бессознательному, но последующее “море, ими полное” — это собственное творчество, собственное произведение» [Муратова, 2012, с. 32].

При этом авторы используют различные средства:

— употребление в одном контексте интертекстемы и наименования современной реалии: *И я в нарушение графика рассказал ему, что однажды над морем парили паруса, такие же алые, как губная помада фирмы “Ревлон”* (А. Уткин. Самоучки); *Ахилл, на голову выше других, с героическим / подбородком / и скошенным лбом, раз узнает о таможене* (А. Алехин. По вторникам в семь часов вечера...);

— столкновение стилистически разнородных интертекстем: *раскинулось небо широко / товарищ / мы едем / как можно даль-*

ше / возьми кота / и собаку / и саженцы яблонь (А. Василевский. Раскинулось небо широко...);

— комментирование интертекстемы героем или автором: — *А про себя тебе неинтересно знать, кто ты? — Я уже знаю, — уверенно сказал Гоша. — Да? И кто? — Человек. Татьяна хмыкнула. Конечно, это звучит гордо, она со школы помнит, но — маловато этого* (А. Слаповский. Синдром Феникса);

— присвоение интертекстеме функции диалоговой реплики: — *чадаев, помнишь ли? — не помню* (М. Бондаренко. В. Крыжановскому);

— парафраз фрагмента опорного текста: *Ты гори, догорай, моя купина. / Скоро догорю с тобой и я* (Д. Воденников. Май — под каждым кустиком рай); *Ужасный стиль, ужасные сердца* (А. Дмитриев. Призрак театра);

— травестирование (используемое в связи с особыми требованиями к объему текста преимущественно в поэзии): «Экспомонументум» М. Галиной, «Это утро, лошадь эта...» Д. Бака, «Юноша бледный, в печать выходящий!...» Т. Кибирова и др.

Функции интертекста

Применительно к художественному дискурсу исследователи чаще всего выделяют текстообразующую и фатическую функции интертекста (Ю.С. Гаврикова, Н.С. Олизько, Н.А. Фатеева и др.). Действительно, контакт автора и читателя устанавливается в том числе благодаря «встрече» в особом пространстве, которое построено на основе ассоциативной связи текстов. Все остальные функции интертекста (диалогическая, метатекстовая, эмоционально-экспрессивная, людическая и др.) являются производными от двух вышеупомянутых.

Некоторые ученые, в частности Л.Н. Лунькова, предлагают упорядочить многообразие выделяемых функций интертекста, распределив их по категориям: семантические, стилистические, текстообразующие [Лунькова, 2011]. Необходимость такой систематизации бесспорна. Однако в приведенном списке, на наш взгляд, не хватает еще одной функции — коммуникативной.

В художественном дискурсе необходимо также выделить относящиеся к категории семантических номинативную и смыслопорождающую функции интертекста. Первая состоит в наименовании понятия или явления (часто не имеющего однословной номинации в языке) посредством интертекстемы. Например, в повести М. Вишневецкой для обозначения особой формы женской любви используется аллюзия на рассказ А.П. Чехова «Душечка»: *А она бы его как-нибудь полюбила, в каждой женщине теплится Душечка, как лампадка, — перед кем ее ни зажги. Поначалу лишь теплится, а потом и лкует* (М. Вишневецкая. Есть ли кофе после смерти?). Изъятие из фрагмента опорного текста номинативной единицы при сохранении ее определений также свидетельствует о выполнении интертекстемой номинативной функции, поскольку в сознании читателя эллипсис устраняется: *в сердечной простоте ни слова и / ни сна ни жала мудрых змеи; / и празднословный и лукавый замер* (Д. Бак. Диптих).

Смыслопорождающая функция интертекста в художественном (прежде всего поэтическом) дискурсе является одной из базовых. Опорный текст в производном переживает наслаивание новых семантических пластов, благодаря которому обогащаются оба текста. Так, одно из стихотворений М. Айзенберга заканчивается следующими строками: *Как обидно экономен план судьбы, ее канвы. / И трамвай 10-й номер не заблудится, увы* (М. Айзенберг. Слава мальчику-герою и царю своей горы...). Здесь очевидна аллюзия на текст Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай». Однако в стихотворении автора XXI в. ряд сем («смерть», «жизнь», «судьба» и «одиночество»), являющихся ключевыми для опорного текста, дополняет сема «пустота», на которую указывает отрицательная частица (*не заблудится*) и которую поддерживает предшествующий контекст (*Из-за малости какой-то здесь поставили меня / перед тем, что жизнь не диво с окончанием плохим, / а слюна да паутина, да беззвучное dahin* (нем. «туда (ушло, миновало)». — Е.К., М.Ш.)). Таким образом, интертекстема выступает одновременно маркером и пусковым механизмом семантической динамики слова в художественном дискурсе.

Фигуры интертекста

Одной из проблем интертекстологии является описание фигур интертекста, а также их разграничение. В науке нет единого мнения по поводу состава и количества фигур интертекста. Мы, вслед за В.П. Москвиным, к фигурам интертекста будем относить цитирование, текстовую аппликацию, аллюзию, парафраз, травестийное и стилистическое подражание. Безусловно, многие из них требуют уточнения и более глубокого описания.

Сложность в изучении текстовой аппликации заключается в том, что многие исследователи не различают цитирование и текстовую аппликацию. В научной литературе эти понятия не разведены на терминологическом уровне. Например, в словаре А.П. Квятковского находим следующее определение: «Аппликация (лат. *applicatio*, букв. — прикладывание) — стилистический прием вмонтирования в текст литературного произведения общеизвестного выражения (половицы, поговорки, прозаического или поэтического отрывка и т.п.) в качестве прямой цитаты — ссылки или в ином, деформированном виде, например: *На критиков я еду, не свищу, / Как древний богатырь, а как наеду... / Что ж? поклонюсь и приглашу к обеду* (А. Пушкин)» [Квятковский, 1998]. Следует обратить внимание на то, что термин *аппликация* автор объясняет посредством понятий цитаты или парафразы, т.е. не вполне четко разводит указанные понятия.

По мнению В.П. Москвина, текстовая аппликация является фигурой интертекста и ее необходимо отличать от цитации. Таким образом, различие цитирования и рассматриваемой фигуры заключается в том, что у аппликации отсутствует ссылочная часть [Москвин, 2013, с. 90—91]. Поэт И. Иртеньев для реализации своего замысла довольно часто прибегает к приему, «состоящему в использовании в качестве строительных блоков... фрагментов текста без указания на источник» [Там же], т.е. текстовой аппликации. Включение «чужого текста» в свой текст поэт осуществляет неожиданно. Так, строка И. Иртеньева *Цыганы шумною толпою / Толкаю тушь по семь рублей* (Бывало, выйдешь из трамвая... 1991) отсылает нас к поэме А.С. Пушкина «Цыганы». В данном случае

аппликация выполняет текстообразующую функцию, т.е. происходит актуализация знаний о цыганах как о народе. Фраза помогает автору включить в свой текст все то, что известно о цыганах, которые живут преимущественно кочевыми и полукочевыми группами в разных странах мира.

Аппликация и в поэтических, и в прозаических текстах может отличаться сложной структурой, т.е. состоять из точного воспроизведения фрагмента опорного текста и единицы (слова или словосочетания), не совпадающей по форме с исходным участком пре-текста: *А раз так, то и время должно быть такое, чтобы герою захотелось «попробовать скрипучий поворот руля», то есть ощутить свое единение с историей, которая падка на повторения, в том числе и дословные: из-за волнений в городе все ключевые точки, начиная с почты, телеграфа, банков и парламента, находятся под усиленной охраной* (М. Берг. Черновик исповеди. Черновик романа) (ср. у О. Мандельштама: *Ну, что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, / Скрипучий поворот руля*). В прозе такая неточность связана, во-первых, с особенностями человеческой памяти, которая «выхватывает» яркие образы, но труднее закрепляет их точное вербальное воплощение, во-вторых, с тем, что автору достаточно узнавания читателем опорного текста. В поэзии же неточность аппликации чаще всего определена ритмическим рисунком производного текста: *Моль кружится и хлопочет / возле штапеля и ситца. / То есть дышит, где захочет. / Человека не боится* (М. Айзенберг. И в свою уходит штольню...) (ср.: *Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа* (Ин 3: 8)); *на черный день спроси его / зачем арапа своего / младая любит дездемо / глядясь в постылое трюмо* (Д. Бак. Спросите вы у тишины) (ср. у А.С. Пушкина: *Зачем арапа своего / Младая любит Дездемона*). От парафразы такая усложненная аппликация отличается тем, что предполагает изменение отдельной словоформы, а не вмешательство в лексический состав исходного фрагмента (ср.: *Смешное помнится на расстоянии, так он шутит* (А. Дмитриев. Призрак театра); *...а как ныне собирается путин распутица буря* (М. Бондаренко. Дорогие леша андрюша гриша сережа саша...)).

Таким образом, для поэтического текста план выражения фрагмента опорного текста, с одной стороны, обладает большей значимостью, с другой — иногда требует преобразования. Если ритм такого фрагмента идентичен ритму производного текста, можно говорить о ритмической аппликации [*Но жив сонет, свидетель дней иных! / Чекань его, поэт, не презирай: / Суровый Дант не презирал сонета* (С. Александровский. Гекзаметра священные напевы...); *Он станет сам собой, и в дальние края / Бежит он дикий и суровый...* (М. Галина. Про жука)], в противном случае — о неритмической аппликации: *Что ж, веселитесь... Стих железный, / Облитый злобой... bla-bla-bla... / В надежде славы и добра / Мне с вами склочничать невестно* (Т. Кибиров. С необщим выраженьем рожи...).

Рассмотрим механизм действия текстовой аппликации. Обратимся к рис. 2.

Рис. 2

Механизм образования аппликации включает три взаимосвязанных элемента: исходный текст, интертекстемму (интертекстуальные включения) и ассоциативное поле. Происходит наложение интертекстеммы на часть исходного текста, в результате чего возникают ассоциации (именно те ассоциации, которые необходимы автору для раскрытия замысла его творения); как кажется, именно

таким образом рождается новый смысл, который изменяет семантику поэтического произведения в целом.

Авторы используют коммемораты, рассчитанные на то, что читатель вспомнит текст, послуживший источником [Москвин, 2013, с. 91]. Например, строку *Какой светильник разума угас! / Какое сердце биться перестало!* из стихотворения «Памяти Добролюбова» Н.А. Некрасова, ставшую крылатой, находим у Иртеньева: *Пусть скажут, что объелся белены я, / Что мой **светильник разума угас**, / Я пью за вас, политики родные, / Поскольку кто-то должен пить за вас* (Я человек язвительный и колкий, 1997). Эта фраза иносказательно говорит о кончине выдающегося человека, поэтому, включая ее в текст, автор выражает свое отношение к политикам страны.

Довольно часто авторы поэтических произведениях, используя известные фрагменты из классической литературы, намеренно создают некие противоречия, которые нередко бывают парадоксальны. Интертекстуальные включения строятся по принципу контраста. Автор осознанно извлекает известные строки для того, чтобы расширить границы языкового пространства текста: *Не гляди так строго, / Не гони понты, / **Погоди немного** — / **Отдохнешь и ты*** (И. Иртеньев. Внешний вид товарный... 1999). Эти строки адресуют нас к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Из Гете»: *Горные вершины Спят во тьме ночной; / Тихие долины Полны свежей мглой; / Не пылит дорога, Не дрожат листья... / Подожди немного, **Отдохнешь и ты***. Как видим, на семантическом уровне эти фразы близки друг к другу, однако между ними можно уловить разницу. У Иртеньева реализуется значение «тюрьма», а у Лермонтова — «смерть». На смысл этих фраз, как нам кажется, влияет пунктуационный знак: у Иртеньева — тире, которое указывает на следствие, а у Лермонтова — запятая, что означает продолжение.

Принято считать, что текстовая аппликация — это прием, который состоит в использовании фрагментов прецедентных единиц без ссылочной части. Как правило, это дословное воспроизведение части опорного текста. Однако, как нам кажется, иногда встречаются и другие способы образования аппликации. Авторы часто (с определенной целью) меняют знаки препинания в заимствован-

ной фразе или отсекают часть высказывания. Приведем подобные примеры.

Он, мятежный просит бури,
Дышит гневом и тоской,
В нашей, блин, литературе
Он всего один такой.

И. Иртеньев. Кто из нас не знает Мишку? 1995

Первая строка адресует читателя к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Парус», но у автора представлена иная пунктуация *А он, мятежный, просит бури, / Как будто в бурях есть покой!* Строки Иртеньева посвящены своему другу-писателю, простому и скромному Михаилу Мишину. Строка поэта-ирониста отличается от строки М.Ю. Лермонтова отсутствием противительного союза *а* и запятой, стоящей после слова *мятежный*. Различия незначительны, однако таким способом Иртеньев исключает противопоставление, автор, наоборот, утверждает, что лирический герой *просит бури, дышит гневом и тоской*. На основе таких преобразований рождается новый смысл.

Иначе текстовая аппликация представлена в другом поэтическом произведении:

Кончался век, XX век,
Мело, мело во все пределы,
Что характерно, падал снег,
Причем, что интересно, белый.

И. Иртеньев. Кончался век, XX век... 1989

Опорным текстом в данном случае является стихотворение Б. Пастернака «Зимняя ночь»: *Мело, мело по всей земле / Во все пределы. / Свеча горела на столе, / Свеча горела*. В стихотворении Иртеньева строка видоизменена, она сжата. Автор исключил из пастернаковских строк словосочетание *по всей земле*. Думается, это не случайно. Иртеньев убирает нарастание *по всей земле — во все пределы*, тем самым указывая на масштабность авторского замысла.

Многие исследователи отмечают, что аллюзия считается одним из наиболее неопределенных понятий в стилистике. Чаще всего аллюзию отождествляют с аппликацией, хотя известно, что текстовая аллюзия воспроизводится в отличие от текстовой аппликации фрагментарно и неточно.

По определению В.П. Москвина, аллюзия — это свернутая, часто однословная выдержка из пре-текста, используемая без ссылки на автора [Москвин, 2013, с. 110]. Ссылка, как правило, опускается по причине известности пре-текста. Большинство специалистов полагает, что механизм действия аллюзии сводится к нескольким этапам: 1) распознавание маркера (пре-текста), или репрезентанта; 2) идентификация исходного текста; 3) модификация первоначальной части текста; 4) активация читаемого текста.

В качестве репрезентанта аллюзии, по мнению В.П. Москвина, могут выступать: а) коммеморатная лексика; б) ряд однословных единиц, не отражающих компонентной, позиционной и грамматической структуры исходного текстового фрагмента [Москвин, 2013, с. 111].

Аллюзия в современном художественном дискурсе обычно выступает средством актуализации определенного фрейма, который уже нашел репрезентацию в опорном тексте. Так, Е.А. Огнева отмечает, что фрейм «является основополагающей когнитивной структурой, вербализуемой в концептосфере художественного произведения соответствующими речемыслительными образованиями» [Огнева, 2009, с. 4]. При этом в процессе восприятия прозаического текста читатель просто восстанавливает фрейм в том виде, который предложен предшественником автора, поэтический же текст оказывается средой, в которой структура такого фрейма нередко усложняется. Приведем примеры.

В романе И. Полянской «Горизонт событий» встречается отсылка на поэму Н. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы»: *Память у Нади как бабушкин ларь, в котором приплыло все ее добро на плоту во время великого переселения из затопляемой деревни, — серебряные наперстки, старые образа, коклюшки, бархатные лоскуты, медальон с часами, дубовый крест с могилы родителей, книги на медных застежках, яхонтовые пуговицы, фантики от ярмарочных тянучек — все, что могло, запрыгнуло в ее сундук, как*

зайцы деда Мазая (И. Полянская. Горизонт событий). В данном случае, как и в поэме Н. Некрасова, репрезентируется фрейм «Спасение»: существование разнообразных сведений длится благодаря памяти героини (*Так и у Нади в голове — и звезды, и названия бабушкиных цветов, и внутреннее устройство судов, а кому это все надо?*). Такую же интертекстему можно встретить у Т. Кибирова: *Шкодлив, как кошка, и труслив, как зайц, / все поджидая дедушку Мазая* (Т. Кибиров. Юбилей лирического героя). Однако здесь фрейм «Спасение» содержит субфрейм «Ожидание», выраженный в стихотворении глаголами *жду* (*Все жду чего-то*), *поджидая* и отсутствующий в опорном тексте и романе И. Полянской. Кроме того, современный поэт меняет ракурсы в описанной Н. Некрасовым ситуации, рассматривая ее с позиции пациента (зайца).

Графически аллюзию можно представить следующим образом:

Рис. 3

Из рис. 3 видно, что через «воронку» проходит три составляющих аллюзии: авторский текст, интертекстема и ассоциации, на выходе адресат «сталкивается» со знаком. Рассмотрим механизм образования аллюзии.

Исходный текст имеет смежные, касающиеся друг друга, части с интертекстемой, у них есть лишь общие точки соприкосновения, в результате чего посредством ассоциаций происходит взаимодействие исходного текста с репрезентатами. Поэтому в отличие от

аллюзии аллюзия воспроизводится фрагментарно. Таким образом, аллюзия предстает в виде знака (символа), который намекает на что-либо, или что-либо подразумевает. Например, известный всем символ гоголевской *птицы-тройки*, выступающий в качестве поэтического образа России, нередко встречается в современных художественных (и не только) текстах, где писатели, указывая на глубокий смысл, расширяют семантическое поле своего произведения. Ср.: *Куда мчимся, да? Птица-тройка дает ответ, дышлом да мозги вон, впрягли в бричку лебедя, рака и щуку и задумали сыграть квартет, но мартышка в старости слаба мозгами стала, кибитка потерял колесо, и докатилось оно и до Москвы, и до Казани, и до Трансвааля, страны моей: земля-то — она круглая и вертится* (М. Веллер. Ножик Сережи Довлатова); *В итоге эти четыре вектора образуют такую художественную доктрину: в отличие от народов, организованных унитарно, вроде немцев, у которых даже нет понятия «непорядочный человек», русские представляют собой нацию крайне пеструю в рассуждении духовных и нравственных установок или отсутствия таковых; то есть это Германия — слаженная, устремленная «птица-тройка», а Россия существует по дедушке Крылову: кто навострился вспять, кто в омут, кто в небеса* (В. Пьецух. Деревенские дневники); *Неужто нету места в птице-тройке / Куда мне свой пристроить интеллект? // Довольно быть объектом перестройки / Аз емь ея осознанный субъект!* (И. Иртеньев. Ах, отчего на сердце так тоскливо?).

Аллюзия в структурном отношении может быть представлена не только словесным образом (знаком, символом), но и одной лексической единицей, сочетанием слов или сверхфразовым единством.

Нельзя не согласиться с мнением Шарля Нодье, что «цитата в собственном смысле слова свидетельствует лишь о поверхностной и заурядной эрудированности; удачная же аллюзия иногда несет на себе печать гения» [Цит. по: Пьего-Гро, 2008, с. 91]. В этом и заключается вся сложность в описании такой фигуры интертекста, как аллюзия.

Авторы произведений довольно часто используют парафраз в целях игры с читателем-интеллектуалом для реализации своих замыслов.

В.П. Москвин рассматривает парафраз как фигуру интертекста и считает, что «парафраз состоит в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста» [Москвин, 2013, с. 118]. Механизм действия парафразы заключается в следующем: в структуре исходной фразы происходит замена либо слова, либо словосочетания. Однако замена должна быть незаметна. По мнению В.П. Москвина, замена должна быть осуществлена либо равносложным словом, либо близкозвучным [Там же].

Рассмотрим механизм образования парафразы на примере поэтических произведений Еременко и Иргеньева.

1. Замена или вставка слова.

У А. Еременко в стихотворении «Переделкино» встречаем строки: *С крестов слетают кое-как / криволинейные вороны. / И днем и ночью, как ученый, / по кругу ходит Пастернак* (Переделкино). Эти строки отсылают нас к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» *И днем и ночью кот ученый / Все ходит по цепи кругом...* Интересны замены автора: слово *кот* заменяется равносложным и близкозвучным словом *как*, меняется и грамматическая форма слова — имя существительное (самостоятельная часть речи) на сравнительный союз (служебная часть речи). Слово *ученый* в данном контексте используется в качестве субстантивированного существительного в отличие от пушкинских строк, где слово *ученый* является прилагательным. Строка *по кругу ходит Пастернак* звучит иначе, поскольку автор изменяет и структуру, и лексический состав фразы.

В этом же стихотворении встречаю фразу *и, бедный, на ветвях сидит*, которая схожа с пушкинской фразой *Русалка на ветвях сидит* (Руслан и Людмила). А. Еременко вместо слова *русалка* использует слово *бедный*, тем самым расширяя границы своего поэтического пространства. Слово *бедный* (хотя и написано с маленькой буквы) соотносится с именем известного советского поэта Демьяна Бедного.

В предпоследнем четверостишии *И я там был, мед-пиво пил, / изображая смерть, не муку, / но кто-то камень положил / в мою протянутую руку* автор использует фразы А.С. Пушкина *И там я был, и мед я пил*, а также М.Ю. Лермонтова *И кто-то камень положил / В его протянутую руку* (Нищий). А. Еременко в пушкин-

скую строку вставляет слово *пиво*, что свидетельствует сразу же о разрыве со сказочным жанром, так поэт говорит уже о современной ему действительности. В строке Лермонтова автор заменяет личное местоимение *его* на притяжательное местоимение *мою*, указывая таким образом на самого себя.

В произведениях И. Иртеньева также можно встретить парафраз, где происходит замена слова. Например, автор в известной строке А.С. Пушкина *Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна...* (Зимняя дорога) заменяет слово *пробирается* на слово *продирается*, таким образом меняя тональность стихотворения *Сквозь волнистые туманы / Продирается луна, / Спят бомжи и наркоманы, / Лишь путанам не до сна* (Колыбельная). Автор использует стилистически сниженную лексику.

2. Замена словосочетания.

В парафразе может быть заменено не только слово, но и словосочетание. Например, строки А. Еременко *Играет ветер, бьется ставень. / А мачта гнется и скрыпит. / А по ночам гуляет Сталин* (Переделкино) адресуют читателя к строкам М.Ю. Лермонтова *Играют волны — ветер свищет, / И мачта гнется и скрыпит...* (Парус). Автор намеренно использует уже известные строки, включая их в свое поэтическое пространство, где происходит обыгрывание смыслов.

Во фразе И. Иртеньева *Я жить хочу, чтоб думать и умнеть, / На радость двадцать первому столетию / Желая в нем цвести и зеленеть* (Ах, отчего на сердце так тоскливо?) угадываются строки А.С. Пушкина *Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...* (Элегия). Автор пушкинское словосочетание *мыслить и страдать* заменяет на словосочетание *думать и умнеть*. Слова *думать* и *мыслить* являются синонимами и различаются лишь стилистически. Слова *умнеть* и *страдать* имеют разные лексические значения, поэтому, когда автор производит такую замену, строка звучит по-другому. Чувство подавляется Иртеньевым, главное для поэта — становиться умнее.

3. Изменение структуры исходной фразы.

Необходимо отметить, что авторы могут заменять не только слова и словосочетания, но и изменять структуру заимствуемой цитируемой, «крылатой» или коммеморатной фразы; эта фигура именуется

псевдочитацией [Москвин, 2013, с. 119]. Псевдочитация узнается благодаря наличию слов, которые отсылают читателя к пре-текстам. В поэтическом произведении И. Иртеньева «Авось» находим такие строки: *Мы впереди планеты всей / Не только в области балета,* которые, в свою очередь, адресуют нас к словам песни Ю. Визбора «Рассказ технолога Петухова» *А также в области балета, / Мы впереди, говорю, планеты всей, / Мы впереди планеты всей!* В данном случае мы видим, что структура фразы изменена. Иртеньев меняет местами строки, тем самым изменяя их смысл.

В четверостишии И. Иртеньева *И красный, словно Дед Мороз, / Но в белом венчике из роз, / Партийный лидер впереди / В казенной черной Ауди* (Власть, как положено, ворует...) легко узнаются строки А. Блока из поэмы «Двенадцать» *В белом венчике из роз — / Впереди — Иисус Христос.* Так автор, отсылая читателя к опорному тексту, обогащает свой текст ассоциативными связями. Поэт рисует уже современные ему картины российской действительности, дает оценку событиям, происходящим в жизни русского народа.

В художественном тексте довольно активен фразеологический парафраз (который, впрочем, как известно, к интертекстуальности прямого отношения не имеет). Так, А. Еременко в стихотворение «Дума» включает известные фразеологизмы, однако воспроизводит поэт их иначе. Например:

Она семь тел выстраивает в теле,
ее каркас подвешен на каркасе,
и роль ее — ни шарик и ни ролик,
ей можно **кол тесать на голове.**

Она не может **сесть в чужие санки,**
хватается за бабу и за деду,
она хоть **зубы покладет на полку,**
но любит всех до глубины души.

Как говорил какой-то **Встанька Ваньке,**
сегодня **хрен намного слаще редьки,**
в **колеса палкам** можно **ставить елки,**
а **ушки на макушке** хороши.

В данном случае автор парафразирует и переосмысливает устойчивые сочетания слов *хоть кол на голове теши; не в свои сани не садись; положить зубы на полку; Ванька-встанька; хрен редьки не слаще; вставлять палки в колеса; ушики на макушке*. А. Еременко подвергает фразеологизмы деформации, производит лексические замены, вставки необходимых элементов для достижения нужного ему (явно иронического) смыслового эффекта.

Таким образом, механизм образования парафраза предполагает: а) замену или вставку слова; б) замену словосочетания; в) изменение структуры фразы. Поэты довольно часто используют парафраз, который выполняет эстетическую функцию в поэтическом дискурсе. Авторы произведений, на наш взгляд, осознанно включают фрагменты «чужого текста» в свой текст. В качестве пре-текстов поэты выбирают произведения классической литературы, что говорит об их отношении к русской культуре.

В заключение отметим, что интертекст в художественном дискурсе имеет свою специфику. Обращение к интертекстуальности связано с активной установкой автора текста на диалогичность, которая позволяет ему не ограничиваться лишь сферой своего субъективного, индивидуального сознания, а вводить в текст одновременно несколько субъектов высказывания, которые оказываются носителями разных художественных систем [Фатеева, 2000, с. 4]. Художественный текст представляет собой сложную по организации систему, где неразрывность и преемственность имеют большое значение в осмыслении и восприятии текста в целом.

Литература

- Аксенова Н.С. Интертекстуальность в литературоведении и лингвистике: проблема выбора подхода // Вестник МГОУ: электрон. журн. 2013. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/271>
- Гаврикова Ю.С. Интертекстуальность англоязычных антиутопий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.
- Золотухина Е.Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2009. 26 с.

- Каунова Е.В. Парафраз как фигура интертекста (на материале поэтических произведений А. Еременко и И. Иртеньева) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 10 (29): сб. ст. по матер. XXIX межд. науч.-практ. конфер. Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2013. С. 29—36.
- Каунова Е.В. Текстовая аппликация как фигура интертекста (на материале поэтических произведений И. Иртеньева) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2013. № 9 (84).
- Лунькова Л.Н. Интертекстуальность художественного текста: оригинал и перевод: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
- Макеева М.Н. Интертекстуальность как авторская техника программирования читательского восприятия художественного текста [Электронный ресурс] // Герменевтика в России: [электрон. журн.]. 1999. Т. 3, вып. 1. URL: <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1999-1/1999-1-07.pdf>
- Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М.: Либроком, 2013.
- Муратова Е.Ю. Интертекстуальность как фактор смыслопорождения в поэтическом тексте // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 «Языкознание». 2012. № 2 (16).
- Наумов С.А. Формализация интертекстуальных отношений в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
- Огнева Е.А. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009.
- Олизыко Н.С. Интертекстуальный анализ художественного произведения. Челябинск: Энциклопедия, 2008.
- Олизыко Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009.
- Русская литература и фольклор: фундамент. электрон. библиотека. URL: <http://feb-web.ru>
- Сушилина И.К. Современный литературный процесс в России: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУП, 2001. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook027/01/part-004.htm#i593>

- Теучеж З.Г. Структурно-семантическая и коммуникативно-прагматическая специфика лингвистической парафразы (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2008.
- Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000.
- Филатова О.М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. «Филол. науки». 2006. № 5 (2).
- Фильчук Т.Ф. Категория интертекстуальности в ее лингвофилософской природе и дискурсивных проявлениях // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Філологія». 2011. № 936. Вип. 61.
- Шишкина М.В. Классификация пре-текстов поэзии Т. Кибирова (на материале стихотворений конца 1990 — начала 2010-х гг.) // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2013. № 10. Вып. 3.
- Шишкина М.В. Функции интертекста в русской поэзии конца 1990-х — начала 2010-х гг. (на примере творчества Т. Кибирова, С. Гандлевского, Д. Воденникова, В. Павловой) // Acta linguistica. 2013. Т. 7. № 2.

ГЛАВА 8. Интертекстуальность в эпистолярном дискурсе¹

Т.П. Акимова

В последнее десятилетие лингвистическое изучение эпистолярных текстов является весьма популярным. Многие авторы рассматривают эпистолярный как тип дискурса (С.В. Гусева [2006], Т.В. Кыштымова [2008], А.В. Курьянович [2001], Н.В. Сапожникова [2005], О.С. Сыщиков [2000], Ю.Л. Троицкий [1999], О.П. Фесенко [2009], М.Ж. Чаркин [2012]).

В отечественной лингвистике в настоящее время термин «дискурс» — один из самых употребительных и в то же время один из самых многозначных. Дискурс соотносится с понятиями «текст», «высказывание», «стиль». Под дискурсом понимается сложное явление, представляющее собой совокупность акта создания речевого произведения и экстралингвистических факторов — знаний о мире, намерений, установок и конкретных целей говорящего субъекта. Дискурс рассматривается как вид деятельности, в котором отражено все богатство реальной ситуации, в том числе личности коммуникантов, их мотивы, интенции, социальные статусы и т.п.

Вслед за О.П. Фесенко, мы понимаем под эпистолярным дискурсом «речевое произведение, созданное и функционирующее с учетом определенной национально-временной эпистолярной традиции, имеющее письменную форму и реализующееся во всем

---

¹ Глава подготовлена в рамках проекта 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (грант РГНФ).

многообразии его когнитивно-коммуникативных функций» [Фесенко, 2008, с. 140]. Анализ эпистолярного текста как дискурса дает возможность исследователю представить письмо «как сложное коммуникативное явление, связанное не только с актом его создания, но и со значительным количеством экстралингвистических факторов — знаний о мире, намерений, установок и конкретных целей говорящего, который является создателем дискурсивного текста» [Рогалева, 2005, с. 6].

В современном языкознании активно исследуется феномен интертекстуальности, под которой понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций» [Арнольд, 1999, с. 346].

Чужая речь может встретиться в любом речевом произведении, к какому бы жанру и стилю оно ни относилось. Значительное место чужой речи отводится в устном общении, большинство реализаций которого лежит в сфере разговорного стиля речи.

Разговорная речь, противопоставляемая кодифицированному литературному языку, «используется в условиях неподготовленного, непринужденного общения при непосредственном участии говорящих в речевом акте» [Земская, 1979, с. 5]. Разговорный стиль существует в основном в устной форме, однако может реализоваться и на письме: в неофициальной дружеской переписке, записках на бытовые темы, репликах персонажей в пьесах и нек. др. В таких случаях в тексте фиксируются особенности разговорной речи, представленные на различных языковых уровнях.

С интертекстуальностью тесно связано понятие прецедентности. Прецедентные тексты — это смыслонесущие элементы дискурса как всей нации, так и отдельной социальной группы, вплоть до отдельной языковой личности.

Актуальным направлением в изучении прецедентных текстов является анализ их использования в эпистолярном наследии писателей (в частности, А.П. Чехова [Арбузова, 2007; Гусева, 2004]), ученых [Парсамова, 2004], т.е. людей, внесших значительный вклад в развитие национальной культуры. Результатом подобных исследований становится характеристика идиостиля частной пере-

писки, отражающая своеобразие той или иной авторитетной языковой личности.

Данная работа посвящена описанию закономерностей использования фрагментов чужой речи в неофициальных письмах, где «речевое поведение участников общения не предполагает заданности, осознанности, контроля за использованием языковых средств общения» [Хорошая речь, 2009, с. 123].

Материалом для исследования послужили письма русских писателей XIX—XX вв. (А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, М.А. Шолохова, В.П. Астафьева). Обращение к писательскому эпистолярию обусловлено в первую очередь тем, что создателей художественных произведений отличает высокий уровень владения речью, т.е. они принадлежат к элитарной речевой культуре [Гольдин, Сиротинина, 1993], приоритет изучения которой неоспорим. Кроме того, широкий временной диапазон рассматриваемых источников позволяет выявить тенденции изменения, связанные с представлением чужой речи в эпистолярном тексте.

Анализа источников прецедентных высказываний позволил установить, что среди фрагментов текстов, используемых в эпистолярной русской писателей, наиболее популярны следующие: 1) пословицы; 2) русская классическая литература, в том числе пушкинский текст; 3) Библейские тексты; 4) афоризмы; 5) иностранная литература; 6) песенное творчество. Тенденция современности, состоящая в употреблении в качестве прецедентных текстов реплик из анекдотов, фильмов, находит отражение в письмах В.П. Астафьева. Подробные данные о количестве высказываний с прецедентными текстами, относящимися к выделенным группам источников, в письмах анализируемых авторов см. в Таблице 1 (конец главы).

Анализ частотности той или иной группы прецедентных текстов в эпистолярном наследии русских писателей позволяет выявить предпочтения каждого из анализируемых авторов. Так, А.С. Пушкин и В.П. Астафьев в письмах наиболее активно используют пословицы и фрагменты русской классической литературы, Л.Н. Толстой — отрывки из художественных текстов на иностранных языках; А.П. Чехов часто обращается к Библейским текстам и пословицам; М. Горький наряду с текстами Священного Писания активно употребляет афоризмы.

В целом высказывания, включающие прецедентные тексты, довольно часто встречаются в письмах А.П. Чехова, А.С. Пушкина, В.П. Астафьева и М. Горького. Несколько реже они представлены в эпистолярной Л.Н. Толстого и значительно реже — в письмах М.А. Шолохова. Высокую частотность прецедентных высказываний лингвисты отмечают и в современной разговорной речи: «цитации в разговорном дискурсе значительно больше привычных ожиданий» [Харченко, 2010, с. 144]; «цитируются чаще всего мемы художественного, песенного, публицистического дискурсов (крылатые слова, афоризмы)» [Там же, с. 157].

Рассмотрим подробнее приемы включения фрагментов чужой речи, наиболее характерные для писательского эпистолярного жанра, с указанием функций, реализуемых каждым из них. Помимо выявления целей употребления фигур интертекста планируем определить тенденции использования чужой речи в эпистолярных текстах на протяжении XIX—XX вв.

При разграничении приемов, реализующих интертекстуальность, опираемся на классификацию, данную в монографии В.П. Москвина [Москвин, 2011, с. 78—162]. Наиболее характерными для частных писем являются следующие фигуры интертекста: цитирование, аппликация, аллюзия, парафраз.

Цитирование — «дословное воспроизведение фрагмента текста, сопровождаемое ссылкой на источник» [Там же, с. 78]. В анализируемом материале представлено 79 цитат (количество случаев цитирования прецедентных текстов каждым из авторов представлено в табл. 2). Цитирование в частных письмах используется преимущественно как прием усиления выразительности речи.

Наиболее значимое различие в употреблении прецедентных текстов посредством цитирования в письмах XIX и XX вв. связано с использованием источников на иностранных языках. В эпистолярной А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова нередко можно встретить высказывания на языке оригинала. В эпистолярном наследии писателей XX в. иностранные вкрапления отсутствуют.

К особенностям цитирования в частных письмах относится прежде всего нарушение точности цитаты при цитировании по памяти, обусловленное, на наш взгляд, непринужденностью эписто-

лярного общения: *Так что царь выбирает не из тех тысяч живых, энергичных, истинно просвещенных, честных людей, которые рвутся к общественному делу, а только из тех, про которых говорил Бомарше: «Médiocre et rampant et on parvient à tout»* [Толстой, 1984 б, с. 502] («Будь ничтожен и подобоострастен и всего достигнешь» (фр.). Ср. реплику главного героя из комедии Бомарше «Женитьба Фигаро» «Médiocre et rampant; et l'on arrive à tout»; ...я должен читать их (рассказы. — Т.А.), редактировать и, как говорит Пушкин, «с отвращением читать жизнь мою»... [Чехов, 1957, с. 299] (ср. отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание»: «И с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклинаяю...»); *Пишу Вам письмо из Вологды, куда переехал жить. Долго объяснять, как надоел мне угрюмый Урал... Словом, как писала Майя Борисова, «Не дай вам бог покидать нелюбимые города...»* [Астафьев, 2009, с. 141] (ср. отрывок из стихотворения М. Борисовой «Нелюбимые города»: «Нет, не дай мне бог никогда Оставлять за своей спиною Нелюбимые города»).

При указании на источник цитирования автор и / или название текста могут не конкретизироваться, если они обладают широкой известностью: *Относительно знаменитостей, пообещавших Вам прислать кельк-шоз, могу словами известного текста сказать: «Не надейтесь на князи, сыны человеческие», а потому торопите их, не давая им ни отдыха, ни срока»* [Чехов, 1956, с. 78] (источник — Псалтырь, псалом 145, ст. 3, ср. точную цитату: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческие, в нихже несть спасения»); *Так что в августе будет у нас людно. Как писал поэт: «Все флаги в гости будут к нам!»* [Шолохов, 2005, с. 598]; *Ну что ж, «хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспоривай глупца...». Вон когда сказано-то! И кем!* [Астафьев, 2009, с. 543].

А.П. Чехов использует в письмах и собственные афористические высказывания, приписывая их другим авторам: *Вас нужно не столько хвалить за то, что Вы хорошо пишете, сколько бранить и поносить за то, что мало пишете. <...> Зажгите себя! Ведь Вы так легко воспламеняетесь! «Малописание для пишущего так же вредно, как для медика отсутствие практики»* (Сократ, X, 5) [Чехов, 1956, с. 179].

Цитирование в писательском эпистолярии используется преимущественно как прием выразительной речи. Однако в анализируемом материале отмечены случаи употребления цитат и в других функциях.

Так, в письмах А.П. Чехова встречается использование цитат для придания высказыванию комического эффекта, в частности при самоиронии: *Был я в Питере и, живя у Лейкина, пережил все те муки, про которые в писании сказано: «До конца претерпех»...* *Кормил он меня великолепно, но, скотина, чуть не задавил меня своею ложью...* [Чехов, 1956, с. 71—72] (источник — Новый Завет, Евангелие от Матфея, гл. 24, ст. 13).

В письмах В.П. Астафьева отмечены случаи использования данной фигуры интертекста для подчеркивания своей более сильной коммуникативной позиции по сравнению с позицией адресата: *Эх, Горенский, Горенский, Гавриил Георгиевич! Мы уж и ложь во спасение прошли, а Вы все еще «тама», все еще врете себе и другим! А ведь тезка Ваш, придворный поэт Гавриил Державин, писал еще двести лет назад: «Злодейства землю сотрясают! Неправды зыблют Небеса!..» И этого не знаете?!* [Астафьев, 2009, с. 384].

Отрывки из текста, который не знаком широкой аудитории и поэтому не может быть отнесен к прецедентным, в анализируемом материале встречаются довольно редко. Напротив, высказывания, дословно воспроизводящие чужую речь (устную или зафиксированную в письменном виде, но не существующую в виде печатного издания), весьма частотны в эпистолярном тексте. Признаком чужой речи в письме является, во-первых, наличие кавычек (кроме писем А.С. Пушкина, в которых значительная часть высказываний с чужой речью оформлена без кавычек), а во-вторых, указание на источник сообщения и глаголы речемыслительной деятельности, организующие высказывание. Обратимся к анализу функций таких высказываний в эпистолярном тексте.

В целом автор включает фрагменты чужой речи в свое письмо для усиления выразительности собственного речевого произведения.

Немецкий исследователь Г. Брюннер, исходя из положения о том, что основной коммуникативно-прагматической целью ис-

пользования высказываний с прямой речью является принуждение говорящего участвовать в проигрываемой коммуникативной ситуации, выделяет две функции высказываний с прямой речью: 1) функция «свидетельства», состоящая в том, что слушающего непосредственно информируют о высказывании, в результате чего он становится невольным свидетелем передаваемой коммуникативной ситуации; 2) функция «включения», заключающаяся в том, чтобы вовлечь слушающего в воспроизводимую коммуникативную ситуацию, следствием чего является усиление контакта партнеров и более наглядное представление адресатом событий и ситуаций [Brünner, 1991, с. 7].

Функцию свидетельства в эпистолярном тексте выполняют прежде всего высказывания, которые содержат речь автора письма, обращенную к себе или к третьим лицам и / или речь третьих лиц, обращенную к автору или его собеседникам: ... *псковский лекарь говорит: можно обойтись и без операции, но нужны строгие предосторожности: не ходите много пешком, не ездите верхом, не делайте сильных движений etc. etc.* [Пушкин, 2006 а, с. 546]; *Уж давно Третьяков подсылал ко мне, но мне не хотелось, а нынче приехал этот Крамской и уговорил меня, особенно тем, что говорит: «Все равно ваш портрет будет, но скверный»* [Толстой, 1984 а, с. 742]; *В Москве недавно был Суворин, и когда я прочел ему первые 20 строк повести и рассказал стержень, то он сказал: «Я бы не решился это напечатать»* [Чехов, 1956, с. 533]; *Представлялся мне один из местных помещиков — интересный парень, по его словам. Говорит, что «любит царя, кто б он ни был (?), склонен к дебошам, сорок раз падал с лошади и оттого несколько рассеян, а может быть, и просто глуп»* [Горький, 1954, с. 248]; *А тут мать покою не дает: «Светик теперь гуляет, Светик обедает», и так бесконечно* [Шолохов, 2005, с. 53]; *Хотел уж я написать Николаю Николаевичу из села этого заснеженного послание, а потом подумал: «Зачем? Ведь он же притворяется! Если б заблуждался — другое дело. А знать, хорошей, многострадальной души человек и книжку с хорошей надписью прислал»* [Астафьев, 2009, с. 76].

В письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого отмечены примеры дословной передачи речи собеседников автора письма на француз-

ском языке: *Наталья Кирилловна сердится на всех <...>. На княгиню также дуется и говорит: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consoles* («Господи, да мы все потеряли наших мужей и, однако же, утешились» (фр.)) [Пушкин, 2006 в, с. 300]; *Выходит егоза Варенька с коротким носом, но с большими грудьюми, говорит: «Maman, aujourd'hui c'est un jour heureux pour moi, j'ai vu deux fois m-me Burest»* («Ма-маша, сегодня для меня счастливый день, я два раза видела мадам Бюре» (фр.))» [Толстой, 1984 а, с. 322].

В эпистолярной М.А. Шолохова и В.П. Астафьева встречается прямая речь на украинском языке: *«И колхозник — бывший партизан, зло блестя глазами, говорит: “у панив и раньше была справниша худоба”»*... [Шолохов, 2005, с. 120]; *Есть начальство на двух ногах и даже на трех, которое попадаетея и лаёт: «Як цэ можэ буты, шоб громадяника, та ше червоноармейца бэз лапы на нашему лучшему, передовому, гуманному экране показуваты? Чи мы капыталісти, чи футуристи?.. Пэрэробить!»* [Астафьев, 2009, с. 137].

Начиная со второй половины XIX в. в письмах при цитировании чужой устной речи могут отражаться графически особенности произношения собеседников автора письма. Фиксация на письме отклонений от произносительных норм позволяет имитировать особенности речи третьих лиц, чей «речевой портрет» автор хочет представить адресату. Можно выделить следующие группы высказываний:

а) имитирующие речь носителей другого языка: *Помню — в Диком поле «чабан», указав мне на тень птицы, мелькнувшую по гол-лой степи, по камням, рассеянным в ней, сказал: «Видэшь? Камэнь хотел тэнь поймать, — шевелился?»* [Горький, 1955 б, с. 90]; *Тут проснулся Мирза — мой сосед и спокойнехонько говорит: «Я бзял. Чего кричишь? Я тибя пят раз стучал. Тибы нету. На, биры свою письма»* [Астафьев, 2009, с. 35];

б) имитирующие речь носителей диалекта: *Мальчик богатый, сын дворника, видал попугая и рассказывает другим, которые не верят: «Да ты толкуй, как человек говорит». «Ну! Да он тебя так обсрамит, что и умному человеку так не обрезают»* [Толстой, 1984 а, с. 541]; *Потом, когда ей (Апроне. — Т.А.) пенсию увеличи-*

ли, она с четушкой ко мне прибежала: «*Давай оммывать!*» [Астафьев, 2009, с. 600];

в) имитирующие детскую речь: *Я особенно ярко помню девочку в Горбатовке, когда она ходила по лесу и кричала: «И я нашла ги-лип!»* [Горький, 1954, с. 449]; ...он (внук. — Т.А.) и сказал «*Хосю зыть в Овсянке с дедой*» [Астафьев, 2009, с. 309];

4) имитирующие заикание, картавость: ...вероятно, он (Пальмин. — Т.А.) *теперь бранит меня: — Мальчишка! Чегт!* [Чехов, 1956, с. 405]; *Д-р Полканов <...> кричал тогда: «Д-да ведь это же си-имволич-ческая кикимора, п-послушай!»* [Горький, 1954, с. 71]; *за последнее время, судя по прессе и шуму, самые выдающиеся личности в нашей жизни были — Семен Гейченко <...> да первопроходимец Михалков — «а-атец ру-усской литературы»* [Астафьев, 2009, с. 342].

В письмах наряду с отдельными дословно воспроизведенными высказываниями встречаются и диалоги автора письма с третьими лицами или диалоги третьих лиц. Полагаем, что они также выполняют функцию свидетельства: *Sacré chien, — сказал он* (Николай Раевский. — Т.А.) *мне с нежностью, — pourquoi n'êtes-vous pas venu me voir? — Animal, — отвечал я ему с чувством, — qu'avez vous fait de mon manuscrit petitruskien?* («Собачий сын, <...> почему ты не зашел ко мне?» <...> «Скотина, <...> что ты сделал с моей малороссийской рукописью?» (фр.)) [Пушкин, 2006 в, с. 152]; *Мы едем домой. «Таня, спишь?» — «Нет». — «О чем ты думаешь?» — «Я думаю, как мы приедем, я спрошу у мама, был ли Леля хорош, и как я ему дам, и тому дам, и как Сережа притворится, что он не рад, а будет очень рад»* [Толстой, 1984 а, с. 718]; *Обращается ко мне полупьяный* (Н.С. Лесков. — Т.А.) *и спрашивает: «Знаешь, кто я такой?» — «Знаю». — «Нет, не знаешь... Я мистик...» — «И это знаю...» Таращит на меня свои старческие глаза и пророчествует: «Ты умрешь раньше своего брата». — «Может быть». — «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши»* [Чехов, 1956, с. 36]; *Я их* (шпионов. — Т.А.) *подзываю и расспрашиваю: «Шпион?» — «Нет!» — «Врешь, шпион!» — «Ей-богу, нет!» — «А давно служишь по этой части?» — «Нет, недавно поступил». — «Ну, ступай»* [Горький, 1954, с. 267—268]; *Текст*

Овчинников положил в карман, а зав. телеграфом, коммунисту, на его слова — «Оставьте текст» — ответил: «Не твоё дело!» [Шолохов, 2005, с. 179]; *Так вот, в больнице сестра, тоже Клава, однажды Афоне и говорит: «Что-то Вы, Афанасий Лазаревич, про всех сочиняете, а про меня дак нет». — «Обидишься ведь, если сочиню». — «Ну уж, обижусь! Я понятливая...»* [Астафьев, 2009, с. 111].

Функцию свидетельства выполняют также высказывания, включающие речь третьих лиц, обращенную к адресату письма: *Тетенька очень благодарна за память. И это не фраза, а всякий раз как я ей прочту вашу приписку, она улыбнется, наклонит голову и скажет: «Однако (почему однако?), какой славный человек этот Фет»* [Толстой, 1984 а, с. 534]; *У меня гостит А.Н. Плещеев, который Вам кланяется «очень даже» (его слова)* [Чехов, 1956, с. 230]; (жена. — Т.А.) *сейчас рекомендовала мне написать Вам следующее: «Приезжайте сюда встретить Новый год!»* [Горький, 1954, с. 286]; *Она (мать. — Т.А.) благоговяла т. Сталина и Вас, т. Маленков, и говорила: «Вот теперь ты отдохнешь и поправишься у меня, Миша. Напиши этим добрым людям спасибо от меня — твоей матери»* [Шолохов, 2005, с. 328].

Функция включения в письме реализуется посредством высказываний, в которых пишущий цитирует фразы или слова из письма адресата. Письмо представляет собой монолог, обращенный к определенному адресату, но автор делает попытки имитировать непосредственное общение с адресатом, вступая с ним в спор или, напротив, соглашаясь, ср.: *Вы все говорите — «полемику давайте». Какую полемику? Ваша статья об Овене, увы! слишком, слишком близка моему сердцу* [Толстой, 1984 а, с. 559]; *Не нравится мне одно: зачем ты величаешь особу свою «ничтожным и незаметным братишкой». Ничтожество свое сознаешь?* [Чехов, 1956, с. 10]; *Вы пишете: «мне уже 40 лет». Вам только еще 40 лет! А между тем, какую уйму Вы написали и как написали* [Горький, 1954, с. 121]; *«Несколько слов», как Вы пишете, говорить нельзя. Вы же не за присест ее (пьесу. — Т.А.) написали? Как же можно то, во что вложен труд, оценить походя?* [Шолохов, 2005, с. 219]; *И потому уже я благодарен Вам и никак*

не могу *«охладеть»*. Это уж **Вы** зря. Я так просто с людьми не расхожусь [Астафьев, 2009, с. 65]. — **Вы пишете** мне: *действуйте или дайте мне действовать*. Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну [Пушкин, 2006 в, с. 465]; **Вы пишете**, что *«всякие сделки с мыслью вам противны»*. Мне тоже [Толстой, 1984а, с. 821]; **Вы пишете**: *«каяться будете»*. Я уже 25 раз каялся, но... что же мне делать, скажите на милость? [Чехов, 1956, с. 30].

Кроме того, функция включения, на наш взгляд, реализуется в высказываниях с прямой речью, в которых представлена речевая ситуация, не происходившая в реальности, а представляемая или планируемая автором:

а) просьба: *Напишите, сделайте милость, официальную записку его превосходительству Ивану Павловичу Шамбо (секретарю ее величества): «Осмеливаюсь повергнуть к ногам ее величества такую-то замечательную книгу и проч.»* [Пушкин, 2006б, с. 588]; *Обними и поцелуй маму — скажи: чусовляне велели* [Астафьев, 2009, с. 643];

б) предполагаемые слова автора: *Я этого генерала видел всего два раза издаля <...>, а тут запросто приду и скажу: «Здорово, Сергей Сергеевич! Как живешь? Каку пенсию получаешь? И вообще, веруешь ли в бога?»* [Астафьев, 2009, с. 99];

в) предполагаемые слова или мысли адресата: *А глядишь, умрет кто-нибудь из нас, вот как умер на днях Валерьян Петрович, сестрин муж, тогда и скажете: «Что это я, дурак, все об мельнице хлопотал, а к Толстому не заехал. Мы бы с ним поговорили»* [Толстой, 1984а, с. 625]; **Вы, может, думаете**: *«Хорошо тебе, дяденька, рассуждать, сидя на южном-то берегу Крыма»* [Горький, 1954, с. 240]; **Ты, наверное, удивлена**: *«как, Москву менять на Буканов?...»* [Шолохов, 2005, с. 38]; *А ты опять сдвинешь брови, улыбнешься и скажешь: «Мишка, чорт! Опять умолк и ни слова ни вздоха»* [Шолохов, 2005, с. 128];

г) предполагаемые слова или мысли третьих лиц: *Вы его (Благосветлова. — Т.А.) сделали хорошо: он утомляет и раздражает с первых же слов, а если публика будет слушать его 3—5 минут подряд, то получится именно то впечатление, какое нужно. Зритель будет думать: «Ах, да замолчи ты,*

пожалуйста!» [Чехов, 1956, с. 280]; *Если бы моя пьеса шла, то вся публика с легкой руки изолгавшихся шалопаев говорила бы, глядя на сцену: «Так вот какой Суворин! Вот какая его жена! Гм... Скажите, а мы и не знали»* [Чехов, 1956, с. 394].

С конца XX в. в частных письмах активно употребляются высказывания, включающие слово или словосочетание из чужой речи, принадлежащей:

а) автору письма: *Щербакову сообщил письмо, уговорил его «стараться» и т.д.* [Горький, 1954, с. 59];

б) адресату письма: *Ты часто жаловался мне, что тебя «не понимают!!»* [Чехов, 1956, с. 84]; *Был смущен письмом, в котором Вы пишете «приехав домой» и на котором был штемпель: «Москва»* [Горький, 1954, с. 265]; *И еще. Ради бога не считайте себя обязанным писать что-либо обо мне, хотя Вы и «собрали» материал* [Астафьев, 2009, с. 90];

в) третьим лицам: *Этот Евгений величает меня новоренцем и благохвалит за «своенравие»* [Чехов, 1956, с. 303]; *В этом виноват Н. П., сам отрекомендовавший А. А. как человека «вялого» и «тяжелого» и теперь так настоятельно рекомендуящий его* [Горький, 1954, с. 13]; *Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно вещали о «победах» на всех фронтах, о тесном союзе с «освобожденным казачеством»...* [Шолохов, 2005, с. 86]; *Два письма добрых — одно от редактора «Совписа», которому послал я два последних рассказа для книжки. «Ясным ли днем» он (редактор «Совписа». — Т.А.) нашел «превосходным» рассказом и сообщает, что в феврале вышлет мне «одобрение»* [Астафьев, 2009, с. 103].

Вышеприведенные примеры содержат стилистически нейтральные слова и словосочетания. Помимо нейтральных единиц встречаются и примеры цитирования нарочито книжной, обычно публицистической, лексики и фразеологии: *Небезызвестный тебе Михай Нестерович Павлов пришел ко мне и просит оказать ему «протекцию» — написать тебе записку, т. к. он имеет какое-то «судебно-тяжбленное» дело* [Шолохов, 2005, с. 263]; *А тут по радио трезвон: «сдвиги», «величайшая эпоха», «революция в самосознании людей», «шаги сажены», «на пороге...»* [Астафьев, 2009, с. 102]; *...мой первый рассказ как идейно порочный прекрати-*

ли печатать на середине, дали редактору выговор, а меня пронесли в областной газете уже как «неустойчивого» и «заблудшего», а вскоре на семинаре даже назвали «младшим братом Померанцева» [Астафьев, 2009, с. 127].

Кроме того, в качестве однословных цитат приводятся просторечные или диалектные единицы, маркированные:

а) лексически: *Пусть она* (дочь. — Т.А.) *не ведает теткинских коренчиков, отцовского соуса «катушками», твоего «покушать» и маменькиного лучшенького кусочка* [Чехов, 1956, с. 37];

б) фонетически: *Каждый день знакомлюсь с девицами, т.е. девицы ходят к Ер[емееву] поглядеть, что за птица Чехов, который «пишишь»* [Чехов, 1956, с. 138]; *А ты все говорила, что я «нишчий»! Да разве такие «нишчие» бывают?..* [Шолохов, 2005, с. 37];

в) грамматически: *Л[юдмила] П[авловна], «радая», забула засыпать дорогого чая...* [Чехов, 1956, с. 131]; *Этакий надувало мой художник! А соврал мне, что послал Вам «рисунков»!* [Чехов, 1956, с. 60].

Для придания высказыванию большей выразительности, а иногда и для достижения комического эффекта (см. пример из письма В.П. Астафьева) в письмах используются высказывания третьих лиц, не связанные прямо с ситуацией, которую представляет автор письма. Обычно цитата сопровождается словами «как говорит(а)», «как выража(л)ся / лась») и т.п.: *Ты спрашиваешь, какая цель у «Цыганов»? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого)* [Пушкин, 2006 а, с. 420]; *Это хоть случай напомнить вам о себе и о желании вам, чего от бога желаете, как говорят мужики* [Толстой, 1984в, с. 529]; *Что, если в самом деле, как говорит ваша няня, «кишка лопнула», то что тут поделаешь, даже если захочешь жизнь свою отдать больному?* [Чехов, 1956, с. 520—521]; *Думаю изображать современную «буржуазно-материалистическую интеллигенцию», как выражается Бердяев* [Горький, 1954, с. 266]; *Очень мне хочется послать Светляку куклу хорошую и «разных разностей», как говорил мой отец* [Шолохов, 2005, с. 64]; *Скоро уж пятьдесят будет, а там, как цыган говорил: «Зима да лето,*

зима да лето» — и пенсию писательскую дадут [Астафьев, 2009, с. 106].

В письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого отмечены подобные высказывания на французском языке: *Видел я невесту Хомякова. Не разглядел в сумерках. Она, как говорил покойный Гнедич, pas un bel femme, no une jolie figurlette* («не красавица <...> хорошенькая фигурка» (фр.)) [Пушкин, 2006 в, с. 448]; *Наступает нам обоим время, когда, как говорим Montaigne, когда il faudra parler français* («надо говорить по-французски» (фр.)) [Толстой, 1984 б, с. 451].

В эпистолярной М.А. Шолохова и В.П. Астафьева встречаются подобные высказывания на украинском языке: *Я послушаюсь того хохла, который сказал: «Колыб я був царем, то украв бы сто рублив и утик». Пока я маленький царек в своем муравейнике, украду сто рублей и убегу* [Чехов, 1956, с. 275]; *А вообще-то мысль у Вас хотя и не очень новая, но правильная: начинать с «малых творив», как говорят украинцы* [Шолохов, 2005, с. 407].

Как видим, наиболее значимое различие при цитировании в письмах XIX и XX вв. связано с использованием текстов на иностранных языках. В эпистолярной А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова нередко можно встретить высказывания на языке оригинала. В частности, в письмах А.С. Пушкина отмечены 5 цитат из художественных произведений на французском языке и 1 — на английском, 1 пословица на латинском языке, 3 с/у афоризмов на французском и латинском языках; в эпистолярной Л.Н. Толстого представлено по 3 цитаты из художественной литературы на французском и немецком языках и по 1 случаю употребления — на английском и латинском языках, а также 5 афоризмов на латыни и 1 на французском языке; в письмах А.П. Чехова — 4 пословицы и 1 афоризм на латинском языке. В эпистолярном наследии писателей XX в. подобные вкрапления из европейских языков и латыни отсутствуют, однако появляются фрагменты чужой речи на украинском языке (по 1 случаю употребления в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева). Кроме того, начиная с рубежа веков в письмах находят отражение фонетические особенности детской речи, индивидуальные особенности произношения лиц, речь которых цитирует автор письма, и, кроме того, лексические, фонетические и грамма-

тические особенности просторечия и диалектов, а также книжная лексика и фразеология.

Текстовая аппликация — «прием, состоящий в использовании в качестве строительных блоков для текста <...> фрагментов текста без указания на источник» [Москвин, 2011, с. 90]. Аппликация «представляет собой полное и точное воспроизведение части текста (как минимум, словосочетания)» [Там же, с. 113]. Данный прием реализован преимущественно высказываниями, включающими прецедентные тексты.

В анализируемом материале текстовая аппликация по сравнению с другими фигурами интертекста используется наиболее часто (количество случаев применения данного приема с использованием прецедентных текстов каждым из авторов представлено в Таблице 2). В современной разговорной речи, по мнению исследователей, текстовая аппликация также весьма популярна, что может быть связано «с национальной традицией чтения, с традициями школьной дидактики, когда многое заучивалось наизусть» [Харченко, 2010, с. 144].

Данная фигура интертекста может быть использована автором письма для придания высказыванию большей выразительности: *К тому же смешно говорить об нем (Жуковском. — Т.А.), как об отцветшем, тогда как слог его еще мужает. Былое сбудется опять, а я все чаю в воскресение мертвых* [Пушкин, 2006 а, с. 446] (источник — стихотворение Жуковского «Я музу юную, бывало...»); *Не тревожься обо мне и, главное, себя не вини. Остави нам долги наши, якоже и мы...* [Толстой, 1984б, с. 9—10] (источник — молитва «Отче наш»); *И вот ныне «спесивых риторов безграмотный собор», приютившийся в «Шиповнике», Вы, старый русский писатель, как бы берете под свое покровительство...* [Горький, 1955а, с. 137] (источник — стихотворение А.С. Пушкина «К Жуковскому»).

Текстовая аппликация в письме, подобно цитированию, также может быть неточной: *То ли дело в Петербурге! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна* [Пушкин, 2006 б, с. 402] (ср. реплику Фамусова из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» «Ах! боже мой! что станет говорить Княгиня Марья Алексевна!»); *Правда, в лености*

житие мое иждих, без ума смеяхся, объедохся, опихся, блудил, но ведь все это личное и все это не лишает меня права думать, что по части нравственности я ни плюсами, ни минусами не выделяюсь из ряда обыкновенного [Чехов, 1956, с. 426—427] (ср. фрагменты из молитв «...в лености все житие мое иждих...» (Покаянная стихира), «или объедохся, или опихся, или без ума смеяхся» (вечерняя молитва)); *Что касается «Поднятой целины», то «оба врут календаря», и лежневский и марровский* [Шолохов, 2005, с. 535] (ср. реплику Хлестовой из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» «Все врут календари!»); *Взамен им (писателям-сибирякам. — Т.А.) хлынула в литературу та самая хевра, которая «счастье в том находит, что хорошо на задних лапках ходит»* [Астафьев, 2009, с. 145] (ср. фрагмент басни И.А. Крылова «Две собаки»: «Как счастье многие находят Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!»).

Помимо усиления выразительности, текстовая аппликация в письмах может быть использована для придания высказыванию комического эффекта: *Кроме жены-медицины, у меня есть еще литература-любовница, но о ней не упоминаю, ибо незаконно живущие беззаконно и погибнут* [Чехов, 1956, с. 119] (источник — Новый Завет, Евангелие от Матфея, гл. 1, ст. 12); *Весь декабрь не работал у Суворина и теперь не знаю, где оскорбленному есть чувству уголок* [Чехов, 1956, с. 110] (источник — монолог Чацкого из поэмы А.С. Грибоедова «Горе от ума»); *Слыхали ль вы? Слыхали ль вы за рощей глас? Слыхали ль вы, что я продал Марксу все свои сочинения со всеми потрохами за 75 тысяч?* [Чехов, 1957, с. 295] (источник — стихотворение А.С. Пушкина «Певец»); *Была у меня небольшая температура. Походил, разогрелся до пота, а потом — на машину, а потом — «ни сна, ни отдыха измученной душе»...* [Шолохов, 2005, с. 444] (источник — фрагмент арии Князя Игоря из одноименной оперы); *А пишу из родного села Овсянки, что было во глубине сибирских руд, а теперь оказалось рядом со стройкой коммунизма...* [Астафьев, 2009, с. 125] (источник — стихотворение А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд»).

Текстовая аллюзия «представляет собой свернутую, часто однословную выдержку из пре-текста, используемую без ссылки на

автора» [Москвин, 2011, с. 113]. Данная фигура интертекста, источниками которой являются прецедентные тексты, активно используется в письмах А.С. Пушкина и А.П. Чехова, реже представлена в эпистолярной литературе Л.Н. Толстого, М. Горького, М.А. Шолохова и В.П. Астафьева (см. табл. 2).

Большинство примеров аллюзии, реализованной в письмах с помощью прецедентных текстов, представляет собой явление текстовой антономасии, а именно замену имени нарицательного именем собственным — антропонимом. Использование автором письма данного тропа для самохарактеристики и / или характеристики адресата придает высказыванию комический эффект: *Тверской Ловелас С.-Петербургскому Вальмону* здравия и успехов желает [Пушкин, 2006б, с. 123]; *Ослица Валаама* и копыта заговорили. Нет, вы не сердитесь на меня — никогда не сердитесь. Разве не все равно, что я всякий раз, как получаю от вас строчку, томы ответов записываю в своем сердце? [Толстой, 1984 а, с. 570]; *Если бы Вы не прислали мне марок, то от этого не пострадали бы ни я, ни литература. Что за рыцарство? Точно я Плюшкин* или беден, как *Диоген* [Чехов, 1956, с. 401]; ... *ко времени твоего приезда постараюсь испросить у начальства разрешение побывать в Нижнем и послушать тебя, Соловей Будимирович* [Горький, 1954, с. 264]; *Я хожу королем, а мать сзади с сумкой. Я убиваю куропатку и, не оглядываясь на своего толстого Санчо Панса* в юбке, властно говорю: «Подбери!» [Шолохов, 2005, с. 674].

Антономасия, используемая для характеристики третьих лиц, усиливает выразительность высказывания: *Потуги* выглядят «иностранцами», обрядившись во все модное, или исчужа завезенные замашки мотов и дэнди выдают в провинции все того же незабвенного *Яшку-артиллериста*... [Астафьев, 2009, с. 591].

В письмах конца XIX — начала XX в. источником лексической аллюзии, наряду с прецедентными текстами, становятся книжные слова и фразеологизмы: *Вообще* — я «дам пиццу газетам», если меня отсюда не уберут [Горький, 1954, с. 275]; *Войска* очень возбуждены «потерями», т.е. — убитыми! в их рядах [Горький, 1954, с. 397]; *Мучают* меня всяческие поездки, не дают работать, зол я и «истерзан душевно»... [Шолохов, 2005, с. 149]; *Он чем-то* (очевидно не так, как его предшественник, не снабжал

«дарами» начальство), «не угодил» и «впал в немилость», его сняли с работы... [Шолохов, 2005, с. 433]; Вернувшись домой, работал над «Кражей», но устал, плюнул на все и рванул «на лоно». Хорошее оно, это «лоно», прямо слов нет и сказать, как тут тихо, снежно, голубо и здорово! [Астафьев, 2009, с. 65].

Кроме того, данный прием может реализоваться с привлечением единиц, стилистически маркированных как просторечные или диалектные:

а) на фонетическом уровне: *Очень приятно, хотя, с другой стороны, и жаль, что я «фастаю»* [Чехов, 1956, с. 204]; *Знаете — «обштановка» очень много значит для меня, а в Ялте обстановка совершенно не подобающая ничему привычному для меня* [Горький, 1954, с. 37]; *Я только сегодня прибыл сюда из разных мест. Дела творятся — «сурьезные»* [Горький, 1954, с. 339]; *Снимем с тобой «фигелек» (хотя бы Мокеичев), и до весны я черту рога сломя!* [Шолохов, 2005, с. 40]; *А что предисловий не читают, то и правда и незнание «ндравов» нашего народа* [Астафьев, 2009, с. 692];

б) на грамматическом (в частности, морфологическом) уровне (примеры отмечены только в письмах В.П. Астафьева): *Дня через три поеду в Свердловск заниматься «кином»* [Астафьев, 2009, с. 69]; *...и я же был, и провалился из-за этого на смотре и не попал «в ансамблю»* [Астафьев, 2009, с. 359].

Лексическая аллюзия используется в частных письмах преимущественно для усиления выразительности высказывания.

Парафраз, состоящий «в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста» [Москвин, 2011, с. 118], представлен в анализируемом материале неравномерно. Так, для эпистолярного идиостиля А.С. Пушкина и А.П. Чехова данный прием весьма характерен, в письмах Л.Н. Толстого, М. Горького и В.П. Астафьева встречается реже, а в эпистолярии М.А. Шолохова не отмечен вовсе (см. табл. 2).

В подавляющем большинстве примеров цель употребления данного приема состоит в выражении иронии автора, преимущественно по отношению к себе или адресату: *Я барахтаюсь в грязи молдавской, черт знает когда выкарабкаюсь. Ты — барахтайся в грязи отечественной и думай: Отечества и грязь сладка нам*

и приятна [Пушкин, 2006 а, с. 148] (ср. строку из стихотворения Г.Р. Державина «Арфа» «Отечества и дым нам сладок и приятен!»); *Ars longa, a vita, особенно в 74 года, очень brevis* [Толстой, 1984в, с. 519] (ср. афоризм Гиппократ, переведенный на латинский язык «*Ars longa, vita brevis*»); *Право, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому и семейному найти себе дачу. Для меня дач сколько угодно, а для Вас ни одной* [Чехов, 1956, с. 512] (ср. цитату из Нового Завета, Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 24; Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 25) «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное»; ...я сказал о себе, — в ответ на комплимент, — что цену себе я знаю, знаю, что я — *на безрыбье рак, на безлюдье — Фома* [Горький, 1954, с. 98] (ср. пословицы «На безрыбье и рак — рыба», «На безлюдье и Фома — дворянин»); *А пока «все смешалось в доме Астафьевых!» — дочь выходит замуж — это, брат, страшнее бомбежки!* [Астафьев, 2009, с. 207] (ср. крылатую фразу из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» «Все смешалось в доме Облонских»).

Таким образом, анализ употребления фрагментов текстов / речи, принадлежащих другим лицам, в частных письмах классиков русской литературы XIX—XX вв. позволил выявить общие закономерности их использования в русском эпистолярном тексте: источники (пословицы, Библейские тексты, русская классическая литература, песенное творчество), фигуры интертекста (цитирование, аппликация, аллюзия, парафраз) и их стилистические (усиление выразительности и создание комического эффекта) и коммуникативно-прагматические функции (свидетельство и включение; последние характерны только для устной речи или эпистолярного текста).

Установлено, что при цитировании и аппликации в частных письмах допустимы отступления от оригинала, а также неточности в ссылке на источник сообщения.

Кроме того, определены тенденции изменений в использовании фрагментов чужой речи в письмах на протяжении двух веков: отсутствие в письмах XX в. прецедентных текстов на европейских языках и латыни и появление высказываний на украинском языке; использование во второй половине XX в. новых групп источников

цитирования (анекдоты и фильмы); с конца XIX в. цитирование отдельных слов и фразеологизмов, в том числе стилистически маркированных, а также создание «речевого портрета» лица посредством фиксации на письме отклонений от произносительных норм.

Литература

- Арбузова В.Ю. Прецедентность в русском языке как лингвистический и культурный феномен (на материале научных и эпистолярных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2007.
- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. Саратов: Изд-во СГУ, 1993. Вып. 25.
- Гусева С.В. Семантика интертекстом «сильных» нелитературных текстов как отражение лингвокультурного сознания языковой личности (на материале эпистолярных текстов А.П. Чехова) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4—6 октября 2004 г.): Труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.
- Гусева С.В. Textoобразующие факторы и их функционирование в эпистолярном дискурсе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006.
- Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979.
- Курьянович А.В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой: автореф. дис.... канд. филол. наук. Томск, 2001.
- Кыштымова Т.В. Игровой фразеологический дискурс частной переписки А.П. Чехова // Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагмалингвистическом контексте: мат-лы междунар. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Екатеринбург, 2008.
- Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М: Либроком, 2011.

- Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (На материале писем Ю.М. Лотмана): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
- Рогалева О.С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005.
- Сапожникова Н.В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Сыщиков О.С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Троицкий Ю.Л. Эпистолярный дискурс в России XIX века: пощечина, розыгрыш, дуэль // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999.
- Фесенко О.П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2008. № 23 (124). Вып. 24.
- Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2009.
- Харченко В.К. Современная повседневная речь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
- Хорошая речь: колл. монография / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Чаркин М.Ж. Стереотипное и творческое в эпистолярном дискурсе // Стереотипность и творчество: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котуровой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Вып. 16. Пермь, 2012.
- Brünnner G. Redewiedergabe in Gesprächen // Deutsche Sprache. 1991. Н. 19.

Источники

- Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952—2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. 2-е изд., доп. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009.
- Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889—1906. М.: Худож. лит., 1954.

- Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907—1926. М.: Худож. лит., 1955а.
- Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927—1936. М.: Худож. лит., 1955б.
- Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. I. 1815—1826. М.: Захаров, 2006а.
- Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. II. 1827—1831. М.: Захаров, 2006б.
- Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. III. 1832—1837. М.: Захаров, 2006в.
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т., в 20 кн. Т. XVIII. Письма. 1842—1881 гг. М.: Худож. лит., 1984 а.
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 томах. В 20 кн. Т. XIX. Письма. 1882—1899. М.: Худож. лит., 1984б.
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. В 20 кн. Т. XX. Письма. 1900—1910. М.: Худож. лит., 1984в.
- Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. Письма 1877—1892. М.: Гослитиздат, 1956.
- Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Письма 1893—1904. М.: Гослитиздат, 1957.
- Шолохов М.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Письма. 1924—1984. М.: Советский писатель, 2005.

Таблица 1

Авторы писем Источники прецедентных текстов	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	Всего:
1	2	3	4	5	6	7	8
— пословицы	25	12	39	31	7	32	146
— русская классическая литература (в том числе пушкинский текст)	24 (3)	3 (1)	7 (5)	13 (5)	8 (3)	27 (6)	82 (23)
— Библейские тексты	7	7	39	15	4	6	78
— афоризмы	5	11	6	15	—	11	48

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8
— иностранная классическая литература	15	10	1	2	3	–	31
— песенное творчество	1	–	5	2	7	5	20
— греческая мифология	10	–	1	–	–	–	11
— анекдоты	–	–	–	–	–	3	3
— фильмы	–	–	–	–	2	2	
Всего:	87	43	98	78	29	86	421

Таблица 2

Приемы включения прецедентных текстов в частные письма	Авторы писем						
	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	Всего:
— цитация (в том числе на иностранных языках)	10 (7)	14 (14)	5 (5)	15 (–)	7 (–)	28 (–)	79 (26)
— аппликация	39	19	67	54	17	49	245
— аллюзия	24	7	15	3	5	6	60
— парафраз	14	3	11	6	–	3	37
Всего:	87	43	98	78	29	86	421

ГЛАВА 9. Интертекстуально отмеченные апеллятивизированные единицы¹

А.А. Кудрявцева

Явление апеллятивизации, т.е. перехода имен собственных (онимов) в разряд имен нарицательных (апеллятивов), является в русском языке достаточно частотным. Данный переход осуществляется на основе стилистического приема прономинации — «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [Квятковский, 1966, с. 227]. В результате перехода имен собственных в разряд нарицательных образуются апеллятивизированные единицы, которые мы называем прономинантами (прономинант — это семантический дериват, произведенный от онима). Поясним введенный нами термин на примере слова *Аврора*. Оним *Аврора* — имя богини утренней зари в древнеримской мифологии. В поэтической речи данный оним становится синонимом апеллятива *заря* (причем употребляется именно в значении ‘утренняя заря’): *И вот блеснул Авроры свет, / А с ним и свет дневной родился* (К.Н. Батюшков. Странствователь и домосед; ср.: *и вот блеснул зари луч*); *Всюду яркий блеск Авроры, / Никогда такой красой / Не сияли рощи, горы, / Обновленные весной* (В.А. Жуковский. Элизиум; ср.: *яркий блеск зари*). В данных примерах *Аврора* — прономинант.

---

¹ Глава подготовлена в рамках проекта 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (грант РГНФ).

Прием прономинации является по своему предназначению способом создания экспрессивных синонимов к «обычным словам» [Томашевский, 1966, с. 66], т.е. к словам, нейтральным в оценочном и стилистическом планах; следовательно, прономинация является одним из источников синонимии в современном русском языке. Вступая в синонимические отношения с апеллятивами, прономинанты образуют синонимические пары или пополняют синонимические ряды.

Лексической основой стилистического приема прономинации являются имена собственные; при этом в данном качестве может выступать не всякий оним, а только прецедентное имя [Москвин, 2006, с. 244]. Прецедентным именем называют «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (*Анна Каренина, Обломов*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин*); в состав прецедентных имен входят также 3) имена-символы, указывающие на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Наполеон, Сальери*)» [Соколова, www]. Нами установлено, что переходить в состав имен нарицательных способны онимы четырех разрядов: антропонимы, мифонимы, зоонимы и топонимы. Данный факт объясняется тем, что именно среди них достаточно высока доля прецедентных имен.

В последние годы многие отечественные языковеды обращаются к феномену прецедентных имен, а также рассматривают проблему семантической структуры онима, включающей компоненты, которые позволяют ему выступать в качестве апеллятивизированной единицы. Эта проблема затрагивается в трудах М.В. Голомидовой, Д.Б. Гудкова, В.А. Лукина, В.П. Москвина, Е.А. Нахимовой, Е.С. Отина, И.Э. Ратниковой, О.В. Фроловой, Т.В. Хвесько и др. Использование в тексте прецедентных апеллятивизированных единиц трактуется в современной лингвистической науке как одно из проявлений феномена интертекстуальности [Москвин, 2011, с. 117]. Наши наблюдения показывают, что большинство апеллятивизированных онимов (около 90%) относятся к числу интертекстуально отмеченных единиц. Именно они являются объектом рассмотрения в данной главе. Думается, что их вполне можно называть интертекстемами. Напомним, что под интертекстемой в научной литерату-

ре понимается «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста — грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, — вовлеченный в межтекстовые связи» [Сидоренко, 2002, с. 317].

Прежде чем перейти к рассмотрению интертекстуально отмеченных апеллятивизированных единиц, считаем необходимым сказать несколько слов о тех прономинантах, которые не в связаны с каким-либо прецедентным текстом. Во-первых, к ним относятся подвергшиеся апеллятивизации зоонимы (т.е. клички животных), которые, превратившись в имена нарицательные, стали обозначать соответствующих животных (*мурка*, *барсик*, *жучка*, *тузик*, *буренка* и т.п.). Закономерно, что апеллятивизируются широко распространенные клички, так как чем известнее и частотнее зооним, тем больше вероятность, что он связан у носителей языка с определенными ассоциативными представлениями. Кроме того, некоторые прономинанты рассматриваемой группы (*ванька*, *фриц*) образовались от антропонимов. Апеллятивизации подверглись, как видим, распространенные имена людей (имя *Иван*, грубо-просторечной формой которого является *Ванька* — одно из самых частотных имен у русских, а имя *Фриц* — у немцев); подобные единицы образовались на основе генерализации значения. Во-вторых, к ним относятся подвергшиеся апеллятивизации названия мест, в которых произошли какие-либо значимые, запомнившиеся людям события (например, *Чернобыль* в значении ‘катастрофа’ и т.п.); подобные единицы образовались на основе сочетания метафорического и метонимического сдвигов. В-третьих, к ним относятся подвергшиеся апеллятивизации имена реально существовавших известных людей (*Кулибин*, *Гапон*, *Лужков*, *Фрейд* и т.п.); подобные единицы образовались на основе метафоры.

Апеллятивизированные единицы, являющиеся интертекстемами, имеют связь с прецедентными текстами, которые изначально могут быть принадлежностью как русского, так и зарубежного культурного пространства. Все они образованы путем метафорического переноса.

Прежде всего рассмотрим те из них, которые имеют связь с текстами, принадлежащими к русскоязычному культурному пространству.

Среди русских апеллятивизированных единиц, образованных от имен, принадлежащих русской культуре и связанных с прецедентными текстами, можно выделить следующие группы: единицы, образованные от имен персонажей русского фольклора, и единицы, образованные от имен персонажей произведений русской литературы.

К числу прецедентных фольклорных текстов, послуживших источниками интертекстуально отмеченных апеллятивизированных единиц, относятся русские народные сказки и былины. Рассмотрим некоторые из подобных прономинантов.

Прономинанты *Илья Муромец* и *Алеша Попович* (Илья Муромец и Алеша Попович — богатыри, герои русских былин) стали синонимами слова *богатырь* в значении «человек безмерной силы» [Ожегов, 1975, с. 51], по отношению к которому они выступают как стилистические синонимы. Данные интертекстемы отмечены в современной публицистике. Возможность субституции доказывает отсутствие семантических различий прономинантов *Илья Муромец* и *Алеша Попович* со словом *богатырь*. Приведем примеры: *Мы нашли современного Илью Муромца — тяжелоатлета Андрея Чемеркина — у него дома, в поселке Солнечнодольский Краснодарского края* (Комсомольская правда, 08.01.97; ср.: *современного богатыря*); *Есть при заводе и секция тяжелой атлетики, которой руководит мастер спорта Александр Стеценко. Тульские Ильи Муромцы не раз завоевывали призовые места на соревнованиях российского масштаба* (Комсомольская правда, 29.01.97; ср.: *тульские богатыри*); *Эти люди с легкостью поднимают «Волгу». Вот они — современные Ильи Муромцы и Алеша Поповичи* (Телепередача; ср.: *современные богатыри*). По отношению друг к другу данные прономинанты являются дублетами, не отличаясь ни семантикой, ни сферой употребления, ни внутренней формой. Их абсолютную синонимичность подтверждает и последний из приведенных выше примеров. Возникает вопрос, почему в качестве синонима слова *богатырь* не используется прономинант *Добрыня Никитич*. Возможно, данный факт объяс-

няется эвфоническими соображениями (ср.: *современные Добрыни Никитичи*).

Прономинант *Василиса Прекрасная* (Василиса Прекрасная — героиня одноименной русской народной сказки) используется в качестве синонима слова *красавица*, например: *После посещения салона красоты «Ив Роше» любая дурнушка превратится в Василису Прекрасную* (Вечерний Волгоград, 16.11.98; ср.: *любая дурнушка превратится в красавицу*). В данном случае мы наблюдаем, что прономинант наследует от онима постоянный эпитет *Прекрасная*, что еще более укрепляет его связь с прецедентным фольклорным текстом русской сказки.

Значительное количество интертекстуально отмеченных апеллативизированных единиц имеют в качестве источника произведения русской литературы различных эпох — с XVIII по XX вв. Приведем примеры некоторых из них.

Прономинант *Митрофанушка* (*Митрофан*) пополнил синонимический ряд с доминантой *невежда* [Митрофанушка — невежественный и не желавший учиться молодой человек, герой комедии Д.И. Фонвизина (1745—1792) «Недоросль» (1782)]. Данный прономинант отмечен в русской поэзии XIX века, а также в современной публицистической и разговорной речи. Приведем примеры его употребления. *Вот, в полуфрачке, раздушенный, / Времен новейших Митрофан, / Нетесаный, недоученый, / А уж безнравственный болван* (М.Ю. Лермонтов. Тамбовская казначейша). Доказательством того, что прономинант употреблен в значении ‘невежда’, служит примененный к персонажу эпитет *недоученый*. Использование варианта *Митрофан* можно объяснить, по нашему мнению, требованиями поэтической речи, а именно необходимостью соблюдать рифму и ритм. *Трудно сказать, изменится ли отношение властей к высшей школе, но, видимо, пора принимать меры пожарного характера, иначе она будет выпускать только новых Митрофанушек* (Вечерний Волгоград, 15.03.97; ср.: *иначе высшая школа будет выпускать только новых невежд*). *Ну и класс этот 8 «В»! Сплошные Митрофанушки* (Разговорная речь; ср.: *сплошные невежды*). Данный прономинант отличается от слова *невежда* стилистически. Семантических различий, как показывают контекстуальный анализ и результаты субституции, между ними нет.

Прономинант *Плюшкин* пополнил синонимический ряд с доминантой *скупец* (Плюшкин — отличавшийся необычайной скупостью помещик, персонаж поэмы Н.В. Гоголя (1809—1852) «Мертвые души»). Данный прономинант встречается в современной публицистической речи: *Вот так мы и тесняемся экономить вроде бы на мелочах. Ведь мало кому хочется, чтобы его называли Плюшкиным* (Вечерний Волгоград, 06.02.98; ср.: *мало кому хочется, чтобы его называли скупцом*); *Плюшкин из Флориды* (Ваша газета, 05.05.96; прономинант употреблен в заголовке газетной статьи, в которой говорится: *этот человек, имея на банковском счету несколько миллионов долларов, ездит на старенькой машине, вещи покупает на распродажах, а еду — в самых дешевых магазинах*); *Мебельная стенка — это изобретение для плюшкиных* (Комсомольская правда, 25.04.98; ср.: *изобретение для скупцов*). Данная единица является стилистическим синонимом слова *скупец*, имеющего межстилевой характер, так как встречается в публицистической речи. Семантических различий между рассматриваемым прономинантом и доминантой синонимического ряда не выявлено.

Прономинант *Обломов* пополнил синонимический ряд *лентяй, лежебока* (Обломов — герой одноименного романа И.А. Гончарова (1812—1891), необычайно ленивый и безвольный человек). Рассматриваемый прономинант зафиксирован нами в современной публицистической и разговорной речи. Данная единица является ярким примером регулирующего влияния внутренней формы. Так, в ряде контекстов при использовании прономинанта *Обломов* на первый план выдвигается тот факт, что герой И.А. Гончарова большую часть жизни проводил, лежа на диване. В подобных случаях анализируемую единицу можно заменить синонимом *лежебока*, например: *За 370 суток эксперимента девятерым обломовым позволили встать только два раза и всего на десять минут* (Комсомольская правда, 15.10.96; ср.: *девятерым лежебокам позволили встать только два раза* и **девятерым лентяям позволили встать только два раза*). Участников эксперимента нельзя назвать лентяями, так как они провели 370 суток в лежачем положении во имя науки); *Специально для обломовых! Вы можете заказать все эти книги по телефону, не вставая с дивана. Доставка по Москве в течение суток* (Арт-фонарь, 1996, № 18; ср.: *специально для леже-*

бок). В тех случаях, когда прономинант используется при номинации человека, главным качеством которого, как и у героя романа И.А. Гончарова, является лень, его правомерно заменить синонимом *лентяй*, например: *Беда этой женщины в том, что муж ее оказался Обломовым* (Телепередача; семантика прономинанта вы является из предшествующей речи: женщине пришлось все заботы о доме взять на себя, следовательно, возможна субституция *муж ее оказался лентяем*). *Да ты Обломов, дорогой, как я погляжу* (Разговорная речь; ср.: *да ты лентяй*). Произведенный анализ показал, что прономинант *Обломов* может использоваться как в значении 'лежебока', так и в значении 'лентяй'. По отношению к словам *лежебока* и *лентяй* рассматриваемый прономинант является стилистическим синонимом, так как отличается от них сферой употребления: слова *лентяй* и *лежебока* имеют межстилевой характер, а прономинант функционирует в публицистической и разговорной речи.

В качестве синонима к слову *мошенник* используется прономинант публ. *Остап Бендер* (*Бендер, Остап*). Остап Бендер — герой романов И. Ильфа (1897—1937) и Е. Петрова (1903—1942) «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», который для достижения своих целей часто прибегал к мошенничеству. Данный прономинант достаточно часто встречается в современной публицистике: *Когда колхозники разобрались что к чему и стали требовать деньги обратно, Остап Бендер от медицины оказался уже в селе Истобное* (Комсомольская правда, 27.08.97; ср.: *мошенник от медицины*); *Народ за последние годы хорошо усвоил, что Остапы Бендеры встречаются не только на страницах творений Ильфа и Петрова. Опасливы стали, осторожны: «Вдруг обманут?»* (Вечерний Волгоград, 10.10.97; ср.: *мошенники встречаются не только на страницах творений Ильфа и Петрова*); *Волгоградские остапы бендеры намеревались сбавить фальшивую банкноту в один миллион долларов наивным соотечественникам не менее чем за 6 миллиардов рублей* (Комсомольская правда, 22.09.07; ср.: *волгоградские мошенники*). В данном примере наблюдаем орфографическое освоение прономинанта — написание со строчной буквы); *Уголок Остапа Бендера* (название рубрики в газете «Аргументы и факты», где описываются типичные уловки различных мошен-

ников и даются рекомендации, как их избежать); *Наша программа спугнула очередных Остапов, которые хотели еще раз привлечь на афиши имя известной артистки* (Телепередача; ср.: *программа спугнула очередных мошенников*). Возможность субституции позволяет говорить об отсутствии семантических различий между прономинантом *Остап Бендер* (*Бендер*) и доминантой. Таким образом, рассматриваемый прономинант является стилистическим синонимом слова *мошенник*.

Окказиональные прономинанты *Корейко* и *мистер Твистер* зафиксированы в качестве синонимов слова *миллионер* (*Корейко* — «подпольный миллионер», персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», мистер Твистер — миллионер, персонаж одноименной сатирической поэмы С. Михалкова, написанной в 1933 г.). Обе данные единицы отмечены в публицистической речи: *Долларовый Корейко* (*Комсомольская правда*, 11.09.97; заголовок статьи о человеке, пытавшемся сбыть купюру в один миллион долларов; ср.: *долларовый миллионер*); *Среди посетителей я не увидела, пожалуй, ни одного мистера Твистера — сплошной средний класс* (*Cosmopolitan*, 1997, № 4; ср.: *не увидела ни одного миллионера, сплошной средний класс*). По нашему мнению, прономинанты *Корейко* и *мистер Твистер* примыкнули к слову *миллионер*, а не к слову *богач*, так как в прецедентных текстах, романе И. Ильфа и Е. Петрова, а также в поэме С. Михалкова, персонажи названы именно миллионерами («*подпольный миллионер*», «*миллионер, владелец заводов, газет, пароходов*»).

Прономинант *Айболит* зафиксирован в качестве синонима слова *врач* (*Айболит* — герой одноименной сказки в стихах К. Чуковского (1882—1969), добрый доктор, лечивший зверей). Данная единица отмечена в современной публицистической и разговорной речи, например, *Рецепты Айболита* (заголовок газетной статьи, *Вечерний Волгоград*, 23.01.97); *Это новый министр здравоохранения, главный Айболит России В.И. Стародубов* (Телепередача); *Если бы у меня где-нибудь болело, я бы своему Айболиту лечащему так врезал!* (Телепередача, пародия на речь «нового русского»). На первый взгляд может показаться, что прономинант *Айболит* примыкает не к доминанте *врач*, а к слову *доктор*, так как в соответствующем прецедентном тексте, сказке К.И. Чуковского, *Айболит*

назван именно доктором, а не врачом. Однако данное предположение опровергается, если применить прием субституции: ср.: *рецепты Айболита — рецепты врача — *рецепты доктора; главный Айболит России — главный врач России — *главный доктор России; лечащий Айболит — лечащий врач — *лечащий доктор*. Результаты использования субституции доказывают отсутствие каких бы то ни было семантических различий между словами *Айболит* и *врач*. Возможно, использование К.И. Чуковским слова *доктор* вместо слова *врач* объясняется требованиями поэтической речи, а именно необходимостью сохранить ритмическую структуру текста.

Прономинант *Печкин* образовал синонимическую пару со словом *почтальон* (*Печкин — почтальон*, персонаж детских повестей современного российского писателя Э. Успенского (р. 1937) и снятых по ним мультипликационных фильмов). Примеры употребления данного прономинанта отмечены в современной публицистике: *Шагай быстрее, Печкин!* (Комсомольская правда, 28.10.96, заголовок газетной статьи о медленной работе почты; ср.: *шагай быстрее, почтальон!*); *Печкины из Вологодской области за прошедший год увеличили подписку на 27%* (Комсомольская правда, 19.01.97; ср.: *почтальоны из Вологодской области увеличили подписку*); *Недобросовестный Печкин вскрывал посылки и присваивал ценности и деньги, которые доверчивые граждане доверяли почте. Теперь воришке грозит суд* (Труд, 09.07.97). Таким образом, прономинант *Печкин* не отличается от доминанты *почтальон* в семантическом плане; наблюдается лишь их стилистическое различие.

Перейдем к рассмотрению апеллятивизированных единиц, которые имеют связь с текстами, изначально принадлежавшими к иноязычному пространству, а затем освоенными русской культурой.

Наиболее многочисленными являются апеллятивизированные единицы, образованные от имен, принадлежащих античной (древнегреческой и древнеримской) культуре. Данный факт вполне закономерен, так как античное наследие сыграло значительную роль в развитии русской культуры (см., например, Кнабе 1999) и античные имена являлись прецедентными для каждого образованного человека. Среди подобных семантических дериватов отмечены слова, образованные от имен персонажей античных мифов: богов

(Аврора, Аполлон, Венера, Гименей, Феб, Фемида, Терпсихора, Немезида, Морфей, Бахус, Вакх, Зефир, Борей, Аквилон, Эол и др.), мифических животных (*Аргус, Цербер*) и героев (*Геркулес*), персонажей древнегреческой литературы (*Кассандра, Ир*). Подвергаясь апеллятивизации, названные они вступили в синонимические отношения с соответствующими апеллятивами и стали обозначать различные конкретные и отвлеченные понятия. Приведем в качестве примера несколько синонимических пар.

При участии прономинанта *Киприда* синонимическую пару *любовь — Киприда* (Киприда — одно из культовых прозвищ древнегреческой богини любви Афродиты): *Киприды приторную сладость, / Да пробудительные сны, / Да усыпительную радость. / И что я пел? Любовь, мечты!* (Н.М. Языков. А.Н. Вульф; ср.: *любви приторная сладость*); *Как безрассудна, как пуста / Нам присужденная Киприда! / С каким доверчивым огнем / Красе жеманной и надменной / Мы чувство сильное даем / Души, впервые пробужденной!* (Н.М. Языков. Мой апокалипсис; ср.: *нам присужденная любовь*); *Я твой, я твой, Аделаида! / Тобой узнал я, как сильна, / Как восхитительна Киприда / И как торжественна она!* (Н.М. Языков. Аделаиде; ср.: *тобой узнал я, как сильна... любовь*). Прониминант *Киприда* и слово *любовь* являются стилистическими синонимами, поскольку семантических различий между ними не выявлено, и при этом прономинант принадлежит поэтической речи, а слово *любовь* имеет межстилевой характер.

При участии прономинанта *Фемида* образовалась синонимическая пара *правосудие — Фемида* (Фемида — древнегреческая богиня правосудия).

Рассматриваемый прономинант широко используется в современной публицистике, например: *Ни бывшего генерального прокурора А. Ильюшенко, ни бывшего главного военного инспектора К. Кобеца российская Фемида так и не смогла до сих пор осудить* (Аргументы и факты, 1998, № 9; ср.: *российское правосудие*); *Людмила Константиновна не потеряла веру в отечественную Фемиду* (Телепередача; ср.: *не потеряла веру в отечественное правосудие*); *Вместе с Березовским защиты у британский Фемиды попросил и заместитель генерального директора «Аэрофлота» Николай Глушков* (Комсомольская правда, 04.04.97; ср.: *защиты у британ-*

ского правосудия попросил...); *Кризис — помеха для Фемиды* (Городские вести, 29.10.98; ср.: *кризис — помеха для правосудия*).

Отметим, что большинство случаев использования данной единицы характеризуется антропоморфной сочетаемостью. Приведем примеры: *Через полгода Фемида настигла Самохину, осудив на год условно, с выплатой суммы долга в 19 тысяч (стоимость телевизора плюс кредитные проценты) и регулярной отметкой в милиции* (Комсомольская правда, 30.01.2009; ср.: *богиня настигла*); *Калининградская Фемида, прежде упорно оттававшая даже мысль о каком-то перерасчете, в июне 2004 года признала-таки право военных пенсионеров на компенсацию не оплаченных государством денег...* (газета «Калининградские Новые колеса», 11.11.2004; *отметать мысль и признавать право* может только антропоморфное существо. Характерно, что заголовок статьи — «Трусливая фемида» — также содержит прономинант в антропоморфной сочетаемости, ср.: *трусливая богиня*); *А в том, что американская Фемида ради такой сделки может закрыть глаза на любое совершенное, а не только гипотетическое преступление, сомневаться не стоит* (Комсомольская правда, 22.01.2011; ср.: *богиня может закрыть глаза*); *Впрочем, американская Фемида не всегда бывает так снисходительна к мошенникам-инсайдерам* (РБК Daily, 21.01.2011; ср.: *богиня не всегда бывает снисходительна*).

Возможность субституции свидетельствует об отсутствии семантических различий между синонимами *правосудие* и *Фемида*. Данные единицы различаются сферой употребления, так как прономинант функционирует в сфере публицистики, а слово *правосудие* стилистически не окрашено.

При участии прономинанта *Немезида* образовалась синонимическая пара *возмездие — Немезида* (Немезида — древнегреческая богиня возмездия), например: *...Но страшна была и немезида: бабушка пережила всех дорогих — и мужа, и дочь, и внука, и угасла одна в 85 лет, оплакивая Михаила Юрьевича так, что веки ее от слез ослабели и сами закрывали глаза, которым не суждено было видеть дорогие черты* (П.А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова; ср.: *но страшно было и возмездие*); *Ведь, конечно, наша попытка окончится провалом, и нас ждет*

суровая расправа... Это Немезида... Мы заварили кашу и нам же следует ее расхлебывать... (Г.А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей; ср.: *нас ждет суровая расправа... Это возмездие*). Прономинант *Немезида* не отличается от слова *возмездие* в семантическом плане. Отметим, что он функционирует в поэзии, художественной прозе и публицистике XIX — начала XX в., однако не встречается в текстах периода середины XX — начала XXI в., что с некоторой вероятностью может свидетельствовать об устаревании данной единицы.

Прономинант *Бахус*, по данным нашей картотеки, может использоваться в качестве синонима слова *алкоголизм* (в древнеримской мифологии Бахус — бог виноделия). В этом значении он встречается как в художественной прозе XIX в., так и в современной публицистике. Приведем примеры: *Тут подошел Хвостиков с пасмурным лицом, но заметно было, что Бахус положил уже на нем печать свою* (В.Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова; ср.: *алкоголизм положил уже на нем печать свою*, а также устойчивое выражение *печать алкоголизма*); *«Фухуса» лечит от Бахуса* (Комсомольская правда, 20.12.97; заголовок статьи, в которой говорится: *Новый лекарственный препарат «Фухуса», позволяющий эффективно лечить алкогольную зависимость, создан недавно вьетнамскими фармакологами*); *Тони Адамс, знаменитый английский боксер, страдает от Бахуса. Недавно ему пришлось пройти трехмесячный курс реабилитации в одной из лучших частных клиник Великобритании* (Комсомольская правда, 17.05.98; ср.: *страдает от алкоголизма*). Прономинант *Бахус* не имеет семантических различий со словом *алкоголизм* и является его стилистическим синонимом, так как употребляется только в сфере публицистики и художественной речи, тогда как слово *алкоголизм* может использоваться в любом стиле.

Окказиональный прономинант *Приап* встретился в стихотворении А.С. Пушкина «В.В. Энгельгардту» в качестве эвфемистической замены слова *сладострастие* (Приап — греческий бог садов, полей, позднее ставший также богом сладострастия, чувственных наслаждений): *Здоровье, легкий друг Приапа, / И сон, и сладостный покой, / Как прежде, посетили снова / Мой угол тесный и про-*

стой. В данном случае мы наблюдаем у единицы антропоморфную сочетаемость, так как друг может быть только у живого существа.

При участии прономинанта *Кассандра* образовалась синонимическая пара *предсказательница* — *Кассандра* (Кассандра — персонаж «Илиады» Гомера, троянская царевна, которая предсказала гибель Трои). Прониминант *Кассандра* функционирует в современной публицистике. Большинство примеров нашей картотеки свидетельствуют о том, что на семантику данного прономинанта повлияла его внутренняя форма, а именно тот факт, что Кассандра предсказывала печальные события. Прониминант приобрел значение ‘предсказывающая плохое’, например: *Я не хочу быть Кассандрой, но... Время идет, а мои опасения не перестают подтверждаться* (Cosmopolitan, 2006, №10); *Валерия Новодворская, эта современная Кассандра, предрекает скорую гибель демократии* (Телепередача); *Мой тогдашний шеф в сердцах назвал меня Кассандрой, потому что о возможном разорении фирмы я заговорила первая* (Комсомольская правда, 17.03.07). Однако отмеченная закономерность прослеживается не всегда. Например, в предложении *Если бы еще два года назад кто-нибудь мне предсказал, что я свяжу жизнь с человеком вдвое младше себя, я бы этой Кассандре ни за что не поверила* (Вечерний Волгоград, 13.03.08) рассматриваемый прономинант не имеет значения ‘предсказывающая плохое’, так как далее идет рассказ героини о счастливой жизни с молодым избранником. Таким образом, прономинант *Кассандра* в плане семантики отличается от слова *предсказательница* тем, что имеет значение ‘предсказывающая плохое’, тогда как *предсказательница* может напророчить и плохое, и хорошее. Однако дифференциация синонимов по этому параметру, как было показано выше, не является жестко закрепленной. Анализируемые единицы различаются также стилистически, так как прономинант принадлежит к сфере публицистики, а слово *предсказательница* имеет межстилевой характер.

Значительную группу также составляют прономинанты, образовавшиеся от имен персонажей произведений зарубежной литературы нового времени. Как показывают данные нашей картотеки, это имена персонажей английской литературы (*Отелло, Фальстаф, Ловелас, Гулливер, Пуаро, Мэри Поппинс, Джеймс Бонд*) и фран-

цузской литературы (*Гаргантюа, Селадон, Мегрэ*), а также имя *Дон Жуан*, встречающиеся в произведениях авторов разных европейских стран: Испании, Франции, Великобритании и др. Приведем примеры.

Так, прономинант *Гулливер* используется в современной публицистической и разговорной речи как стилистический синоним слова *великан*. Данный апеллятив имеет значение 'человек огромного роста' [Ожегов 1975, с. 68]. Гулливер — герой романа «Путешествие Гулливера» английского писателя Дж. Свифта (1667—1745). Чаще всего данная единица встречается в современной публицистике: *Испанские Гулливеры доминировали на площадке весь первый тайм* (телепередача; семантика прономинанта выявляется из контекста: речь идет о баскетбольном матче; как известно, этим видом спорта профессионально занимаются только высокие люди); *Рост самого высокого немца достигал 235 см. Гулливер из крестьянской семьи Томас Хаслер жил в прошлом веке* (Комсомольская правда, 20.12.97; то, что прономинант употреблен в значении человек высокого роста, доказывает информация, содержащаяся в приведенной фразе; возможна также подстановка: *великан из крестьянской семьи*); *Новый голливудский стандарт: коротышка Сталлоне и Биргит Нильсен — Гулливер. Супермен Сильвестр Сталлоне на полголовы ниже своей бывшей супруги, манекеницы Биргит Нильсен* (Комсомольская правда, 18.11.97; семантика прономинанта подтверждается благодаря антитезному противопоставлению — наличию в тексте антонима *коротышка*). Произведенный анализ позволяет говорить об отсутствии семантических различий между прономинантом *Гулливер* и словом *великан*. Данные единицы являются по отношению друг к другу стилистическими синонимами.

При участии прономинанта *Отелло* образовалась синонимическая пара *ревнивец — Отелло*. Отелло — герой одноименной трагедии В. Шекспира (1564—1616), который из ревности убил свою жену. Данный прономинант употребляется в современной публицистической и разговорной речи. Приведем примеры. *Такой мужчина скорее смирится с физической изменой, чем потерпит, чтобы его женщина прислушивалась к мнению другого. Но этот Отелло от интеллекта умел быть нежным, заботливым ангелом*

(Cosmopolitan, 1997, № 3; ср.: *ревнивец от интеллекта*). Но Анатолий не мог забыть Татьяну. На свадьбе бывшей жены он **убил ее**. Почти месяц нижегородский Отелло скрывался от правосудия (Труд, 20.03.97; семантика прономинанта выявляется из контекста). *Пропади пропадом ваша квартира с вашим отеллой!* (К/ф «Ирония судьбы»; доказательством того, что рассматриваемый прономинант употреблен в значении ‘ревнивец’, служит та ситуация, в которую попадают герои популярного фильма); *Муж не против моих встреч с друзьями, он не Отелло* (Из записей разговорной речи; ср.: *он не ревнивец*). Контекстуальный анализ не выявил семантических различий между прономинантом *Отелло* и словом *ревнивец*. Однако нам представляется правомерным говорить о том, что анализируемые единицы различаются интенсивностью проявления качества (ср.: *ужасный / страшный ревнивец* — **ужасный / страшный Отелло*). Кроме того, прономинант *Отелло* и слово *ревнивец* различаются сферой употребления, так как прономинант функционирует в публицистической и разговорной речи, а слово *ревнивец* стилистически не маркировано.

Случается, что в одном синонимическом ряду оказываются апеллятивизированные единицы как русского, так и зарубежного происхождения. Например, синонимический ряд *сыщик, детектив* пополнили прономинанты публ. *Шерлок Холмс (Холмс)*, и публ. *Пинкертон*, а также окказионализмы *Мегрэ* и *Пуаро*. Они, подвергшиеся в данном случае апеллятивизации, являются именами литературных героев — знаменитых сыщиков: Шерлок Холмс — герой рассказов и повестей английского писателя А. Конан-Дойля (1859—1930), Пинкертон — герой анонимных детективных романов, издававшихся в России в начале XX в., Мегрэ — герой романов французского писателя Ж. Сименона (1903—1989), Пуаро — герой романов английской писательницы А. Кристи (1890—1976).

Данные прономинанты функционируют в современной публицистике. Наиболее часто встречается прономинант *Шерлок Холмс (Холмс)*, например: *Частный сыщик может не быть Холмсом, но лицензию иметь обязан* (Телепередача); *Единственное детективное агентство по розыску пропавших животных появилось в Москве. И главный Шерлок Холмс в нем — Валерий Сугробов, пре-*

езде работавший криминалистом в МВД (Комсомольская правда, 18.02.97). Прономинант *Пинкертон* представлен меньшим количеством словоупотреблений. Вот один из примеров: *Задержание бывшего руководителя банка «Приоритет» Буданова произошло еще в начале прошлой недели. Однако волгоградские Пинкертоны до последнего момента держали сей факт в секрете* (Городские вести, 11.02.97). Случаи употребления прономинантов *Мегрэ* и *Пуаро* единичны.

Рассматривая причины преимущественного использования прономинантов *Шерлок Холмс* (*Холмс*) и *Пинкертон* по сравнению с прономинантами *Мегрэ* и *Пуаро*, мы пришли к выводу, что данный факт невозможно объяснить степенью известности того или иного литературного героя. Так, рассказы и повести о Шерлоке Холмсе и снятые по ним фильмы пользуются огромной популярностью, а романы о Пинкертоне не переиздавались много лет. При этом по частоте употреблений прономинанты *Шерлок Холмс* (*Холмс*) и *Пинкертон* различаются незначительно. В то же время фамилии *Мегрэ* и *Пуаро* на слуху у носителей языка, причем благодаря не только книгам, но и популярным телесериалам, которые демонстрировались в последние годы. По нашему мнению, низкую частотность прономинантов *Мегрэ* и *Пуаро* можно объяснить тем, что они не вполне освоены языком, в частности не склоняются, и данный факт мешает их активному функционированию в речи.

Рассматриваемые синонимы не противопоставлены в семантическом плане (ср., например: *современные шерлоки холмсы* — *современные пинкертоны* — *современные мегрэ* — *современные пуаро*); данный факт также подтверждается следующей цитатой, где слова *холмс*, *мегрэ* и *пуаро* используются как дублеты: *Не нужно быть холмсами, мегрэ и прочими пуаро, чтобы догадаться, для кого АО «БДР Трэйдинг» начало выпускать лучшие американские детективы, объединенные серией «Stilet»* (Арт-фонарь, 07.04.98). Отметим, что прономинант *холмс* в данном примере стоит на первом месте, что еще раз доказывает его предпочтительность для носителей языка.

Считаем необходимым отметить еще одну группу апеллятивизированных единиц, связанных с прецедентным текстом. Они образованы от так называемых библейских онимов, т.е. имен, встре-

чающихся в Библии (например, *Иуда, Каин, Соломон, Магдалина* и т.п.).

Так, прономинант Соломон используется в качестве синонима слова *мудрец* (Соломон — иудейский царь, предстающий в Библии как образец мудрости и справедливости). Данная единица широко используется в художественной речи. Приведем примеры: — *О, солнце мудрости! О, русский Соломон! Слава и долголетие тебе!* (Ф.В. Булгарин. Димитрий Самозванец. 1830); *Частицу вашей мудрости — вот чего я желаю! Вы, дядюшка, второй Соломон!..* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); *Хотя Нечаев [овер-прокурор] был далеко не Соломон ни в каком отношении, однако дошло до того, что его и с Соломоном сравнивали.* (Н.С. Лесков. Борьба за преобладание. 1820—1840; ср.: *был далеко не мудрец ни в каком отношении*); *В такой ситуации и при таком количестве нюансов и настоящий Соломон свихнул бы мозги набекрень* (В. Конецкий. Вчерашние заботы. 1979; ср.: *и настоящий мудрец свихнул бы мозги набекрень*).

Подводя итоги, отметим, что среди интертекстуально отмеченных апеллятивизированных онимов встречаются единицы, связанные как с русскими, так и с зарубежными прецедентными текстами. Источниками подобных единиц послужили тексты русского фольклора, русской литературы XVIII—XX вв., античной литературы, зарубежной литературы нового времени (преимущественно английской и французской), а также библейские тексты. Все рассмотренные единицы образовались путем метафорического переноса. Анализируемые единицы вступают в синонимические отношения с соответствующими апеллятивами, образуя синонимические пары или пополняя синонимические ряды; чаще всего они являются стилистическими или семантико-стилистическими синонимами.

Нам представляется, что активное функционирование в языке апеллятивизированных онимов, связанных с прецедентными текстами, еще раз подтверждает справедливую мысль А.Е. Супруна о том, что «большую часть своих познаний о мире во всем разнообразии его проявлений человек черпает не из непосредственного опыта, а из текстов. Услышанные или прочитанные тексты оказывают огромное влияние на формирование человека, в том числе на его язык как устройство для производства, преобразования и пони-

мания текстов» [Супрун, 1995, с. 17]. Апеллятивизированные единицы встречаются в различных речевых сферах (преимущественно в художественной, публицистической, разговорной речи); состав их постоянно пополняется, поскольку пополняется и фонд прецедентных текстов русского языка.

Литература

- Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Кнабе Г.С. Русская античность. М.: РГГУ, 1999.
- Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2006.
- Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигур, жанры, стили. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 11-е изд., стер. М.: Русский язык, 1975.
- Сидоренко К.П. Интертекстовые интерпретаторы в «Словаре крылатых выражений Пушкина» // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию М.А. Алексеенко. М.: Азбуковник, 2002.
- Соколова О.И. Личное имя собственное как прецедентный феномен // Международный научно-практический электронный журнал «INTER-CULTUR@L-NET». Вып. 5. 2006. URL: <http://www.myluni.ru/journal/clauses/90/>
- Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6.
- Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Сведения об авторах

Акимова Татьяна Петровна — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Беданоква Зулейхан Кимовна — канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Адыгейского государственного университета (г. Майкоп).

Бобровская Галина Витальевна — д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Бобырева Екатерина Валерьевна — д-р филол. наук, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Бочарникова Наталья Викторовна — преподаватель кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Воркачев Сергей Григорьевич — д-р филол. наук, профессор кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар).

Дементьев Вадим Викторович — д-р филол. наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета.

Карасик Владимир Ильич — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Каунова Екатерина Викторовна — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Колокольцева Татьяна Николаевна — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Кудрявцева Анна Аркадьевна — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Москвин Василий Павлович — д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Олянич Андрей Владимирович — д-р филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Волгоградского государственного аграрного университета.

Ракитина Светлана Владимировна — д-р филол. наук, профессор кафедры теории и методики начального образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Слышкин Геннадий Геннадьевич — д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, зав. кафедрой общественных наук и

профессиональной коммуникации Московского государственного университета путей сообщения.

Шестак Лариса Анатольевна — д-р филол. наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Шишкина Мария Владимировна — канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, редактор журнала «Известия ВГПУ».

Научное издание

Научные редакторы:
**Колокольцева Татьяна Николаевна,
Москвин Василий Павлович**

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ФИГУРЫ ИНТЕРТЕКСТА
В ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ**

Коллективная монография

Подписано в печать 15.07.2015.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел. / факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛИНТА»
предлагает новинки в разделе
РЕЧЬ, ЯЗЫК, ОБЩЕНИЕ

- Аннушкин В.И. **Основы русской филологии**: курс лекций
- Бабайцева В.В. **Местоимение *это* и его функциональные омонимы**: монография
- Баркович А.А. **Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация**: учеб. пособие
- Враймуд И.В. **Знаки и знаковое сознание: графосемиотический подход**
- Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин**: учеб. пособие / под ред. Ж.В. Ганиева
- Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты**: колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой
- Евсюкова Т.В. **Лингвокультурология**: учебник
- Ермакова О.П. **Семантические категории в лексике и грамматике русского языка**: учеб. пособие
- Жаркова Т.И., Сороковых Г.В. **Тематический словарь методических терминов по иностранному языку**
- Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов**: колл. монография / Т.Н. Колокольцева и др.
- Исхакова З.З. **Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере**: монография
- Канакина Г.И., Викторова Е.В. **Русская пословица как средство формирования языковой и социокультурной компетенции**: учеб. пособие
- Козулина М.В. **Ошибки, которые не замечает компьютер**: учеб. пособие
- Костомаров В.Г. **Рассуждение о формах текста в общении**: учеб. пособие
- Купина Н.А. **Креативная стилистика**: учеб. пособие

Меликян В.Ю. **Современный русский язык: синтаксическая фразеология**: учеб. пособие

Михеева Л.Н., Долинина И.В., Здорикова Ю.Н. **Лингвокультурная ситуация в современной России: речевая культура студенчества**: монография

Мусатов В.Н. **Словообразовательная полисемия отглагольных суффиксальных существительных в современном русском языке**: монография

Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / Л.В. Рацибурская

Песина С.А. **Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка**: учеб. пособие

Песина С.А. **Философия языка**: учеб. пособие

Сабитова З.К. **Историческая грамматика русского языка**: учеб. пособие

Сырица Г.С. **Актуализация авторских смыслов в художественном тексте: лингвопоэтический аспект**: монография

Товт А.М. **Практикум по русскому языку и культуре речи (для студентов нефилологов)**: учеб.-метод. пособие

Токарев Г.В. **Словарь стереотипных названий русского человека**

Фоменко Ю.В. **Современный русский литературный язык. Лексикология**: учеб. пособие

Хроленко А.Т. **Культура филологического труда**: учеб. пособие

Шелестюк Е.В. **Речевое воздействие: онтология и методология исследования**: монография

Шпильная Н.Н. **Не ешь меня, я тебе песенку спою, или Как пишутся PR-тексты**: учеб. пособие

Заказы направлять по адресу:

117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324

Тел./факс: (495) 334-82-65, тел.: (495) 336-03-11

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru